

МИР

ОБНАРУЖЕНИЕ ЦЕЛИ

— Говорите вас зовут Александра?

— Ага — улыбнулся я лукаво, поправляя стремящейся выпасть из-под куртки пистолет.

— И сколько вам лет?

— Тринадцать! — а что еще я могу ответить на такой провокационный вопрос?

Ну не говорить же ему, что к этому возрасту нужно прибавить еще несколько сотен!

— Ага, значит и паспорта у вас нет?

— Какой паспорт, гражданин начальник! Я только учусь!

Обнаружение цели

Глава 1 — Руины

— Эй, послушайте! — встал я с лавчонки и пошел к толпе, крича во все горло и привлекая внимания.

— Саша! — окрикнула меня мать, но я отмахнулся, а прочие взрослые, все же обратили на меня внимание.

— Что мы будем делать, если отопление отключится? А что кушать и на чем готовить, если света с газом так и не дадут? Что...

— Надо думать не о том, как побыстрее сделать печку в каждой квартире — дров все равно не напасешься — перебил меня какой-то усатый мужичек, оказавшийся на той стороне круга толпы, прямо напротив меня. И, кажется, именно он рассказывал байки о блокпостах и воронках! — А как вернуть то, что уже было! Не могла вся страна рухнуть за одну ночь! Необходимо выяснить, что случилось!

А, нет, не тот мужик! Но толпа на предложение отреагировала активно, как всегда расколовшись на лагеря. За, против, и «моя хата с краю». Последних разумеется и как всегда — большинство. А нам с матерью, пришлось вернуться в квартиру, сопровождая уже сильно пьяную, и еле стоящую на ногах «тетю Надю».

И вот, казалось бы, апокалипсис! Всё, крах системы и ничего уже не вернуть! Но нет, нифига. И не прошло и двух дней от начала коллапса, как люди уже на улице, и готовы действовать. Организовывать связь при отсутствии таковой электронной — через посыльных и «мальчиков» на побегушках. Заниматься разведкой и, блин, снабжением.

Не сказать, чтобы всё вот прямо гладко прошло! И что не было выкриков «да я!» с выяснением главного вопроса жизни «кто босс?». Пожеланий долго пешего и эротического «оппонентам по партии», небольшого подobia мордобоя — жалкое зрелище! И выкриков в стиле «это моя дача!».

Но в целом — достойно. И даже новая перестрелка где-то в ночи, не смогла ничего изменить! Скорее, еще больше озлобила людей, под чьими жопами начало гореть понимание, что можно так потерять не только жизнь свою, и семьи, но и квартиру, машину и все сбережения. Хотя нашлись и те, кто решил быстренько «утечь», договорится со стреляющими, или просто — забаррикадироваться в квартирах. Наивные!

Желающих лезть под пули, однако, не нашлось, так что с вилами и метлами, штурмом на баррикады, никто не полез. И не знаю даже, увы, или к счастью. Но вот когда с утра прибыли пожарные, узнать, не горит ли что в окрестностях — факел в конце улице к этому моменту уже как-то сам собой погас, и не найдется ли свободных рук, желающих помочь с завалами — желающие нашлись быстро и много.

Ну а, так сказать, в обмен на помощь, пожарники приволокли во двор на прицепе за машиной — большую полевую кухню! Правда, работал сей агрегат на жидком топливе, а не деревьях, так что шустро спиленный сквер — не пригодился. Пришлось «раскулачивать» автомобилистов, создавая запас горючки на всякий случай к имеющемуся наполовину полному баку.

Вернее, мешать бензин из машин с парковки у дома, часть из которых действительно отказалась прострелена и ехать куда-либо в ближайшее время не способна, с соляркой в баке, ведь кухня работает именно на ней, и лить туда чистый бензин опасно. Зато это

избавили от уже назревшей и серьёзной проблемы с продовольствием! Временно конечно, да и каши... это каши! Но, по крайней мере их можно приготовить, а не грызть сухую крупу плотоядно поглядывая на мебель — хватит ли для костра и на кастрюлю?

Можно приготовить, сразу, как решится вопрос КТО это будет делать, и что именно, он будет готовить. Как и из чьих продуктов, а то возгласы «это моя каша!» «это моя манка!» так и слышались вокруг оставленного пожарниками прицепа, уехавшие дальше искать приключения на свою большую красную машину.

В след за пожарными подтянулась и скорая, организовав в одной из квартир на первом этаже соседнего здания миниатюрное подобие госпиталя. Сильно условного госпиталя, ведь врач на всю «больничку» один — прибывший на «скорой» — обычной легковухи! Остальной же персонал, набран из добровольцев. Ну и лечат они соответственно, в основном что попроще — ни опыта, ни медикаментов.

А днем третьего числа, когда температура в квартирах уже приблизилась к нулевой отметке, и я подумал — ну все, «писец котенку»! Сейчас трубы ледком прихватит... У батарей вдруг открылось второе дыхание, и температура в домах резко поползла в гору несмотря на ударивший под вечер сильный мороз.

Но главное же из этого всего, это информация! И она потекла в мои уши буквально рекой, пусть и в основном виде слухов и домыслов. И вот они — не радуют совсем!

В отличие от детских комнат, организованных для игр детей в домах, а не на улице — боятся взрослые детишек во двор пускать!

А то вдруг, убегут, и... Один мальчик уже принес домой гранату без чеки, каким-то местом додумавшись, не разжимая кулачок папке показать — гвоздик спас целую семью! Хотя седьми стали все. И другая девочка упорно топала ножкой по автоматному патрону, чтобы тот «сделал вжу-у-ух!».

Так что на улицу играть, никого не отпускают. И из этого «детсада», в том числе и для подростков, я-ж все же семиклассник! Хоть и семиклассница. Куда легче незаметно уйти, чем от мамкиного взора. Гораздо легче, и не так совестно.

Всего-навсего, надо припрятать куртку и ботинки в подъезде, прийти в «детсад» во втором комплекте, и спокойненько «утечь» через незакрытую дверь обратно, пока «надсмотрщица» будет занята чтением модного журнала. Единственное средство контроля за детьми — одежда!

И пока она там — все будут думать, что я где-то внутри. Детки моего возраста и старше, в эту хатку приходят и уходят уж слишком нерегулярно, чтобы кто-то их там хотя бы по головам считал.

Так что я спокойно вышел, накинул на плечи курточку, спрятавшеюся за мусоропроводом вместе с валенками, что я тоже надел. И покинул подъезд, держась в упор к дому, топя прямо по присыпанной снегом отмостке, чтобы мать из окна меня нечаянно не увидела.

Свернул за угол, на улицу, и пошел почти привычной дорогой в сторону школы. По натопанному тротуару, куда уже второй день ходят добровольцы, разбирать завалы.

— Нда... — цокнул языком, глядя на здание учебного заведения.

Руины! Столовая обрушилась, спортзал лишился стекол. И, кажется, немного даже покосился — да, точно, крыша пошла гулять. Под снос. Само здание с классами не пострадало, и выглядело бы как новое! Если бы в нем не сгорело всё, что только могло гореть.

Оконные рамы, краска стен, рубероид кровли... так что теперь этот призрак бывшей роскоши смотрит на меня пустыми провалами закопченных окон. И нельзя сказать, что в ЧП никто не пострадал! В пожаре погиб школьный сторож, вон его обугленный трупик.

— Он умер во сне... — произнес один из добровольцев, сам себе под нос, чтобы не блевануть, сметая остатки человека с остатков дивана, а вернее — все вперемешку и в одно ведро.

Кажется, он был сильно пьян — дополнил его речь я своей мыслью, и поспешил обратиться подальше от копченных стен, пока меня тут не заметили занятые своими делами люди, и пока я не перепачкал сажей всю свою одежду.

Тут полно народу! В здание бывшей школы граждане решили устроить морг для тел тех, кто куда более хорошо сохранился. Ну а сторож... Просто под руку попался — не поняли люди, что ЭТО было человеком, пока не начали ковырять.

Школа-морг... потому как она то устояла, а вот соседствующие с ней пятиэтажки — нет. Сложились как карточные домики! Обрушились, погребя под плитами и кусками бетона всех тех, кто был в своих квартирах в этот миг. В эту, новогоднюю ночь.

Здесь рядом эпицентр тех взрывов, что мы ощутили тогда! И из-под завалов до сих пор слышны стоны и крики о помощи. Там до сих пор есть выжившие! Хотя с каждым мгновением их число уменьшается примерно на одного.

Никому из добровольцев, разгребаящие груды ставшего хрупким как песок бетона, нет до меня никого дела! Еще одного человека, идущего куда-то мимо, и по своим делам. Так что я не скрываясь иду дальше, сворачивая за здание школы, направляясь ближе к эпицентру.

Им не до странного школьника, решившего погулять среди руин. Многие здесь уже расстались с завтраками, видя замороженное мясо, намотанное на арматуру, или просто кровавые ошметки слипшееся в едины блок с остатками бетона, обнаруженные за очередным уцелевшим куском панели.

Многие тут работающие, делают это не от широты душевной — именно тут, в этих разрушенных домах, у них жили друзья, знакомые, родственники. У них у всех свои думы, и свои проблемы, и какое им дело до меня? Разве что привлечь в качестве лишних рук... но я откажусь. А настаивать никто не будет — у всех свой интерес и свои проблемы, и кого именно я тут потерял, никто даже не спросит.

А я потерял вот это — взглянул на огромный кратер, к краю которого вышел, пройдя от школы вглубь застройки и дворов всего-то метров триста-четыреста. Зияющая воронка в земле, окруженная руинами домов. И еще одна, поменьше, но не по значению, чуть в стороне и можно сказать на границе первой.

Эта, большая воронка, диаметром метров сто, результат действия людей. Тут что-то взорвалось, что-то мощное, убойное, и точно не газ из магистрали. Авиабомба? Ракета? Кто знает! Но ударная волна от взрыва и сложила все близлежащие домики, уже пошатнувшиеся и потерявшие целостность конструкции от первого удара.

Малая же воронка, результат прибытия магмойдов, их точка высадки, и причина почему не столь уж сильная ударная волна от направленного взрыва обратила в ровную поляну целый квартал, и привела в негодность для жилья дома соседних.

Партия пришельцев, свалившихся тут, была довольно крупной, и удар... вышел существенен! Даже странно как-то, что они, свалившись в столь густо населенной столице, упали не прямо на дом сверху, а на столь редко встречаемом тут... пустыре? Нет, вернее будет сказать — в сквере! Не ухоженном, с оврагами, но в сквере. От деревьев, впрочем,

тоже уже не осталось и воспоминаний.

И еще более удивительно, что они направили свои огненные туши не к ближайшему домику, жечь и разрушать, как у них заведено, а дальше вглубь пустыря, подальше от домов, где их собственно и накрыли, уничтожив разом, испарив мгновенно.

Хм, нет, не все! Четыре гигантские огненные хрени, метров о пяти в высоту, поползли туда, где сейчас воронка за номером два. А вот один маленький двухметровый отщепенец, причем человекоподобной комплекции — остальные, как говорят следы, были больше слизняками, чем чем-то с конечностями, пошел в противоположную собратьям сторону.

Сбежал? Да нет, я бы почувствовал. Значит... Ага! Вот и ты! Вернее всё, что от тебя осталось. Лежишь себе, и «в ус не дуешь», порванный на части и вряд ли кто из смертных в текущей ситуации обратит свое внимание на грудку пемзы, в форме человека.

Тем более что и форму тела то остатки держат очень условно, будучи размечанными по всему внутреннему помещению целиком сгоревшего магазина. Хм... стоп. Продырявили магмойда не просто так! Эти четыре «дырки», порвавшие его тело и убившее то, что и так-то сложно признать живым, были проделаны чем-то мощным, но так...

Нет, не четыре! Две дырки! Просто его так порвало, что кажется... подствольный гранатомет? Да, похоже на то. Если я правильно понимаю его работу и стрелявший, использовал фугасы без осколочной начинки.

Стреляя с близкого расстояния — оттуда! — проследил я направлении огня и уперся глазами в пустой дверной проём, за которым, естественно, обнаружилась лишь пустота в пропечённом коридоре. И очень метко, попадая по жизненно важным узлам огненной твари.

И уже после этих двух дыр, располовинивших тело, и смерти магмойда, кто-то ломиком и киркой, проковырял ему грудину, даже не дожидаясь когда камень остынет, заполучая ядро.

КТО?! А главное — зачем? Тут же нет магов! И ядро как бы проще уничтожить, чем вот так вот выковыривать, старясь еще и не повредить хрупкую вещь! АрХ, люди! Вечно ищут приключения! Пора возвращаться, пока меня дома не потеряли.

Вышел из магазина, еще раз осмотрел унылую картину руин, тяжело вздохнул, прошептал:

— Простите...

Всем тем, кто оказался под завалами. Уже умер, или скоро умрет. Их семьям, друзьям, знакомым, родственникам, всем, кто оказался в это втянут! В том числе и с поисками выживших. И, натянув поглубже капюшон, поплелся домой.

Уже проходя мимо школы, не выдержал.

— Мужчина, там есть выживший! — обратился я к одному из добровольцев и указал на одну из куч мусора.

Гражданин похлопал глазами, и смерил меня недоверчивым взглядом.

— Вы что, не слышите стон? — не отступил я.

— Да тут везде слышен стон, только непонятно откуда он идет — вздохнув, ответил он.

— Оттуда — указал я пальцем на низ кучи, подходя к ней поближе — из подвала — и оценив картину завала, добавил — можно убрать вот эту кучу, и просто пробить панель, чтобы достать...

— А если все обрушится? — проявил он скептицизм, но при этом серьёзно задумался, как видно тоже услышав и плачь, и стон из указанного мной места — Ладно, попробуем... Эй! — крикнул он уже в сторону работающего недалеко от нас экскаватора — Фю! Стой!

Подбежал к нему, быстро переговорил с машинистом, и, подогнав тяжелую технику поближе, приступили к аккуратному разбору мешанины из бетона и остатков мебели, прикрывающих путь к панели подвала.

А я в этот момент подумал, что ломать возможно ничего и не придется! Звук ведь как-то оттуда идет? Значит там есть отдушина! И если что... я в неё смогу пролезть, чтобы осмотреться!

Отдушина действительно нашлась, правда не в том месте, откуда шли плачь и стон. Там же, оказалась треснутая панель, с большим риском, что если её тронуть — все нафиг рухнет! Но и внутрь для разведки меня тоже не пустили — отдушина оказалась довольно большой, и туда полез один из добровольцев-взрослых.

Через несколько минут, изнутри показалось тело. Второе, третье... А вот это вот, и звало меня о помощи... — взглянул я на уже окоченевший труп женщины. И меня аж передёрнуло — только призраков мне на мою голову не хватало!

— Есть выживший! — донеслось из дыры, и разряд тока по телу повторил своё движение в обратном направлении — пронесло!

Но из дыры на руках показался замотанный в тряпье маленькое тельце — ребенок! Грудничок! Который и орать то может только в одном тоне, а не «спасите!» с «помогите!». Еще и изможденный, обессиленный, и вообще уже не способный издавать и звука.

Пора валить, пока чего недоброго окружающие граждане не заподозрили. Из подвала более никто не просит о помощи.

Глава 2 — Поддержка

— Ты где была, Саша!?

Всё-таки потеряли! Что неудивительно — в детскую комнату пришла маман.

— У Кольки Сидорого, с девятого. А потом к Саньке из соседнего заходила... ты знаешь Саньку? — включил я «дурочку» и начал лепетать, заговаривая зубы и косясь на «воспитателя».

Вот только не надо на меня так смотреть, дура! Не пали контору, хуже будет! Для тебя ж стараюсь! А то мать тут такое устроит... фух, поняла-таки!

— А тетю Свету я предупредила, да ведь тетя Света?

— Угу — буркнула она, прикрывая журнальчик, о чем-то задумываясь.

Видать решила, что я её и правду предупреждал!

— А потом забежала сюда в туалет, и оставила тут свои кеды. А потом пошла к Нинке со сто второй, ты ведь помнишь её?

Главное запутать! Главное запутать!

— А еще, представляешь, Танькин кот... на меня горшок с цветами уронил! Вот! — показал я матери свои коленки.

— Какой ужас! — вскрикнула она хором со Светой, как видно осознавая — это так просто не отстирывается!

Тем более без горячей воды! А я в душе улыбнулся — прости котейка! Но зато теперь вся грязь руин — легализована!

Десятого числа, когда у людей отошел уже первый шок и единение, и начали вновь прорезаться собственнические мотивы, а запасы круп на кухнях вышли в фазу «фига», домой вернулся батя. И вид у него, как стало ясно еще с порога, потрепанный.

Лицо перекошено, и заклеено огромным куском пластыря. Предположительно — имеет дыру или рану в левой щеке. Левая же рука, замотана в гипс, но что-то мне не верится, что он её просто сломал. Еще и хромает на эту же сторону.

А когда снял куртку и немного разделся — кочегары в котельной похоже «с дубу рухнули», и топят так, что даже с разбитыми окнами и при пятнадцати градусах мороза, в квартире баня — я увидел проступившую сквозь футболку кровь со стороны левого легкого и толстый слой бинтов, намотанных на все тело разом!!!

— Бандитская пуля! — усмехнувшись, ответил он на незаданный вопрос о том, «что это?», «Как», и «откуда?».

И всерьёз отвечать на уже заданный вопрос «что случилось?» от матери, разумеется не стал. Выложил на стол небольшой презент в виде банки тушенки, и изъявил желание в тишине полежать.

Ухмылку я сдержать не смог — соседи вот только-только перестали высказывать друг другу своё мнение по поводу каши вместо мяса, и что-то я сомневаюсь, что стены с этого момента вдруг набрали в массу. И что скандал утих надолго — коньячное «Н.З.» пошло в ход. От того и вернулась дому тишина!

Но отец, уединился с матерью естественно не для того, чтобы просто полежать и даже не во имя продолжения рода! Не с такими травмами. А чтобы втихушку поговорить, без детей и свидетелей! Наивные.

— Президента убили прямо на красной площади — прошептал отец, со стоном ложась на кровать.

— Какой ужас! — воскликнула мать, за что получила «цы» от отца с просьбой быть по тише.

— Министры разбежались быстрее, чем кто-либо что понял. — продолжил отец, и кровать вновь застонала, принимая на себя еще и мать — Они и так-то в половине своей были не в столице, несмотря на объявленное военное положение. Да и не в России вообще, предатели народа. А тут... даже те, кто и был... Хотя парламент взяли штурмом, а в кремль до сих пор удерживают неизвестные, но хорошо вооруженные. И не тот «гоп-стоп», что грабил милицейские участки и закидывал гранатами армейские блокпосты.

— Что же... что же это... происходит? — пролепетала напуганная мать, трясущимся голосом, на грани истерики.

И батя понял, что сболтнул лишнего.

— Ну-ну, всё нормально. Они уже отступают. Страны НАТО высказали опасения текущей ситуацией и выслали миротворческую помощь...

— Думаешь...

— Да... — и столько всего разом в этом слове!

И боль, и отчаянье, глупая надежда, и даже пофигистическое «да похер на всё!».

— Гуманитарку тоже вышлют? — поинтересовалась мать, постепенно возвращая себе бодрость духа.

— Да... нет... не знаю. — пробормотал отец, уйдя в глубокую задумчивость — Меня уволили.

Кажется, последнее напугало мать еще сильнее, чем все предыдущее вместе разом, и от её выкрика, звякнули стекла:

— К-к-КАК!?

— Вот так. Отдел расформировали, всех нафиг распустили по домам и в вольное плаванье.

— Кинологи стране больше не нужны?

— Видимо да. — ответил отец и я буквально кожей почувствовал, что он что-то недоговаривает.

Значит — нужны? Нужны, но тогда что? Почему так... arr! Ухо уже болит от прижатия к стенке! Родители! Говорите погромче! Вас не слышно!

— Боюсь, и страны-то прежней не будет. Не той России...

— Опять раскол? — озаботилась мать, и я тоже, сдвигая булки, ощущая наставший конец вольным денькам.

Пусть я и не знал той страны, что была на месте теперешней за пару лет до моего рождения, зато видел и не раз, своими глазами, её наследство. Работающие и разрушенные заводы, гиганты невообразимой мощи! Зарастающие парки с асфальтовыми дорожками, мозаику на стенах и набережную, что с каждым годом становилась все мрачнее и грязнее.

Видел и не раз, последствие революций в других мирах! Видел разруху, нищету, и все то, к чему обычно приводят красивые лозунги о рае. И то, как ведут себя новые «хозяева мира» со свежими рабами. И мне, даже мне, что-то не хочется прожить это вновь! Ведь после каждой «революции», для простых людей, все становится только хуже, чтобы там не обещали новые вожди.

— Не уверен, что именно раскол — ответил на это отец, после минутной паузы на

раздумья — Скорее иностранная интервенция и очень хорошо спланированная акция. На международной политической арене, не смотря на праздники, многие уже успели выступили с заявлениями. Что Россия не способна самостоятельно справиться со своими проблемами. Что ей надо «помочь» — это слово он будто выплюнул, а не сказал — Что их структуры власти и милиция, бессильны против международного терроризма.

— Миротворцы придут со дня на день — после новой продолжительной паузы тишины, наконец закончил свою речь глава семейства и уже бывший кинолог.

Чорт! Вот так и умирают Гиганты! — решил про себя я, и понял — что нехер мне слушать такие разговоры! Целее нервы будут, и меньше дум ночных! И отлепил ухо от стенки.

За окном бахнул очередной взрыв, заставляя немногих боеспособных людей в комнате рефлекторно пригнуться.

Этот, совсем рядом. И судя поначалу беспорядочной стрельбы, «в белый свет как в копеечку», на которую больше никто не отвечал короткими сдержанными очередями — вояк в конец дожали. Недотянули братцы, совсем немного не дошли!

— Капитан! — крикнул еще совсем молоденький сержантик своему начальнику, и мелкими перебежками от косяка к косяку закрытых дверей, преодолел коридор, не забывая держать на прицеле выход на улицу.

Какой толковый малый — мелькнуло в голове у умудренного жизнью капитана, вызывая довольную улыбку, что сползла уже через мгновенье:

— Черт, что происходит!?! — выдавил он себе в усы, теряясь в догадках о происходящем, но для подчернённого тут же сделал лицо «знающего всё» человека.

Он еще слишком молод, рано ему еще умирать! — за окном в этот миг вновь что-то взорвалось, и послышалась канонада выстрелов вперемешку с отборной арабской руганью, призывающе «не отступать!».

Значит, еще не всех дожали! — но тут же послышалось душераздирающее «Умрите, суки!» и новый взрыв, после которого стихло все и разом. Оставив за окном только едва различимый шорох, что «вымораживает» похлеще звуков боя.

Сейчас на штурм пойдут — мелькнула мысль в голове у зам-отдела, и он оглянулся на окно, перегороженное металлическим шкафом. Прострелить его не прострелят, двойной, толстый, набитый бумагами — Кхек! Хоть где-то онигодились! — а просто выбить, оттолкнуть, опрокинуть, не даст решетка. А ещё — высота подоконника, и автоматчик.

А вот что-нибудь подкинуть, сверху, ведь шкаф едва доходит до середины окошка, это запросто, это возможно. Правда с той стороны это будет высотой второго этажа обычного панельного дома, но если подобраться поближе, и поднабраться везения...

— Сынок! — обратился капитан к сержанту, по-прежнему стоящему рядом, по другую сторону косяка, держа на мушки двери отделения — Иди к Семёну, прикрой подступы к окну с другого ракурса.

И солдатик... да, в текущий момент, он, не офицер, не милиционер, не водитель, а именно солдат! Кивнув, метнулся ко второй стороне шкафа, сунув ствол в пространство меж ним и окошком. Теперь не подойдут, теперь только дверь.

Толстая, железная, заминированная! Пусть и жалкой лимонкой на случай непредвиденный. Но что-то есть сомнения, что это все их остановит. Ведь этот вход,

невозможно прикрыть ни с единого ракурса. А взрыв «лимона» можно и переждать.

Обложили со всех сторон, черти! Мы как звери, загнанные в угол! Нам и бежать то некуда, и только и можем, что огрызаться из всех щелей, ожидая штурма. Уже особо не глядя, кто там ползет, гражданский, нет, рожа мутная, речь не наша? Стреляй! Иначе пристрелят.

Арсенал! — сомнений в том, куда прут боевики не возникло ни на минуту с самой первой попытки штурма участка. И они, сцуки! Знали куда лезть! Знали куда идти, и даже план участка явно видели не раз! Лезли нагло! Рассчитывая легко разжиться огнестрелом... но в итоге встряли в бой, и оказались вытеснены из отделения.

Но какой ценой! Какой! Будучи полностью боеготовыми, милиционеры встретили их как подобает... Но в итоге из отделения едва осталось половина! А арсенал... он все так же полон! Забит «под потолок» стреляющим и взрывающимся, но что толку от оружия, если некому его доверить?

За дверью послышались поскрёбывания, шуршания, и приглушенная речь — прощупывают, гады! — ругнулся про себя зам отдела, дав заодно короткую очередь по стальному полотну. Бесплезно — вынес он вердикт, когда оттуда дали очередь в ответ, но ни одна пуля так и не вышла, оставив только набор вмятин от ударов к уже имеющимся.

Дверь хорошая! Только подле неё нет ни окошка, ни бойницы, ничего! Да и кто бы подумал?!.. Президент. Он, объявил боевую готовность пред самым новым годом и красный уровень тревоги! Именно из-за его приказа они все сейчас здесь, а не с женами — семьями, за новогодним столом, сыто поглядывая в телевизоры!

Он... Не позволил боевикам захватить их оружие столь легко, как они уже сделали в соседнем отделении. Ведь как ни посмотри на снаряжение трупов, они их же, милицейское! Оружие, бронежилеты... можно даже отдел установить, он тут, не далеко, и выглядит неутешительно. Не все отделы сопротивляются столь долго.

Не все воюют до конца, многие вообще, еще до начала этого всего, закрыв «избушку на клюшку», убежали праздновать, оставив арсеналы на разграбления. Арсеналы с, в том числе и тяжелым стрелковым — у одного из бандитов был пулемет. Он то и стал причиной столь тяжелой ситуации в отделе.

Двенадцать и семь, прошивает большинство межкомнатных стен здания отдела как куски картона! Не оставляя и шанса спрятавшимся за ним людям. Только немногие помещения, как текущая комнатка, и собственно сам арсенал, имеет толстые кирпичные стены, неподвластные огню пулемета.

— Уроды! — в сердцах выругался капитан, вновь в усы, и свято веря, что его не услышат.

Расслабились! Решили, что раз военные в городе, патрули и блокпосты, и раз всё вроде успокоилось, то пора и «булки» разжимать. Пропустили приказ мимо ушей, халатно относясь к своим обязанностям! Забили на службу, побросав оружие... и поплатились за это жизнями. Либо своими, либо своих родственников, что тоже живут в этом городе.

Затараторили автоматы у окна, заполняя помещение звуком выстрелов и бьющегося стекла. Раня слух, непривыкший к подобному уровню шума. А уже в следующий миг, тяжелая стальная дверь отдела, сминаясь как газетка, с грохотом полетела вовнутрь.

Глава 3 — Помощь

— Санька? Ты куда? — окрикнула меня группа ребят, на что я лишь отмахнулся.

И свернул вовсе не туда, куда хотел пойти. Так глупо «спалиться», это надо уметь! Какой теперь кремль? Какая площадь?! И до школы не дойдешь — доложат ведь! Хотя и не специально.

Ах! Еще и грудь закровоточила своим дурадским швом!

— Чего это с ней? Обидел кто?

— Да ну, брось! Кто её мог обидеть? Когда она сама кого хош обидит — донеслись из-за поворота голоса пошедших следом детей, а я, простонав и прижавшись спиной к стенке, принялся судорожно соображать, куда «тикать» дальше.

К центру города сейчас уже точно не пойду. Меня видели целенаправленно топающим по улице в том направлении и... зачем мне лишние проблемы? Тем более что батька, лишившись работы, взял надомной полноправное шефство, и запросто может что заподозрить. Особенно если я и там во что-то вляпаюсь.

Тогда куда? Винтовку проверить? Или лучше сразу извлечь? Воспользовавшись контрабасом. Да только кто поверит в музыкалку, когда все школы закрыты!

— Ну мало ли, она ж все-таки девочка... — произнёс пацан в тот миг, когда группа ребят наконец поравнялась с углом дома, за которым я «спрятался».

— О! Ты нас что-ли ждешь? — сказал второй, и я, в душе вздохнув, в реале улыбнулся.

— Нет, козлов соседних.

— Че?!

— Пошли тусить говорю! Тут рядом враги сожгли участок — и плотоядно улыбнулся — милицейский участок! Там много че осталось, а и сейчас там никого. Из живых, никого — растянул губы в улыбке маньяка.

— Слышь, Санька! Харе нас пугать!

— Твои байки перестают быть смешными, когда становятся правдой!

— И на слабо разводить тоже!

— Да и что там делать, в обожжённом здании?!

— Да, да, тебе местных магазинов уже мало что ли?

— Слабаки! — презрительно отвернулся я от этих трусов.

И парни, переглянувшись, решили все же рискнуть, да прогуляться:

— Веди уже давай, чего уж там!

И я повел. Вот только впереди нас ждал большой «облом» — еще на подходе к довольно целому, в разрез всем сплетням-слухам, зданию, и обгоревшему чуть менее чем слегка — пожар бушевал только и исключительно одном кабинете! Я заметил довольно значительное количество вооружённых лиц, отдаленно похожих на солдат.

Наши? Не наши? Забугорщики? Или кто? Тут много кого уже ползает! Очень много! И все с автоматами. И не понятно кто хороший, а кто не очень. Кто сразу пальбу откроет, а кто подумает «спросить, что-ль фамилию?».

В любом случае рисковать не стоит. Даже если это «приветы из НАТО», что обещали в скорейшем времени восстановить местную инфраструктуру, в первую очередь магазины, ждать чего хорошего от них точно не стоит.

Сталкивался уже с этими ребятами, бродя по округе — чуть не пристрелили, убудки!

Да и какой магазин в милицейском участке?! Смех! А со мной ведь дети! И я за них, как следствие — в ответе.

— Так, ладно... сегодня мы туда не пойдём... — остановил я нашу бодрую процессию жестом и, завернув под девяносто градусов, пошел перпендикулярно прежнему направлению.

— Струсил? Сама бахвалилась, а теперь «зассала»?

— Уууу!

— Позор!

— Сыкушка! — полетели мне в спину обвинения, от так и не думавших поворачивать или продолжать движение парней.

— Только на словах, а как дошло до дела...

— Так! Ладно, парни! — вернулся я обратно — Ведёте вон тех мужиков? — парни вылупили непонимающие глаза — В камуфляже! Вон там, там, и во-о-он, там — указал я пальцем на наиболее видимые цели, что, нас теперь тоже засекли, но пока к активным действиям не прибегали.

— Чорт!

— Надо срочно предкам сообщить! — не стали из себя изображать героев мужики, и шустро, но не бегом, ретировались.

Я, сделал тоже-самое. Мне, лучше получить ремнем от бати, что вряд ли когда-либо произойдет в этом мире, даже если я приведу домой живого мертвеца, чем выслушивать потом от маменьки, как она за меня переживала. Ведь ребята всяко расскажут! Что я был с ними, и будут правы, как ни посмотри! А значит... маменька точно узнает. Она болтает с подружками в разы больше меня.

И пусть имею я отмазку — испугалась! — лучше ей не пользоваться — батя только-только начал мне... не доверять, но верить. Верне... arr! Считать, как бы хоть немного взрослым, что можно и в спарринг, и в самооборону, и приемы боевые показать. А тут... такая глупость. Какое оружие? Какие приёмы? Если я при виде трех человек с автоматами вдали, сразу в слезы и бежать! А ведь именно так все и решат! Так что лучше буду «смелой, наглой», чем той самой «сыкушкой».

Значит все же свои, не террористы — улыбнулся я уголками губ, наблюдая из окна квартиры, как люди двора, спокойно, и можно даже сказать — радостно! Встречают вояк, что совсем недавно тусовались у «сгоревшего» милицейского участка.

— Белые каски — прокомментировал это отец, и я обратил внимание, что каски у гостей действительно белые.

А еще ребятки наглые, и без комплексные — вон одному нашему уже в челюсть прикладом заехали, за наглость, и какие-то... толи требования, толи каверзные вопросы. А может просто — близко подошел. А на другого, хотевшего вступиться, автомат наставили.

А еще машинку, фуру! Прямо во двор загнали — как они выезжать то отсюда планируют?! Она ж... застрянет, как пить дать! В этих узких проездах, даже несмотря на спиленные деревья! А они похоже...

— Гуманитарку будут раздавать. Пойдем. — сказал отец, отходя от окна — Тебе точно подадут, ты умеешь умилять, я знаю — и подмигнул.

— Это как? Ногой по «яйцам»? Или кулаком в челюсть? — отец хмуро поправил недавно выбитую челюсть — Пап, прости! Ну я же не специально!

Действительно не специально! Сорвалось! Еле удержался, чтобы не... точнее просто силы в ослабшем теле не хватило.

— Знаю. Пойдем. С моей рожей — там делать нечего...

А кушать что-то надо — продолжил я за него, и понял, что мне сейчас реально придется мило улыбаться, и с радостным визгом собачки принимать подачи.

Белые каски... Странные они какие-то люди! Нет, не потому что смотрели на умильно улыбающуюся мордашку панк-меня — волосы то все так же на один бок — как на пустое место! А я уверен! Выглядел дико странно!

И не потому, что снимали на видео все это. То, как раздают подачи, иначе сколь скудные наборы провизии в виде чипсов, колы и конфеток, и назвать нельзя! Зачем!? Зачем голодным людям эта хрень!? Травится только.

Снимали толпу жадных, голодных, забывших обо всем людей... И добреньких себя. Правда даже пол фуры не раздали, поехав в другое место, едва не задавив пару зазевавшихся, и помяв пару неудачно припаркованных машин, не созданной для дворов большой машиной.

И даже не тем, что через час прибежали составлять список имен-фамилий тех, кто гостинцы получил, для базы «вставших на довольствие», тех, «кто грубо матерился», хотя я не уверен, что матерится можно не грубо. Людей, готовых с ними сотрудничать, а главное — хозяев тех машин, что помяла их «тачка».

И даже не потому, что блокпосты разворачивают спешно, где только можно и нельзя! Ведь если так подумать, я уже не в первый раз натыкаюсь на скопление этих касочек! При «прогулках по округе». Просто тогда я был один, благополучно обошел и забыл. Хотя кольцо сужается и маршрутов обхода становится все меньше.

Козлы знают город! Очень хорошо знают! И ставят блокпосты в таких местах, что фиг потом их обойдешь! Ставят чтобы «пресечь распространения террористической угрозы!», а говоря по-русски — чтобы отлавливать всех недовольных ситуацией граждан, отправляя побыстрому на эшафот.

Но нет, не этим они странные! А тем, что ведут себя, у нас, по сути, в гостях, совершенно расслабленно, спокойно, и как у себя дома. В стране и городе, где только что, не далее трех недель назад, штурмом взяли парламент! Кремль! И вообще все хорошо охраняемые, правительственные и военные части! С кучей хорошо вооруженных и подготовленных людей в обороне.

Городе, где тех самых террористов, как понимаю, тьма тьмушья! Где они по сути, уже третью неделю всем и заправляют и всё контролируют. И где, по идее, и шагу шагнуть нельзя, чтобы не нарваться на мину!

Где на каждой крыше по снайперу — я обнаружил еще одну лежку! Пусть там уже и не было оружия, лишь следы продолжительного пребывания человека, что явно не бомж, и какие-то странные математические расчеты. Кажется, это расчеты по баллистики.

Где пулю можно схватить за каждым углом! А они ходят по городу, посмеиваются, причем буквально, и угрозу видят только в недовольных гражданских. И у меня такое чувство, что они, просто сменили маску лыжную, на каску белую.

— Ноги шире, спину выпрями, на цель смотри, а не на меня!

Вместо ответа на последнее, я вообще развернулся, сделал руки «по швам», глядя на отца. И из такой позиции, не сводя с мужчины взгляда, швырнул этот жалкий кухонный ножичек типа «зубочистка» в мишень на стене в ничтожных трех метрах.

Батя! Ты — «с дубу рухнул»?! Учить МЕНЯ метать ножи! — так и читалось на моем лице, и отец, определенно это прочтя, взглянул на мишень, и тяжело вздохнул.

— Мне вообще нечему тебя учить! — проговорил он, выдергивая нож из центра цели.

И это правда! По крайней мере, с точки зрения ножевого боя. Еще в плане рукопашки, он сумел мне продемонстрировать пару интересных трюков, ловких способов не летально вывести человека из боя, ничего ему критично не намяв. Да пару приёмов разоружения вооруженного, будучи безоружным.

Показал как можно быстро и легко, превратить человека с пистолетом, в человека без него. Как не дать ему выстрелить, как обмануть, заставив выстрелить не туда, как отобрать или выбить из рук. Заодно ответил на давно интересующий меня вопрос «а что делать, если у противника автомат, а у тебя ничего?» — молится!

Но это всё! В драке, если на кону жизнь — он мне неровня, даже будь я реально простой маленькой девочкой. Количество приемов легкого убийства даже голыми руками в моём мозгу просто зашкаливает! Настолько много, что пользуюсь я в основном одним-двум, ибо они идеальны! А остальные — ситуативны.

Ну а метание ножей... это было глупо с его стороны. И скорее — акт отчаянья. Не может ведь отец быть хуже дочери?

— Пап, а пистолета у тебя нет? — поинтересовался я наивно, на что он грустно помотал головой.

Правильно! Его ж уволили! И табельное он уже давно сдал. К нам даже приходили с обыском — чертовые ОВСЕ! Какого им то дело до моего отца?! Кинолога, в отставке?! А ведь я только хотел притащить домой винтовку!.. Это был бы знатная подстава.

Но мне все равно придется это сделать! Я уже вынул её из вентиляции мусоропровода, но чуть не пожалел об этом — бедняга пропиталась вонью так сильно, и столь ужасно воняла... что мне показалось «меня по запаху найдут!».

Но главное не запах! Главное — влажность! От разложения продуктов в мусороприемнике, что не вычищался вот уже несколько недель. Влаги, что пропитала оружие насквозь, и привела к не очень хорошим последствиям для хорошего инструмента — к ржавчине. Ладно хоть патроны и прицел находились в герметичных кейсах и совсем не пострадали.

Винтовку теперь надо отчищать, отмывать, маслом натирать — в условиях улицы или чердака такое не провернешь! По любому придется домой тащить, каким бы это не было «палевным». И как бы я не желал оградить семью от своих проблем. С оружием, мне расставаться не охота.

Да и лучший тренер по стрельбе из доступных — отец. Собственно — единственный из доступных. Но как ему объяснить? Что наврать? Как уговорить... ладно хоть со временем у него теперь порядок — дома почти всегда! Приглядывая за мной в оба глаза. Правда вот со здоровьем не очень — на прогулку не возьмешь — по квартире то ходит прихрамывая.

— Пап, что так смотришь? — заметил я его пристальный взгляд на мою задумавшуюся персону.

Он, впрочем, тоже задумался о чем-то, рассматривая нож, но закончил с думой, на полминуты раньше.

— Да вот думаю, пожелай ты меня убить — сколько секунд тебе бы понадобилось?

— Две. — буркнул я, и только тут понял, что это был не вопрос, а шутка.

Столица после новогодней ночи в себя приходила долго. Даже несмотря на иностранную интервенцию... помощь! Фуры гуманитарки, специалистов и прочие, было слишком много чего разрушено и слишком много пострадавших, чтобы всё вот так просто забылось и заработало как прежде.

Даже тот же свет! Чтобы вернуть его в дома, пришлось менять трансформатор. Везти откуда-то из Саратова, с области, подозреваю, обесточивая там пару поселков и даже городов, другой агрегат и подключать его. В его предшественника угадил шальной снаряд из танка! И он полностью сгорел, прихватив с собой и резерв.

Газопровод — варить, он поимел пробоины в нескольких местах, не говоря об прогорании, желая после успешного ремонта еще и проверить себя на герметичность. А для восстановления холодного водоснабжения... прокладывать новые трубы.

Подозреваю правда, что эти новые, ни какие не новые — старые! И из-под горячего водоснабжения этих же домов. Ведь вода горячая, уже вернувшись в дома вместе с отоплением, вдруг вновь пропала, как раз пропал пред этим самым ремонтом! Да и холодная вода, вдруг стала вонять так же, как горячая.

Про социальные аспекты вообще молчу! Иностранцы интервенты... инвесторы! Что вызвались помочь столице прийти в себя после коллапса, выставили ряд жестких условий, которые новое... старое! Вернувшиеся с отпусков в почти полном составе, правительство, без каких-либо дебатов и рассмотрений сразу же приняло. И по этим новым правилам... очень многие лишились работы.

Позакрывали сотню фирм и фирмочек! Десятки компаний и заводов по всей стране мгновенно обанкротились. И тысячи человек, работающих в некоторых из них, и соблюдавших закон, вдруг оказались преступниками.

Страну трясло и лихорадило! Но столица постепенно восстанавливалась. И родители, что еще не успели продать свою уральскую квартиру и уже подумывали сбежать обратно мне на радость, решили остаться, дав городу второй шанс.

Из служебной квартиры нас пока не выгоняют. Видимо, бардак бюрократический, и пока не до того. Фирма матери, почти не пострадала от репрессий и «черной ночи». И с работы её тоже не гонят. Так что — трудоустройство.

Деньги, какие никакие, есть, пусть и только те, что были наличностью — основные средства на счетах банка, деньги с продажи отцовой квартиры, оказались замороженными. Зато хоть рубль, подешевел не столь значительно, как все боялись, и его продолжили принимать в магазинах и банках, в том числе и в столице. Сразу же, как они вновь открылись.

Учеба в школах возобновилась только к концу месяца. И то не во всех — моя же была разрушена! И её учеников, просто перераспределили по другим учебным заведениям. Классы, решили не пересобирать, просто мой седьмой «А», стал седьмым «Ге», так что для меня принципиально ничего не изменилось. Разве что бегать до парты от дома стало поближе — новая школа оказалась запрятанной прямо в соседнем дворе!

Учителей тоже перераспределили, так что... нет, разница все же есть. Ученики после нового года, уже несколько не те, что были до. Побитые все какие-то, правда, не буквально. Что в принципе понятно — за время излишни длинных каникул, как у них, так и у их

родителей, последние — зашугали молодёжь до состояния послушных марионеток. Шаг влево, шаг вправо — расстрел! Ремнем по заднице.

И пусть родители вышли на работу чуть раньше, чем дети, отойти от шока и «прийти в чувства», вновь «опустится» и раскрепостится, они еще не успели. Но чует моя жопа — нас ждет расцвет детского бандитизма! Уж я-то знаю, на что способен мой класс.

— Эй, Санька!.. — услышал я, как один из парней обратился к моему тезке, со скрытым за наивной полуулыбкой предложением подложить учительнице пару кнопок.

А то и всю пачку.

А, не, это был клей! Бедная учительница... хм! И мне даже не жалко зады этих двух придурков, что получают завтра ремня от родителей! Ведь уже завтра — родительское собрание. Прошли две недели учебы, расписание утрясли, относительно, и теперь надо утрясти прочие вопросы — вот умники, нашли время юбки портить! Могли бы и потерпеть пару деньков.

— А ты чего так улыбаешься, Александра?

— Я? — указал я на себя, и огляделся.

Ну да, «Александра» тут я один, больше некому этим существом быть. И смотрит любопытный, и внимательный, учитель математики, из новых, для нас, и старых, для школы, точно на меня, стоя у доски.

— Неужто уже все знаешь? — без злобы поинтересовался он, и улыбнулся, протягивая руку с мелом в мою сторону.

За две недели я вообще-то успел стать его любимчиком! Ведь я единственный в классе, а он к доске вызвал поочередно уже всех и не по разу, кто может решить примеры из программы их школы.

Да, учебный план этой школы отличается от плана сгоревшей школы-лицея. Он сильнее её! И намного! Пусть и отстаёт от плана школы, где я учился до переезда. Но я уже всё забыл, за полгода безделья! Так что мне эти примеры, как говорится, как раз, и самое оно, чтобы размять мозги.

— Правильно, садись, пять. — улыбнулся учитель, забирая у меня мелок.

И я вернулся на своё место под звуки скрежета зубов нерадивых одноклассников. Забывают ремни! Забывают! Ой... опять кровь пошла... — углядел я небольшое красное пятнышко на груди, в месте бывшего шва.

Внешне, его уже невидно совсем. Да и ребра срослись, но внутри, в мясе, процесс восстановления по-прежнему продолжается. И иногда, в месте стыка тканей, или где еще, тонкая кожа рвется от давления крови, и... я пачкаю одежду, вынужденно постоянно носить нечто красное.

На родительское собрание со мной в школу пришел папа, прихватив с собой большой и широкий ремень, явно для моей задницы. В его мировоззрении, если родителей в школу вызывают, значит, чадо что-то натворило. А мать, что всегда раньше ходила на такие собрания, оказалась занята, и нам с отцом общими усилиями удалось уговорить её не срывать с работы в очередной раз из-за какого-то, собрания.

Хотя если подумать, то, что для меня, что для отца, участие в подобном вновь. И он вон уже, просверлил в моём виске дырку, буравя взглядам «признавайся дочь, что НА ЭТОТ РАЗ натворила?!» и измусолил весь ремень с мыслью «а не узковат? А стоит ли?». Как видно уже совсем забыв, что мать в школу вызывали по самым лютым пустякам, по поводу и без.

Только вот пришли на собрания от класса, мы чуть ли не единственные. Есть пару

учеников без мам, пару мам без учеников, и все. И чувствуется мне, что по такому случаю, мыть шею будут единственному законопорядочному.

— А мне правда можно, правда можно? — на цыпочках прокрался я в спортзал, оглядываясь, словно что-то украл.

Новый тренер, из этой школы, по физ-ре, которой у нас не было больше месяца с начала занятий — ждали заключение экспертов, что здание не пострадало и годится для занятий спортом, отвлекся от классного журнала и посмотрел на меня озадаченным, непонимающим взглядом.

Вернул взгляд в журнал, полистал, пощелкал пальцами в мою сторону, не отвлекаясь от книги.

— Александра — угадал его не озвученный вопрос.

— Хваткова, да?

— Угу.

— У тебя годовой зачет стоит! Как так, а? — поднял он еще более озадаченный взгляд на меня.

Я пожал плечами, смущенно отводя взгляд, тип «ну вот так» и добавил:

— У меня КМС по спортивной гимнастике.

— Ааа! — протянул он понимающе.

Покивал, оглядел меня с ног до головы, и заключил:

— Ну тогда можешь быть свободна!

— Эх... — тяжело вздохнул я, и поплелся обратно, в сторону выхода из спортзала.

Зря только спортивный костюм под повседнев надевал!

— Так, мальчики... — оглядел неровную шеренгу тренер, и бросил взгляд в сторону передевалок — а где девочки?

— Так нет их... — пискнул кто-то из парней.

— Александра! — прилетело мне в спину, когда я уже наступил на порок спортзала.

— Да? — оглянуся с максимально невинным личиком.

— Сходи поторопи их!

— Так нет их! — уже громче заявил Роман, и на этот раз тренер его услышал.

— То есть как нет?

А я заглянул в пустую передевалку и, выглянув, пожал плечами.

— Ну освобождение там, зачеты... кто-то и вовсе болеет.

— У меня тут только у Александры зачет стоит, а освобождений и вовсе нет... — протянул мужчина, листая журнал — А сходи как ты...

— Роман — представился Роман, гордо выпячивая грудь и красуясь.

— К завучу — из парня слова учителя воздух выпустили.

— Ладно... — прошипел он и, сгорбившись, поплелся к выходу.

— А давайте я сбегаяю! — вызвался добровольцем я, под взгляды смешенных чувств одноклассников.

Кто-то меня во враги записал, а кто-то — спасибо сказал, остальные — не могут определиться. Как всегда, в общем.

— Ну сбегай. — согласился учитель, Ромчик вернулся в строй, что пробило на «хи-хи», а я — умчался к кабинету завуча.

Где он, я как бы в курсе — бывал уже, разок, и не за драку. У нас тут в школе вор

завелся, телефоны тырит, и всех трясут уже недели две, не видел ль кто чего.

Но меня, она, блин, запомнила!

— Саша? Что там опять? — увидела завуч меня у себя на пороге — У вас же сейчас физкультура?

— Ага. — кивнул я — Вас там это... — а вот имя физрука я что-то забыл.

Вернее — и не знал!

— Ерофей Кирилыч?

— Угу.

— Зовет? — улыбнулась она, выходя из-за стола, и вздыхая, глядя на мой кивок головы

— Ну пошли, узнаем, чем ваш класс опять выделился. А ведь так хорошо учились до перевода!.. — вновь вздохнула она, закрывая дверь и направляясь в сторону спортзала.

Вообще-то нет! Учились мы отвратительно! Сейчас конечно не лучше, но сейчас ребята хотя бы на занятия ходят! И от того им двойки чаще лепят. А еще они от безделья на уроке — ну не учится же на них, в самом деле?! Даже несмотря на все колы, порицания, выговоры и старание педагогов, стали прямо на занятиях, или в перерывах между ними, в туалете, и за школой, коридорах или на лестницах — курить гашиш!

Их родителям то всё равно до чад дела нет! Они вообще в большинстве своем «потерялись» сразу, как детки в школу вновь пошли. Трубки телефонные не берут, или и вовсе номеров не имеют, дома — не бывают! Хотя к некоторым особо дотошные преподы ходили. Ну и на записи в дневниках не реагируют, как видно и не читая. А до этого дружной шумною толпой, бегали по городу, обивая все пороги «когда откроют школы?!».

— Опять навоняли! — возмутилась завуч, почуяв знакомый запах на этой самой лестнице — Поймать бы их! Да сдать... в детскую комнату! А лучше сразу в интернат!

И она — не шутит! Трех парней она уже туда отправила, причем — именно из нашего «Г»! Тех самых нариков, что вечно что-то курили на задних партах. Ведь они продолжили это делать и в новой школе и прямо при завуче! Да пока их в скорую, на освидетельствование, запихивали, всё так же под кайфом «витали»!

Не скучно в общем. И — шоу продолжается!

— Здравствуйте Ерофей, что у вас тут опять? — поприветствовала физрука завуч и осмотрела уже совсем хромую шеренгу.

Я в душе расплылся в улыбке. Не зря ведь я за ней ходил! А то наш красавчик, делал бы это до следующего нового года, или как минимум — до конца урока! А мне... любопытно! Нет, это не злорадство! Мне просто интересно, что будет делать зав по учебной части с половиной класса, дружно прогуливающей урок. Учитывая, что эта половина — девочки, а они в свою очередь те, кто в классе хоть как-то учится.

— Да вот, видите... — указал физрук на строй.

— Что? — тетенька, не поняла, а я пристроился в проходе.

Мне было бы морально неудобно тут стоять, не приведи я её лично — уйти как бы должен был бы уже давно! А я тут стою — злорадствую значит!

— Я понимаю, когда нескольких нет, или даже половины! Но что бы все-е-ех... А ведь зачет есть только у Хватковой — взмах руки в моем направлении — заметил-таки! — а освобождения вообще никто не принес!

— Да, мне тоже не приносили — задумалась зав, до которой наконец дошла суть проблемы — Но может всё таки... — посмотрела она в сторону раздевалок — Хваткова!

— Я!

Кивок головы завуча в сторону передевалок, типо «метнись по бырому!», я — не сдвинулся с места.

— Нет там никого!

— И не стали бы они там сидеть пол урока. — пробормотал физрук недовольно.

— Ясно, понятно, займусь. С остальными что?

— А что с ними? Мы только разминку провели.

Теперь ясно, почему парни все такие взмокшие и замотанные!

— Ну... не буду отвлекать тогда! — улыбнулась на это завуч, и пошла на выход — А ты что тут стоишь? — увидела там меня — а ну марш разминаться! — в шутку припугнула.

— Так я это...

— Она у нас гимнастка и у неё особая программа.

— Ааа... — понятно, в стили «ясно, что ничего не ясно» протянула тетка и ушла.

— Ну парни, отдохнули? Тогда вперед, разбились по парам и десять отжиманий!

— мрыыы... — дружный стон стал физруку ответом, и я, вздохнув, покинул зал.

Не видать мне физкультуры, как своих ушей! Отрезать их, что ли?

— Что это? — поинтересовался батя, неожиданно ввалившись в ванну.

ПАЛЕВО! — взвыл я в душе, и пожалел, что не стал мыть ствол от винтовки будучи нагишом. Тогда бы хоть взвизгнуть мог бы, и вытурить по быстро под предлогом стеснения, не дав ничего рассмотреть. А так...

И спрятать ствол тут ведь некуда! Пространство под ванной уже и без того забито остальными частями оружия! И батя домой приперся не вовремя и неожиданно! Сходу метнувшись ко мне в ванную зачем-то, словно почуяв.

Ладно, улыбаемся и машем...

— Игрушка — улыбнулся я, и по сползшей с действующей половины батиного лица, а вторая после снятия швов вдруг стала парализованной, улыбке, понял, что сморозил глупость.

Надо было сказать что-то иное! Труба водопроводная! Еще что! Но не игрушка же! Из-закалённой стали... которую папка у меня уже отобрал.

А я ведь только нашел время и возможность сбегать за ней на ту злосчастную крышу! Где спрятал после мусоропровода, и где её облюбовали голуби. Причем буквально. Только снежком и песочком оттер! Сначала одним, потом другим, и далее по кругу.

Только проветрил, в бензине замочив! Правда бензин испарился раньше, чем она хотя бы намокла — надо было тырить соляру! Но во дворе, как назло, одни легковушки. И наконец припер домой, решив отмыть. А то она, зараза! Ржаветь уж начала, где только могла и не могла.

Припер, хвала чехлу от контрабаса! И занятости маменьки, что в музыкалку меня так и не отправила. Отмыл, хвала вновь вернувшейся горячей воде! И вот...

— А где остальные части этой, игрушки? — процедил батя, осмотрев место под затвор, и сурово глядя на меня.

— Не знаю — выдавил я, хлопая глазами, сжимая в правой руке мыльно-ржавую вихотку.

— Ну кто ж так оружие моет? — вздохнул отец, глядя на неё.

И нагнулся за «тряпочкой» в моей руке.

— Оружие? — непонимающе пробормотал я, продолжая строить невинность, и подавая

капающею «грязь».

Но папка вместо неё, выудил из-под ванны затворную раму.

Я — скорчил озадаченное лицо, округляя глаза и вытягивая губы в трубочку в стиле «Ооо», а мужчина тем временем продолжил потрошить мой клад, извлекая ружейную требуху под свет лампочки и складирова в раковину прочие части оружия.

— О как всё заржавело! — взглянул он на ржавые плоды трудов своих, распрямляя спину — И провоняло. — понюхал пластиковый приклад, крутя его в руках, заодно беря перчатками на пробу слой жира и грязи на нем — Там, по-моему, еще что-то осталось, загляни — достань. — добавил, глядя на меня, лизнув зачем-то грязь на пробу.

— Хорошо. — кивнул я, и нырнул под ванну.

Выудил глушитель, и еще пару мелких болтиков, аккуратно сложенных в стаканчик с подсолнечным маслом.

— Фу... — понюхал батя с виду свежее, но уже пахнущее прошлогодней тухлятиной, и мочой, масло.

А я в душе выдохнул — СПАСИБО ТЕБЕ МУСОРОПРОВОД! Если бы не ты...

— Интересно, как давно это все там лежит... — задумался отец, и взглянул на меня, продолжающего корчить неграмотную невинность.

— Давно, наверное, — и задумавшись добавил — Мы с мамой еще когда на новый год в ванной сидели, слышали как во время взрыва там что-то брякнуло. Я хотела посмотреть, но... потом забыла. Пап, а что это?

— Это, дочка — лицо его стало суровым как дикий кабан в глухом лесу — То, чего быть у нас под ванной недолжно! Я отойду позвонить.

Тфу, блин! Прощай, моя винтовочка! Я так глупо тебя слил...

Похоже батя попал в какой-то черный список! Ни милиция, ни пожарная, ни вообще кто-либо из госпредприятий, даже рассматривать её кандидатуру не желают! Да и вообще никто! Даже простым охранником в магазин и то брать отказались! И из всей работы, в центре занятости, предложили только грузчика, дворника, или дорожника на лопате. От чего он естественно отказывался — здоровье более не позволяет работать на таких работах, да и платят мало.

Да и рожа у него нынче... не очень. Цвет лица здоровый, но вот само лицо работает только на половину — видать был задет какой-то нерв. А вторую половину украшает огромный шрам, что был когда-то маленьким, но теперь вдруг расплзся на пол лица, от подбородка до глаза.

К тому же из опыта работы у него, только собаки и огнестрел, а туда не берут, и в офис, к матери, он не стремится — там бюрократия жуткая, а в этом папа полный ноль. Так что, почти до самого лета он большую часть времени сидел дома, контролируя, и натаскивая меня.

Винтовку он не выкинул! Как я того боялся. И даже не сдал! Хотя хотел, желал. Только позвонил куда-то пару раз, с кем-то встретился разок, переписав предварительно все номерки и обозначения оружия, и все! Даже кое-какие окончательно «ушедшие» от ржавчины, и моих кривых ручонки, детали приволок! Добыв незнамо как по своим уцелевшим связям.

И получив вроде как полностью исправное оружие в своё полное распоряжение, выкрутив боек и спрятав его в шкаф — наивный — приступил к моему обучению правилам эксплуатации огнестрельного оружия.

Увы, он не стал меня натаскивать баллистики и обучать способам «попадания в яблоко с километра, при условии шквального ветра». Просто общие нормы, не более, как бы я не просил. Уход за оружием, чистка-смазка, ношение, транспортировка, сборка-разборка... всё то, что вроде как мирное, не боевое, но жизненно необходимое любому уважающему себя солдату.

— Запомни дочка! — произнес он как-то назидательным тоном — Уход за оружием — основа выживания на... — и осекся, прикусив собственный язык.

Мне после пришлось еще много и долго уговаривать его продолжить уроки с столь любимой мной винтовкой.

Конечно, я не стал ему говорить, что у меня к ней есть и патроны, и что к занятиям «как правильно приклад прикладывать, чтоб отдача ключицу не сломала» не помешал бы и полевой выезд со стрельбой. Как и не стал показывать прицел, с вопросами «как его, блин, настраивать?!» — на нем же столько шкал и колесиков для крутки! Этож ужас! И свихнуться можно.

Ведь если показать патроны — будет точно плохо, я уверен! Отец тут уж точно не поверит что «нашла!», даже если бы я реально их нашел на какой-нибудь помойке. Я бы не поверил! Ведь это, как минимум глупо — таких случайностей не бывает! Винтовка под ванной, грязная и неисправная, в разобранном виде, и патроны с помойки, случайным образом к ней подходящие.

И в общем... лишился бы я и того курса молодого бойца, что имею. А прицел — если

покажу его — «а что еще у тебя перепрятано под диваном?» — вопрос напротив будет вполне логичный, и сам напрашивающийся.

Так что молчу, скрываю, прячу боеприпасы на чердаке дома напротив — низкий, темный, пыльный! И холодный, с подтеками влаги гадюшник. И, с милой улыбкой прошу:

— Пап, а ты можешь мне достать книги по баллистики? И вообще что-нибудь такое, полезное? Но не по самообороне — нахмурился я, глядя на задумавшегося отца, понимая, что именно этот учебник как бы сам собой и напрашивается — Ты же понимаешь, что мне он будет вообще не интересным?

— Понимаю — шикнул на это отец — и это меня пугает. Сейчас ты хотя бы стрелять не умеешь... Крхым! Ладно! Думаю, с подходящей литературой проблем не возникнет.

И принес мне томик «Баллистики» для учащихся высших и средних профильных учебных заведений, а также учащихся военных кафедр технических вузов. Потертая книжка, побывавшая в руках уже множества тогда еще будущих военных, а сейчас уже, скорее всего пенсионеров, сорок девятого года выпуска.

Тут даже библиотечный штампик уже выцвел и стерся! Что и непонятно, к библиотеке какого именно московского училища принадлежала когда-то эта книжка! Но, текст в большинстве своем хоть и убористо мелкий, но читаемый. И даже картинки с обустройством стрелковых позиций понятный, приятны глазу, и имеют ценность в детальном рассмотрении.

С грамотной подачей материала, с обоснованиями, почему позиция «за камнем» может быть, как благостью так и горем, и просто развернутой подачей материала. Само-то для шко-ло-ло! Правда представленные тут прицелы сильно попроще моего, не той конструкции, без настроек, не дающие и намека на представление на практическую эксплуатацию моего.

Зато в учебнике была не только баллистика стрелкового вооружения! Скорее даже сказать — не столько его! Сколько о артерии, и даже немного — неуправляемых ракет! Такой кладезь информации, что я, буквально прыгал от счастья, стоило только начать вникать в суть того, что попало мне в руки.

Это же как древний фолиант магии! Книга мудрости! Жезл всезнания... ладно, последний все-таки не в тему. Но в целом — это учебник точно стоит того, чтобы выучить его наизусть «от корки до корки», и даже — опробовать на практике.

Ракет у меня нет, пушки — тоже, а вот винтовка... как бы её у бати «свиснуть»? Он, чуя моё желание, от неё вообще ни на шаг не отходит! И уже по-тихому беседовал с маменькой, на тему хорошего сейфа.

— Денег — нет.

Ни-че, ни-че! Я и из сейфа выпру мою прелесть! Ты только отвернись! Но тут отцу позвонили, и полущёпотом сообщили, что бюрократия кончилась. Что с квартиры, к которой мы уже неслабо так привыкли, и в которой славно обжились, пора «тикать»!

А ведь мы с ней уже срослись, породнились! Стали считать ей своим домом! Сделали какой, никакой ремонт — заменили стекло в окнах! А то трещины... плохо, но хуже когда из-за них начинают выпадать стекла кусками! Разумеется, ежемесячно платили за ЖКХ, что только росли, подтягивая пояса потуже, вынужденные жить на матеренной шеи, не расстраиваясь и веря в лучшее!

Да мая месяца прожили! Пока кто-то из старых знакомых не предупредил зачем-то, что у бумагомарателей наконец дошли руки до активов расформированных отделов, и к продаже с молотка готовятся все, вплоть до вещь-доков. А еще для жильцов служебных квартир, уже

подготовлены готовые дела для суда, куда только и надо, что вписать имя-фамилию, и чиркнуть подпись под приговором.

— Вменяют незаконный захват государственной собственности. — проговорил отрешенно отец, по обыкновению заперевшись с матерью в спальне.

Статья, тяжёлая — прикинул я в своих мыслях, и отодрал ухо от стенки — оно у меня такими темпами в Чебурашку обратится! Отрастит себе ноги и сбежит.

— И что теперь? — проговорила мать за стенкой шёпотом, когда я принялся массировать ухо затекшее, слушая вторым.

— Не знаю, но думаю, следует подыскать новое жильё.

Хех! Подыскать! Легко сказать! Учítывая, что средстве в банке на счете отца так никто размораживать и не торопится. И знающие люди из его бывших коллег говорят, что такая «пьянка» произошла ровным счетом со всеми. И не только милицейскими или военными, а вообще почти половиной столицы, что имела счета в банках на суммы крупнее ста тысяч.

Почувствовав попами надвигающийся «писец», родители начали экстренно собираться. И первым делом решили отослать подальше от шаткой жилплощади самое ценное — меня! Куда? К тетушке! Я естественно встал в позу:

— Не поеду! Нет! Не поеду!

— Саша, ну послушай! Тебе надо доучиваться! Заканчивать школу, или хотя бы класс! Скоро экзамены! Ну куда ты с нами?

Звучит... логично, но:

— Нет!

Они же не думали об этом, когда дергали меня из дому в середине года! А та старая бабка с кашами... ну, я может и уже почти восстановился после потери сердца, но ещё не настолько! Чтобы голодать в её компании!

— Нет! Я поеду с вами!

Хотя в крайнем случае есть вариант с хорошим теплым техническим этажом над девятиэтажной неподалёку...

— Так, Саша! Давай не капризничай! — подключился к делу отец, смотря на меня суровым взором и покалеченным лицом.

Ладно! Уговорили! — вздохнул я, смиряясь с неизбежным, и понимая — сбежать от бабки будет куда как проще чем от мамки! Надо только придумать, откуда брать финансы на еду.

Переезд состоялся быстро. Чик, и я уже в компании пахучей бабки! Пахучей во всех смыслах! От неё и раньше веяло... старостью пожилого человека, и затхлостью, человека, не выходящего на улицу. А теперь к этому букету запаху, усилив и преумножив, добавился еще и букет каких-то ядерных духов! Просто адская какофония для чувствительного носа, отбивающая все обоняние не только у меня, но и даже у отца. Что бы тут делал собака — я не представляю.

Это передо... а, понятно — предмет обожанья бабки обнаружился быстро — старый дед! На все руки мастер, между прочим! Пришел, крикнул, собрал из трех досок шкаф — как!? А шкаф добротный! Его бы лаком еще покрыть... О! Вот и лак! Бедненький мой носик... И воркуют блин теперь эти двое, как студенты на балконе. И цветы — ап-Чи! И конфеты... лучше мне их не пробовать. И что-то там еще...

— Иди Саша, погуляй!..

— Ужась... — прошептал я, будучи изгнанным, дабы «голубкам» уединится.

Пора проведать мне чердак! И подумать, где бы хлебушком, желательно — с маслом! Деревенским... Разжиться.

Как банальный вариант — ограбить! Да, это неэтично! И я всеми силами стараюсь избегать подобной жизни! Но на крайний случай... Еще как вариант из той же «оперы» — продать тело! Своё собственное и не по органам. Довелось мне тут услышать, что девственницы ценятся... но что-то не прельщает, отдаваться за бабло! Вдруг, обманут, кинут, разведут...

Остается что? Силы во мне нет, я, увы, подрастерял свою, недобоевую форму! На соревнование? Куда?.. кому я нужен?! Это нужна спортшкола, тренировки... про музыку, в школе которой я так и числюсь, так-как мама записала меня туда еще в прошлом году, я вообще молчу — я там не был ни разу! Да и слуха нету у меня.

Гадание, лечение, экзарациям... не, это не моё! Киллер? Не сумею! Да и они долго не живут! А больше то вариантов и не остаётся.

Ага, вот так! Так, отлично! — думал я, щелкая фотоаппаратом в женской общественной бане — И еще вот с этого ракурса...

Фотоаппарат у меня спрятан в шапке, что, будучи в руках, скрывает даже что это шапка, кося под крупную мочалку. Так что бабы, моющиеся здесь в помывочной, и не подозревают, что их снимает скрытая камера. Да и кто заподозрит ребенка женского полу в подглядывание?

— Нет, нет, фигня! Вообще никуда не годится! — морщится мой «типо шеф», рассматривая снимки с фотоаппарата на пленки через специальный аппарат — Ну это что вообще такое? Ладно, вот эти два возьму... ты вообще что ли не знаешь, что значит слово «эротично»?!

Не, ну откуда мне знать — на что у мужиков хер встаёт!? Я пусть и не был монахом, но в серьёз любил... почти четыреста лет назад! Эх... и ведь детей имел, и жен, даже гарем, ибо по статусу положено. Хотя нормальной жизнью то и не жил. В людях — людей не видел, в женах — жен, просто элемент статуса удачливого война.

— Вижу, что не знаешь — расстроено проговорил мужик, глядя на меня, и взяв ножницы, выщелкал два понравившихся кадра, безжалостно испортив четыре соседних.

Вернул мне «сдачу», и заплатил за кадры, посоветовав забыть их адрес, если не научусь делать нормальные снимки. Два кадра из тридцати — не стоят возни! И в следующий раз он и их не возьмет.

Жесть! А я ведь так старался! Купил фотоаппарат, пленку, в баню пошел... нафоткал столько снимков! Ладно хоть не решился пленку менять, для второго захода! Побоялся, что засвечу или намочу, впопыхах и условиях тайны. А в итоге — «не эротично»!

Да и откуда мне знать, как нужно фотографировать бабу голую, чтобы на снимке она выглядела сексуально!? Я знаю только как «снимать» одетую, чтобы разделась! И вообще! Я даже и не подозревал, что можно получать деньги за простые фотографии!

До прошлой недели, когда узнал от одноклассников... проследив за одноклассниками! Что это вполне реально, и что за сессию снимков их утех с одноклассницами, они получают неплохие деньги!

Реально неплохие! Для школьников особенно. А уж с учетом трудозатрат... Но, после дележа на всех — меж участников, группы поддержки, всех тех, кто в доле и хату предоставляет... выходят копейки.

Но я-то один! И пообщавшись с заказчиков, предложив ему свои услуги фотографа, у меня родился шикарный план! Я — девочка, двенадцати лет, а значит — никто не заподозрит во мне порнофотографа!

Стащил старую камеру у бабки, что оказалась крайне сложна в управлении, громоздкая и тяжелая, издающая громкие щелчки, но рабочая. Купил пленку, билет в баньку, и сидя на лавке в уголке, тихонько «подрагивая листом» — если отберут камеру я нежилец, придется бабку устранять, а это лишняя морока — наделал снимков, как бабы моются!..

Заказчик одобрил! Заказчику понравилось! Денег за полную пленку порно-кадров хватило, чтобы полностью покрыть расходы и даже осталось на новую камеру! Правда теперь я ушел в минус — вторая сессия провалилась, а пленка вышла за мой счет. И теперь я понимаю, что в первый раз он заплатил мне авансом.

И что мне делать? У меня денег ровно на то, чтобы купить новую пленку и билет в баню! С учетом моих, а не только за кадры. Даже на проявку не останется! Если не лезть в чужие бабки — к бабке! Я нашел её нычку-зачачку, и в принципе, могу туда запустить лапченку, если прижмет. Рискнуть, и повторить заход? Или забить и пойти наесться от пуза один раз?

— Эх, в бане — одни старухи парятся! — вздохнул я, пиная придорожный камешек.

Ну и «юные дарования» как я, которые никому не интересны. Или интересны? Пойти себя в зеркале нафоткать что ль? Как минимум на бане сэкономлю, а зеркало и в ванне «дома» есть — надеюсь никто опять не придет не вовремя!

— Ты что, себя что ли нафотографировала? — практически сплюнул порно-редактор, просмотрев свежие фотки, повернув ко мне весьма озадаченное лицо.

Я — смущенно отвел взгляд. Да, себя! И что такого?

— Ладно, пойдет. — вернулся он к фотографиям, просмотрев еще пару кадров, и вынул пленку из агрегата.

Быстро смотал её в рулон и запихал в конверт, на котором предварительно поставил пометку «юное очарование».

— Еще есть? — вновь вернул он мне своё внимание.

— Будут. — расплылся я в коварной улыбке, уже пересчитывая в уме, безумно легкие деньги.

Август. А по ощущениям — октябрь. Дожди! И ветер. Уже начавшая кое-где желтеть листва, и, эх, скоро снова в школу. И вновь под усиленный тетушкин контроль — за лето я привык там почти не бывать! Наладил связи, знакомства, и даже на чердаке не всегда ночую! Но чтобы нормально учиться, мне, эх, придется по нормальному жить. Иметь стабильное место для «домашки», и, конечно же — кровать.

Избаловал меня этот мир, избаловал! И я уже от сырой картошки нос ворочу, как от помоев! А про поедание крупы всухомятку... и бизнес фото аппаратный хоть и прибыльный, но нестабильный. Я учусь, но пока успехи через раз, и благо хватает мозгов не снимать одно и то же дважды.

А родители... фактически с момента переезда, с мая месяца! Я утратил с ними всякую связь. Не виделся ни разу, и даже — не говорил по телефону. Живы ли они? Здоровы? Где живут, где работают? Как у них там всё, нормально? Бабка говорит, что они звонят иногда, когда меня дома нет, но я не уверен, что стоит ей верить.

Девчонки... из нашего двора и параллельного класса. Нина, Женя и Зоя — мои три модели, об этом не знающие. Но активно мне позирующие. У них, в отличие от меня, есть все, что нужно для этого. И формы, и грация, и волосатым лесом вагины еще не заросли...

Причем, все три спортсменки! Пловчихи! И я старательно втираюсь к ним в доверие ради посещения душевой секции. А еще — у кого-нибудь из них можно иногда заночевать.

— Эх... — вздохнул я, закончив разглядывать Зою, подтанцовывающую у газовой плиты, суша и заплетая волосы после ванной.

Отлип от прицела, и, подтянув винтовку к себе поближе, приступил к кручению колесиков, для настройки дальности на другой объект.

Винтовку батя волевым решением решил выкинуть пред тем, как съехать с квартиры. И хотел это сделать лично! Но я его отговорил. И естественно это не сделал — спрятал. Ненадежно! Под кустом! Пусть и с чьё-то обсосанной фуфайкой сверху. Иначе бы он точно

что-то заподозрил, видя, что я потерялся где-то в подъезде надолго и никак не иду к контейнерам с кулем наперевес.

Ну а как только выдалась свободная минутка — перепрыгал. Потом еще и еще, и вот я вновь нашел подходящий для лежбища чердак. Не столь высокий как тот, где я нашел, но столь же пыльный и захламленный.

Тут можно спрятать и слона, если только пропихнуть! А еще все шесть люков в него, не имеют замков — зайти внутрь можно через любой! Желаящийся испачкаться и погорбатить спину. Мне же не привыкать ползать на четвереньках, да и малый рост сильно играет на руку.

Правда был большой вопрос с бойком... очень большой! Отец оригинальный с собой упер, мне не доверив. Но... гы-гы-гы, еще зимой ползая по следам боев, аккуратно обнюхивая, буквально, все железное, я насобирал кучу разного хлама, в том числе и оружейного.

Большинство правда после выкинул «от греха подальше» — картинка порванного на части плоти мальчика, что тоже так делал, долго не шла из головы, но кое-что все же припрятал. А именно — затворную рамку с пулемета.

Не знаю, предполагал ли кто из конструкторов, что кто-нибудь когда-нибудь «притараканит» боёк от пулемета к снайперской винтовке при помощи напильника, какой-то матери и супер клея... но я «притараканил». И — даже работает! Не знаю правда надолго ли — мало того, что клей, штука ненадежная! Так еще и пулемет сам побывал в пожаре.

Наверное, проще было вставить гвоздь, опять-таки поработав напильником. Или вообще — обойти строительные рынки в поисках чего подобного и более похожего. Но я — немного разленился. Ради двадцати семи выстрелов... и простой тренировки... надо бы озадачить вопросом бойка деда! Он у бабки «на все руки дока»! Справится!

Вместе с винтовкой из квартиры я тайком утащил и кейсы с патронами и прицелом. Благодаря хорошей упаковке, они, в отличие от неупакованного оружия, совсем не пострадали, и выглядели по-прежнему абсолютно новыми, как из магазина.

Впрочем, я всё равно за все время стрелял лишь единожды, проверяя свою самоделку, пряча выстрелы, за столь удачно подвернувшемся фейерверком. Кто-то праздновал свои полвека с невероятным размахом!

Не попал и в дом буквально! Зато теперь, имея время и возможность, во спокойной обстановке, изучаю оптику и её настройки. Дальнометрическую шкалу, и... надо бы найти учебник по оптике! Из меня аховый стрелок, но может и не стоило стрелять сразу на километр!?

Первый раз в восьмой класс! А ведь блин! Ничего не меняется! Столько лет прошло, школа уже дважды сменилась! А всё тоже — рвущие глотку завуч-директор, смотрящие щенячьими глазами первогодки, и суровые, прожжённые жизнью выпускники!

Где-то посередине всего этого, варится бульон — мы. Самые отпетые середнячки из квинтэссенции средних кадров. И ни рыба, и не мясо, и пахать и пахать! Непонятно только на нас, или нами... и кажется тут кто-то «в астрале»! — толкнул я соседа по строю, но понял — тот под кайфом, и ему на все «покер»!

И ведь гад, еще и в первом ряду стоит! Позорище! Хотя я сам в этот ряд не полез — в школе неожиданно выяснилось, что я — похож на какую-то порно модель. К чему бы это, интересно?

А еще до торжественной линейки, меня выцепила завуч, и сказала, что хотела бы перевести меня из отстающего «говна» — она сама так сказала — куда-нибудь в «Аааа»!.. Я типично учусь хорошо, и класс меня скорее на дно тянет, чем я класс вверх. «Ложка меда в бочке, говна, ничего не изменит».

Сомневаюсь только, что это удастся повернуть — там нужны подписи родителей, а мои — потерялись. И я что-то не горю желанием ставить об этом в известность всех, кого только можно! В первую очередь тетечек из школы. Так что — улыбаюсь, и делаю вид, что не замечаю впереди стоящего нарика.

— Упс... — вырвалось, когда он упал мордой в асфальт.

Его потом, так и не откачали — отказало сердце. Врачи сказали — ширялся чем-то убойным, и сразу большими дозами.

А ведь еще весной он был нормальным парнем! Не наркоманом! Не алкашом, не хулиганом! И учился хорошо, даже пожалуй — слишком. Но видимо за лето, всё изменилось.

— Саша! — вновь выцепила меня в коридоре завуч, спустя две недели от начала учебы — Ну что там, поговорила с родителями?

— Да, поговорила, но они не могут прийти. Заняты, работа. — ответил я, изображая обреченную гримасу на моське.

— Что и на родительское собрание не придут?! — изумилась тетенька, на что я «угукнув» кивнул — Жаль.

И я хотел было идти, но завуч поймала меня под локоток:

— Но ты-то с ними говорила? Что они думают о твоём переводе?

— Они не против, если это — «не повлияет на мою успеваемость!» — процитировал я слова, которые они никогда не произносили.

— Не повлияет! Я разговаривала с учителями! Ну так что, переводим?

— А подписи? — оживился я, перестав строить из себя несчастную, велико-занятую особу, которую отвлекли от велико-важных дел.

— Потом поставят, как время позволят зайти. — отмахнулась она, как от чего-то несуществующего даже упоминания — Могут вообще в любой день прийти, если они согласны. Они точно согласны? — заглянула она мне прямо в глаза.

— Железобетонно! — столь же уверенно как этот материал ответил я.

И меня перевели. Буквально на следующий день я оказался в классе «А» и уже знакомился с новыми учениками. Задавался с парнями и в пол уха слушал, как меня обсуждают очередной женский коллектив:

— Красивая.

— Косметики нет.

— Одежда как с чужого плеча, но со вкусом.

— Она что, совсем нищая?

— Говорят, перевелась в столицу из провинции.

— У... тогда понятно!

— Оборванка.

— Мелкая.

— Уродина.

— А по мне ни-че так! — влез в их дискуссию какой-то мальчик, за что был вознагражден презрительным взглядом, а мне продолжили «мыть кости», уже даже не скрываясь.

Прошлись по всем частям одежды, найдя все слабые места! И даже, блин, дыру в кармане куртки углядели! Как только с их ракурса, её увидеть можно было? Или это, просто «палец в небе»? Лягнули и угадали? Это за что я оказался достоин столь большой немилости?!

А, понял — я пошел знакомится с парнями, не представ перед великими ими! Исправить? Да пошли они! О моём броске через бедро уже знает вся школа! И завуч, прямо сейчас, из двери кабинета, угрожающе машет кулаком.

«Смотри у меня, хулиганка!» — ясно и без слов, по одному этому кулаку. Хотя, похоже, кто-то из парней, принял угрозу на свой счет — ему она по случаю, дополнительно пригрозила.

— Ну, Саша... — вошла в кабинет учительница русского и литературы, что в нашей параллели не преподавала.

Там была учителка из старой школы.

— Вы меня знаете? — поинтересовался я, видя, что она смотрит прямо на меня.

— Ну знаешь, тебя сложно не знать! — улыбнулась женщина, слегка печально — О твоём броске одиннадцатиклассника через окно на улицу вся школа гудела до самых каникул! А учитывая продление занятий и летний лагерь...

— Поняла, постараюсь не выделяться. Буду бросать учеников исключительно в стены — покаяться я, отвесив полупоклон.

От ребят послышались смешки, и даже учительница не сумела сдержать улыбку.

— Да уж, от тебя станется! Смотри только, как бы такие выкрутасы до тюрьмы не довели!

— Я несовершеннолетняя! — улыбнулся всюю ширь, понимая, что юностью и детство — можно использовать по-своему!

— Эх, непутевая...

Глава 7 — Мне это не нравится!

Так, мне это не нравится! — подумал я на следующий день, сидя на занятиях — совсем не нравится!

Куда у меня родители-то делись, в самом-то деле?! То и на час с глаз отпустить не могли, почти каждый шаг контролировали! А то вдруг... пропали, как сквозь землю! Как под воду! И нету их. Не слышно, не видно, непонятно.

Где они? Что с ними? Мне идти, спасти? Или еще рано? Или уже поздно? И куда идти?! От кого спасти... и ведь вроде и нету у них с собой ничего такого! За что могли бы их, поймать, схватить, связать, пытать! Ни денег, ни оружия, ни наркотиков. Уж как пахнут последние, учась в классе с наркоманами, я знаю! И от меня ими пахнет сильнее, чем от «предков». Про винтовку на крыше — вообще молчу.

Скучаю? Скорее переживаю. Не хотелось бы мне, вдруг остаться сиротой.

— Следующий урок — физкультура! — почти визжа от восторга почти пропел одноклассник.

Предвкушение футбола, возможно — драки! И — безумства. И я его понимаю! За этот год — у меня нет перманентного зачета! А на улице — вдруг по-настоящему летняя погода, несмотря на желтый лист.

— Ну, Сашенька, форму взяла? — решила поддеть меня ехидным тоном одноклассница, как бы намекая им, на мою, кажущуюся всем девчонкам класса, бедность.

— Ага, взяла. — улыбнулся я, ехидной улыбкой, припоминая свою форму — Жёлтый бронештук и прозрачные стринги!

Деваха, шутку не одобрила. А я, пред уроком задержался в столовке, без лишней скромности подбедая недоеденные порции...

— Дорогая, тебя дома совсем что ли не кормят? — с заботой поинтересовалась повариха, подсовывая мне еще одну тарелку с пюрешкой и котлетой, которую разве что нюхали, но точно не ели.

— вф, Гд...

— Жуй, жуй родная, не отвлекайся! Вон худая какая, что кости торчат!

Я смерил размеры дородной тетеньки, и решил сохранить свое мнение при себе, Мне еще не один раз здесь обедать! И желательно столь же плотно, как сейчас.

— На вот тебе еще кашки... — подала она мне... почти что тазик, щедро залитый гуляшом.

Это уже, не от ребят осталось. — и я поднял взгляд на повариху — смотрит выжидающе. Ждет реакции? Что я откажусь? Извини тетя — я сглотнул комок — но я ЭТО съем.

Но из-за лишних порций в столовке, и аврального «сброса балласта» в туалете, в переодевалку я влетел уже сильно после звонка. Скинул с себя повседнев, напялил спорт, и пущенной стрелой вылетел из школы в сторону стадиона. На счастье, стадион пусть и маленький, но рядом, а поскольку занятие будет идти для двух классов разом, и блин, после обеда, строй еще и близко не выстроился.

— Реально стринги... — проговорила одна из одноклассниц, округляя глаза, и все прочие уставились на меня с тем же выражением лица.

— Че?! — изумился я, и тут раздался свисток.

— Стройся!

Девки и из этого класса предпочитают старательно игнорировать физкультуру. Маникюр сломаться, кожа поцарапается, тушь потечет! Но сегодня день особый — сдаём зачеты! Погода хорошая стоит уже неделю, и на прошлом занятии тренер пообещал всем, кто сегодня придет и сдаст, сделать освобождение на две последующие недели или закрыть глаза на уже имеющиеся прогулы.

Так что... сегодня тут в сборе почти все! Даже я, который на прошлом занятии А-класса, как в прочем и Б, не был, так получилось, но которого поставили в известность. Сильной неприязни среди одноклассников и одноклассниц я еще не заработал.

— Равняйся! Смирно! Вольно... Хваткова! Ты почему в трусах?

Из стоя послышались приглушенные смешки, а у меня по спине прошел холодок. Как в трусах!? Когда!? Неужели...

Нет, не в трусах! Без трусов, но не в них! И вообще — я в шортах!

— Это шорты! — поправил я на себе одежду, и сделал моську — «деревня! Никогда спортивных шорт не видел что ли?! Экий ты недалёкий!».

— А под этими «шортам» у тебя трусы есть? — не растерялся тренер, и на «хи-хи» прыснуло уже в два раза больше.

Мои плечики опустились.

— Нет, а зачем? — не понял я наезда.

— А ну марш трусы надела! — скомандовал физрук, и я дернулся из строя, но тут же застыл.

У меня нет трусов! Я их не одевал! Напялив эти, шорты, купленные когда-то для гимнастики, и как выяснилось, всё это время прятавшиеся как видно на день черный у бабули в комод, сразу на голое тело!

— Э... а у меня нету. — выдавил я, и уже весь строй «разродился» ржачем, а некоторые даже попадали на асфальт, как свежие груши, держась за животы.

— Да иди, надень что-нибудь, не позорься! — рявкнул мужик, прикрывая лицо фейспамлом.

— Э... да мне и так нормально! — выпятил я грудь, а соседка по строю, тоже покинув его, потыкала пальчиком в торчащий сквозь топик сосок.

— Да ну тебя... — махнул он рукой, и вновь рявкнул — Равняйся!

Зачеты оказались не сложными. Всего-то бег на сто, триста метров, и марафон на километр. Причем, для девочек, он необязательный! Но я, пусть и имею в этой жизни тело женское, бежал.

Впрочем, я не единственный тут такой «вумный»! Со мной бежали еще три девахи из «Б», спортсменки, активистки, пловчихи... Нина, Женя и Зоя. И я чуть не просрал им свой забег! Добегая последние метры уже на морально волевых, столь сильный тем задали девчонки, и падая за линией финиша в траву, пытаюсь отдышаться и хоть что-то сделать с пульсом. На адреналине, и на грани подключения Силы — обыграть их с магией было бы — бесчестно!

— Лошади! — прокомментировал нас четверых, парящих, потных и мыльных, тренер, и пошел принимать зачеты у готовящихся к старту парней.

— Ааааа... хааа... — сделал я глубокий вдох в ответ, и повернувшись, осмотрел подруг по забегу.

Мокрых, липких, со слипшимися волосами и воню-ю-ю-ючей одеждой. Про себя лучше, вообще умолчать! И запустить остановившееся сердце, а то я минут через пять тупо сдохну

— столь разгорячённый организм не выдержит резкого обрыва в поставках кислорода.

— Эхе, кехе...

За забегом последовали прыжки — в длину. А после — подтягивание. Правда для девиц, все опять сильно проще — поднимать им надо только туловище, а не все тело.

— А можно мне на турникет? — взмолился я, состроив глазки, и хлопая ресничками.

— Тебе... — проговорил тренер, смотря на мою предельно умильную, как мне думается, моську, и поиграл «жвалками» на лице — Можно — вздохнув, дозволил он, и я с криком «Ура!!!», оттеснил парней от вышки.

Взгромоздился, расположился, повис...

— А сколько там?

— Двадцать пять. — буркнул физрук недовольно.

Что-то много — продумал я, перехватился поудобнее, и начал... последние жимы считали уже все хором. А когда я спрыгнул — парни чуть ли не на руках таскали, поздравляя.

— Всё молодец, пять, иди отсюда — буркнул тренер, выводя что-то в журнале ручкой и все так же недовольно. — Сле...

— А можно мы тоже? — перебила его, прилезшая под руку Женька, состроив учительню мордочку котика из мультика про орка.

— арр! Валяй! — махнул тренер рукой, и деваха, визжа от радости и едва не писаясь... хотя может и не едва! Одежда то настолько мокрая, что с неё течет! Толи от восторга... толи... запрыгнула на турник.

Правда, все двадцать пять выдавить из себя не смогла, и я, проводил проигравшей, что не упала на камушки земли только благодаря рукам парней, девушку, злорадным взглядом. Я сильнее!

А вот Нинка, влезшая в строй сразу за Женькой, под одобрительное гудение парней, смогла! И даже еще два раза сверху, «для понта» — выдавила! Вредина. Следом, естественно, пошла Зоя, но её хватило лишь на шестнадцать, и как бы она не пыталась, выдавить из себя хотя бы еще раз, даже после того как уже слезла и забралась обратно, чтоб добить, не смогла.

— Ну, все? Мы продолжим?

Хренушки! — Подумал я, увидев весь женский коллектив классов, единым строем направляющихся к нам. Они тоже захотели попробовать! А то че, нам можно, а им нельзя?! Непорядок!

Правда следить за ними было не интересно — редкая девица доходила хотя бы до пяти. А большинство — не выдавало и разу.

— Позорище... — прошептал я едва слышно.

Но так, чтобы слово стелящимся эхом расплзлось по всему стадиону. Ведь это правда! Мы, понтанулись! Покрасовались... я, наверное, даже через-чур в своём топике — на меня теперь разве что слюну не пускают! А вот они — опозорились! Так что теперь, как думаю, будут пытаться вернуть утраченную, или даже — украденную, по их мнению, привлекательность — килограммами косметики!..

Или как вариант — попробуют разодрать кое-кому лицо.

— Дамы! — проговорил я, и увернулся от весьма когтистых рук — Я вижу только два варианта дальнейшего развития событий! — и вновь увернулся, попутно ставя подножку.

На счастье, подкошенная девочка, упала не на пол плашмя, как старая чашка, и как она

сама «того желала», а на за моей спиной стоящую «кобылку» о пятнадцати годках, и уронив на пол и её, образовала «кучу малу». Но это — плохо! В переодевалке и так мало места, а такими темпами — меня «завалят мясом»!

— Либо я вас всех тут побью — отступил я к стенке, подальше от поднимающихся недовольных царапыг, с текущей тушью — Либо убегу — заметил я почти никем не охраняемый выход, и почти свободный путь к нему, стоит только боднуть крайнюю слева головой в тити.

— Но тогда я буду вас отлавливать по одному и бить сильнее! — исполнил я маневр, по отступлению.

— Да оставьте вы её в покое! — подала здравую идею полуодетая одноклассница, брезгливо смотре на пытающихся меня окружить девушек, одна из которых нечаянно лишилась макияжа.

«Я не причем! Она сама!» — представил я, как буду оправдываться пред завучем, за побитых ровесниц, и понял, что идти на следующий урок мне придется в текущих «стрингах».

— Нет уж! Я ей это никогда не прощу! И личико её, самодовольное, расцарапаю до неузнаваемости! — проревела ученица параллельного класса, что тоже в этой свалке вконец лишилась макияжа.

И я бросился наутек! Ну их, этих дур накрахмаленных! Они, небось, и на следующие-то занятие не придут! Макияж править будут, а не то — панды! Ну, или страшили, кто из девушек прибыл на урок совсем без косметики. Ведь пользуются-то, что тушью, что помадой, они уже давно, а без неё — привыкшая к покрытию кожа быстро высыхает и морщится.

Осталось два «магазина»... — посмотрел я на один пустой, и аккуратно отведя затвор, увидел там еще один патрон. Два магазина и один патрон. Итого — девятнадцать. А стрелять нормально я так и не научился! Но хотя бы с прицелом разобрался.

Одолжил у ОБЖешника книжку «Основы окопной войны». И книжку по прицелам у него-же тоже спер. Она ему все равно не нужна! Он её не читает, и нам эту, сугубо военную тему, тоже не преподает. Правда она тоже оказалась годов шестидесятых, сильно устарев, но по ней я сумел-таки понять, что это за графы и черточки внутри прицела помимо перекрестья.

Как все сложно! Ужас. Но лучше знать, чем жить в неведении. И, учитывая что лежка снайпера, по идее палится после первого же выстрела, а я тут отстрелял уже пять — пора «переезжать»! И поблагодарить деда за боёк.

Надо бы как-то еще контрабас вытащить от тетушки, чтобы она не просекла. А то еще играть заставит! Вернее — попытается, стоит вспомнить ей о нем, в том числе увидев пропажу вещи из кладовки. И деда, опять-таки поднапрячь, чтоб сделал он тайник-другой прямо в контрабасе.

Он сможет! Я знаю! Да и что там не мочь? Отодрать заднюю стенку, сделать внутри вторую, прикрутить обратно! Замаскирую это... э... под уменьшение громкости, во! Чтоб играл потише, соседей не пугая! Надо только это все как-нибудь без бабки, что из дому не выходит — повернуть.

А родители все так и не объявились. А ведь я уже и старую квартиру навестил — она оказалась опечатанной, закрытой не только на замок, но и на сургучную пломбу. И до

вокзала сбегал. До всех вокзалов, в том числе авто... Где меня чуть в ментовку не загребли, как беспризорника! Повезло, что менты ленивые попались, и бегать не пожелали. И даже на контакты маминой фирмы пробовал выйти! Но... безрезультатно.

Я ни хрена не знаю! Ничего о её работе. Не интересовался, не узнавал, не спрашивал! В курсе только, что они «забугорной» сантехникой торгуют! Но таких фирм в столице — сотни! И их глянцево-блестящие брошюры теперь у меня ровной стопкой лежат тут, на чердаке, подле винтовки.

Что ж, я знаю, куда надо двигаться! Добыть телефон и начать обзванивать. Деньги на него, уже почти скопил, а сотня — не тысяча! До нового года всяко добыюсь своего. Или — упрюсь в очередной тупик, и начну искать заново.

— Ты чокнутая, Александра! — заявила мне в лицо одноклассница, выходя из кабинета, и походкой оскорблённой королевы, пошла дальше по коридору.

Чего это она? — подумал я, и зашел следом, так как была моя очередь — Ааа! — оглядел сам кабинет и улыбнулся, радуясь и заходя вглубь — Врач!

Эндокринолог. Интересно, что они тут друг другу напели, и как это связано с моим «проклятьем» для Наташки «теперь ни у одного мужика на тебя не встанет!».

— Хваткова... Александра... — прочитал он мою школьную медицинскую карточку — А уж не та ли это Александра, что проклятьями на право и налево разбрасывается? — с ехидной улыбкой повернулся он ко мне, заглядывая в глаза.

— Она самая! — вздохнул я и, следуя ретикулярным указанием врача, присел на стульчик.

— И как оно?

— Что?

— Жить девушке, когда ни у одного парня, мальчика или мужчины, на тебя не встает?

Я подумал, покрутил глазами по, и против часовой, пожал плечами и выдал:

— Да нормально!

Открыл рот по просьбе доктора, показал язык, дал ему себя ощупать — горло, в первую очередь. Услышал байку о том, что все проклятья возвращаются их создателям... усмехнулся, зная истину, но промолчал. И довольным покинул кабинет, направишь в следующий на очереди.

У нас тут как бы, медосмотр! Проходят все восьмые классы! Причем девочки — без очереди! Правда парни пришли позже нас, и уйдут «стопудово» раньше, несмотря на отсутствие льготы «так, девочки вперед! Парни пропускаем, успеете еще!» в очереди. У них тупо нету части кабинетов! Им, не надо проверять их репродукционную систему столь тщательно.

Мне в принципе тоже, но я как бы подневольный кадр, и пусть и зевнул прошлогодний осмотр из-за переезда и прочих обстоятельств, в этом году — не отвертеться. И если сейчас, сфилоню — придется потом идти самому, и одному, и стоять в очереди вместе со всеми! А никак сейчас, когда все тетки-бабки ждут, пока школьники пройдут.

И боюсь, если пойду один — одним днем это не кончится! А если вообще прогуляю — родители... и может запросто вскрыться, что живу я как бы с теткой, что мне почти никто, и что в школу мою, тфу! Тфу! Не ходит! Она вообще, слава небу! Думает я в другой учусь! В той, что сгорела.

Ей, так сказать, насрать на меня! Но меня это и устраивает. Благодаря деду, она вообще

меня стала практически игнорировать! А место для обеда, я и без неё найду. Меня все устраивает! Завуча, директора и классную, в принципе — тоже. Проблем я не доставляю, ну, почти...

— Александра, вчера опять подралась?

Как бы между делом, поинтересовалась учительница ответственная за наш класс и, видя мою смущенную улыбку, неодобрительно покачала головой.

— Вот вроде девочка красивая, а дерёшься как сельский увалень!

— Так она и есть — сельщина! — съюморила одноклассница, но в ответ получила неодобрительный взгляд учителя.

И даже небольшую отповедь, на тему «и не стыдно вот тебе? Перебывать взрослых! И лезть в чужую жизнь».

Да, дерусь, пусть редко, но осторожно, и не на виду! Все знают, что это я, но поскольку не попадаюсь, и даже зачастую не в школе, а отпетых «крыс», и стукачей, пока, не находится, меня терпят. И всё всех устраивает, а значит и родителей в школу не вызывают. Взносы на тюль, гардины, мел и краску, я и так же приношу, без их участия — все довольны.

— Хваткова! — произнесла молодая медсестра, частично высовываясь из кабинета.

Прошлось отдираться, идти, раздеваться... пучить глаза, на средства для родов — кресло гинекологическое. Вздыхая, раздеваться совсем, и залазить.

— Рубаху могла и не снимать — просветил меня врач в маске, надевая свежие перчатки.

Медсестра тем временем, приступила к заполнению очередных граф в моей карточке. Просторный кабинет...

— Доктор, не видите, там пломба! — нагнулся я над головой врача, что кажется, хотел уйти в работу с головой.

Или уже. Но мне что-то не хочется лишаться «целкости» столь глупым образом.

— Да, действительно — углядел он наличие плевы, раздвигая губы.

— До свадьбы себе хранишь? — поинтересовалась медсестричка, что как «очевидно нет», не отвлекаясь от бумаг.

— Вы на возраст мой там гляньте — проговорил я ехидным голосом, ложась обратно на кушетку.

А то, столь сильно изгибаться, имея ноги выше головы... заостенел! Ох, заостенел! «От рук отбился!» Видели бы меня мои тренера...

— Двенадцать.

— Ну, тогда не удивительно — проговорил врач, аккуратно рассматривая мою промежность.

— Хех! А по-вашему это правильно, в четырнадцать быть уже потасканной как последняя шлюха?

Взглянул я на девушку, которой лет двадцать, двадцать пять, выглядящая как заправская портовая шлюха, если бы не маска и халат. Я отсюда вижу её кружевные чулки!..

— Нет, но почти все твои одноклассницы таковыми являлись. — блеснула она толстым слоем туши своих ресниц.

— Мне угадывать, или вы мне сами скажите кто? — выдал я, спустя минуту размышления «кто бы это мог быть» совмещенную с разглядыванием побелки потолка — фиговая — и вновь нависая над врачом.

На что тот был вынужден среагировать указом «не загораживай свет!», и только еще через полминуты, закончив осмотр и снимая перчатки, со вздохом ответить:

— Врачебная тайна.

— Всё с вами ясно — ответил я, спрыгнул с ложе-стула, подхватил свои вещи, и недолго думая сел на шпагат прямо посреди кабинета.

Как ни странно, упражнение далось легче, чем я переживал! Но тяжелее, чем могло бы быть — уж я-то помню! И пусть я смог вернуть себе обратно вертикальное положение без помощи рук, это уже было тяжко.

— Никакой личной гигиены! — прокомментировала мои ужимки сильно напмаженная медсестра, закончив писать свои бумаги, вручая заодно мне несколько карточек — Отнесешь в следующий по списку кабинет.

А какой там «следующий кабинет»? — задумался я уже выходя, но приметив учительницу, решил присесть с вопросом уже на её уши, а не на медицинские, что пошли обрабатывать следующей деваху, трясущуюся как осиновый лист.

Глава 8 — Зависимость

— «В-х-р-р...» — знакомый запах! — застыл я посреди коридора, со школьными карточками в руках, и взглянул в сторону лестницы.

Что за чушь! Тут кругом знакомый запах! Я ведь опять занимался хренью, стараясь запомнить, как пахнут одноклассники! И вот прямо сейчас, и прямо здесь, знаю, где кто находится! И чем занимается. По крайней мере, прохвативший понос сейчас... кхм! Но все же! Все же... ай, пофиг!

Надо отнести карточки в кабинет и радоваться, что к гинекологу начали прием по фамилиям с конца! Иначе бы я тут просидел до вечера, а так, глядишь, есть шанс и пораньше слинять. Правда мне еще и УЗИ назначили, а там уже я буду визжать как ненормальная су*ка. А после ведь еще стопудово на рентген пошлют... и как бы еще чего не добавили — «плавали»! Проходили. Так что...

— Эх...

Не быть мне на родимом чердаке раньше полуночи! И то, при условии, что я вообще туда пойду — Женька позвала к себе на ночевку-девичник и упустить такую возможность я не могу.

Да и запах уже не доносится...

Сделал несколько шагов и вновь застыл — Фля! Я знаю чей это запах! — и с видом «жаренной макаки», пронесся по коридору до кабинета, впихнул в него папки, и усвистал в направлении лестничного мasha.

Поднялся на этаж шестой, спустился на пятый, побегал и там, и там, поднялся на седьмой, и пущенной по следу ищейкой, и на четвереньках, «просвистел», не разбирая дороги, к самому дальнему из кабинетов.

К палате, где...

— Мама! — выкрикнул столь звонко и громко, что аж сам испугался, не переигрываю ли, в игру «заботливая дочка».

Женщина на кушетки у окна зашевелилась и стала с трудом поворачивать голову в сторону выхода. И вид у неё... лицо опухло, глаза заплыли. Тело наверняка тоже, и местами синюшное. И еще вполне возможно — есть новообразования!

— Мама... — подскочил к ней, и взял в руки её руку, вынув ту из-под одеяла.

Заплывшие глаза женщины блеснули и по щекам покатались слёзы.

Чорт! И ведь в её состоянии нет ничего удивительного! Вот совсем! Это даже скорее — ожидаемо! Но я... я... эгоист? Нарцисс? Одиночка? Наверное, всё и сразу! Бессмертная тварь, что на сто процентов виновата в текущем состоянии этой женщины!

А вот папе наверное, наоборот полегчало.

Всё дело в том, что любой владелец Силы, неконтролируемо испускает незначительное количество её волн в окружающую среду. Напитывает ею окружающие предметы, в том числе, людей.

И если в небольших дозах она — лекарство. И способно исцелять серьёзные раны и недуги, даже при помощи простой дощечки, что я бы до этого долго носил при себе... Но в больших дозах — смертельный яд. И сравнима с радиацией.

Исключение — родители. Пока такой как я мал, исходящая сила — ничтожна. А организм взрослого человека — огромен. По мере роста, тела родителей адаптируются, и

возросший уровень — не наносит вреда. Напротив! Обеспечивает долголетие и крепкое здоровье.

Но есть одно ма-а-аленькое «но» — сила для них, становится наркотиком! И моя мать не исключения! Выйдя из ауры столь надолго, её организм начал буквально распадаться и угасать, лишившись столь естественного и привычного допинга.

Хотя кажется мне, что есть тут что-то еще... не может быть... Но ведь я блин должен был это предвидеть! Должен был ожидать, но... обычно, в других мирах, если я сам доживал до подобного возраста, то либо уже и давно жил самостоятельно, либо предки были уже и так мертвы.

Что делать? Накачать её силой? — умрет! С гарантией! Не накачивать? Умрёт тем более! Но не так быстро, даже в её состоянии. Лечь рядом? Вариант! Но как?! Как не оказаться в детском отделении, а именно тут!? Или наоборот — забрать из больницы, но, куда?! К тетке? Хех!

— Мам! А где папа? — поинтересовался я, но мать не смогла мне ответить из-за опухшего горла.

Кажется, эта щитовидная железа. И опухла она так... Что пора удалять. И это только то, что я вот так на глаз, на ощупь, вижу! И это я вижу, человек с улицы, без профильного образования и советующего опыта, ограничивающимся «надо заштопать и заживёт». А что видит в ней профессионал? Труп!?

Вот ж-ж-жёшь! И какого фига их понесло!? А главное — куда!? И... я могу зарядить силой кровать! Но эффекта хватит от силы на пару часов и высушит меня донельзя. Это не продолжительная зарядка маленьким зарядом, что держится потом годами. Это уханье энергии в бездонную бочку! Что будет стремиться скорее растечься по местности.

Это, скорее всего, уничтожит кровать! Пусть и не сразу. И вообще — опасно для всех, в том числе и для меня самого. Тело, может не выдержать. Да и нужна стабильность, а не вот такое вот — обновлять заряд каждый день я точно не смогу.

А если бы даже и смог — через недельку другую, врачи бы заподозрили наличие обогащённого урана прямо в палате. Тут не мир средневековья! Есть и оборудование, и приборы — найдут, и ладно если просто койку поменяют!

Нет, мать надо отсюда забирать! И надо бы найти её лечащего врача, вдруг он знает что-то об отце и ситуации в целом.

Врача нашел довольно быстро. Правда не того, не маминого, просто мимо проходящего, но с его помощью нашел и лечащего. И уже тот мне пояснил, что мать тут лежит уже давно, две недели, и они, что называется, не знают, что с ней делать. И что отец тут появляется весьма часто если не каждый день, то через день точно, и сегодня его еще не было.

Что матери, по нормальному, нужна и операция, и комплексное обследование, но у неё, оказывается, нет расширенной страховки. А без неё — только платно, и денег у семьи нет. На вопрос, что за зверь эта «расширенная страховка», врач пояснил:

— Продолжение приватизации и начало капитализации больниц. Теперь в обязательное страхование входят только самые простые услуги, и только срочные операции. И даже это не входит, если прописка временная.

Вспомнив, что регистрация в Москве у нас таковой и была всегда, я резко погрузился. Не за мать! Встречу отца и всё решим! А за прочих больных, что... что? Лежат тут и ждут смерти? Не имея прописки или вообще, снятые с поездов-самолетов по болезни, будучи проездом. О чем и спросил господина в халате и в ответ получил тишину — в купе с крайне

печальным взором.

Захотелось кого-нибудь прирезать! Но вместо этого я снял с себя футболку, оставшись в кофте на голое тело, втюхнул в неё максимально доступное для ткани количество силы, учитывая, что она и так ею уже фонила — эта моя любимая футболка! И передал маме, с настоятельной просьбой не расставаться с ней ни на миг! А сам вернулся к классу, где меня уже потеряли, и естественно — немного обругали, за нарушение порядка очередности.

Вечером, после всех кабинетов, навестив родительницу еще раз, и узнав, что отец сегодня, скорее всего уже не придет — поздно уже слишком! Приемное отделение закроется через час. Покинул больницу, думать, как жить дальше.

Идти с девчонками на праздник не хотелось от слова совсем, но, пришлось — надо поддерживать отношение! Как бы тошно мне не было.

— Ты что, и без футболки ходишь? — удивилась Зоя, когда я снял свою кофту в самом начале «пижамной вечеринки со страшными историями».

— В больнице забыла — ни разу не соврав ответил я, и перехватив фонарь, приступив к рассказу страшилке, о монстре, поедающем мозги.

Маленьком черве, что заползает через ухо, и выедает все, что находится в черепной коробке. Извилинку за извилинкой, нейрон за нейроном, и человек... Нет! Не умирает! Он слышит голоса! И постоянное шевеление у себя в голове! Шорохи, стоны и даже плачь... и так до тех пор, пока человека сам себя не убьет, не выдержав пытки!

А поскольку рассказчик я вовсе не из плохих, и со светом и голосом играть умею — вечеринка кончилась тремя мокрыми штанами.

Отца я выловил уже на следующий день. Забил на школу! И проторчав в палате подле мамы полдня, дожидаясь, когда он наконец придет. Ведь врач сказал — если не каждый, то через день! И он пришёл. И в отличие от мамы — не выглядел столь печально. Отойдя в сторонку, я высказал ему много лестного и «красноречивого».

Извинился, высказался вновь. Услышал ответное пожелание с «дальней дорогой», и вообще все то, что обо мне таком красивом, папаша думает. Вплоть до эротики. И уже после взаимных извинений, наконец состоялся продуктивный диалог. Многого отец конечно не рассказал, и многое утаил, но в целом, картинка прояснилась. И картинка эта... похожа на жопу!

Сразу после нашего расставания, отец с матерью отправились искать себе временное жилье, ведь тетка их к себе пускать и не собиралась, и меня-то пустила с условием оплаты проживания с питанием, что родители исправно делали всё это время, передавая бабке крепенькую сумму на регулярной основе вот уже более полугода!

Новая жилая «конура», вышла конурой почти реальной, при довольно кусачем ценнике. Койка место, в виде двуспальной кровати, отгороженная фанерной ширмой от других таких же, и с проходом в полметра вдоль. Темно, душно, и полная «благоухания» пота, да так что плацкартный вагон покажется люксовым номером.

В таких условиях они прожили почти месяц! Приходя туда только ночевать. Мама, «зависая» у себя на работе, разгребая накопившиеся за, в том числе далёкий январь, завалы, и спешно готовя квартальный отчет.

Отец, на трех работах сразу, пусть и не делая ничего сверхъестественного — кормил собачек у одной дамы, гулял с другими у другой, плюс занимался уходом за газоном подле одного салона красоты. Правда деньги в сумме со всех трех все равно выходили смешными,

да так что я на порно за день могу срубить его месячную сумму окладов.

А потом мамка каким-то образом подбила своё начальство на принятия отца на работу. На хорошую, оплачиваемую, и главное — понятную отцу должность! Они сняли квартиру, решили подкопить деньжат, все старались со мной встретиться, несмотря на плотный график, но я как будто избегал этого! За что сейчас получил легкий тычок по темени, с очередным выговором.

То на учебе был, то с друзьями, то гулял... они уже и с теткой говорили! Чуть не разругавшись. И так, и сяк, задабривали и её, и меня! Пересылали гостинцы, и передавали деньги на новую одежду... но я, по их мнению, обиделся, и, по словам бабки, «видеть их больше не желал!».

И это я ей еще припомню! Очень больно припомню! И теперь мне ясны те особые духи... неужто пронюхала, что я унюхать могу? Вот же... су... сумасшедшая старая пирожница!

Но все это было бы ерундой, если бы у самой фирмы не начались проблемы. Что там случилось — неизвестно, или батя не говорит, но их обоих уволили без объяснения причин, выкинув на улицу без трудового пособия — заставили подписать по собственному желанию. На счастье, все же произведя расчет, в том числе и за те два месяца, что отец успел у них проработать, не зажопив ни гроша.

Правда, счета то все так же заморожены! И денег он получил лишь ту часть, что выдали наличностью. То есть — черный нал, в конверте, в обход налогов. И хоть счет матери, на счастье, никто пока не трогал, деньги у них стали резко исчезать, и из только снятой жилплощади, пришлось в срочном порядке съезжать.

Вновь бомжатник — подвального типа. Вновь поиски работы, на этот раз обоим. Перебивка всякой ерундой, и мотание по столице... желание её скорее покинуть! Но тут матери начало становится всё хуже и хуже.

Смена жилья, как попытка поправить ситуацию! Запуск руки в иНЗе, для покупки продуктов, лекарств и витаминов, как попытка восстановить иммунитет. И вот она, больница...

— Маму надо отсюда срочно забирать! — провозгласил я, а сам с паникой подумал, что, если изменения минули стадию обратимых — и без хирургов уже не обойтись.

— Забирать? Куда? — горько усмехнулся на это папа, а я подумал — и правда, куда?

У меня, есть кое какие деньги! Я не стал покупать сотовый телефон, обзвонив всех поставщиков сантехники из будки-автомата. Денег ушло конечно немало, и не удивительно, что я не нашел нужной конторы — мама там уже не работала к этому времени.

И еще больше денег ушло на одежду — все же бегать голышом не позволяет «мода», а старые тряпки уже износились. И немало финансов постоянно утекает на хорошею еду, которую в столице «днем с огнем» не сыщешь. А кушаю я тоже неплохо. Но... у меня есть еще запас! Телефон бы стоил дороже.

Денег хватит, чтобы снять задрипанную квартирку на окраине. На месяц. Или быть может, на два или даже три, если не квартиру, а комнату, и где-то совсем на отшибе. Боже! Как же мало у меня денег! И ради них я, занимался...

— Возможно, ты и права. — выдал наконец отец, тоже о чем-то думав и наконец решив — Есть у меня еще один вариант с жильем, но боюсь тебе не понравится.

— Иии... чем?

— Понянял-Я! — произнес я, когда открылась дверка коммуналки.

Паровозик деток, бухой дед, вяжущая бабка в скрипучем кресле-качалке... мадмуазель маминого возраста в одном халатике и с толстой маской крема на лице, заявляющая, дословно «воды больше нет», на что остальные реагируют дружным стоном «опять все вылила!». Что за сумасшедший дом?!

— И сколько нам будет стоять эта комната? — проговорил я, оглядывая напрочь пустое помещение.

Даже штукатурки нет! Одна драная дранка на стенах!

— Нисколько. — нарисовался рядом с папой новый персонаж, интеллигентного вида, костюм-галстук, всё такое — Я давно тут не живу, все подумаю продать, а отец твой — мужик пожал батяне руку — в общем — я ему должен.

Я прищурившись, взглянул на отца, задавая всем видом вопрос «какого куя, а!?» вымотались по ночлежкам, а тут... целая комната!!! Но довольно быстро узнал ответ — в районе очень туго с транспортом!

Здание, пусть и расположено сроду не на окраине, и вообще довольно близко к центру, но тут — «мертвая зона». И ни ходит ни один вид общественного транспорта! А на машине... разве что летающей. Выбраться отсюда, сравни побегу из Шошенка. И работы нет.

Так что для трудового населения, данное жильё — катастрофа! И мне придется, от школы до сюда, летать по четыре с лишним километра, если чисто по прямой. А уж для больной матери... шумно тут, звиздец!

Пришлось искать другой вариант, в итоге снимая комнату в общежитии. Тут тоже шумно, но не настолько. И ближе к транспорту! И ближе к школе. Ну а с доктором, мы договорились. За не большую, реально небольшую, и даже скромную «взятку» в виде плитки шоколада... Он выписал мать так, что в случае чего её без проблем примут назад. А не так, как если бы она «сбежала», написав отказ от госпитализации.

Но мы все равно рискуем! Ведь я не знаю, что у неё там внутри и насколько все плохо. Про отца вообще молчу — он почему-то думал, что у меня есть какой-то хитрый план, как прописаться в платную клинику бесплатно, а не просто лежать в обнимочку. Он думал... а что он думал? Мне, типо, двенадцать! И я кое-как отговорил его не бежать обратно в больницу, слёзно уговаривая принять обратно. Не звонить в скорую, и не начинать усиленно пить.

Кое-как уговорил дать мне шанс! Завалив аргументами, что в больнице ей с временной регистрацией все равно не помогут, а продавать собственную почку нет никакого смысла — и ей не поможешь, и сам подохнешь. Ну и банальной — жалостью, слёзно умолив, поверить мне, сказав, что с матерью и раньше такое было, и я знаю что и как делать.

Народная медицина! Иглоукальвание! Акупунктура! Уринотерапия! У меня богатый опыт! Га-га-га! Главное — заболтать человека, до состояния, когда он уже ничего не соображает. Надавить на больное и мозг сам выдаст желаемое за действительное.

Мать оказалась совсем плоха, и мне первое время пришлось вообще, буквально все делать за неё. Даже в туалет самостоятельно не сходить! Даже в «утку»! Ей оказалось непосильно!!! Требовался массаж! Или катетер. Последнего у меня не было, и пришлось прибегать к первому.

Её так же требовалось вертеть каждые пару часов, чтобы избежать пролежней. Ну и, массировать! Массировать! Чтобы не дай Бог, что-нибудь там не отмерло, и не началась

гангрена — она была уже на грани. Некроз, и онемения... еще бы чуть-чуть!.. Но Сила знает свое дело. И тело, что вновь почувствовала знакомое «тепло», «воспарило духом», приступив к восстановлению, старясь поскорее вернуть утраченное, и избавится от лишнего.

И мать, пошла на поправку.

Мама оправилась за месяц. За это же время у нас, по сути, кончились деньги. И вот «на носу» уже новый новый год! И у кое-кого «в доме» начались панические атаки.

Впрочем! Пусть взрослые сами там разбираются! Мне учиться надо! Навёрстывать упущенное, и отмазываться за почти месячный прогул. И готовить свеже-отснятый материал к сдаче. Получать зачеты, а еще лучше — автоматы, по максимуму предметов — я умею подлизываться! Умею! Научился... и просачиваться в доселе неопробованную баню... где меня с моим фотиком и ловят за руку.

Особых последствий это не имело: пожурили, да выпнули — буквально! Хотя, а че они могли? Даже фотоаппарат вернули! Иначе бы это воровством считалось. Вот только пленку, собаки, засветили! А ведь на ней были кадры не только из этой сауны! Дурак я Саня, дурак!

Пришлось навёрстывать. И упрашивать учителей вдвое слезнее, на сдачу экзамена досрочно. Оценки в итоге вышли так себе — спешка! Но меня, в целом, устроили. И освободившееся время, я решил использовать с максимальной пользой.

Уже год прошел, и жизнь как будто кружочек навернула. Три придурка, и девица, только что расстались со своим имуществом, за место того, чтобы побить наглуго, бестактную, безнравственную, выпендривающуюся! Малолетку, что положила глаза не на того парня. Целый год со мной подобного не случилось!

Да, были стычки, где мне хотели личико попортить, да глазки выколоть... и ножки выдернуть хотели! И страпоном поиметь. Но, чисто женским коллективом! И без какой-то конкретной цели в виде парня, а просто — чтоб не выпендривалась! И вот тут на тебе... каким вообще образом эта баба уговорила парней влезть в драку из-за женской ревности?! Да еще и в драку с девчонкой.

— Только лицо не трогай!..

Ага, сдалось оно мне, твоё лицо! Хотя, я действительно хотел тебе фингал поставить но...

— ...их очень сложно было...

Но за такой откуп, мне хочется тебя здесь и сейчас, невзирая на все последствия, прирезать! Билеты! Два билета на концерт, на двадцать седьмое число. Декабря, блин! Дежавю, блин! Хотя, билетов два, и это — какая-то рок-опера, а не мюзикл... Пофигу! Не пойду!

— Оставь их себе! — буркнул я, и отпихнул от себя руку девахи, стоящей предо мной на коленях, по... бедра в снегу — И не попадайся мне больше на глаза! Прирежу. — прошипел отворачиваясь, и прихрамывая — «чапая» от стонущих тел, погружённых в глубокий рыхлый снег.

Снег, собственно, и стал причиной моей хромоты. Эти трое, действовали куда слаженнее ублюдков годовалой давности. И напали сразу, без прелюдий, бесед и предварительных угроз. Так же они, как ученики моей же школы, знали, чего от меня ожидать! А не были в святой уверенности в моей незащищенности как те студенты.

И тот ублюдок, что кинулся сзади, явно был готов, что я на это среагирую.

— СцКа! — прошипел я, глядя на свой кулак.

Подрагивающий и парящий на морозе, окровавленный, и с пальцами, что застыли в этой

форме и не желают разгибаться. С тремя крайне неудачными переломами, и двумя выбитыми суставами.

А виной всему — сковородка! Этот, «сын падшей собаки», пропихнул под тонкую куртку, на толстый свитер и подушку, сковороду! Большую, старинную, чугунную сковороду. И ему бы под неё подушечку подсунуть... но он как-то недопер. А я зато, недопер, что у людей живых, не может быть такого пресса! И вдарив разок слегка, почуяв излишнюю твердость, вмазал со всей дури.

Парнишка вырубился, но увлекшись, и офигев от последствий удара, я зевнул другого, накинувшего мне на голову мешок. А третий, ухватив меня за ножки, которые я желал уже перекинуть через себя, куда-нибудь стоящему позади меня на шею, и принялся осточертело обматывать их веревкой.

Это было фиаско! С чисто человеческой силой, я бы ни за что на свете не смог бы выбраться из положения! И получилось бы то, что задумал этот квартет. И мне как бы даже интересно, что именно они планировали со мной дальше делать!

Изнасиловать? Ну да, деваха в снегу, с потекшей тушей, и сползшими подкладками, что-то там такое кричала, попутно пытаюсь привести выбывшего из игры парня в чувства. Побить? Возможно. Но дальше то что? Неужели у этих сопляков, хватило бы мужества, меня убить?!

По телу пробежал табун мурашек, и я невольно обернулся на все так же стоящую в снегу девицу, плачущую и размазывающую тушь по всему лицу, но так и не находящую в себе силы подняться. Да ну нет, не может быть! Не верю!

Но в тот момент, оказавшись в западне, я подумал иначе, и борясь за жизнь, материализовал клинок света, воткнув его в бедро стоящего сзади. От боли тот заорал, и отпустил меня на мгновение. Я упал, оказавшись на снегу, и бессистемно брыкаясь ногами, угодил по носу, растерявшемуся «мужику с веревкой».

Получив по морде, он меня выпустил из рук, и я оказался целиком на земле. Вернее, на снегу! И скинув с себя мешок, и распутав ноги, веревка с которых легко слетела, не было ни узлов, ничего, просто намотанная бечевка — попытался встать.

Вот тут-то меня и подкараулил — Он! Снег! Я просто провалился по колено! Резкое движение, попытка соскочить, да еще и в стороне от натопанной тропки да в рыхлом грунте! Просто собрание всех возможных ошибок действия в подобных ситуациях! Где желательно вообще не «вдваться» в сугробы, топя только по дорогам. И не стоит забывать, что снег хоть и легкий, но не весомый, и провалившись в него, можно и застрять.

Я естественно мгновенно потерял равновесие и полетел мордой в сугроб, только в полете выставя руки. И естественно они тоже провалились. А озлобленные парни, не применули воспользоваться ситуацией, и перехватили инициативу.

В итоге, я все же кое-как отбил. Но кое-как, это и по брюху, и по ребрам, и по лицу, отхватив в том числе и ногами. Пока валялся в свалке в «грязи» с одним, второй довольно метко пинал. А потом он вообще, применил на мне что-то из самбских боевых захватов, и кажется, выбил колено из его сустава.

Убью! Убить хочу! Но не буду. Они блин дети, и я их достаточно поколотил. Даже ту девку, что в самой драке, «телочек в снегу» — не почувствовала, но всё время пока она шла, подбадривала и «драконила» парней, чтобы те, уж точно меня избил!

И пусть она отделалась парой синяков, и одним сломанным пальцем, а пощёчину я вообще за урон не считаю, думаю с неё и этого хватит. И свой урок она уже получила. Тем

более, когда обогатила меня на пару сотенных, и ммм — пятисоточку!

Куплю картошечки и зажарю! Сцуки! Это того не стоило! Заживать мои «ранки» будут долго.

Мама поправилась. Встала на ноги, разработала мышцы, вернула себе утраченную форму и даже годы! Похорошела, преобразилась... правда с работой, что у неё, что у отца все туго, и зарабатывают на жизнь они, не смотря на все труды, скорее временными заработками, чем постоянной работой.

Вернее, работа то может и постоянная, но «на частного» и без оформления. То есть сегодня работаешь, завтра нет. А после завтра и вовсе могут наставить ствол, и сказать копать ямку поглубже. Налоги и пенсионные отчисления никто естественно никуда не платит — они официально оба безработные. И каждый конец месяца, как взгляд в пропасть — заплатят, или нет? Или...

И денег как следствие тоже нет. Я тоже помогаю, кручусь, как только могу! Но — отец меня уже не раз в угол зажимал, с угрозой спрашивая, откуда «бабки» у малолетки?! Я, естественно молчал, изображая партизана. И отношения в итоге, скатились — вникуда.

И все было бы куда хуже, если бы мама не выздоровела! Батька реально её любит, что называется — до гроба. Но она поправилась, и теперь, боюсь, начнут пилить уже вдвоём. Причем, возможно, скорее всего! Мама будет это делать даже мощнее, чем отец! С ним-то хоть договориться можно! Что я и сделал — матери ни он, ни я, пока не говорили, что я откуда-то беру деньги, как считает папа — наверняка из криминального источника!

Таковы условия нашего маленького соглашения! Заключенного на взаимовыгодных условиях, дабы дать матери возможность оправится от болезни. Но она, уже поправилась! И даже вышла на работу. А значит, вот-вот, придет тот день и час... и это вижу по его глазам! Ему не нравится мои странные похождения, в том числе и ночные, школьные прогулы, пусть и редкие, еда и деньги, что достаю из неизвестных мест.

Но из-за матери и ради неё... ради неё... А что бы я сделал на его месте!? А что мне делать, на своём?! Что говорить, какую «байку врать»... и главное — как быть с мамой, ведь её хорошее самочувствие, и даже заново обретенная красота, во многом лишь иллюзия.

С порно-сессиями я завязал. Причем, это случилось еще в ноябре — мой босс стал как-то странно на меня смотреть, подумывая, а не предложить мне работенку поприбыльнее. С тотализатором тоже — весь спорт продажный! И я только деньги слил.

Даже с боями без правил, в которые я заглянул однажды, и где прикинувшись азиатской каратисткой, уделал другую, каратистку, тоже не заладилось. Не зрелищен мой бой! Вот совсем! А если выпендриваться... мне что-то мои ребрышки, да и лицо — мамка будет переживать — дОроги, чтобы их вот так просто подставлять.

Да и уличные кражи, ради которых приходилось ездить через весь город, и долго «обихаживать» цель... иначе совесть замучает! Даже если это будет сам уведший кошелек карманник, она, гадина, будет требовать снести денежки куда-нибудь, но только не себе домой.

Со всеми темными страницами жизни пришлось распрощаться! И, пусть занятие ими мне никогда не доставляло ни удовольствия, ни чего-либо еще! Наоборот, хотелось пойти помыться, ведь каждый раз словно в бочку с отборной гуаной ныряю! Ну, кроме порно-сессий — а что такого-то а?! Жалко им что ли, что я их «красоту» снимаю?! Так не отбираю

ведь!

И по отдельности эти все варианты уже устарели, не пошли, и исчерпали себя, можно было бы поискать что еще! Ведь чего только ради семьи не сделаешь! Но... я буквально жопой чувую, как за мною началась охота.

Нет, я не заметил слезки, из машин там, или пешими. И не обнаружил лежек снайпера на крыше дома подле общаги или рядом с домом тетки, к которой я изредка, очень редко — прибегаю помыться. И даже жучков где-то в доме, вроде как, нет! Но жопа... «горит». И я не знаю, где я опростоволосился. А потому — горит она алым пламенем!

Надо что-то делать но... у родителей дела опять пошли в гору. Счета отцовы наконец-то разморозили, позволив снять хранящиеся там деньги. Они, недолго думая, на них прикупили комнатку в той же общаге, где мы и жили — только этаж теперь другой, третий, а не второй.

И с работой вроде пошло нормально — батя склад охраняет, вернее — заведует. А мать — бухгалтером куда-то пошла, и вроде как довольна. Денег всё равно мало, но не бедствуем! И ехать обратно, в квартиру, которую наконец удалось кому-то там сдать через соседей, в правда счет задолженностей по коммуналке за прошедшие полгода — они и не собираются! Момент, упущен.

Значит, надо изменится самому.

И что я могу? — пробормотал я в мыслях, вставая перед ростовым зеркалом в общественной бане.

Сюда я пришел не один, а вместе с мамой. И нет, я не взял с собой фотоаппарат! Хотя подумывал. Мы просто пришли помыться, ведь в общаге... нету ванной! Есть только общая душевая, которая... загажена. Мыться там — себя не любить. А мы любим! Так что мы тут.

Тут тоже условия так себе! Но тут хотя бы хоть как-то следят за сантехникой, хоть иногда моют, есть парилка, с паром и без! Есть помывочная, и все виды воды — горячая, холодная, теплая. И даже, маленький, засранный, бассейн!

Засранный он не от того, что туда какают, а от того, что воду меняют раз в месяц и она там уже, цветёт. Я ошибся в расписании, и вместо того, чтобы прейти сразу после смены жидкости, пришел сам, и привел мать — как раз перед.

Впрочем, мать моего просака не заметила, и спокойненько парится в парилке, пока я, выскочив оттуда, сославшись на то, что упрел, стою и пялюсь на себя в ростовом зеркале. Нарцисс блин!

И что я могу? Как скрыться, затеряться. Закосить под азиатку? Легко! — сузил я глазки — опыт богатый, и это несложно. Чуть сменить тональность коже, чуть профилю лица, скорректировать разрез глаз и... — задрал я глаза повыше, прекратив щуриться, рассматривая челку — сделать гриву, чуть потемнее.

Волосы я отрастил себе на всю голову уже давно. А вот нервы в них, и сенсорную сеть, что позволяло видеть всё вокруг с закрытыми глазами и даже через стены — похоронил. У меня был выбор, либо ходить лет пять практически колючим ежиком, отрачивая волосики черепашиным темпом, как им и положено. Либо — отрастить гриву за месяц — два, но стать слепым.

Я выбрал второе. И волосы теперь не контролирую совсем. Это — раздражает! Они частенько в глазки лезут и вызывают лютое желание поработать огнеметом! Их, конечно, можно пожевать при случае, но и при таком же случае, они залезут в нос!

Бесит, но жить можно. А вот быть слепцом на заднею полусферу — непривычно. Из-за этого я и стал страдать работой носа, пытаюсь распознавать запахи как собака.

Принюхиваясь, запоминая... Выискивая цели, по эталонному значению того, как этот кто-то... смердит в моих воспоминаниях.

Начинал с особых пахучек! С девчонок, любивших дорогие духи! На счастье, способных их себе позволить на всю школу было раз-два и всё, и их запахи не путались меж собой. Потом переполз на пацанов, бедняг с проблемами желудка — их напротив дофига! Но каждый запах — уникален! А не жалкий режущий рецепторы одеколон.

Это не тоже самое, что видеть затылком! Но хоть какая-то приемлемая альтернатива, не дающая чувствовать себя незащищенным со спины. И за углом. И за тонкой стеной. И еще много когда и где.

Однако, азиаткой, быть мне непозволено — вздохнул я, опуская плечи и возвращая лицу привычную форму. Это хоть и легкий путь, но что скажет мама? Как русская девочка вдруг могла стать японкой?! Подозрительно, да, и лучше эту личину я и дальше оставлю на тайные вылазки.

Резко подрасти? Можно! Стоит спустить тело с поводка, и я резко стану похожим на мать! — обернулся я, глядя как эта самая женщина покинула парилку, и направилась к бассейну в сопровождении таких же распаренных баб — освежиться!

Можно, не сложно — тело давно только и ждет разрешения. У него все готово для спонтанного роста, и то, что придется рвануть вверх почти на два десятка сантиметров, с полутораметров и «шапочки», до добрых метр семидесяти двух — его «не парит».

Внутренние органы у меня уже давно и полностью развиты, кроме репродуктивных — нафига они мне?! И конструктивно все они — взрослые, не детские. Кроме всё той же репродукции! Даже сердце, уже полностью восстановилось! И не отличается от «заводских» аналогов. Ну а размер — просто размер. Нагнать его, труда не составит. Было бы из чего, и месяца за два — я стану... копей матери?

Отражением её студенческой фотографии! Но хочу ли я быть таким? — поднес я руки к своей совершенно плоской груди — третий размер — представил я озвученные булки, очерчивая в воздухе данные бидоны, и перенес руки к пусть не тощей, но уж точно не сочной заднице — и булки как у порно-модели.

Я не видел, какой была мать в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. На фотографиях этих лет, она — одетая в очень свободную одежду, не позволяющую точно определить габариты, можно лишь предполагать, что и как. И я к тому же на неё лишь похож, дочь, а не копия.

Но я точно знаю, каким буду я, если спущу тело с поводка! Длинноногой, пышногрудой...

— Саш! — донеслось от бассейна, отвлекая от дум — Что ты там стоишь? — и мать вышла из воды, вместе со «свежеиспеченными» подругами, что не поленились меня обхихикать, а потом и немного облапать, особенно за места половой принадлежности.

— Да не переживай, отрастут у тебя еще сиськи!

А я и не переживаю! Напротив — не хочу таскать на себе лишние тяжести!..

Глава 10 — Подворотня

Эх, мама, мама! — подумал я, слушая, как отец с матерью, обсуждают дальнейшие планы на жизнь.

Как отдадут меня в колледж или институт — почти единодушно сходясь на втором, ведь я больно хорошо учусь! Как женят... как купят квартиру, сначала мне, а потом себе. Даже интересно, и совестно, что порядок именно такой. Что сами они, типо, старые, и в комнатушке в общежитии поживут, а вот дочке...

Они, конечно, не молодые, но все же! С другой стороны, живя втроём в одной комнате, воркующим голубкам, пришлось остудить какое-либо своё сексуальное желание. Особенно в этом плане было тяжело именно матери.

Я накачал её силой, по самое «не балуй». Она расцвела, как поздний цветок, похорошела — отчего, естественно, стало неслабо тяжело сдерживаться отцу! Но главное, омолодившийся организм женщины, вдруг вспомнил, что как бы это его последний шанс на продолжения рода! И... я подозреваю, капает на мозги он не только мне, своим запахом, но и ей, причем так, что приходится закусывать губу до крови.

Нет, отцу все же тяжелее — взглянул я на него, поняв, что феромоны матери...

— Я пойду погуляю. — буркнул я, поняв какую пытку им доставляю.

И не дожидаясь ответа от озадаченной парочки, накинул куртку и нырнул в боты.

— Не ждите, до вечера не буду! Сегодня наши со Швецией играют!

И пушечным снарядом, вылетел из комнаты. Хотя вообще-то, никто ни с кем сегодня не играет. Ни в теннисе, ни в футболе — нигде. Но я, типо увлекся спортом, и деньги, типо зашибал через тотализатор. Так себе отмазка, но они поверила. Ставки... не то, чем должна заниматься маленькая девочка, но простили, услышав заверение, что более «ни-ни».

А то, что я сохранил рвение к спорту — их вполне устраивает. Ну и то, что уже через десяток минут за закрытой дверью началась оргия, с криками на полдома — меня тоже. И не устраивает только одно — Мама... слегла по осени вовсе не от «наркотического шока» Силы.

Нет, как я понял — убедился — чуть позже, одиннадцать лет совместной жизни все же недостаточный срок для такого! Организм действительно ослаб, и сильно, но то воспаление — лишь косвенный результат влияния потери подпитки.

Какая-то инфекция! Видимо подхваченная как раз в тех ночлежках, как изначально и решил отец. Что-то убойное, что здоровому человеку до лампочки, а для больного — верная смерть. И присосавшаяся к ослабленному организму человека как пылесос к щеке.

Я вылечил её! Вернее, она сама, при поддержке моей Силы, нашла в себе силы совладать с инфекцией. Однако, последствием этого, стал рак. Или же что-то похожее, в этом-же духе. Она сама этого не замечает, да и врачи, как бы тоже — мы ходили в больницу! И даже делали платный полный осмотр — ничего.

Но я, по отклику на её тела на мою Силу чувствую — внутри она угасает. Она умирает! И ей осталось года два жизни. И я... ничего не могу с этим поделать. Разве что постараться обеспечить это время достойным уровнем комфорта жизни. Хотя бы дать возможность влюбленным побыть наедине.

— Какой отвратительный март! — прокомментировал я проливной дождь, заливающий сплошным потоком все пространство вокруг продуваемого всеми ветрами крыльца.

Заливающий всю дорогу и все тропинки водой, и устремляющийся в не справляющуюся с таким напором ливневку бурным грязным потоком, прихватывая с собой и клочки еще не растаявшего снега.

— И чувствую, это только начало.

— Ну, до завтра — натянул я туфлю, прощаясь с подругой.

— Не — помотала она головой — не до завтра.

— А что так? — удивился я, ведь имел уже планы на её квартиру на завтра!

— Соревнования — вздохнула она.

— Ааа! Точно! — протянул я, вспоминая — Ну тогда до... следующей недели?

— Там тоже соревнования! Если не выбудем. А я не хочу выбывать! — тихонько улыбнулась.

Точно, суеверная. Вернее — спортивно зависимая! Самая слабая из тройки... и блин! Если она на соревновании будет, то и Нинка с Женькой тоже! Я остался без запасного аэродрома! Как «неожиданно» — позор!

— Ну ладно тогда! В школе увидимся — улыбнулся я и, поправив туфли ударом об порог, покинул квартиру девчонки.

— Ага, увидимся! — попрощалась она, улыбнувшись, и закрыла дверь с той стороны.

Эх... гадкое это чувство — горящая жопа! Чешущиеся лопатки, и к девчонкам в гости не напрочишься, пока они по спорткомплексам отжигают. Им не до меня! И даже не знаю, завидовать или злорадствовать. И... у меня такое чувство, будто тут, здесь и сейчас, на крыльце подъезда дома! Кто-то наблюдает. Ладно хоть не в подъезде!

Но вот откуда? — оглядел я ровные ряды окон многоэтажки — откуда угодно! Хотя по ощущениям, будто наблюдают через магическое око! — задрал я голову к небесам — но как-то странно, и в этом мире ведь нет магии!

Вообще нет! Никакой! Но что это за чувство тогда, будто дыра уже меж лопаток! Непонятно. Неприятно, и — раньше такого не было! Не было этого чувства у подъезда Зойки. Только у Женькиного! А значит... осталась только Нинка.

Печаль — безбожно сливаю я свои явки! И... из трех подруг, Зойка мне нравилась больше всех. Нинка уж больно «шебутная», а Женька... чем-то похожа на меня, как это видят люди. Зоя же — более спокойная, уравновешенная, с ней интересно общаться. И она единственная из тройки, кого я снимал не таясь.

И даже честно принес распечатанные фото! Как и обещал, хоть и не знаю, на кой вообще они ей сдались. Так что она — хорошая подруга. И мне бы не хотелось, чтобы из-за слезки, пришлось с ней распрощаться. И еще больше не хочется, притащить за собой след до дома, к общаге родителей.

А значит — «квест шоу», пробегись по помойкам! Проедь «зайцем» на троллейбусе, пробеги через толпу, и на перекрестке вернись обратно! Два раза за угол, и через подъезд, на автобусе на остановку назад, и через подземный переход... и еще сотню мест, чтобы как ни в чем не бывало прейти домой.

Выматывает — жутко! Зато позволяет держать себя в форме. Если же совсем нет сил — можно свалится наголову кому-нибудь из одноклассников или одноклассниц. Ребят со двора, моего, соседнего, одноклассников ребят со двора. Или вообще просто, знакомого.

Я давно уже набил все нужные контакты для страхования хвостов! А наглость — второе счастье!

— Привет!

— Привет.

— Ты один.

— Нет, с родителями.

— А они дома?

— телевизор смотрят.

— Я пройду?

— Нннеэт...

— Я уже прошла.

— Ум, чипсы. Я не буду.

— Я и не предлагал...

Да, они все дети, от двенадцати до шестнадцати, но целом — меж ними почти нет ничего общего! Разве что учатся большинство из них в одной и той же школе, но этот контакт я уже давно «запалил», и теперь стараюсь учиться и вести себя в пределах здания школы — как можно более неприметнее.

Слиться с толпой, не привлекать внимание, не носить вызывающую одежду и не драться! Но если с последним проблем в последнее время не возникает — репутация! Она топает впереди меня! То вот с остальным — успех лишь переменный.

Трусы под шорты с тех пор ношу, но вот лифчик под топик — а нафига? Ну или юбка разок оказалась слишком короткой — села, после стирки! Надел свитер бабушкин... и так далее. Сложно, не выделяться, когда все мода и молодёжные веянья текут где-то мимо, а я объедаю предков какого-то малознакомого мальчика на пельмени собственной лепки из их теста и фарша — они во мне уже невесту видят! Но и «вливаться» в их семью — я не имею ни малейшего желания.

Завтра — к Владу. Если родители его еще не вернулись из отпуска — «отожму» его квартиру-двухэтажную, на все выходные. Если вернулись... только на ночь. Эх.

— Во Нинка даёт! — воскликнул я, глядя на соревнование по плаванию, транслируемого через телевизор.

Этот телевизор, кстати, тот самый, что мы купили пред прошлым новым годом. Его, тогда, год назад, в мае месяце, родители отдали тетке на хранения. Она, естественно — его «зажилила» и отдавать не собиралась! Но тут, на праздники, вдруг «разорилась», и купила себе в два раза больше. А этот, с понтом — «держите милостыню!», вернула нам, уже как дар.

Ну и ладно, мы люди не гордые! Приняли, забыли — потом отомстим. А пока — есть возможность насладиться выступлением подруги! К сожалению, в единственном числе. Соревнование юниоров редко транслируют по ящику, но когда дело доходит до первенства Европы...

— Жги, жги Нинка! — воскликнул я, глядя на экран, сжимая кулачки, и сидя перед ним на ковре в позе лотоса.

И она отожгла! Вырвав золото с диким отрывом от ближайшей конкурентки-англичанки. Ух и недовольная у неё была рожа на серебрянном пьедестале! Будь-то не второе место, а последнее. Зато у Нинки — счастье так и плещется!..

Хм, завидую? — отвлекся я от экрана, обратившись к себе. Ведь что-то такое, в душе проскользнуло. Нет, скорее, это адская смесь гордости, злорадства и умиления.

Приправленная щепоткой обожания! Да блин! Так уделать конкуренток — я тебя, Нин, обожаю!

Правда увы, только твоё выступление я и сумел увидеть. Соревнование юниоров не снимают на камеры и не показывают на ТВ, пока дело не дойдет до серьёзных выступлений мирового уровня. А Зойка с Женькой выбыли еще на региональном отборе. Так что... к ним даже в гости не наведаться! Уехали подругу поддержать! Предательницы.

Нет! Верные фанатки! И я ими горжусь!

А пока я смотрю на именитых девочек через экран, родители, смотрят на другую девочку, своими собственными глазами без всяких там посредников. И что у них там на уме сейчас — барсук его знает! В чужой череп, не вскрывая не заглянешь.

Вот жесть... я попал! Попал по-крупному! — сглотнул слюну я, и, позволив мурашкам совершить забег от пяток к голове, вернул себе хладнокровие, не позволив им вернуться обратно.

Труп. Как пить дать труп! Лежит у моих ног в подворотне меж гаражами — срезал маршрут! Запутывая следы. И не в первый раз я как бы тут бегаю, но... Нет, наркоманы были тут и раньше. И много! От того и бегал я именно тут, но...

Этот — труп. И лежит сейчас у моих ног. А на моих пальцах — мои отпечатки! Я его трогал! Вот подстава-то! Хотя трупы наркоманов тут тоже не редкость, этого — убил я. Он на меня со спины с ножом кинулся! Я, естественно, ответил, своим коронным, в брюхо...

Нарик облюбовал меня — и в люди не податься, с таким то видом! И, «нюх», «нюх», запахом.

— Бле-е-е...

Ужас! Облювал, и — сдох. Кажись еще в полете, и кажись, желая сверху придавить, но я подался в сторону, и пропустил тело мимо себя. Мертвое тело! Что лежит сейчас у моих ног, и у которого, я проверял и пульс, и дыхание, и, каюсь! Грешен! Которому пытался сердце запустить.

В общем — наследил по полной. А ножик, вон там, в сторонке, в двух метрах валяется. В пыли, и без крови.

Что делать? Звать ментов? Да кто сюда... не! Поедут! Если я скажу, что я «убила». Не тогда детской комнаты милиции мне не миновать! Или папку посадят. Если он, конечно, не организует себе железного алиби. «Убить малютка не могла, но вот прикрыть кого-то...». А кого еще я могу? Прохожего? В любом случае — кого-то упекут, или постараются.

Чорт! Сегодня суббота! У отца — выходной! Алиби — нет. Как и у мамы! Они дома сейчас! Только я по подворотням шастаю. И даже если подумать — фирмам, где они оба работают, проще их так же обоих уволить, чем связываться с ментами! Шарашкины конторы, что сами по себе не вступились бы за своих работников.

Даже если б им для этого потребовалось сказать одно слово по телефону. Даже если бы все было железно, и обвиняемый работник в момент убийства сидели на ковре у босса. А люди в погонах умеют давить и на сильных, особенно когда хотят новую звездочку.

А без работы... опят будет трудно! Не хочу! Значит — убежать? Можно! Но — отпечатки! По ним меня найдут, и... придется все отрицать — можно! Никто не подумает, что мелкая пигалица могла кого-то убить. А вот обокрасть... А я ему еще и майку порвал!

Хм, а это что такое? — заметил я торчащий из внутреннего кармана демисезонной куртки, при том, что на улице лето и плюс тридцать жары, листок бумаги. Вытащил его,

разворачивая сильно мятый, но по-прежнему ослепительно белый, лист. Исписанный текстом ручкой от руки, вне соблюдение всяких линий правил и ориентаций.

И припомнил, что я видел уже сегодня этого нарика, у входа в гаражи — со «стеклянными» глазами. В принципе он и вчера там был, а позавчера — валялся в канаве неподалёку. Еще за неделю до — за сто рублевку таскал кой-то хлам одному мужику из гаража до свалки, а потом гараж этого мужика кто-то ограбил.

А еще я под этого нарика фактически сам подставился! Пробегая мимо него за сегодня уже во второй раз, и увидев, что глядя на меня он вдруг заметно оживился, вернувшись из «астрала», я пошел существенно медленнее, и с видом — потерялся! Заблудился, не знаю где дом... бедная маленькая девочка в грязных подворотнях!.. Привлек внимание, нашел приключение.

Но ведь и бил-то я тихонько! Хоть и чуть сильнее, чем обычно, из-за ножа и зная, что враг — наркоман! И боли он не чувствует. Но я не думал... эх! Да все это не важно! Главное, что эту самую бумагу «обкурышь» и изучал, когда я мимо него проскал!

С таким умным и деловым видом, будто тактическую карту! Уткнувшись, и водя пальцем... в невероятно кривые строки и неровные буквы. Но смысл все же понятен, и он — удручает.

Сердце — сто тысяч.

Почки — пятьдесят.

Печень — тридцать.

Поджелудочная и желудок — двадцать.

За все тело целиком, если не приведешь хвоста, дадим две сотни!

Наркоманы, бомжи, алкаши — не интересуют. Нужны молодые!

Дети — сойдут.

Вот блин! И ведь жмурика не спросишь, кто ему это дал! — с досады пнул я тело, и заметил краем глаза, что из-за крайнего бокса показались самоходных два тела.

Все же — валить. И молится, чтобы меня не нашли! Что решили — просто жмур очередной, и не более того. Что не станут, проводить экспертизы. Нарик и нарик, умер и умер. И больше не бегать по этому маршруту! И вообще, похоже, пора урезать свой маршрут ухода от преследования, а то он уж больно длинный, долгий и не удобный. Побегать могу и вокруг общаги, для формы, а не по этим стремным гаражам, или толпам людей кишмя кишящих карманниками, как на арабском базаре, что уже дважды обнесли даже меня.

По метрополитену, где я каждый раз рискую оказаться пойманным и отправленным в ИВС. По чужим территориям «районных», где местные братки, вечерком, могут решить что я «борзый перец» что пришел на их территорию, если я буду одетым как пацан. А я бывает, одеваюсь.

И по прочим стремным углам и закоулкам, рискуя нарваться! Ведь кто бы за мной не следил — он просто старый извращенец! Уже который месяц, только лишь следит. А мне не жалко — пусть наблюдает!

Глава 11 — Лагерь

— Лагерь? — переспросил я, вернувшись домой, и узнав от родителей о какой-то «путевке».

Учитывая, что я всего-то полтора часа назад убил человека — ассоциации не очень.

— Угу. Детский лагерь «Звездочка». — пояснила мама, и я усиленно захлопал глазами, соображая что это за зверь.

Аа! Понял!

— Море?

— Нет, Подмосковье.

— Жаль. — выдохнул, скинул шлепки и улыбнулся — но тоже неплохо!

Кинулся обниматься с мамкой под одобрителный «мХык» половинки лица папаши. Вторая половинка его лица так и не научилась действовать, хотя щрам, давно затянулся, стал почти незаметным, перестав кидаться в глаза красным постоперационным рубцом.

— Когда? — отлип я от матери, по-прежнему продолжая изображать щенячьи нежности и поросячий восторг.

— Двадцатого заезд. — пояснил отец, видя что мать сейчас и слова из себя выдавить не сможет от нахлынувших чувств.

Это кто вообще-то тут от предков сбегает на целых... э... много дней — я или она!? Заодно укрывшись от копов в неизвестном лагере. Это кто должен... ай! Ладно!

— Класс! Успею собраться и подруг предупредить! — воскликнул я, и метнулся обратно к двери — Не ждите! Сегодня не приду. — и улыбнувшись, усвистал.

Мне, действительно надо предупредить немалое количество людей о своем отъезде, оставив еще большее в неведенье. И немалое количество дел и планов, пересмотреть, отсрочить, и отменить.

Время есть! Но нужно не напортачить, перепутав тех, кто должен знать, с теми, кто нет.

— Что, ты тоже едешь? — узнал я вдруг у Гальки Голицыной, что она, оказывается, тоже едет отдыхать и тоже двадцатого.

— Ага. Предки вчера «обрадовали», — и по тону я понял, что она не в восторге от поездки — и ультиматум поставили, что либо туда — либо к бабке двоюродной! А ты знаешь, как я отношусь к её огороду?

— Знаю — неловко улыбнулся я, вновь пересматривая свои дальнейшие планы.

— Ну вот. Так что — лагерь — развела она руками, и тут же обреченно сложило их обратно на колени, потупив взор — только боюсь, после лагеря они меня всё равно на огород сошлют, чтоб не мешала.

Чем она мешает предкам, я решительно не понимаю. Галька — тихая девчонка! Даже очень тихая, и немного — зашуганная. Не страшенькая, но мышка, и учится так себе. Практически невидимка! И с ней никто не дружит. Да и я, дружу только из-за хаты.

Огромные пятикомнатные хоромы! И как она может в них мешать родителем — решительно не понимаю. Но они даже при мне и вслух, ей это высказывали. И были решительно против нашей дружбы, но я, пусть и в женском теле, но настойчив. Дома они почти не бывают!

И квартира у них, по факту — шести комнатная! Просто последняя без окон. Еще и с

двумя сортирами, и таким же количеством выходов — можно из кухни попасть в соседний подъезд. Планировка — безумец, заблудится можно. Чем я и пользуюсь, когда они все же приходят домой с внезапной проверкой, «а не привела дочурка кого в дом?».

Но главное — та самая шестая комната! Если квартира — лабиринт, то «кладовка», как мило и наивно зовут домочадцы двадцать квадратных метров мрака, черная дыра! Там, среди заваленных хламом стеллажей и всякого добра валом, можно плутать годами! И ни разу не найти ничего из того, что искал.

Мне довелось там даже ночевать. А еще я среди барахла нашел микроскоп, набор юного химика из шестидесятых с уронам в образцах, трансформатор на шесть тысяч вольт, и ТТ времён великой войны. Правда патронов к нему там не нашлось.

И именно в этой черной дыре я планировал спрятать свой контрабас, к которому стараниями деда Архимеда-тетушкиной любви и мастеру на все руки в одном флаконе, было приделано второе дно.

Надоело мне его таскать по чердакам! Надоело... он пыльный весь уже, грязный — отмыть надо, прежде чем в дом переть! Но терять к нему доступ до конца лета из-за отъезда Галки я не желаю.

— Ну, не переживай ты так! — попытался утешить я девушку, положив руку ей на колено — есть же и в дачи свои плюсы! Малина например — вспомнил я шикарную ягоду садов этого мира, и даже облизнулся.

Девка — отвернулась.

— И шершни. И осы. Про комаров вообще молчу.

Вспомнив, что у неё острая форма аллергии на насекомых, я не нашёл что ответить.

Лагерь мне сразу не понравился. Видом, запахом, расположением — всем! Шумное место возле пусть региональной, но трассы. Реденький лес, что и хоженный как парк, и заросший, как дворовые кусты. Ну и с бардаком соответствующим — с ходу можно найти чьи-нибудь трусы.

Речушка, не так не сьяк, не искупаться, не умыться — грязная, да мелкая, но с комарами... целыми роями! Не подойти и на метр, хотя камешки в ней выглядят интересными. Ну и сам лагерь — один пятиэтажный корпус, окруженный древесными руинами.

Когда-то, как понимаю, корпус был лишь техническом придатком при большом лагере летних домиков. Их гнилые следы торчат везде по округи как призраки былой роскоши, создавая советующие благоуханья плесени и гнили. Как и асфальт дорожек до сих пор твердеет под слоем дерна и травы.

Так же тут были горки, турникеты, еще что-то, от чего остались только обломанные, обкусанные железки, так же торчащие из-под земли тут и там. Да даже забор каменный был! Оставив от себя на память только обработанный кувалдами фундамент — кому-то из местных сельчан-горожан нужен был бут для фундамента. От всего до моих дней дожил только главный корпус.

Пять этажей, первый технический — столовка, без кухни! Вся еда привозная. Театр-кинозал-актовый зал, куда нас не пустили даже при обходе. Кладовка со швабрами, куда мы все и дружной толпой, да не по разу сунули свой нос сразу при заезде — думали там подвал и что-то интересное, типо тренажерки. Облом.

Комната для наказаний — темный угол, с за решетчатым окном — туда нас тоже всех

сунули носом, подробно разъяснив, что ждет каждого, за прогулы обхода, непослушание и не соблюдения режима. Ну и душевая-душниковка...

— Жесть...

Остальные этажи жилые, и на радость разбиты не на огромные комнаты на двадцать рыл каждая, с нарами на все помещение, казарма, как я привык, а на маленькие клетушки на две двухъярусные скрипучие койки.

— Жить можно!

И... собственно все. Вожатые обитают тут же, только в комнатах по одному. Душа на этаже нет, вернее он есть, но я, не брезгливый перец! Туда не пойду — в коллекторе и то чище, и плитка не отваливается. Да и нет вариант словить на шкуру током! А тут и провода из-под плитки торчат... Да и не пускают нас туда, радуя заявлением:

— Туалет на этаже может не работать. В случае подобного, не надо бегать по этажам и в сему корпусу в поисках угла! И тем боле не надо искать этот угол на лестнице — идите сразу в низ, там дежурный клозет всегда открыт.

Но главная беда — делать в лагере решительно нечего.

Вообще! Совсем! Тут даже в распорядке дня так и написано: Подъем, завтрак, свободное время... Потом: обед, сон час — свободное время! Вечер отличается только наличием переключки-обхода, присутствие на котором обязательное условие для всех, дружащих с головой, лагерников.

Что будет, если не поприсутствовать мы узнали уже на следующие сутки после заезда — менты. Ловля потеряшки как беглого преступника с планом перехватом, и сдача его на руки радетелям. С апломбом, криком, скандалом, и заверением от ментов, что в следующий раз чадо ждет учет в комнате милиции.

То, что воспитатели и лагерь несут за дите ответственность во время его пребывания в лагере, а ни разу не родители, не присутствующее в нем и прибывающие в святом неведенье за сотню километров — никого не ипет.

В общем, лагерь — дико скучный! Тут вообще нечем заняться! В хлам! Из развлечений только близость города с поселком, куда на вторые сутки заточения свалило почти-что строем девяносто процентов узников.

А куда им еще идти то? Не в лес же, в самом деле! Да в нем количество бутылок в нем превышает количество деревьев. А домики, руины их, исследовать пойти могут только камикадзе — гнилые больно, и ноги поломать там как не фиг делать.

Даже еда... среди неё стоящий только предобходовой ужин, на который столовка наконец щедрится на что-то стояще, за место обеденной «булочки с блевотой» и завтрачной лапшой «рак желудка». А, ну да! Тут еще есть компот! «чьи-то яйца».

— И правда яйца плавают... эй! Кто такой умный?!.. Да нет, ничего, это я так... о свом...

Я, первые несколько дней пытался быть честным. Пытался есть лапшу, но по глазам «поваров» понял, что эта еда не для меня. Пытался грызть черствые булки, но по глазам тех же граждан убедился — у них тоже есть дети! Пытался употреблять в три горло, как привык, единственную нормальную, горячую! Еду ужина... но неожиданно узнал — у всех здесь работающих есть свиньи. И эта еда, что не была съедена другими ребятами, предназначена точно не для меня. А порции то крохотные.

Пытался честно развлечь себе в окрестностях лагеря. Заодно найдя что поесть. Но кроме местами ободранной коры, и чахлой листвы, ничего не обнаружил. Разве что цветные

камешки речки! Рай геолога, и просто интересное место для человека, в этом понимающем. Но они не съедобные! А я не из этих, от того поплелся в след за всеми — в деревню, для начала.

Но увы, и она меня разочаровала. Танцы в клубе? Это не ко мне. Сплетне на завалинке? Тоже лесом. Посиделки у костра? Идите в баню! А вот в самую баню меня не пустили. Как и не удалось мне сторговаться на добычу молока, кваса, или еще хоть чего-то чего съестного. Даже — черствого хлеба.

Деревенские вообще давно уже привыкли к молодёжи с лагеря. И даже можно сказать, уже переболели и страх, и трепет, и даже злобу с яростью, начав просто игнорировать, иногда прикрикивая, и гоняя палками. На худой конец, имея ружья с солью.

А главное, они привыкли к близости города, городов, и вообще — Москвы. И молоко, сметану, творог, не говоря уже о мясе, продают исключительно за наличный расчет. И желательно — зелеными бумажками с президентами. Ни о каких «я вам дровишки поколю» или «воды принесу» не может идти и речи! Таких желающих как собак не резанных и куры не клюют.

Вторым на очереди стал один из подмосковных городов, куда уходит трасса в противоположность от деревни. И... в принципе, всё тоже-самое! Если мамка с папкой не оставили наличности, и бабка с дедом не подсунули ничего такого пред уездом в карман, и даже дедушка или тётушка не навестили... таким ребятам, я не позавидую.

Работу тут найти вполне реально, от подметания улиц, до подачи ключей сантехнику-ассенизатору. Но платят — четвертинки от копеек! За полный трудовой день. И ладно если хотя бы кормят! Тогда нормально. А вот если нет...

Убедившись, что и в городе мне ловить нечего, если я хочу сохранить хоть каплю чести-совести при себе к концу отдыха, я врубил режим сонной каракатицы. Стал дрыхнуть сутками, игнорируя всё на свете, кроме ужина. И без лишних проблем и тревог дождался конца трехнедельной смены.

— Ну как хорошо отдохнула дочка? — поинтересовалась мать, вместе с отцом встречая меня на автостанции.

— Нормально — улыбнулся я, выпрыгнув из автобуса, и окончив процедуру приветствия в виде обнимашек, добавил — Но больше не поеду.

— Не понравилась? — убивалась мать.

— Не понравилось — не стал я отрицать очевидного, все также улыбаясь, только теперь уже слегка натянуто.

— Ну ладно.

А позже, из разговора матери с отцом, подслушанного стоя за дверью комнаты общаги, я узнал, что детям, оказывается! Нравится этот лагерь! Прямо от восторга пищат... наверное это дети... подростки! Из той самой категории, которым родители, дали денег на карманные расходы пред поездкой на отдых.

Им там, действительно кайфово! СВОБОДА! Никакого контроля и море развлечений — клуб, друзья, клуб... э... не знаю, что там еще. И таких и в нашем заезде была львиное большинство! Что, в прочем, и не удивительно — путевка то платная! А кто оплатил для чада путевку, тому и сверху прикинуть дитю на руки деньжат будет не в лом.

— Ах, так вот ты кто такой! Извращенец старый — произнес я во все услышанье, нависая над мужичком, развалившимся на крыше.

С очень хорошим фотоаппаратом, с шикарной оптикой, лежа на пузике, и из-за парашюта поглядывая куда-то вдаль, пока я не пришел. И пока я не толкнул свою речь практически ему в ухо. Из-за чего он чуть было не подпрыгнул на месте из позиции лежа, или и вовсе — чуть не вылетел с крыши двенадцатизэтажки. А лететь отсюда далеко! Но парашют не дал.

— Напугался? — улыбнулся я, и забрал у ошарашенного человека фотоаппарат.

Дорогая вещь! Ух дорогая. Жаль, наверное именная, иначе бы я его эмиссировал в счет морального ущерба. Я таки вычислил этого долбанного наблюдателя! — и пнул желающего что-то сказать человека в живот носком ботинка, для праформы, так сказать — и даже удивлён, что он оказался простым извращенцем.

Ух, сколько тут фоток! И какая техника! Оптика, по кручи прицела боевой винтовки! Просветленная и... и экран на камере! Позволяет просматривать отснятые кадры без проявки пленки! А вот и я, зевая стою у подъезда. А вот и Зойка... и она же в окне, задергивающая шторы.

Извращенец — вновь взглянул на мужика — я понимаю, дрочить на голых баб, даже на малолеток! С кем не бывает, нормально. Но на одетых малолеток!?!? А у него и сейчас, на меня! Одетого во вполне целомудренный спортивный костюм, что даже не в обтяжку, бугорок вон надулся. Диагноз, в общем.

Но заставил же он меня помучиться, ой заставил. Полгода я ходил как на иголках, носился как лань по подворотням, замечая следы, начиная в душе истереть каждый раз, как чувствую слезку. Перепрятывал винтовку по пять раз на дню, маниторил всю окрестность! Все крыши, дворы, подворотни, изучал окна, маршруты своих передвижений и точки, откуда их может быть видно...

Изображал из себя самую примерную пай девочку из всех пай девочек! Не влезая ни в драки, ни в разборки, ни во что! Уже не знал, что и думать! Чувствуя регулярное внимание к своей персоне, особенно в гостях у подруг и в школьном дворе... а на меня всего-то дрочат.

Гад! Но недооценил конечно я его технику, от того столь долго и искал. Не думал, что съемка шла со столь большого расстояния.

— ГДЕ ВТОРОЙ!?! — проорал я в лицо уже очухавшемуся от удара в живот, и уже мысленно обливавшему моё тело человеку.

И заметил выпирающий бугорок на его куртке. Тут как бы ветер, от того прохладно, хоть и лето. И куртка теплая, но... телефон! Всё равно выпирает. А кровь из носа — это не смертельно.

Он не мог следить за мной один! Как ни покручу я схему наблюдения, а только часть мест, где у меня начинало подгорать, видно с этой крыши. А если добавить то, что наблюдения я ощущал и в невидимых отсюда в местах, почти одновременно с видимыми — то либо извращенец умеет летать или телепортироваться, либо должен быть еще кто-то. И возможно — со столь же хорошей подготовкой и техникой.

Только в телефоне последние вызовы были давно, и мне эти номера без подписей ничего не говорят. В палатке, установленной на крыше неподалеку, тоже нет никаких упоминаний об иных контактах, только примус да запас воды и консерв.

Окапался шпион тут конкретно, это бесспорно! Что и не удивительно — уже пол года за мной, и моими подругами, шпионит. Но мне придется его обшманать — как к куску говна прикасаться, при том что ОНО, это говно, еще и удовольствие в процессе получает.

Омерзительно! И даже быть его как-то не хочется — мазохист, что с него взять? Только анализы, для приёма к психиатру.

— Где второй!? — вновь прошипел я, подтягивая его к себе поближе, приподнимая тело стокилограммового мужика одной рукой за ворот куртки.

Кажется, он наконец понял, что шутки кончились. И что пред ним не «кавайная лоля», как написано на его футбол по английский под изображением какой-то девчонки из неизвестного мне аниме, а вполне себе угроза его жизни и здоровью.

Попытался взбрыкнуть, что-то сделать руками, кажется — дать мне по уху. Но я, его правое щупальце перехватил в полете левой рукой, продолжая правой удерживать частично в воздухе тело. И не мудрствуя лукаво, сломал её об своё левое колено, поднятое до уровня груди и стоя на одной ноге.

— рААА! — крик боли заполонил всю крышу.

И я отпустил его, давая еще и насладится ударом позвоночника об бетон под рубероидом.

— Говори, где второй! — проворковал я, и сунул пальчик ему меж ребер, начиная проталкивать его вглубь, постепенно переводя свой полцентнера в эту маленькую точку.

Больно наверное — мелькнула мысль за секунду до того, как мужик заблажил на всю ивановскую, даже на мгновения забыв о сломанной руке:

— Я все скажу! Всё! Только не бей! Прошу!

Я удовлетворённо улыбнулся. И проговорил по слогам, ласково, но жестко:

— Где, второй? Где, твой напарник? Где вторая точка наблюдения? Отвечай, и все будет хорошо.

В квартиру к его "семпаям" я пришел уже под личиной азиатской девушки. За то время, что прошло с момента моего первого выступления в этом облике, и то количество раз, что я на себя примерял узкие глаза, я уже наловчился маскироваться под известную только мне персону всего в течение пары часов. Фактически, по щелчку пальцев! И вот уже в глазок заглядывает совершенно иной человек.

Да, рост, остался тем же. Телосложение — тоже. Но в моём случае лицо решает! Ведь с моим телом, только оно отвечает за то, как собеседники будут меня воспринимать. Как девочку, малолетку лет десяти-двенадцати, или уже за женщину, пусть и без груди.

И, ничего не подозревающие бандиты, помешенные на Азии и аниме, с превеликим удовольствием сами открыли мне толстую железную дверь. Бандиты, так как, только вступив на порог, я сразу понял — их тут трое!

— Ой, вы уж извините, что я тут к вам... — продолжил я лепетать свою легенду — мне правда жаль, если я вас затопила...

— Да вы проходите, что стоите то на пороге! — щедрым жестом пригласил меня в дом мужчина.

— Ой, простите! Просто у нас не принято вот так входить в дом...

— А, ну да, обувь придется снять — улыбнулся первый клиент на расправу, указывая на мои туфли.

А из проема в комнату показался второй, в очках, и оглядев меня, скрылся подальше начав примёрзло улыбаться.

— А, ну да... — я стянул с себя туфли и поставил их аккуратно у входа.

Неожиданно вспомнил, что в видимых мной аниме их ставят как-то по-особому. Но я,

поскольку никогда не обращал на подобные мелочи в мире рисованных картинок, ни как не смог вспомнить, а от того — решил остаться стоять с туфлями в руках.

— Можете на полочку поставить — усмехнулся мужчина, указывая на полку с другими тапками, и закрыл за мной дверь.

— Ой, простите, а ванная здесь, да? — указал на дверь, предположительно в ванную, и немного заглянул в комнату с очкариком, что как оказался никуда не отходил от прохода, а просто спрятался за косяком — Ой, зараста!

— Зараста! — неловко улыбнулся тот, выходя в коридор и чеша затылок.

А на шее его, висит свежо проявленная пленка. И судя по всему, третий человек, сейчас как раз занимается проявкой во второй комнате двухкомнатной квартиры. Дверь туда закрыта, и даже занавешена снаружи, но запах — все равно проходит.

Главарь, или просто ответственный за дверь человек, к этому моменту её как раз окончательно закрыл, захлопнув створку двери деревянной, прятанной за дверью железной.

— Да проходите, хоть чаю попейте, познакомимся, уж по случаю. — и положил руку на мою талию.

Да будет резня! — мелькнуло в моей голове, и мужчина лишился целостности своей руки. А в следующий миг, дабы не орал, получил в кадык. Черт! Перебрал! Сломал!

Следующий удар достался очкарику, чьи ребра тут же треснули, дыхание прервалось, и, кажется, у бедняги встало сердце! Черт! Еще один жмур! Остался последний, и уж на нем я отыграюсь.

Глава 12 — Бомж с крышей

Красиво лежит — подумал я на следующий день, увидев труп извращенца с крышей на асфальте за домом, но сделал вид напуганной девочки, и поспешил поскорее удалиться от невероятно страшного зрелища. Окровавленного бомжа на асфальте!

Всего-то день промариновал его на солнце, что было рискованно, несмотря на кляп — вдруг кто сам бы туда прилез, несмотря на закрытые мной на мои замки люки? Вдруг кто увидел, и вдруг он кому рассказал... хотелось мне ему на всякий язык отрезать, но это было бы подозрительным у трупа на асфальте.

А так, мужик с обветренным грязным лицом, в грязной рваной одежде... ничего подозрительного! И на самой крыше я создал иллюзию ночлежки бомжа, что было тоже совсем несложно — немного покоцать палатку, да притащить старую фуфайку с чердака за место новомодного туристического матраса, и готово! А всю дорогую технику, и оборудование, утащил в другое место. А документов у него при себе и так не имелось.

В общем — всё классно! Хотя меня самого могли видеть идущего на чердак — я все же не невидимка! Но вряд ли кто подумает на маленькую девочку в подобном деле, а отпечатков я не оставлял. И у меня теперь двух комнатная квартира в личном распоряжении! И даже небольшая фотостудия в ней.

Однако студия, коробка-ванночка, да лампа красная, требуют нехилых таких знаний для своего применения! И у меня их нет. Совсем. Так что это мимо меня, я вообще засветил свежие кадры, ввалившись к третьему выжившему для пыток.

Запытал, теперь думаю, дня за два их всех разделаю и по-тихому скормлю собакам, спущу в унитаз и в мусоропровод. И думаю еще месяца два, на столько у парней была оплачена аренда квартиры, смогу ей пользоваться без лишних подозрений. Главное, в своей детской ипостаси сюда не приходите! И уже точно никто не свяжет пропажу трех затворников с красивой азиаткой, упавшим с крыши бомжом и маленькой русской девочкой.

Жалко ли мне их? Да, жалко. Ведь я убил их тупо потому... ну, двоих случайно, а остальных — они слишком много знали! Они следили за мной слишком долго, и я приперся к ним совсем с недетскими навыками — свидетели, которых я изначально шел устранять. Пусть и не был уверен в целесообразности, узнав о их «хобби», пока не убил двоих.

Так что если бы даже, по какой-то нелепой, технически глупой, случайности на той крыше с фотоаппаратом оказались бы дети. Мальчики, девочки, моего, младше, старше возраста — неважно! Я бы всё равно их убил. Такова жизнь.

Я шел туда убивать агентов разведки или кого-то им подобного, кто полгода меня мучил регулярной охотой на мою опу и слежкой. И по итогу мне абсолютно пофиг кем бы они оказались в частности и с человеческой точки зрения.

Я их убил, абсолютно не жалея об этом. Иначе было бы только хуже, для меня. Я, стал эгоистом.

Классные фотоаппараты... но надо потихоньку готовиться к съезду, чтобы потом не пришлось экстренно эвакуироваться с горящим задом. Время оплаченной аренды еще есть, но чуется мне — пора делать ласты. Спасать оборудование! Пока не пришлось спасаться самому, потому что что-то не учел. К Гальке! Хотя часть я уже упер по другим разным нычкам.

Но большую часть все равно к Гальке! Тем более что я все же сумел сдружиться с её родителями! И даже немного улучшил её с ними отношения.

Они, как оказались, работают в столице по контракту. На какую-то транс атлантическую контору, и обычно живут за бугром. Живут давно, и работают на эту фирму в принципе тоже немало — сразу после колледжа! То есть всю жизнь. Если не придирааться. Ну а поскольку конторка решила открыться и в России, им потребовались русскоговорящие граждане для работы московского центра.

Как сказали предки гальки «русским они не доверяют», на что я был вынужден скептически поднять бровь, ведь они-то, тоже русские! Да, их родители уехали за границу еще когда им самим было пять и три, и свою родину совсем не помнят, и более того — презирают! Но все же...

А Гальке столица вдруг понравилась. И вообще, даже говорит на языке страны, где они жили — Англии, плохо, и с каким-то рязанским акцентом. В отличие от меня, с почти чистым, хоть и родился я на Урале, а не в Лондоне. Всеми виной, по их словам, нянечка из русского квартала! Что научила русскому, раньше, чем английскому.

Хотя думается мне, что всему виной не няня! А они сами. Чьё наплевательское отношение к дочери, и почти полное отсутствие отцовско-материнской любви, и привело к тому, что дочь пошла наперекор, взяв за основу не тот язык.

Высказывать им свои мысли я, конечно же, не стал. А вот подставить уши, под изливание души — это я запросто! Они вообще, услышав мою фразу, признаюсь, матерную, на заокеанском, чуть дар речи не оставили в известном отхожем месте! А уж когда я заговорил на языке не матерном...

Растаяли. И я вдруг сразу стал семье роднее, почти вытиснив из их жизни их родную дочь. Кое-как вткнул её обратно на её законное место, договорившись поднатаскаться её в английском, сам же, решил поднатаскаться себя, договорившись об исправлении акцента.

У меня он не рязанский, у меня он французский! Последствие того, что Кверинский, на место которого встал инглиш, несколько похож на местный французский в произношении. А иметь возможность управлять акцентами — полезно! Только самостоятельно его в своей речи не найти, если по крайней мере не записывать на диктофон.

Которого у меня нет! В квартире извращенцев был, но я его случайно, кхмыг, сломал. Да и где я еще найду почти коренных англичан, согласных со мной общаться, да еще и править мою речь от неточностей произношения со своей Лондонской колокольни?!

Другой вопрос, насколько это тяжело! Все же язык я учил не сам, а тут еще и школа, со своими лошадиными темпами. И Галька, которую надо хоть чему-то да учить. И переезд, при котором надо из квартиры, которую я конечно же уже хорошо отмыл, но в которой все равно было убито трое, по-тихому утечь, прихватив всё ценное. И времени не остается ни что хоть сколько сверху.

Даже разобраться с фотками, что наснимали те трое-четверо выходит некогда! А ведь среди них, в извращениях ползал только тот, с крыши! Он же выступал в роли главного фотографа, работая чуть ли не за еду. А вот все остальные, ребята сугубо меркантильные. И фотки девочек, и даже не в бикини! Отправляли куда-то дальше, по адресатам через неподписанные конверты.

Куда, знал только тот, что умер первым. Хотя последнего из тройки я и не пытал особо — нафиг мне лишний шум и звуки пыток по подъезду!? Так что все возможно, но они точно следили не только лишь за мной.

В их библиотеке фотографий, полно различных девочек. С половиною из них, я даже не знаком! Так что версия о слежке, сразу отпадает. Остается версия с пидобирами и подборкой под заказ, что глупо! Тупо! И нереалистично! Девчонку можно так купить, без столь тотальной слежки. И вон и так, без проблем свои же родители продают.

И самый нормальный вариант — тупая база фоток извращенцев, что любят подглядывать. И готовы платить за фотки, в которых нет ничегошеньки криминально, от слова совсем! Что мне вдруг даже стало жаль ребят погибших, что вели, по сути, честный бизнес. И совестно, что я вот так вот их убил, просто от того, что среди их целей съемок, попался в том числе и я.

Девятый класс. Конец средней школы, и кажется... учебную программу с цепи спустили. Вместо классического повторения пройденного материала в начале года, эдак месяца на два, на три, на месяц минимум, сразу, сходу, и с первого занятия — новый материал.

Ученики в стон, учителя сочувственно кивают головами, но подкидывают свежие задания, не забывая загружать домашней работой. Я, как зашивала, зашил в это дело с головой, пытаюсь решить и выполнить то, что мы как бы в большинстве своем и не проходили. На дом тоже новые темы дают!

И только ближе к ноябрю осознал, что все мои попытки обречены и тщетны, и я, можно сказать, один, кто пытается вникнуть в то, на что большинство учеников уже давно забыли. Я, взрослый, уж разменявший пять сотен на жизненный опыт, ни хрена не смыслю во всех этих логарифмах и барельефах! А они, дети...

Нет, в классе есть один, кто понимает, и гордо топает в ногу с программой, довольно, и немного ехидно, улыбаясь. Но я подозреваю, у него есть репетитор. И возможно — не один. Либо он чертов гений! Каким я не являюсь.

Остальные же, давно поняв, что от потока информации голова уже не пухнет, а лопается! Дружно поклялись, и приходят в класс исключительно пообщаться. Учителя ворчат, но тройки всё равно всем подряд рубают, приговаривая только «вы главное к экзаменам то, по билетам хоть подготовьтесь!».

Видимо понимают они, что нагрузка нереальная. Не понимают только, что вместо усиленной учебы расслабившись, ученики никакие билеты ни разу не выучат. И даже те, кто шел на медаль, вдруг могут по итогу выпускиться со справкой. Печаль, а я нежданном стал заучкой.

Именно так! Я ни хрена не понимаю во всем этом новом материале, но выучить, вызубрить! Это святое! Это я могу! Так что мои оценки как бы не просели, и я на общем фоне вытек вдруг в ботаники. И даже учителя, по-моему, меня стали больше любить, чем когда я понимал материал.

Пропала «почемучка» с каверзными вопросами «а почему?» и «а как это работает?», которой было все интересно, и которая свой нос везде совала. Которая могла сама разобраться в способы перестроения формулы, и её сокращения, освоив новый материал на несколько недель раньше срока, и подкинув работы преподам с проверкой «не так решенных примеров». Зато объявилась тихая мышь, что все знает, но никуда не лезет. Ибо не понимает!

Ну кто придумал такую программу?! Кто!? Рр! Восемь лет балду гоняли... ну ладно! Я первые пять достойно учился! И в шестом прошел местный восьмой! Ну, седьмой с

половинкой. Но они то, они!.. Похоже, теперь, за последний год, наверстывают все то, что в моей старой, и уже частично забытой, школе, было размазано куда более равномерным слоем на все годы учебы.

— Так, ну вот эти бычки подойдут. — шепнул я сам себе под нос, и следом за весьма шумной компанией, громко слушающей музыку на всю округу и вообще ведущих себя до беспредела вульгарно, вошел в гаражный бокс.

У них тут, автомастерская! Хотя по факту машины они не особо любят ремонтировать, да и не умеют, в отличие от различных занятий в бандитизме. В основном — авто подставы. И я на них чисто случайно наткнулся, спалив за работой.

Увидел, как одна девица, тасующаяся сейчас вместе со всеми внутри целого комплекса из объединённых вместе гаражей, буквально прыгнула на лобовое стекло одного из проезжающих мимо машине.

Причем, прыгнула так грамотно! Что сразу почувствовался опыт. Чтоб не только не получить синяков от удара с пересекающий пешеходный переход автомобилем, но и в случае, если водила вместо тормоза вдруг газ нажмет, просто соскользнуть с капота сразу и в кусты, а не когда машинка скорость наберет. На случай последнего у бандитов есть прикормленные менты. На случай первого, и необходимости экспертизы травм — врачи.

Все у них схвачено! И за их работкой я наблюдал всё оставшееся лето до начала учебы. Потом стало не до того, но судя по шумной музычке и танцам проституток — дела у них с тех пор только улучшились. И денег у банды меньше точно стало. И вообще — расширятся желают! Начав подставляться под собачек заводчиков дорогих пород.

— Девочка, ты кто? — сказал один из бугаев оглянувшись, почувствовав моё присутствие сзади.

Ошарашенно смотря на меня, и не понимая, что ему делать в такой ситуации. Был бы я мальчиком — выпихнул бы уже нафиг, да пинком! Или, под сквамозные шутки, коллег, что тоже уже обратили на меня своё внимание, предложил бы выпить.

Но я, баба! И слишком маленькая баба, чтобы предлагать поразвлечься. Есть вариант «заблудилась», о чем он, похоже, и хотел поинтересоваться изначально, но какая девица сама пойдет во столь шумное место как их? Где куча потных мужиков, оглушающе громкая музыка и, невыносимый! Стойки запах табака и алкоголя. Ну и голые бабы вокруг шестов тоже вьются.

— Я... — проговорил я, и лукаво улыбнулся, оглядывая всю стоящую предо мной толпу — Смерть ваша. — и вынул из рукавов два охотничьих ножа.

Всю энергию в скорость! Буду пользоваться единственным преимуществом маленького тела — малыми габаритами. И им, обкуриным и пьяным, меня ни за что не достать!

Да будет резня! И крики боли и отчаянье заглушила громкая музыка.

— Деньги, деньги, денежки!.. — пропел я, жизнерадостно топая по направлению домой, после того как растолкал всю немалую наличность, и в основном в долларах, добытую у банды по тайникам.

На чердаках, в подвалах, но в основном, пусть и маленькими пачками, у друзей и знакомых под шкафами и в начинках диванов. Надеюсь, они их не продадут до того момента, как я пушу их в оборот! А то у меня на них оочень большие планы!

Дело в том, что квартирка, в которой живет Галька, мне очень приглянулась. Как своим

расположением, так и планировкой. И она при этом, не их, не её родителей! Они её снимают, и делать это будут ровно до конца учебного года. Как только он закончится, Гальку — в Гарвард, сами — ближе к центру!

Эта квартира нужна была исключительно, как попытка показать дочери, сколь плохо жить в «русской глубинке». И хоть попытка провалилась — девку в принципе все устроило, они это еще не поняли.

В столице вообще почему-то развелось огромное количество подобных «экскурсий». Иностранцев, что приезжают в Россию, в Москву, и, пусть и в сопровождении толпы охраны, едут смотреть не красную площадь или набережную реки, а самые темные уголки столицы. Подворотни, глухие дворы, пустыри за гаражами.

Что это за экстрим такой... да и экстрим ли вообще?! Учитывая количество сервис-секьюрити, я — решительно не понимаю! Но уже однажды наткнулся на подобную делегацию из Испании, чья охрана отпихнула бы меня, не тренди я по телефону в этот момент на английской речи — Гальку натаскивал, готовя к контрольной! У её родителей.

А так, удалось вполне добротнo пообщаться! Заодно понять, как звучит испанский акцент в английской речи — УЖАСНО! И понять, что иностранцы в нашей почти мирной столице видят чуть ли не рассадник всемирного зла, и уж точно — корень всех бед.

— Блин... — заметил я каплю крови под рубашкой.

Ну и как она туда попала? А... — припомнил один момент с отрубанием головы — не стоило наверное так делать — ножик в глаз надежней, но времени не было — Надо пойти помыться.

— К Гальке? Или к Таньке? — задумался, остановившись посреди безлюдного тротуара, и оглядываясь, соображая, где я вообще, и к кому бы лучше сходить — К Владу, Лене, Паше, Толе, Свете, Оксане, Юли... Да без разницы! — взъерошил волосы и еще раз осмотрелся, заметив номер дома вдалеке — Пойду к тому, кто ближе!

И это... Вова! — улыбнулся я в душе и снаружи, увидев кто открыл мне дверь знакомой квартиры.

— Привет! Предки дома?

Я в них вообще-то уже запутался. Не в предках! А в своих знакомых. Уже скоро и имена путать буду! Впрочем — уже. Пока Вовчик не открыл, я бы и не вспомнил, кто тут живет!

— Нет, проходи — галантно пропустил вперед, пухленький паренек. — Ты откуда?

Но я проигнорировал вопрос, и воспользовавшись приглашением вошел, попутно вспоминая, как с ним познакомился.

Ведь он не из нашей школы! И даже не с нашего района! Вообще почти что с другого конца Москвы! А познакомились мы банально — он заехал мне мячом по голове. Лишенный чувства пространства вокруг себя, подобные вещи я частенько пропускаю.

— О! Яблочки! — прошел я на кухню и, дождаввшись когда закрывающий двери мальчик, меня нагонит, поинтересовался — Я возьму?

— Бери. — смерился с неизбежным знакомый парнишка, и отодвинув стул, присел за стол — Какими судьбами в наших краях?

— Какими судьями? — притворно задумался я — Да так, мимо шла.

— Ага, мимо шла. — потупился он.

— Ну да. Слушай, я воспользуюсь ванной? — указал я рукой с надкушенным яблоком на нужную комнату.

— Иди.

Мне дважды повторять не нужно, и вот я уже там.

— Горячая вода то хоть есть? — выкрикиваю за секунду до того, как открыть кран —
Кайф!

Настраиваю температуру, споласкиваю ванну. Затыкаю пробку, высовываюсь наружу к поникшему мальчику.

— Хочешь, можешь подглядывать.

— Нет уж, спасибо.

Даже не повернулся.

— Почему? В прошлый раз тебе же понравилось.

Парень еще сильнее зажался.

— Иди уже.

— Ну лан.

И хотел спросить «где мыло и мочалка» но уже сам углядел искомое, а потому решил не мучить беднягу лишней раз вопросами — сам как-нибудь разберусь!

— На-на, на, на-а-а-а... — а вот мурлыканья песенки себе под нос это не касается.

И думаю, паренька от моей арии не спасет даже шум воды. Все же голос у меня, пусть и приятный, но чувства такта и музыкального слуха нет и в помине.

Стоп! — притих я, прекратив мылить ножку — Это что же получается, я пользуюсь его ванной и его же при этом и мучаю?.. — задумался, озадаченно хлопая глазами.

Ай, ладно! Не важно! — решил, и возобновил мурлыканье, одновременно с продолжением мыленья тела.

— Ла, ла, ла-а-а-а...

В небе над Триполи, Ливия.

— Высота восемь миль, входим в точку высадки. Минутная готовность! — разошелся по бомбардировщику монотонный, ничего не выражающий и словно смоделированный компьютером голос вполне живого второго пилота — Температура за бортом — ноль градусов по фаренгейту. Да чтоб у вас там яйца отмерзли, придурки! — монотонный голос дрогнул, пропустив наружу эмоции человека, но тут же вернул себе прежнее безразличие — Пятьдесят секунд.

— Джон, учти — здесь нет наших сил! — произнес человек, сидящий в бомболуке, со страхом поглядывая на то, как его створки неторопливо раскрываются, оголяя лаз в бескрайнюю бездну, полета на двенадцать километров. — Вообще! Ближайший корабль находится в сотни миль от берега, и в случае чего... ждать помощи придется долго. — И сглотнул, поправил дыхательную маску на лице, после чего посильнее вцепился в страховочные ремни, будто его полу ооченевшие пальцы в ни фига не греющих перчатках способны сейчас удержатъ две сотни фунтов массы.

Джон — не ответил. Продолжая висеть над бездной, хмуро буравя собеседником взглядом, при этом умудряясь смотреть как бы сквозь него, будто тут пустое место.

— Десять секунд! — голос в наушниках был все тем же безразличным, что и всегда, максимум — едва уловимый налёт ехидства, что в голове у несчастного человека в бомболуке тут же обрел яркие краски издевательского злорадства, от лица излишни довольного жизнью второго пилота.

Ему хорошо! Он в теплой кабине! А я — тут — подумал несчастный, а люк тем временем полностью раскрылся, открывая чудесный вид на облака — с ним — взглянул он на висящего над бездной на одной руке человека.

В одной футболке, колющееся на затягиваемом в полость для бомб нарушенной аэродинамикой воздухе, легких штанах и, черт возьми! Тапочках! Сланцах! Ни дыхательной маски — сношать он хотел в особо эротичных позах эту нашу разряженную атмосферу. Ни парашюта... и рожа такая, будто ему вообще насрать на всё происходящее, и это все не про него. Будь-то на диване лежит, неторопливо каналы листает. И вот тут, на этой передаче с эпиком, потянутся вздумал.

Парашюта, впрочем, нет и у несчастного, сжимающего визуально хлипкую страховку до посинения пальцев. Ему он в принципе то и не нужен! Он лишь провожающий, обслуга. И он бы на все пошел! Лишь бы здесь вообще не быть, но — не положено. Странно, глупо, но не положено. Агента должен кто-то проводить.

— Джон! — понимая, что время выходит, вновь выкрикнул «провожатый» — Мы не сможем тебя прикрыть...

— Да заткнись уже — буркнул тот, кого назвали Джоном, и отпустив крепление для бомб, повинувшись силе притяжения, устремившись вниз, к земле.

— Одна! — разнесся голос пилота, а точка десантника без парашюта уже исчезла в высотных облаках южного континента.

— Чарли, это Ричард, посылка ушла, принимайте. — проговорил провожающий голосом подражая второму пилоту, уже не в силах разжать свои пальцы.

Триполи. Резиденция Каддафи.

Небо было облачным, но дождь не ожидался. Проблем, на этот чудесный день, лишенный всех проблем пустыни и моря, день, тоже не предвиделось. Ни бури, с ветром, рвущего деревья с корнями и засыпающего всё песком, что потом приходится неделю откапывать даже высокие здания. Ни солнца знойного, что сушит все, и сжигает немилостиво посевы, как не старайся фермер, ничего из угрозы от природы. Да и от людей, можно сказать, тоже.

Соседи, что совсем недавно проводили какие-то странные учения близ Ливийских границ, и территорий граничащие с ними, куда они по донесениям все же немножко зашли, пусть и были вынуждены быстро отступить под напором недружелюбно настроенных погранцов — притихли. Возможно лишь для вида, но тревожных донесений не поступало уже довольно давно, да и учения уже давно прекратились, сдвинув основные силы «соседствующих» обратно вглубь территорий.

Сограждане — сыты и напоены. В кои то веки! В Ливии нет голода, и дефицита воды! В кой то веки! Её граждане могу позволить себе такие обыденные для европейца процедуры, как ванна, пусть и одна на семью, и умывание. Навряд ли кто будет это делать, все же — жители пустыни! Они привыкли бережно относиться к воде и дорожить ею, не разменивая на баловство, выливая на землю. Но, возможность — она уже есть.

И даже атлантический альянс давно не подымал хвоста на старого полковника, словно и забыв о его существовании.

Аллах подарил чудесный день что бы наконец отдохнуть! — и Муаммар бен Мухаммед Абдул Салам Абу Миньяр бен Хамид аль-Каддафи с удовольствием проводил его в тишине небольшой беседки, не утруждая себя ни излишним питьем, ни яствами.

И даже не сразу заметил, как город накрыла песчаная буря, возникшая как из неоткуда. И пропустил тот момент, как землю под ногами ощутимо трянуло.

— Ну что сучки, не ждали?! — раздался голос из тумана, и в следующий миг три самых верных телохранителя оказались зарезанными своим же собственным наградным оружием.

А еще через миг, умер и сам Каддафи. И его окровавленная голова, с ничего непонимающим выражением лица, застывшим навечно, оказалась нанизана на шпиль его бывшей резиденции, прямо рядом с обляпанным крою флагом.

Москва, Россия.

— О! Привет Зайка! — поприветствовал я, невесть какими судьбами занесенную в края родительской скорлупки девушку, и по-дружески обнявшись, пропустил в дом — Сушки будешь?

— Не, я не голодна — улыбнулась она в ответ и приподняла пакет — Вот.

— О! То, что нужно! — улыбнулся я, заглянув внутрь.

— Слушай, зачем тебе, ты же не носишь макияж? — поинтересовалась она, и в принципе целиком права.

Не ношу! Совсем! И мне даже и не надо. У меня цвет лица всегда такой, каким я его

хочу видеть, пусть это и требует постоянного самоконтроля. Жаль так больше нельзя сделать с волосами — фух, фух! Мешают! Собаки... — Но блески я просил купить, хотя и между делом, даже и не думая, что девушка столь быстро исполнит в полушуту брошенную просьбу.

— Надо. — уклончиво ответил я, и приватизировал пакет — Сколь с меня?

Зайка махнула рукой, украдкой осматривая нашу конуру в одну комнату. Где и спим, и едим, и... кхм, все в одном помещении.

— Нисколько. Только скажи — зачем?

Я, в душе нахмурился, но внешне сохранил полуулыбку, сделав вид, будто решил поскорее прибрать косметику в ящик, с глаз родителей иль кого еще, предварительно избавив коробочку от ненужного пакета. Ясно — Зайку из посыльных по магазинам вычеркнуть! Слишком любопытная. Хм, а кого тогда?

Правда Зайка не Зайка, а Зойка! — вернул я свое внимание на девушку — просто у меня в подругах появилась другая Зоя, и даже Зоя-Зоя, от того эту, как более давнюю, закадычную, и чисто по дружески, я с легко руки переименовал. Она вроде не обиделась, и ей, вроде даже нравится. Но вот если не скажу, зачем косметика — обидеться. Точно обидится!

— Для выступления — со вздохом ответил я, обнаружив, что в ящике нет места даже для карандаша, не то что косметички.

— Для?..

Я вновь вздохнул.

— Ну знаешь там, а-ля цирк, только для маленьких детей — закатил глазки, выражая полный скепсис по этому вопросу.

Девушка держалась долго, целую минуту, потом начала смеяться, придерживая брюшко, заливаясь звонким колокольчиком, наверное, на всю общагу.

— Что?

Смех, не прекратился, а только усилился, и девушка от хохота уже оказалась не в состоянии поднять даже пальчик, сгорбившись в три погибели, и того и гляди — упадет.

— Ты... хи-хи, и в цирк? Хи-хи-хи...

— Ну а что?

— Для деток...

Я сделал вид, что обиделся.

— Ладно, ладно! Все! Ой, насмешила — утерла она слезы. — И что, там нужна такая косметика?

— Вообще-то нет. Это чтобы хоть как-то костюм украсить — скосил я взор на убранный на шкаф комплект.

— Черть. — ругнулась деваха, взгляд отведя — Так и знала, что надо было брать не те. Слушай, давай поменяю? — взглянула она мне в глаза.

— А?

— Эти... они для тела. Для одежды — лучше взять другие.

— Ну, как знаешь. — сцапал я косметику со шкафа, сунул в пакет и вернул обратно «хозяйки», что уже намылилась на выход.

— Не переживай! Я быстро! — улыбнулась она, и упорхнула.

Ага, в таком наряде только быстро и можно! — усмехнулся я про себя и запустил режим ворочинья мозгами «а правильно ли я поступил?». Правильно ли, что показал кому-то из подруг, место, где я живу?

Вообще, никогда бы я не стал подобным заниматься! Зачем?! Но мама... вдруг

озаботилась тем, что у меня — нет друзей! Подруг, знакомых, прочих. Опять, что называется, и мне пришлось экстренно составлять список тех, кому я могу хоть как-то доверять.

Выяснилось по итогу, что великую тайну двора Хватковых, общагу, где я живу-ночую большею часть времени, наблюдая как болезнь потихоньку начинает проявлять себя из-под накаченного Сила иммунитета матери, и как от завышенного фона потихоньку тухнет отец, я могут только пятерым. Трем мальчикам, и двум девочкам. И Зойка-Зайка в их числе.

Их трио, трио пловчих, давно распалось. Собственно, сразу после тех... даже сложно сказать каких, соревнований. Тогда Нинка взяла юношеское золото в Европе, и бронзу в мире. И распалось их трио! Ведь она тогда из-за бугра так и не вернулась, оставшись жить в Соединённых Штатах, и готовясь выступить уже за их сборную.

Это было ударом. И Зоя, самая слабая из трех, и державшаяся за спорт только на морально-волевых и упрямстве, никогда не имевшая даже надежд на высокий результат, и борющаяся только ради подруг, решила — хватит.

Так что теперь от школы выступает только Женька. И я даже не знаю, завидовать ли ей, или сочувствовать. Скорее всего — последнее. Ведь её, беднягу, буквально загоняли! А результаты — куром на смех. От неё требуют все больше и больше! Но она... она обиделась на мир и более ни с кем не желает общаться.

Ну а Зайка напротив — так и стремится набиться мне в лучшие подруги. Что даже как-то и неловко — я то её сугубо использую! Но поскольку она девушка не глупая, не болтливая, способная держать язык за зубами, не известная и незаметная, была, то я решил — она будет первой, кого я представлю матери! Так сказать, идеальная подруга.

Правда в последнее время эта «подруга», стала все больше пытаться походить на меня. Подражая, копируя... причем, не меня нынешнюю — заучку в учебе! И весьма тихую в школе девочку, на которую даже тренер по физ-ре уже начал орать:

«Хватовка!? Где твои пять кругов за минуту?! Куда это годится!? Что плетешься вместе со всеми!? Ну как это можно, а?! Совсем что ли выдохлась? Курить начала? Али забеременела?»

А ту, какой взбаловашной девицей я был до того, как почувал слезку за своею опой. Безбашенную безкомплексную оторву! Правда, до меня ей всё нравно далеко. Ведь у неё нет ни единой черты характера и внешности от меня! И даже попытка «одеваться по проще», или повульгарнее, и не использовать макияж, привела лишь к смеху одноклассников.

А ни как не к присвистывай парней, и зубовного скрежета шипящих девчонок.

Что-то она задерживается. О! А, нет — это родители пришли.

— Привет!

— Привет, родная! Как день прошел?

— Нормально. А вы что-то сегодня рано? — четыре часа! Хотя на улице уже темно — ноябрь! — Не случилось ли чего? — заинтересованно оглядел обоих.

И обнюхал — пахнет больницей! Мышцы под кожей сжались в струну, а впрыснутый в кровь адреналин, за доли секунды разогнал тело до боевого состояния. — Убью, зарежу! — мелькнуло кровожадное нечто в голове, но я — постарался сохранить всю пластику расслабленного состояния при чугунном теле, желающим действовать резко, жестко, а не плавно-нежно, как свойственно девчонкам. Продолжая все так же мило улыбаясь глядя на родителей.

— Да нет, что ты. — улыбнувшись, и через «хи-хи» сказала мама.

Как отмахнулась! И даже вон ручкой махнула! И на отца вон смотрит! Точно не все

нормально! — тело и не подумало выходить из боевого режима.

— Ты представляешь, маме сегодня днем на работе стало плохо... — проговорил отец, и я не удержавшись, взглянул на него волком.

Так! Вы или говорите уже, кого надо прирезать! Или я насильно выведу себя из режима убивашки! А не то это точно до добра не доведет! Вот совсем!.. Хм, наверное, так и сделаю — всё равно, что случилось, уже случилось — выдохнул я, расслабляя все тело разом, что отозвалось разрядами судорог по всему телу, вынуждая встряхнуться, чтобы скрыть как меня колбасит.

— И? — поднял бровь на отца, показывая, что жду продолжение, а мать — присела на пуфик.

— Скорую вызвали, думали что серьёзное...

Новая драматическая пауза. Хорошо, что я вернул телу спокойствие! Не то бы уже накинута, брызжа слюнями, не сдержав порыв «говори, что там?!».

— В общем, твоя мама беременна!

И только по взгляду отца я понял, насколько от его слов вытянулось моё лицо.

— Ооо! Серьёзно что ль?! — подскочил я к маме, и прижался к её животу.

А то я не знал! Вообще-то не знал! Подозревал, но как бы малость, не до того было! Так что...

— Круто! — потыкал пальцем в брюхо мамки, пытаюсь что-то ощутить.

И ощутил! Тычок! В ответ! Стоп, что?!

— Какой срок?

— Четыре месяца — ответила родительница, глядя на неловко отведшего взгляд отца семейства.

Четыре... чт... то-то у неё брюшкоросло! Так... ага! Кажется, помню ту ночь. Я как раз свалил тусить к подругам... а придя... обнаружил запах афродиака, и пару голубков, неспособную даже от койки отодраться. Мамка потом еще недели две в раскорячку ходила, прям как шлюха портовая.

Но... не замечать залет так долго? Да в этом мире, да нашим бабам... а! Точно! Сила всемогущая! Интересно, как повлияет беременность на... чорт! Мне придется валить из дому сразу за девятым классом! Иначе ребенок на всю жизнь станет от меня зависимым. Или просто — рахитиком будет, вечно больным и никто не поможет.

Но... мать... arrr! — взъерошил я волосы, вставая и отходя в сторонку — мать... нет. Дальнейшее повышения уровня плотности ауры губительно. Для всех! Для меня — я не вынесу и дальше такого напряжения! Для отца — он сам уже желтый, как от лучевой болезни, и сила из исцеления, стала приносить страдания. И даже матери — дозировки уже слишком велики, а корень проблем так и не был обнаружен.

— Дочка... — пролепетал отец, как видно восприняв моё поведения по своему.

По-родительски. Решил, что я недоволен. В бешенстве и т. п.

— Спасибо! — кинулся я ему на шею и поцеловал в щечку.

— Интересно, сын или дочка? — слетев с шеи, кинулся к матери, вновь прижимаясь к животу.

— Сын — пояснила мать, аккуратно поглаживая пузико, чтобы не побеспокоить меня.

— Класс! — воскликнул, вновь тыкая пальчиком — А почему четыре месяца? — решил проявить детскую непосредственность, подымая голову к лицу бедующей матери два раза.

— Ну... — подал сзади голос отец — вообще-то, мы знали давно.

— Как месячные прекратились, так и узнали — продолжила за него мать — Но тебе решили не говорить.

Вот... УЗИ — страшная штука!

— А почему?

— Твоя мама... боялась. — пояснил отец, и вздохнул — что будет выкидыш, или что ты не так воспримешь известия. Но сегодня вот решили, что тянуть больше нельзя.

— Правильное решение! — воскликнул я, приобнимая сразу обоих, подтаскивая друг к дружке.

И тут в дверь постучали.

Зая — мелькнуло в моей голове.

— Я открою — проговорил отец, и пошел открывать.

— Привет. Ты... Зоя, да? — донеслось от двери, и я оглянулся.

И что-то в облике стоящей в проходе девушке мне сразу не понравилось. Прямо с ходу, еще даже до того, как я посмотрел именно на неё, а не на коридор за ней, ища притаившихся врагов. Вот она, по ту сторону двери, одна, в пустынном межкомнатном проходе общежития.

А вот отец, по эту сторону, стоящий чуть сбоку от неё, так, что прикрывает собой девушку наполовину, как и часть дверного проёма. Но не полностью, есть щели, и там тоже никого, и ни кто не тычет автоматом в нашу сторону. И дверь, открытая во внутрь настежь...

Лицо — заплаканное! Спрятано под капюшоном. Сапожки, грязные на ногах, но в пределах нормы — Москва! Грязный город. Курточка, полупальто, достигающее только до бедер... Дотуда же, где кончается надетая под неё юбчонка, и начинаются толстые зимние колготки с замысловатым рисунком, выгодно подчеркивающим и бедро и икры. Её гордость! Её достояние! Все девки школы хотели такие, а купить сумели только спустя месяц, как их надела Зая.

Её тогда чуть не побили! Кровь... — втянул я запах, и тело, начало стремительно возвращать себе утраченные боевой режим — И сперма.

Кровь на бедрах, текущая прямо по ткани. Я вижу её прямо отсюда! Я чувствую... одного, двух, трех... три человека! Три сильных запаха, идут от туда же, откуда идет запах крови...

— Найду — прошипел я на выдохе, и сорвался с места.

Глава 14 — Три упыря

Пушечным ядром вылетел из комнаты, чуть не сбив с ног едва держащую равновесие девушку, и... оказался пойман за собственный ремень штанов, как кажется удлинившейся на целый метр рукою отца.

А нет, он просто прыгнул за мной следом, в итоге фактически повиснув меж ремнем и косяком, за который ухватился в последний момент. Секунда, и я почти падаю, а Зая — падает, так как отец больше меня, и он — её задел.

Оказавшись попой на полу, она закрывает лицо руками, и начинает тихо рыдать, а отец, с силой забрасывает меня внутрь комнаты, словно тяжёлый саквояж в багаж. Подняв на ремне и кинув! Пятьдесят пять килограмм живой плоти! Одной рукой...

— Что с тобой — нагнулся он к девушке, но та, пусть и молча, но истерично, принялась отмахиваться от мужчины.

И тут батяня увидел кровь на её бедрах, продолжающую течь, и уже даже пачкающую пол.

Взглянул на меня, и я понял — он перегородил собой мне выход! А нюх мой не всесилен! А запах — рассеивается! Как я потом буду искать насильников? — втянул с силой воздух, получая одурманивающий букет, и стараюсь вычленить и запомнить нужные ароматы.

— Скорую! Быстро! — приказал отец матери.

Да, именно приказал! Как по уставу! Но мать не служила, и еще сильнее растерялась, уронив лежащий на полке комода телефон, что покатился по полу.

Рывок — и аппарат уже не катится, а уже в руках отца, что с колоссальной скоростью тыкает по клавишам, набирая номер. Это мой шанс! — увидел я, что отец вновь вернулся в комнату, освободив проход... но по поднятому на меня взгляду мужчины, тут же понял — через него я тут пройду, только если он будет трупом.

— ррр... — издал я гортанный звук, и вновь втянул воздух.

Три цели, одна жертва. Они не могли далеко уйти! Вернее она — Зоя, не могла от места действия долго ковылять ко мне. Косметика? — взглянул я на порванный пакет, все так же болтающийся в руке девчонки — где тут ближайшая точка по её продаже? Не знаю! Значит — только запах. И примерный маршрут...

Если они уехали... если они все ехали! Нет! Надо найти место действия, место, где все произошло. Там я смогу определить точный запах всех трех насильников, и тогда — найду их где угодно! Пусть на это и уйдет какое-то время, и придется регулярно дежурить в людных местах и точках пересечения дорог.

— Да, да. — «покивал» в трубку отец, быстро обрисовав ситуацию, не забыв представится — Девочка... — взглянул он на мать и та показала ему растопыренную пятерню — пятнадцати лет... девятый класс. Она подруг моей дочери! — вдруг он выкрикнул в трубку, как видно в ответ на какое-то обвинение. — Да, да, пишите адрес...

Мать же тем временем, отодрала попу от пуфика, и поползла к бедной девочке, что так и сидит, всеми забытая, на грязном полу, прикрывая лицо руками, тихо рыдая, утешать. Как может, чем может... а я, оглянувшись разок на окно, и прикинув его состояние, воспользовался тем, что отец отвлекся на мать, и вообще уверен, что уж мимо двух взрослых я уж точно не просочусь.

Втягиваю разлитую по комнате Силу обратно в себя — какая чудовищная мощь! Какие

возможности! Рывок до окна, щеколда раз, два, и внутренние...

— Саша! — крик отца.

А я, дергаю внутреннюю раму на себя, лома шпингалеты, вырывая их вместе с кусками древесины. Пофиг! Рама еще не открылась до конца, а я уже выпрыгнул наружу. Отец еще не успел добежать до него, как я уже был в десяти метрах от дома, проскользив при помощи Силы по воздуху как на лыжах с горки по снегу.

— Бе! — показал я ему, застывшему с сотовым телефоном в руке и ошарашенному мужчине в окне, язык, привлекая внимание, и показывая, что жив, и ломанулся к торцу дома, решив нарезать круг, дабы сесть на хвост запаху.

— Да живее уже! — донесся мне вдогонку отцовый крик, но я уже далеко.

Вот вход в общагу, и... еще не добегая него, я почувствовал запах Заи.

Дааа... такое не пропустишь! Тут даже собака не нужна! Такой букет! Такой дурман! Да и к тому же, на снегу — капли свежей крови. Но одновременно с этим я понимаю — не будь этого всего, и насильников я никогда не найду. Запорошит снегом, сдует ветром, пес какой пройдет... Одно дело запоминать запахи людей, живых и дышащих, и искать их по этим же признакам, и постоянно истощающих аромат, другое — их же только по одному впечатку.

А тут, их нет и вовсе! Верне, дурман от Зойки, её кровь, перебивает остальное. А на ней — одни лишь отпечатки, по которым я буду вечно искать нужных-подходящих кадров. А если гады скроются, запах выветрится... но сейчас! Они ведь тоже должны вонять её кровью!

Чувствуя звериный прилив адреналина, и выпуская на волю давно таящего в глубинах души хищника, гончим псом устремляюсь за Жертвой. Как в старые добрые времена! Как в эпоху расцвета! Есть только я, и цель. Есть только Сила, и тот, кого я должен уничтожить.

Ноги оторвались от земли, и я заскользил по воздуху на сотканых из белой энергии коньках, набирая все большею и большею скорость.

Что, уже!? — мелькнула заполошная мысль, когда я едва не влетел в перегородившую проход сетку. Для погашения набранной скорости и инерции, пришлось начинать бегать по тоннелю под домом, что и перегородили эти стальные ворота из прутьев и проволоки, по стенам и потолку, нарезая кольцо за кольцом.

И нафига так разгонялся?! Я бы пешком быстрее дошел! Чем вот сейчас уже третий круг мотаю! И по итогу... ну точно! Упаду с потолка! — мелькнула мысль в тот миг, когда на третьем обороте я начал падать, а коньки благополучно испарились, — ладно хоть на ноги приземлился, а то бы это было фиаско!

Вновь втянул воздух — да, это то место, где её насильовали! И запах тут настолько свежий и настолько сильный, что я фактически могу восстановить картину здесь произошедшего!.. эх, девица, девица...

Отсюда к нам домой она бежала — ходить может! Уже сахар. Хотя количество адреналина в её крови на этот момент — зашкаливает! Так и сердце могло встать. И с таким количеством можно бегать и на сломанных ногах. Троя упырей... двое, из них, стояли тут, ага — увидел я подтверждение своим «нюхам» в виде отпечатка одно из ботинок в занесенном ветром в подворотню снеге — один... стряхивал. На стену! Вот грязнуля! И дурак! Это же улики!

— мммХхх... А вот по этому я тебя из-под земли достану! — улыбнулся я, втянув запах, и не побрезговав, лизнул.

Фактически один труп уже есть. Остальные? Так... ну вот это она сюда пришла...

хотя... да! Пришла! Сама и добровольно! Вот дура! Её позвали, и она зашла! В глухую темную непроходимую подворотню. С воротами на замке! Да тут же сугроб по иную сторону... дура.

Еще и за кем пошла? За тремя, наверняка стремно выглядящими, и точно подвыпившими, и курящими, гражданами, от которых даже для неё должно было пахнуть всяким... разным, но точно неприятным и не розами.

Да блин! Она с ними что, с ними еще и флиртowała?! Уё... Но не долго — мужики флирт, как говорят мне её феромоны, не оценили, или вернее даже напротив — оценили! Но решили прервать столь понравившуюся девушке прелюдию, сразу перейдя к действию. И очко девицы сжалось.

Тут она сопротивлялась. Тут орала... но тут такое место — звуки гасятся. И никто её не слышал, так она, наверное, и сорвала свой голос. Ведь не зря же в нашем коридоре даже пискнуть не могла! Не просто от страха — реально не могла.

А слюны то, слюны! Ой как визжа... о! А это не её слюна! Запи... блин! Тот же индюк! Иди нафиг! Я тебя уже знаю! Опа! Эх... ну где, вы, где! Все же запахи — это сложно! Ни хера у меня не выходит «просто взять и найти путь, по которому они отсюда ушли». Тут все намешено и приходится распутывать как клубок.

Хотя я, конечно, могу сразу пойти за тем, что стряхивал — его ниточка аромата точна и четка, так что идти за ним — не будет проблемой. Но если они, эти трое, разделились? Что я тогда буду делать? Пытать? А будет ли у меня такая возможность? Выслеживать? Ждать когда милиция найдет? А найдет ли?

Вот здесь, к примеру, пахнет долларами! Я не могу сказать, что они делали и где конкретно были — деньги не живые! И в отличие от людей — кричать и писаться не умеют! Но то, как пахнут эти бумажки, я хорошо запомнил. И судя по тому, что запах этот тут остался — кто-то из тройки часто имеет с ними дело.

Работает в банке? Грабит их? Пересчитывает, имеет — неизвестно! Но имеет отношение, что как бы не радуется.

Они изнасиловали девку втроём! Одного, она еще вытерпела, и целкой не была — когда только потеряла?! Второго... а уж когда круг замкнулся, это что называется — до горла достали! Порвали все и нафиг! У малолетки! И я не уверен, насколько критичны такие повреждения в реалиях этого мира. Есть подозрения, что бесплодие ей обеспеченно.

Прощать таких? Смотреть, как им спускают с рук или они тикают за границу? Да я их закопаю!

Опа! Вы хоть и аккуратные сволочи, но тут кое-что накапало. Раз, два... три! Раз, два, три! Есть все три! И все трое ушли в одну и ту же сторону! Коньки? Не! Бегом! Чтобы не пришлось останавливаться и тормозить! Найду, зарезу, вернусь как ни в чем небывало!

Да вы че! Издеваетесь!?! — офигел я, поняв, что три придурка, не только не уехали куда-то там за тридевять земель или на другой конец Москвы, а вообще — находятся ближе от места преступления, чем общага. То есть, изнасилованная Зоя, за это же время пробежала расстояние большее, чем эти три расслабленные свиньи на своих двоих вразвалочку прошли?!

Они вообще что ли очумели!?! Не нычутся, не шухарятся, не прячутся, ничего! Гуляют тут по улице, банки пинают! Да их же... да... у меня даже нет слов! Или что, наглость второе счастье? Или их... жаль, улица людная.

И долго мне за ними плестись? Меня же родители потеряют! Ладно, в ва-банк, так в ва-

банк!

— Молодые люди, выпить не найдется? — подскочил я сзади, и приобнял сразу двоих.

— Эээ... мелочь, тебе чего?

— Выпить говорю! Мне не продают. А хочется! — мечтательно закатил глаза, в то время как один из пары, скинул мою руку со своего плеча и со свободным напарником приступили к моему изучению — Вот я и думаю, может у вас есть?

Третий тоже вывернулся и уже три пары глаз приступили к моему осмотру. Я же — к их. Оружия нет, из имущества — только банка пива. Из наличности — вон у того, есть целая пачка долларовых банкнот, неизвестен только номинал и источник получения. Наверное, банк — новые, аж краской пахнут!

Обувь у них конечно тяжелая, ботинки кожаные, и такой получить — мало не покажется! Но одежда — нараспашку! Жарко видите ли им, в минус семь. И морды кирпича просят, определенно.

— Ну так что, найдется?

— Иди ка ты отсюда! — сказал один.

— Да, пацан, вали давай от сюда — мы не в настроении! — поддержал его второй.

И все трое развернулись, намереваясь продолжить свой внутренний диалог:

— И вот я такой...

— Пацан!?! Какой я вам пацан!?! — влил я побольше обиженного гнева в свою речь, и корча советующую позу.

Отлично! Внимание привлек! Хотя конечно я их не обвиняю в путанье пола — на мне подпоясанные отцовским ремнем отцовские штаны как низ костюма тройки, сильно подвернутые снизу у обрезанных сзади кроссовок, тоже отца, используемые вместо тапок для прогулок по «квартире». И абсолютно безразмерная кофта, с мамино плеча! Но темных тонов — унисекс.

— Вам что, сиськи показать?! — оттянул я кофту, типо показывая грудь, но так, чтобы её отсутствие прикрывали кулачки, удерживающие ворот — Или вы типо это, сиськам не верите, и вам в трусы обязательно заглянуть? — дернул я штаны — Ой — ойкнул, когда лопнул и отскочил в сторону язычок от ремня.

Не по плану! — Дружно с разбойниками, проводив жалкий металл, скачущий по мостовой взглядом. И продолжил театр:

— Во! — оттянув штаны с трусами, на мгновение оголяя промежность, но при этом так, что бы они точно увидели «бритую киску».

Один из насильников судорожно сглотнул. Это он чего?

— Или вам что, и этого мало? Вам что, стриптиз танцевать, прямо тут, посреди улицы, да?! А? — продолжил я напирать, наступая на них.

— Да не, мы верим, верим. — проговорил самый первый, самый адекватный, самый осторожный, запах которого я бы и не нашел, если бы не капельки пота на асфальте.

И он же тот, кто и пустил Заю на второй круг.

— Отлично! Ну так что, выпить есть? — поправил я сползающие штаны и заглянул в банку пива третьего, чей запах я и обнаружил первым.

Пусто — это к лучшему!

— Нет, все кончилось — сказал он, неловко улыбнувшись, и перевернул банку, из которой вытекли три жалкие капли.

А какого фига ты её тогда с собою тащишь? Вон же урна! Или что, влом? Или только

осушил...

— А может че поинтересней есть? — вернулся я к самому главному, ложа руки ему на грудь, как бы скользя по телу снизу вверх.

Мои штаны при этом начали стремительно спадать. И сзади стоящий человек, второй раз сглотнул слюну. Озабоченный что ль?

Они с главным переглянулись, тот показал знак «во», после чего, ложа руку мне на талию произнес:

— Может чё и есть...

Далее, меня, и на руках — я вцепился в главного мертвой хваткой, обняв его талию ногами, решили сопроводить до квартиры одного из них. Но я сразу отказался — далеко! Долго, и они, предчувствуя веселуху и уже еле сдерживаясь, несмотря на совсем-совсем недавний секс, меня поддержали.

Так что вновь подворотня, где у третьего, со стряхиванием, вдруг проснулась совесть:

— Слушайте, а может не буем? — на что ему махнули рукой, тип не начинай — Вам что, мало? Только же?.. — на что ему тем же взмахом велели заткнуться и не палить контору — Ну...

— Слушай, завались! — сказал второй, готовясь пристроиться ко мне сзади, в то время как первый, неожиданно испытал трудности с замком ширинки. — Достал уже ныть!

А третий все так и стоит у выхода из подворотни, чем немножко портит мои планы. Там двор, не улица, но ту часть, где подворотня, видно с дороги — как собственно мы-они, и нашли это место. Если он отсюда выбежит...

— Ну не хочешь, на шухере постой! — рывкнул первый, ругнулся, и порвав молнию, выудил наконец свой хер из штанов.

— Да ладно, что вы... — сделал он шаг, и в этот же миг, двое его напарников застыли истуканами.

Они оба получили по световому... кинжалу, от уха до уха. И я даже не став их вытаскивать, сразу рвану к третьему, что успел начать делать шаг назад, почуяв неладно. Но еще даже его не завершив, оказался пронзен аналогично своим собратьям.

— Желаю вам отлично провести время в стране «ла-ла»! — улыбнувшись, проговорил я, и подтянув штаны, сделал шаг на выход.

Замер, оглянулся, вернулся. Забрал деньги и телефон у одного, ключи от квартиры у другого, и ремень со штанов от третьего. Он мне естественно великоват, и не по фасону, но все же, если... прожечь! Дырочку поближе к пряжке, и поднапрячься с всовыванием в узкие петельки, маловаты для такого ремня! Можно вполне носить! Не теряя штаны на ходу.

Деньги, наверное, стоит сжечь. Хотя деньги не пахнут — очень даже пахнут!.. ладно, спрячу по дороге под козырек табличке дома. Телефон — уничтожить. Но только не световым мечом! Просто выкину нафиг, под машину, на дорогу! Главное не в лобовую! Под колеса. Будет сложно, но постараюсь.

А больше тут и брать нечего — ограбление, и три сумасшедших. Даже если они и выберутся из мира кошмарных грез, что им создал мой меч, он же, вскипятив им мозг — повреждения не сильно обширные, но критические. Вестибулярному аппарату точно кердык. Как и зрительному центру — его я с гарантией уничтожил. И слышать что-либо они тоже вряд ли смогут — среднее ухо скорее всего лопнуло.

Пусть «отдохнут» еще недельки две перед смертью, а мне — пора домой. Пока у матери выкидыш не случился.

От автора:

Отсутствие читательского отклика под книгой, создает у автора ощущение, что история утратила всякий интерес и он давно уже пишет в пустоту.

Суммарно я отсутствовал — пятнадцать минут. Много это или мало — сложный вопрос. В обычной жизни — ничтожно. Но в такой ситуации — огромное время! За это время скорая к дому уже не просто подкатила, а уже собралась откатывать! Прихватив с собой и несчастную пациентку.

Отец, мечет икру, а мать... каким образом батя умудрился прогнать пургу, что я убежал к соседям, просить успокоительного?! У которых вдруг решил и остаться, пока скорая не уедет — боюсь врачей я, видите ли! И вообще...

— И только посмей мне вякнуть что-нибудь не по тексту! — рывкнул батя на меня, не сдерживая ни бас ни эмоции, прижав к стенке, не доходя до комнаты нашей.

Здесь он меня и поймал, когда я домой полетел, чудом разойдясь в коридоре с матерью — она к коменданту еще напоследок решила заглянуть, не видел ли тот чего. Напоследок, перед тем как уехать со скорой в больницу, сопровождая Зою, ибо одной ей ехать низя. Да и вообще — в этом её поступке я целиком с ней согласен.

Нельзя сейчас Зайку бросать одну! И я поступил крайне неосмотрительно, вот так вот убежав. Месть? Ярость? Или чувство безнаказанности? Неважно! Сейчас предо мной взбешенный и окончательно посидевший отец, что никак не может успокоиться из-за переживаний на мой счет, и переживаний за мать, что нечаянно может узнать о моём глупом риске.

— И вообще! Куда это ты сорвалась!? С ТРЕТЬЕГО МАТЬ ЭТАЖА!? — стукнул о кулаком по стенке.

— Можно потише? — донеслось из-за двери комнаты, у которой мы стояли.

— НЕТ! — рывкнули мы хором в ответ.

— Но все-таки может быть можно? — высунулся сквозь щелку двери низенький щупленький мужичек.

И отец, вздохнув, отлип от стены, похрамов — почему хромает? В нашу комнату, жестом указывая топать следом, и намекая — головомойка еще не окончена!

— Спасибо, — пикнул мужик и закрылся.

Это он зря — подумал я ему в след — стены меж комнат тонкие, а отец... должен проораться. Нервы.

— Пап, может на улицу выйдем? И там поорешь, чтобы никому не мешать? — проговорил я, когда отец, пустив меня вперед, закрыл за собою входную дверь.

— Сядь — указал он на диван и щелкнул замком.

Я сел. Он подошёл, сжал руку в кулак до хруста костяшек, размахнулся в замахе, увесистом, солидном, жизнеутверждающим, что я вмиг понял — будет больно... но он так и не смог ударить, остановив руку в десяти сантиметрах от моего лица.

Попробовал снова — и вновь неудача. Еще — опять провал. Опустил руки, решил наорать — но и тут облом! Слова кончились, а эмоции остались. Опять раскрыл рот — и лишь пустота. И так, началась пантомима с размахивания руками, хождением по комнате взад и вперед, и беззвучное костерёние моих косточек.

И это продолжалось до тех пор, пока в дверь не постучали. До тех пор, пока к нам не пожаловал участковый. Милиция доехала, наконец, дабы опросить свидетелей дела «об изнасиловании малолетней».

— Так вы говорите, сама пришла?.. — битый час спрашивает одно и то же, а по существу — какую-то глупость странный мент.

— Да, сама. — а отец этот битый час на эту глупость с серьёзной миной отвечает.

— Так может...

— Что? Её на скорой увезли!

— Ну да, ну да... А ведь заметьте, я ничего и не...

— Слушайте, что вы от нас то хотите?

— От вас — ничего. Я просто хочу докопаться до...

— Вот идите, и докапывайтесь! До кого-нибудь еще — не выдержал отец, соскакивая, а ментяра словно это и ждал:

— Вы мне угрожаете?

Батя вздохнул и сел обратно. То, что мент какой-то липовый, я понял сразу. Было в его движениях и повадках что-то такое... что сразу резануло глаз. Но а уж когда он раскрыл свой рот... я сразу понял — телефон, по которому звонили те трое плюс минус сразу после изнасилования — это его. Его, его друга, или кого-то еще. Но он, сцука, точно в теме.

И тут постучали. И опять менты! И, открыв дверь, и увидев их, я уже даже подумал — ну вот они! Настоящие! Но нет — участковый достал корочку, представился «старшим опер уполномоченным», хотя вроде совсем недавно был простым участковым... и практически вытурил новых ментов, сказав, что он тут уже закончил, а им надо еще опросить потерпевшую и вторую свидетельницу. Непонятно только свидетельницу чего и...

— Мама... — в такт моим мыслям произнес отец.

— Я пойду, съезжу к ней...

— Сиди! — рявкнул отец, положив свою руку мне на плечо и переводя на неё половину своего веса в попытке пресечь мою новую попытку побега.

Ну да, я уже к двери метнулся. Но нет, ты батя не сможешь перевести весь свой вес в одну руку, даже несмотря на мой низкий рост. Эх, ладно! Действительно, чего это я? Мама себя в обиду не даст! В крайнем случае, в морду даст! И ничего ей за это не будет! Состояние аффекта, да и врачи подтвердят, что мент докапывался. Нормально всё будет!

— Ты мне еще не рассказала, как с третьего этажа прыгнула, и на десяток метров улетела!

Упс.

Хорошо всё же не иметь никаких морально-этических привязок! Нет, у меня конечно по-прежнему есть семья, папа, мама и еще нарождённый брат, что на пару остались дежурить в больнице подле Зайки, что успешно пошла на поправку после операции. Но в целом — я ведь свободен! И если и буду страдать угрызениями совести, то недолго и вполне терпимо. А уж про законы — и говорить бессмысленно.

А значит, хочу — грабить пойду! Хочу — убивать. И никто в этом мире даже не подумает, что мелкая пигалица, а я все так же сохраняю свой рост в полтора метра с кепкой в виде восьми сантиметров и лицо невинного ангелка, кого-то тут жестоко убила. А тем более расчленила! А тем более — целю банду!

Кстати о бандах — тут на районе беспризорники завелись, целая свора! И всё бы ничего — я не попрошайничаю, а значит типо не конкуренция, да они ж ведь столь же ушлые, сколь я! И из-за них все тайники пришлось срочно эвакуировать! Часть они, увы, уже нашли.

Они ведь, как и я, и на чердаки, и в подвалы, и в щели меж плит залезут. И в стволы деревьев заглянут, и под камни, и даже вовнутрь вкопанных в землю шин детских площадок зимой! Хотя, декабрь вышел теплым, да и зимы в целом — так себе.

У них вообще как будто то нюх на деньги и че ценное! Вот и ходят, рыщут... и домушничеством не брезгают, от того даже на квартире у друзей нет гарантии сохранности вещей. И ведь намеков тоже не понимают!

Сколько раз я им говорил не лезть на чужую территорию! Сколько раз непрозрачно намекал сломанными пальцами, что тут не место для «игр» и чтоб шли «побираться» в другое место! В другой район! Но они вместо послушания, упрямо пытались меня подловить и побить.

Походу придется резать. Кипятить им мозг, слишком жестоко, так что сойдут и обычные ножи. Главное, дождевик надеть не забыть, чтобы не сдерживаться, и не тратится потом на новую одежду.

— Чертановский маньяк, снова вышел на охоту. На этот раз его жертвами стали невинные дети... — вещает тетушка диктор с экрана телевизора, обещая, в том числе, и серьёзную кару тюремную этому пресловутому маньяку, после чего собственно начинается сам новостной репортаж.

С беседами представителей МВД, показом сильно зацензуренных кадров свалки детских тел... а почему собственно Чертаноский то, а?! Я ведь не в том районе орудую, э! Ай, неважно! Я из-за этой вольной охоты немного подзабыл на школу! Надо наверстовать! Хотя у меня есть вполне законный повод — она!

Зоя, что стремительно идет на поправку, но рожать самостоятельно уже точно не сможет. Как сказали врачи, ей еще повезло, и могла бы вообще забыть о детях. А так... ну... психологическая травма... я вот дежурящий возле её кровати, потому как одна она боится оставаться, а мать моя, сдружившись с матерью её, все же должна работать. Ну а матери её, всё же иногда и дома бывать надо.

Её мать работает... работала! Визажистом, в одном модном салоне, от чего я и просил Зайчушку тогда притащить мне блесок для дела, что уже утратило смысл — без маскарада обошелся. Думал, она просто из дому притащит, или маму попросит.

Её отец работал там же парикмахером... работал! Потому как из-за ситуации, и того, что тут такое дело и надо быть рядом с дочкой, они разругались с хозяином салона, что не хотел давать отпуск даже за свой счет и благополучно уволились.

Отец уже устроился работать в другой салон — жить то на что-то надо! А мать... практически сутками дежурит у кровати дочери. Удивительное дело, но пока насилие с неё не приключилось, родители девочки на Зою особого внимания и не обращали.

— А теперь к другим новостям... — все так же продолжал вещать телевизор в палате, который я от нефиг делать смотрю, сжимая руку мирно спящей девочки, что никак не хочет меня отпустить.

Боится она! Но чему-то в моём присутствие чувствует себя даже в большей безопасности, чем при присутствии рядом собственной матери. Взрослой женщины, что разительно выгодно отличается габаритами от маленького меня.

— ...сегодня вступает в силу декларация об отчуждении приморского края в пользу республики Корея. Напомним, договор об...

Ну вот, еще один кусок территории ушел добрым соседям за последние два года, как к

нам пришли гости из-за рубежа. Мы уже благополучно отдали ничего не получив взамен Курилы, Камчатку, Сахалин, Алтай, Дагестан, Чечню... и это блин только начало!

Как я понимаю, и как, в принципе, не скрывают новости — в планах у нового правительства раздробить или раздарить страну вплоть до отдельных субъектов. Как они планируют жить-выживать дальше при такой феодальной раздробленности — даже не представляю.

Или... не планируют?

— ...сегодня Токийская фирма Тагинава — сменился канал, повинуюсь нажатием кнопочки тетеньки с соседней койки — представила миру свою новую разработку в сфере энергетики — передовой источник энергии «Сёгун» — вещает закадровый диктор с телевизора, под видеоряд каких-то раскланивающихся японцев, или корейцев? Они все на одно лицо, на фоне непонятной штуkenции — Данное устройство, позволяет получать электрическую энергию буквально из воздуха! И питать с её помощью автомобили, дома, и даже целые океанские лайнеры — на экране подле японцев появился свой видеоряд с испытаний данного агрегата. — Это новейшее японское ноу-хау в скором времени перевернет весь мир!..

— Вот молодцы ускоглазые! — воскликнула, восхитилась! Тетка, не поленившаяся ради смены канала даже с койки встать, и до ТВ в другом конце палаты доковылять — Не то, что наши! Увальни, бездари и бестолковыши! Ни ума, ни фантазии, и идеи, что смех! — воскликнула она, обращая своё внимание к товаркам по «общежитию» и палата одобрительно загудела, поддерживая «смелую женщину».

А сама модам, почивающая в палате из-за паховой грыжи, поковыляла обратно, не глядя на экран, где, наконец, перестали показывать разработчиков... хозяев! «Ноу-хау» и стали все же показывать его возможности, пусть и в лабораторных условиях.

— Угу, японское. — пробормотал я себе под нос ворчливо, по-стариковски, пользуясь возникшей шумностью палаты, корча рожу, глядя на экран.

Да я от сюда вижу буквы «ПГ-18» на корпусе этого «японского» чуда! И вон тот мужик затравленного вида вдалеке за пультом советского образца явно не азиат. И... еще вон тот, странный кадр, что-то там регулярно кому-то докладывающий, как будто показания с приборов... Интересно кем он там работает? И как устроен этот их великолепный агрегат?..

— Мыыр... — простонала Зая во сне, крепче сжав мою руку, и заворочалась.

— Спи, отдыхай. Ночью я с тобой дежурить не смогу, — прошептал я ей на ушко, и постарался выровнять колебание пропускаемой через её тело силы, вновь настраивая на успокаивающий лад.

И вообще, мне, похоже, вновь пора пересмотреть свою политику жизни. Я уже достаточно наваровался, и достаточно много времени выждал с момента последней крупной кражи, что, похоже пора начинать честный бизнес. Без этой всей беготни по подворотням, лишней нервотрепкой, а главное — потерей ценнейшего времени!

Пора собрать в одну кучу все свои заначки, пока это не сделали за меня! И выкинуть наконец из них все то, что мечено.

Дааа... приличная сумма набежала! Для ребенка. Хотя, нет — не для ребенка! Тут и для взрослого т огромные деньжища! Одних только долларов несколько сотен тысяч! А конкретно — триста сорок две! И это я выкинул все подозрительные купюры от греха подальше.

Все те, что пахли странно. Качеством хромали — подделка или нет, я затрудняюсь ответить, учитывая, что и в обменнике мне могут тоже подделку впарить, а я, по незнанию — принять. Но те доллары по бумаге на ощупь, да и по отсутствию части «водяных знаков» отличались от остальных.

Так же выкинул все те деньги, что имели надписи, потертости, сильные повреждения и надорванности и какие-то странные точки. В общем, все то, что вызывало подозрение, так и оставил лежать разбросанным по разным углам и тайникам по всем соседним районам.

Собрал только лучшее из лучшего! И то, что награл относительно давно — в последний месяц я только резал! Не грабил! Кося под маньяка. И не желая пачкаться лишней раз, трогая тела. Похоже, пора подыскивать квартиру для покупки. Иначе куда деть такой чемодан, а чемодан реально огромный! С деньгами, я даже не представляю.

Но вот как объяснить это всё родителям? Как объяснить им, откуда у меня деньги!? Особенно отцу — он мне уже не верит! Хотя я лью ему в уши исключительно отборную ерунду про сугробы.

Сказать «нашла!» — так он к ментам! А там концов-хвостов не найдешь. То ходили гоголями, докапывались до всего, а как мать дала по шее, сумкой, одному особо умного, а врачи вместе с матерью потерпевшей и пациентами палаты дружным строем заявили, что он сам к ней полез помогать... так отстали! И забыли! И вот уже две недели ни слуха не духа, будто и не случилось ничего! И это — подозрительно.

Особенно подозрительно для бати, уверявшего меня, что обычно такие дела напротив, раздувают до небес, даже если ничего и не было вообще. Подтвердил, что что-то тут нечисто, но ввязываться в криминал, он все равно не пожелает.

С одной стороны — правильно! Но... мне срочно нужно куда-то деть три сотни тысяч зелени, а то я их уже домой припер. И этот чемодан, спортивная сумка, под диваном долго не проживет — мать быстро заметит, что одеяло оттуда выложено и решит убрать.

Выкинуть его что ли? Жалко! Хорошее ведь одеяльце! Хотя пофиг — новое купим.

— Дэвушка, нее хотите поразвлечься? — поинтересовался какой-то грузин, вырвав из-за мусорных баков.

Хм, они что, нарывается? — подумал я, заметив второго, решившего зайти с спины, и тоже до этого прятавшегося в кустах, от скуки рисуя половые отростки на снегу. Так себе искусство! Ну ладно, подыграем.

— Что... что вы хотите?

— Девушка! Ну что вы так пугаетесь! Мы просто хотели предложить вам выпить!

— Выпить? — проговорил я, дрогнувшим голосом.

— Да, выпить — сказал тот, что за моей спиной, и я «вздрогнул от неожиданности».

А он тем временем приобнял меня за шею рукой с большой бутылочкой вина. Целым бутылем! Литров на пять! Но качество — гамно.

— Пойдемте с нами! Уверю, вам понравится! — улыбнулся первый, топя за кирпичики ограды мусорной площадки.

— Нннет!

— Ну что вы, вам понравится! Уверю! А если нет, то мы вас даже домой проводим... — проговорил приобнявший меня, и в конце позволил себе укусь меня за ушко.

— Ну... ладно. — улыбнулся я, сделав вид, что таю, и мы пошли в прозрачный, из-за отсутствия листвы, лесочек за баками, компанией в обнимку.

Прирежу быстро и бесшумно! Не охота конечно следить прямо возле дома, но — если

на карте трупов будет большая дыра — это будет еще более подозрительным! А зачем мне быть подозрительным?

И почувствовал укол, после которого все мышцы встали колом, и тут же лишился сознания.

Визг тормозов и рокот двигателя, раскатом грома пронёсшиеся по округе, заставили Николая Алексеевича напрячься, а его сердце, получившее дозу адреналина, резко ускорить пульсацию.

Опять какие-то молодые да необъезженные пантуются перед девчонками! — мелькнула в голове человека мысль, и он решил отступить от проезжей части на пару шагов подальше, так, на всякий случай.

Чему-чему, а такой простой истине, как правило дурака, и отсутствия для них закона, жизнь Николая научила уже давно. И тому, что тротуар, это место только для пешеходов, а всех, кто лезет на него на своих машинах, ждет нехилый штраф и лишение прав — он уже давно не верит. С того самого момента, как переехал в столицу!

Все же, количество мажорных деток на один квадратный метр первой престольной просто зашкаливает! А у всех мажорных детей соответственно есть очень крутые родители, что в любом случае отмажут кровинку от суда и порицания. В крайнем случае — за границу сошлют, хотя подобное со времен переворота стало скорее наградой, чем наказанием. Из-за чего в итоге им не писан и уголовный кодекс.

И даже живя в заводском районе, не говоря уже о районах всяких, кремлю приближенных, и гуляя по тротуару с высоким бордюром вдоль дороги с минимальным движением, есть вполне реальный шанс нарваться. Просто попасть под колеса не той машины! В результате чего, навещать серьёзные дяди будут даже в больнице, делая тебя же виноватым.

Тем более такой шанс велик в ночное время! А Николай идет с работы, поздно, при том, что в декабре и так темнеет рано. И пешеходный переход сегодня, не блещет разнообразием народа — безлюден! И как следствие — соблазнителен.

Вариантов тьма, как можно пострадать! От мальчигов, что решат погоняться на машинах за живыми людьми, что будут убегать, до девочек, что просто так «срезают дорогу», по пути в ночной клуб.

И словно в подтверждение его слов, на тротуар, прямо перед носом человека и преграждая ему путь, с визгом покрышек выскочил черный микроавтобус. Выскочил эпично, с разворотом на месте уже на тротуаре, и дверка черного мерседеса распахнулась, а Николай, сунув руку за спину, нащупал рукоятку пистолета.

Игрушку! Муляж... газовую хрень, в облике Макарова! Боевое ему более никто не продаст. Да и это фигню, дозволили с таким скрипом, что Николай уже думал никогда не получит в свои руки хоть что-то, увесистее дубинки.

А ведь склад... но разглядев кто, прячется за темной крашенной сталью микроавтобуса, Хватков поспешно отпустил пистолет, оставив оружие почивать где было, и поднял руки к небесам, обозначая полную покорность.

Пять вооруженных до зубов бугаев в масках, в бронеках, с разгрузками с патронами и гранатами, и автоматами в руках, что пока что смотрят еще не на него — не та сила, с которой мог бы тягаться даже боевой пистолет! И бежать человеку от них тоже некуда — пристрелят. Тем более у одного из пятерых, не автомат, а СВД, и это уже совсем печально.

Таким ребятам, только сдаваться, надеясь на милость, и рассчитывая, что если решат убивать — то это будет быстро. А если пытаться...

— Николай Алексеевич, — не поинтересовался, а констатировал один из машины, и названный криво усмехнулся.

Еще и имя моё знают! Ну, всё, похороны! Или ликвидация, и в принципе понятно за что, или что еще похуже. Только голос кажется смутно знакомым.

— Где ваша дочь? — а вот этот вопрос мгновенно выбил человека из, казалось уже очевидной колеи.

А причем здесь она? — вопрос сам собой напрашивается, но задавать подобное в данной ситуации глупо, как бы ни хотелось. Это может плохо кончиться, для неё! И вообще — причем тут она?!?!

Она... Саша... простая школьница! — по крайней мере именно так всегда сам себя убеждает Николай — и сейчас, должна быть уже дома! Её занятия в школе кончаются существенно раньше, чем рабочий день на складе отца, и идти от школы существенно ближе, чем от склада — она должна быть уже дома! Ну или могла к подружкам заглянуть... но!

Она ни как не могла быть связанна с такими вот людьми! С теми, что могут вот в таком виде ездить по городу в круто затонированном, что со времен переворота стали привилегиями только особой категории граждан, так или иначе работающих на иностранцев. И тем более, на мерседесе, что явно бронирован — на броню нужны особые лицензии и права. А она, Саша — простая школьница! Пусть и с заскоками. И необычными возможностями.

И тут кинолог узнал одного из обитателей микроавтобуса. По одному лишь взгляду! По одним лишь глазам, видимым в разрезе маски.

— Вася? — произнес он ошарашенно имя опознанного.

— Черт! Он не знает! — проговорил тот, с кем он до этого «общался» и тут до Николая дошло, кого ему напоминает голос говорящего.

Начальника! Бывшего начальника! Зам отдела по борьбе с террористическими угрозами! И мысли взвились роем — Да быть не может! Что происходит?! Но это точно он... — а дверка автобуса начала закрываться.

— Едим!

— Серега, стой! — крикнул Николай и тачка послушно установилась.

И пять пар глаз вооруженных до зубов людей уставилась на безоружного человека, что несмотря на свою невыгодную позицию, уже было хотел запрыгнуть внутрь машины.

— Что с моей дочерью?!

— Если б мы знали — совсем не юморно отозвался Васька, в бытности не переживавший без шуток и минуты.

— Без понятия — буркнул бывший начальник, и начал лично закрывать дверь, но Николай, отпихнув его, ворвался в машину, попутно вглядываясь в лица, ища и другие знакомые глаза.

— Что происходит Серёга — тут же насел на бывшего босса Николай Хватков, хватая того за плечи, игнорируя наличие у того автомата в левой руке, и свою малость невыгодную позицию — Что с моей дочерью? — заглянул он в его выцветшие глаза.

— Если б мы знали, Ник. — вновь подал голос Василий, а один из бойцов захлопнул дверь микрика, так как он уже тронулся с места.

И выполнив разворот не по правилам, начал стремительно набирать скорость, игнорируя разметку, знаки и светофоры на перекрестках, ловко лавируя среди машин непривычного для столицы жиденького движенья. Сказывается относительно поздний час,

когда все работающие, уже отработали, а все ночующие — еще не выползли из нор.

— Ты, как понимаю, с нами? — протянул Сергей пистолет Николаю, когда тот, наконец, его отпустил, так и не дождавшись от него ответа.

— Вы блин еще спрашиваете?! — принял оружие отец-войка и, проверив магазин, дослал в казенник патрон. — Но может все же объясните, как во все это... может быть втянута моя Саша?

— Она была приманкой, и мы потеряли её.

— ЧТО!? — разум, на мгновение покинул человека, а палец, уже практически нажал на спусковой крючок, хотя до этого располагался под ним, а не на нем, рискуя в итоге стать причиной дырки в ноге стрелка, подарив ему нелепейший самострел, ведь ствол пистолета по-прежнему смотрит именно туда. — Что значит...

— Тиши, не кипятись. Все было предусмотрено...

— Н...а...е... — и кто-то из бойцов сунул Николаю, так и не находящего слов для хоть чего-то, в руки автомат.

Будто это могло его хоть как-то успокоить! Но зато Хватков человека тут же узнал — он тоже работал в ныне расформированном отделе! И даже бывал разок у него в гостях, помогая с перестановкой мебели. А значит... да ничего это не значит! Ничего хорошего, для его дочери.

— Что...

— Сигнала все нет? — обратился бывший зам отдела, а ныне неизвестно кто, к сидящему на переднем сиденье человеку.

Как видно аййтишнику, судя по здоровенному ноутбуку с непонятным потоком цифр на экране у него на коленях.

— Нет, все так же глухо. — отозвался от туда человек, и Сергей грязно выматерился.

— Вредная девчонка! — и взглянул на её отца — Она и раньше регулярно уходила от спутникового наблюдения, а про наземку вообще молчу — она для неё не существует.

— А если и существует, то потом бесследно пропадает — добавил кто-то из салона, а Серега Лермонтов, от бешенства снявший с себя маску, покивал головой, соглашаясь.

— Но зачем? — вернулся дар речи Николаю.

— Зачем? — даже удивился собеседник — А ты не знаешь кто твоя дочь?

— Знаю. — скрипнул зубами Хватков, и отвернулся. — Но неужели это того стоит?

— Ну, знаешь, приказы не обсуждаются.

Обитатели мерса притихли, замерли, создав непревзойдённую тишину. И только водитель, продолжал свой танец с железом, и только колеса, продолжили скрипеть по асфальту, каждый раз лишаясь еще одного процента шипов, и зарабатывая по проценту износа резины.

Еще и девшего отделяваясь! Учитывая массу машины, и безумные вхождения в повороты чуть ли не под прямым углом, на непредназначенном для подобного тяжелом мерседесе. Мокрый асфальт помогает! И тут Николай понял, что они ездят кругами!

— Есть пеленг! — подал голос человек с переднего сиденья.

— Вектор? — тут же отозвался Лермонтов, забыв о бывшем коллеге-подчинённом.

— Северо-запад.

— Жилые застройки. Мы там вечно можем плутать по дворам!

— Сигнал усиливается! Стоп! Назад!

И машина сделала дрифт прямо посреди проезжей части, замирая поперек дороги, из-за

чего ехавшие следом легковушки, в попытке избежать столкновения, по разлетались во все стороны — на обочину и на встречу, в равных пропорциях мгновенно создав затор на четырёхголосном шоссе.

— Давай туда! — дал направления Серга, указав рукой «водиле от бога» на узкий лаз меж домами, на счастье обитателей автобуса — расчищенный от снега, а не заметенный им.

И машина тут же влетела во дворы.

— Совсем рядом! — крикнул айтишник с переднего сиденья, уже через миг выскакивая из тачки прямо на ходу наперевес со своим ноутбуком. — Туда! — указал он на один из домов, высыпавшим следом бойцам.

— Миха, Васька — первый подъезд! Гога! — найди позицию — принялся тут же раздавать приказы бывший зам отдела, уже успевший натянуть на рожу маску, а в руки взять вытащенный из-под лавки автомат — Ник, вперед не суйся! Ты без броника! — прикрикнул он на уже собравшегося бежать в бой отца семейства, и тот, скрипнув зубами, послушно кивнул. — Макс — вызывай подкрепление. Жора! Куда тебя мать несет?! — приказал он водителю, и истошно заорал, увидев как айтишник сломя голову несется куда-то к центру дома.

— Десять метров! Они в под... — и в этот миг его череп пронзила пуля.

— Снайпер!

— Крыша на одиннадцать, второе слуховое окно, Гога! — скомандовал Сергей, спрятавшийся за переднюю дверь броневедомобиля.

И торчащая из сугроба дуло винтовки Драгунова изрыгнула смерть в указанном направлении — по двору разнесся стон сразу вслед за громом выстрела, карая зазевавшегося чердачного снайпера за свою нерасторопность.

— Не стоять на открытых позициях! Проверьте окна, чердаки! Макс!

— Будут через десять минут!

— А есть ли у нас эти десять минут?..

Глава 17 — Отражение

Очнулся, быстро, почти мгновенно, придя в чувства. В отключке я был всего минут десять, но теперь... уже связан, и растянут в разные стороны за ноги и за руки. Металлические наручники — прочные, черные, по две штуки на конечность. Порвать их — я скорее сломаю себе кости! А выскользнуть — их две штуки! Не выйдет.

Но можно... однако меня беспокоит то, с какой легкостью меня вырубили! И еще это полуподвальное помещение с голыми бетонными стенами, исписанными граффити, и маленьким смотровым окошком прямо напротив меня.

— Ну привет, — донесся голос, и из одной из многочисленных проходов подвального помещения вышла группа мужчин, про каждого из которых можно смело сказать «качки».

Не те, что дворовые алкаши, или гоп-стоп «с района». Кухонные боксеры, что проявляют себя только на кухне и даже не молотобойцы с железки! И уж давно не офисные работники. И двое из них явно сидели по крупному. Наколки, наколки и... наколки. Купола, перстни, что-то там еще, на обнаженных по пояс телах. А тут вообще-то не жарко!

Один, хоть и одет по гражданке, но явно служил в войсках и, похоже, не наших. Тоже есть наколка на оголенном плече, с подписью по английский — не разобрать. Выправка, движения, не свойственные гражданскому. Офицер, хоть и похоже уже бывший — уж больно плотояден его взор, лишенный хладнокровия. Ему война как мать родна! И убийства — приносят удовольствия.

Третий... этот просто вырос «с оружием в руках» и с детства на поле брани. Его оружие — часть его тела, будь им автомат, или нож, даже если тот в кобуре. Его движения лаконичны и от того вдвойне опасны.

А вот четвертый...

Мои глаза полезли на лоб, а сердце чуть не ушло в пятки.

— ТЫЫЫ!

КАК?! Можно... так... скрывать...

— О! Заметила! — усмехнулся человек, и обратился к своим товарищам — Ну что, парни? Может развлечетесь для начала?

И не успел я собрать воздуха, для хорошего такого крика, мата, прорыва эмоций, как мне заткнули рот каким-то пластиковым шариком с дырками.

— Ммм...

Попытался дернуться но... руки, ноги... они как будто онемели! Я их почти не чувствую! Не ощущаю! А ведь еще секунду назад все было нормально, а сейчас... Как?! Впрочем, ясно — кто знает, с химией этого мира подберёт нужное. С наличием чертежа, опыта и времени — подобрать деталь не составит труда. Но все же... да если б их просто отрубили, я-б так себя не чувствовал!

— Ты должна была уже заметить. Мы обкололи твои ручки, ножки, хорошим обезболивающим. В общем, Силой ты пользоваться не сможешь. Ну по большей части — похабно улыбнулся главный, тем временем остальные мужики содрали с меня одежду.

И без особых там церемоний, преступили к насилию, «для разогреву».

— Ух ты девственница. — заявил один из них, увидев кровь.

Разумеется, я от этого даже глазом не моргнул, продолжая смотреть на стоящего в

сторонке от основного действия мужика, косая сажень в плечах, а в остальном ничего примечательного, насвистывающего что-то там свое, перебирая, чистя и раскладывая в полумраке, кучу хирургических инструментов на маленький столике. Его словно это всё не касается! Словно он и не тут.

Впрочем, как и я, утратив контроль над большей частью тела, превратился в простого наблюдателя, продолжающего смотреть на цель, игнорируя все остальное. Продолжил готовиться к единственному решающему рывку, стягивая для него все силы, игнорируя два часа жесткого насилия над телом. Причем насилия, отнюдь не маленькими половыми отростками! Особенно у того, что бравый служивый негр.

— Не, ребят так совсем не интересно. — сказал как раз таки этот негр, вынимая — Мы её тыкаем, тыкаем, а она... даже не возбуждается толком. И это несмотря на лошадиную дозу афродизиака!

Афродизиак? То-то я думаю, что это нижняя часть тела меня предала, пуская соки.

— Да, не, говори, ерунды. — с диким акцентом по английский сказал тот, то даже без штанов держал при себе нож — Нормальная девчонка.

— Ага, прям самый сок. — сказал один из тех, что успел уже отсидеть в свои не полные тридцать лет, и хотел было пристроится для еще одного захода, но понял, что уже выдохся. — Ток вот не стонет ни фига, так не интересно.

— Так у неё же кляп во рту, вот и не стонет! — высказал свою точку зрения второй зек, сильно постарше первого, развалившись на отдых прямо на грязном бетонном полу.

И недолго думая подошел и извлек кляп.

Тишина. Поймал ехидный взгляд стоящего в сторонке мужика, я внутри весь вскипел — как он мог!? Хуже! Как он может до сих пор скрываться от меня?! Ведь я его почти не чувствую?! С точки зрения сенсорики Силы. Но внешне — ни один мускул на моём лице так и не дрогнул.

— Ах ты... су... — протянул я, так как тот же мужик, что извлек кляп, вколол мне новую порцию транквилизатора.

— Новая порция местной анестезии, юная леди! — прокомментировал он. — Ну и конечно — шприц вошел мне в ляжку — новая порция твоих любимых гормончиков!

— Слушай, Щуплый, зачем столько лекарств, а? — решил поинтересоваться зык у своего молодого подельника, на что тот только и сумел, что пожать плечами, думая как заставить свою палку встать и в третий раз.

— Чтобы она вас всех тут не порешила, — спустя столь долгую паузу, вновь подал голос главарь этой мелкой шайки с явно большим послужным списком, подходя ближе ко мне, наконец, оставив в покое свой набор маньяка.

Все уставились на него, а я понял, что пора. Сила вскипела во мне, подчиняя себе непослушную плоть. Глухо звякнули браслеты оков, так как раскрасневшийся металл, не выдержавший устремившегося в него напора энергии, потерял свою былую прочность и способность издавать звуки.

Я дернулся вперед, с места ускорившись, взяв в цель единственного, кто представляет мне тут реальную угрозу. Единственного, кто может меня тут убить, и кто знает реальную правду. Но цель, метнулась мне на встречу, на страшной скорости припечатав обратно к стене, схватив рукой за горло.

— Ты... — скрипнул я зубами, будучи почти обездвиженным и пытаюсь совладать с последствиями удара.

Чудовищного по своей сути! Что бетон за моей спиной пошел трещинами. И против этого человека, даже со всей своей ошеломительной силой и возможностями, я лишь муравей, мелкая пигалица, и не в состоянии что-либо сделать как бы того не пожелаю. Ведь он, в трое, в четверо! Сильнее меня по всем параметрам.

Боже! Я как будто смотрю в своё отражение! На того, кем я был еще совсем недавно! Может миг назад, а может четырнадцать лет. Рыцарь без страха и упрека, видящий только конечный пункт назначения.

Боец, переживший сотни битв и сражений, готовый рисковать собой и даже умереть, если это позволит победить, не знающий слова «недопустимо» или понятия "нечего делать«. В любой ситуации излучающий лишь спокойствие, легкий интерес, брезгливость ко всему окружающему, и бесконечную жажду действия неумемной души...

— ...тоже... — воздух кончился, и я практически повис на собственной шее, прижатый к стенке.

— Да, я такой же как и ты, — усмехнулся мужик, в то время как я попытался его хотя бы укусить — бесполезно! — Бессмертный! Вечный, перерожденный. И я живу тут уже очень давно, — он осмотрелся, как бы обводя взглядом весь мир, пусть и осматривая только сырую комнату подвала — И знаешь что? — заглянул мне прямо в глаза, забив на мир и комнату — Тут абсолютно нечем заняться! — и его кулак, прижался к моему животу.

И без замаха, без удара, просто коснулся, и стал медленно проникать в мою плоть, разрывая мышцы, кожу, ткани, кишки, органы...

Говорят, душа у бессмертных, прячется в их животе. И сейчас, я ощутил, что это правда. Я буквально прочувствовал, как он проникает к самой моей сути, и метнулся вверх, в грудину, прячась подальше от вторжения, спасаясь от уничтожающей энергии.

Скакнул бы и выше! В голову! Но рука на горле... мешает. Там, не пройти. А мужчина от моих действий лишь усмехнулся, вспыхнув Силой уже в видимом спектре, видимом для простых смертных, вызвав у своих подельников лишь удовлетворённые улыбки. Они явно уже это видели! И не раз. И для них — шоу продолжается.

Хотя самому «большому боссу», как и мне — до них уже нет никакого дела. И он продолжил движение своего кулака вверх, все ближе и ближе приближаясь к моей сути.

— Я убью тебя, выжгу, уничтожу. Возможно хотя бы это, доставит мне хоть какое-то удовольствие в этом бессмысленном мире. Где нет цели существования таким как я, или ты. Так что уж не обессудь, развлеки меня, будь так любезна!

Бессмертные, не совсем бессмертны! И я лично знаю целых три способа убить, уничтожить подобного мне. Первый, банальный — саморазрушение. Схождение с ума, потеря воли, целостности психики... не важно, каким путем это будет достигнуто! Если бессмертный утратит контроль над самим собой — его же Сила его уничтожит.

Второй — война богов. В некоторых мирах они не просто существуют, но и не считают зазорным вмешиваться в дела людей. И терпеть не могут нас, бессмертных. Так что, почуввав интерес подобной твари к себе любимому — лучше сразу валить из мира, пока еще не поздно. Лучше потерять одну жизнь, чем всё, бессмертия.

Хотя, божки бывают слабосильными и тогда можно попадаться. Но это уже частности и я лично не встречал ни кого из них — не довелось, и к лучшему.

Последний вариант — бессмертный убийца бессмертных. Можно убить защищенного Силой при помощи Силы. Только вот тут стоит понимать, что убийца и сам открывается, ставя на кон и собственную бессмертную жизнь. И это бой двух потенциалов, где неизвестно

кто кого победит. Но не в текущем случае.

Я слаб! Беспомощен! И жалок! И этому бугаю, что уже взрослый, и вообще — мужик, а Сила магическая, имеет прямую зависимость от силы физической, не в состоянии вообще ничего противопоставить.

Я просто мишень! Кукла! Тряпка! Что зажата в захват, и даже не может сбежать на перерождение. Я уже почти труп! Как физически, еще мгновение, и диафрагма сдастся, и будет пробита. Так и духовно — оболочка души уже вся покрылась трещинами и вот-вот лопнет.

Он... враг? Друг? Товарищ? Где то в другом месте, был бы последним. Здесь — только враг. И я ведь такой же! Такой же как он! Смотрю на него, и понимаю — проживи я в этом мире столько же, как он, и стал бы точно таким же — маньяком, придурком, эгоистом.

Да я уже такой! Хотя мне только тринадцать в этом мире! В мире, где я почти бог, и где мне никто не ровня! Никто не одолеет, не справится, и где на меня и ни кто и не подумает... и как же сильно я заблуждаюсь!

Оболочка души лопається, разлетаясь осколками. Ядро оголяется, и... что-то на огромной скорости влетает в голову врага. Давление мгновенно исчезло, я чуть не растерял собственную память, кропотливо набранную за четыреста лет и ринувшеюся потоком сквозь открывшеюся брешь. А бессмертный... получил еще-что в свою голову, из-за чего из неё фонтаном брызнула кровь, орошая всё в округе, и оглянулся.

Вынул кулак из моего брюха, попутно отпуская горло, из-за чего я кровавой кляксой медленно стек на пол. Метнулся куда-то по темному подвалу, уклоняясь от скачущих по помещению высокоскоростных шариков... Впрочем, не всех, далеко не всех! Судя по многочисленным фонтанам крови из его тела.

Уши, вернули себе слух, и тут же его вновь лишились, из-за оглушающей канонады выстрелов, заполонивших все помещение. Вновь вернули, но лишь для того, чтобы я услышал душераздирающий человеческий вопль, и увидел, как вечный разорвал на части человека вместе с его бронежилетом, пусть тот и выпустил в его живот пол очереди из автомата.

И тут стенка за моей спиной вздрогнула, а самого бессмертного, уже ринувшегося куда-то в соседнее помещение со скоростью противотанковой ракеты, почти на той же скорости вернуло обратно. Впрочем, уже не человеком — куском мяса на ногах! В которое тут же еще что-то впечатолось, и плоть брызгами устремилаь по всей округе.

Отключаюсь. Я слишком сильно... устал. У меня осталось слишком мало сил, и смерть тела, в текущей ситуации — приемлема.

— Саша! — подскочил ко мне, по-прежнему лежащего сломанной куклой без движения, в совершенно неестественной позе с выпавшими наружу кишками, один из военных, буквально за мгновение до начала отчета к добровольному уходу на перерождение.

Кто? — любопытство даже в такой миг взяло верх над рассудком и здравым смыслом, и я все же взглянул на подошедшего. Картинка прорезалась сквозь пелену и бред, и в незнакомце я вдруг узнал отца текущего тела.

— Привет, папа. — прохрипел я, выдавливая крохи оставшихся возможностей из тела, стараясь при этом еще и говорить как можно более спокойно и уверенно. — Как ведешь, со мной все в полном порядке.

— Ни фиги себе в порядке, — подал голос «кто-то из тумана», за пределами моей видимости и мироощущения.

— Ну... бывало и хуже, — то, что после этих «хуже», я уже должен быть точно мертв,

предпочту сокрыть за занавеской.

— Держись, Санька! Сейчас, мы тебе поможем... Все будет хорошо, — вновь заговорил отчим, аккуратно беря меня на руки.

— Уже помогли бать, уже помогли...

Нет, все же нужно жить! — решил я, и погрузился в полусон, стараясь справиться с повреждениями. Не ранами тела, но оболочкой души. Он мне её пробил! Но батя прибыл как раз вовремя. Еще бы миг, еще бы мгновение... и я был бы уже мертв. Не просто как человек, но и как бессмертный. Как вечный, что окончил свою жизнь не в славном сражении «вселенная на вселенную», за мир и добро во всех измерениях, или же «во исполнение мечты!», непонятно откуда родившейся, а по такой нелепой глупости, и почти случайности, как скука, и попытка коллеги себя хоть чем-то занять.

Еще бы миг и моя память начала бы разрушаться. Перемешиваться, спутываться. Пропали бы границы меж отдельными воспоминаниями, и я, даже выживи, начал бы стремительно сходиться с ума, не в силах отличить то, что было в этом мире, а что в предыдущих.

Это не фатально! Я бы, может быть, даже бы смог бы выжить. Но пришлось бы избавиться практически от всего набранного жизненного опыта, начав всю жизнь с чистого листа. Жизнь Саши Николаевны Хватковой — в том числе. А так... я поправлюсь. Пусть и побуду месяцок-другой в комме. Прости мама, но с этим я ничего не смогу поделать.

Но самое печальное во всем этом... это осознания того, что тот, кто со мной подобное сотворил, такой же как я. Не в плане силы там, или еще чего-то! А в плане духа, образа мышления! И я, на его месте, был бы тем же! Насильником, психопатом убийцей!

Да я уже он! Сколько на мне душ невинных... и ведь клялся уже, не вступать в войны людей! Клялся уже, не грабить! Не убивать понапрасну! А что в итоге? Почувствовал силу! Хех! Почувствовал безнаказанность! Свободу от обязательств, и простор для действий! И тут же пошел в разнос.

Я такой же как он, один к одному! Я такой же как он, псих, насильник убийца! И разница меж нами лишь в том, что я прожил чуть меньше, и существенно слабее. И поменяйся мы в тот миг ролями — ничего бы не изменилось. В поисках развлечений в мире, где нет цели, я бы пошел и не на такое. Куда дальше, чем простые поиски себе подобных для их убийства ради собственного развлечения.

Якорь! Мне нужен моральный якорь в мире! Не позволяющий съезжать с катушек. Семья — достойный аргумент! Но она не вечна. Очень не вечна. И что бы брат имел свободу, если он, конечно, вообще родится, мне необходимо будет как можно скорее от него сбежать, дабы не подсадить на силу как на наркотик. Дети... они подсаживаются еще быстрее взрослых. Пусть и последствия, ломка, у них не столь разрушительна.

И будь я мужиком — нашел бы себе бабу. И пусть не любил бы по настоящему, она бы стала для меня тем человеком, ради которого имеет смысл держать себя в узде, и не слетать с нарезки. Тем человеком, ради которого можно перевернуть весь мир! Даже стать маньяком! Но при этом не быть психопатом, убивающим исключительно ради развлечения.

Но я — сам баба. И рожать, любить мужчин — не собираюсь. А значит — мне нужна иная привязка.

— ...очнулось... — донеслось до меня сквозь пелену бреда из осколков собственной памяти, что оказались выброшены за корму сознания, после восстановления оболочки.

Выброшены, как отход, как материал, представляющий скорее угрозу, чем пользу, и я сквозь это поле острых обломков, неторопливо всплыл. Как со дня океаны, из глубины

бездны, и с трудом раскрыл свои глаза.

— Очнулась! — появилось в поле зрения лицо, кажется, врача, а моей первой мыслью стал давящий на клапан мочевого пузыря его содержимое.

И...

И...

Стоп! У меня нет мочевого пузыря! Удалили? А хрен его знает, тело по-прежнему не отзывается как надо.

— Пи-и-ить... — прошипел, осознавая, что пить и писать очень родственные понятия.

Но если мокрое можно сделать и под себя, то вот с водой — возникают проблемы.

— Сейчас...

Да ты издаиваешь!? — взвыл я в душе своей когда человек дал мне даже не глоток, не ложку, КАПЛЮ! Как этим вообще можно напиться!? — и я попытался подняться, чтобы запрокинуть в себя всю банку разом, но не смог даже головы отодрать от подушки.

Ох, тело! Опять оно тут всё напутало! Опять всё придется в ручном режиме править и моделировать. Ну, не смотри на меня глазками столь печальным! Прорвемся! И не с таким пиздецом выживал! Дай только... попить нормально, а! Прошу! Ну... чего тебе стоит? Спа... ах, тыж! Издеваешься!? Я ведь еще припомню тебе подобное! Так и знай, припомню! Найду, зарежу... а, нет — резать не буду. Но всё равно отомщу!

Мне, что б с «онемением» совладать, часа два понадобится! Еще один на нервы, да... да, часов через пять — к полуночи — углядел я краем глаза клонящееся к закату солнце — я уже свисну эту банку со стола! Вот увидишь!

Не увидел. Уйдя, баночку с собою прихватил. Гад! Заботливый.

— arr! — простонал я, пытаясь размяться, ведь подняться с кровати не смог и к утру.

Разве что — приподняться. Начать хоть как-то хоть чем-то шевелить! Сумел ближе к рассвету и утреннему обходу — больницы! Я опять угодил в лечебницу! Это стало ясно сразу, как носу, как органу наиболее близкому к голове, вернулась чувствительность, и я сумел различить соответствующие, специфические запахи.

Еще до того, как я сумел разглядеть окружающий меня «пейзаж» в деталях — белые стены. Кроватку, на которой покоится моё брэнное тело, определить по характерному «хрусту» — панцирь-сетка. Бельё, распробовать на вкус — беленькое, хлопковое, стиранное, хм, чистое. И собственно заметить капельницу, из которой в меня по капле уныло что-то капает.

Больничка... Хотя чего я еще ожидал при своих то травмах? Не в морге — и ладно! Хотя подозреваю что-то, что меня могли и закопать. Метра на два! Но думаю, смерть тела при ремонте души я бы уж не прозевал.

В принципе, физические травмы вшивые! Можно сказать даже — плевые! Вопрос одного месяца реабилитации. Но крендец котенку! Контролю. И задача его вернуть — действительно большая. Я просто перестал чувствовать тело! Отслоился, утратил контроль.

Не понимаю даже, что именно у меня болит! Толи нос, толи хвост, несуществующий — или уже пришили? С них же станется! И что отсутствует из органов. Не чувствую, не знаю, и... словно в деревянном бандаже. Словно в гипсе целиком, словно в теле, что онемело, как после долгого пребывания в жутко неудобной позе. Ничего не чувствую, и даже то, что пальцы вроде как шевелятся, определяю только визуально.

У меня что, позвоночник поврежден? Да, похоже... нет! Опять-таки беда вся не физическая! И я как поселенец в собственном же теле. Оно орет, блажит, зовёт меня! Всё так же слушается! А слышу я, лишь отголоски. Эхо...

Пора подъёма, и, учитывая по-прежнему наличие на мне бинтов, хотя по идее уже не должно было быть — я наверняка не один месяц провалялся! Трубочки, идущей сквозь них куда-то внутрь — не ясно толком куда, и зачем она вообще нужна — пуста и девственно чиста. И от того, что врач-мед брат, сомнительно все же, чтобы это был лично ОН, с дипломом, а не обслуга, столь аккуратненько меня поил... мне лучше не являть честному персоналу мгновенную регенерацию почти что инвалида.

Обход, делегация врачей, ввалившееся ко мне, в подозрительно одиночную палату минуя все палаты прочие, как к ВИП персоне! Как к высокому гостю. Но процедуры... до безобразия стандартны. Замера пульса, давления, проверка рефлексов, что как ни странно, в норме. Реакции на свет. Вопросы про два пальца.

— Доктор, я вижу тут только два, но понятия не имею, сколько вы там держите за своей спиной.

Врач, немного опешивший от подобного, вынул руку из-за спины, которой до этого придерживался за поясницу, и задумчиво глядя на пятерню, пошевелил пальцами, напомнившими мне сардельки и будящие звериный аппетит просыпающего от долго сна зверя — человеческого тела! Жрать хочу! — желудок, я тоже рад тебя слышать!

Перевел взгляд на остальных людей в халатах — какие суровые дядьки! И только одна тетка, стоящая в сторонке. И по их ромам видно, что они с чего-то думают, что это всё шутка. Вот только смеяться что-то никого не тянет! Срезные какие, прям смешно.

Впрочем, один смешнявенький тут есть, как видно самый молодой, вон, еле сдерживается.

— Сколько я была без сознания? Какое сейчас число? Доктор? — пошел я в наступление, раз взрослые сами делится не хотят.

— Второе марта. — после недолгой паузы, решился просветить самый юморной, и я невольно присвистнул, возвращая голову на подушку.

Нехило я поспал! А парнишке, сболтнувшего лишнего, походу достанется! Вон как на него остальные смотрят.

— Саша, что последнее ты помнишь? — присела ко мне на кровать единственная женщина коллектива коллегии докторов-мужчин, до сели участия в осмотре не принимавшая.

Психолог? Мозгоправ? Настраивает на доверительный лад? Вон, как смотри, улыбается! На коечку присела с краюшку, аккуратненько, тип мы уже подруги... да ну тебя, мымка крашенная! Когда только успела зашпугатурится, сейчас ведь часов шесть утра!

— Ничего хорошего. — отвел я взгляд от этой крали, чтоб не бесила лишний раз голодного человека своею шпугатуркой — Мужчин... кровь... подвал. Мне обязательно это вспоминать? — вернул я взгляд на леди, и приподнял бровь.

— Кхм. — кашлянул как видно главный, что в основном и проводил осмотр, и пальцы сардельки демонстрировал — еда!

Правда до пальцев, осматривал сугубо как бревно. Ворочил, крутил, ничего не говорил и всё делал сам, игнорируя мои потуги и недоуменное хлопанье глазами. Что в прочем, правильно — яж коматозхник! Был...

— А где папа? И мама? С ними все хорошо?

— Конечно! Не волнуйся, мы их позовем, и они скоро к тебе придут — улыбнулась тётенька психолог, и группа врачей, начала потихоньку переползать к выходу, как видно решив, что их работа на сегодня окончена.

— Так, возьмите срочно анализ крови, мочи, кала... всё, в общем, полный круг — услышал я тихую речь главного уже из коридора.

— Да, сделаем. — ответили ему.

— Саша, ты чего-нибудь хочешь? — влезла психолог.

— Пить, — обозначил я свое желание для психолога. — Очень хочу пить.

Тетушка, почему-то помрачнела. Ну... могу и не пить! Не столь это важно! Увесистая капельница не зря всю ночь на мозги своими каплями давила! А я так и не смог придумать, как до неё дотянуться или иголку выдернув, кровяки себе не пустив.

Все же, без контроля над телом — я почти обычный человек! Пусть и с дико завышенной регенерации. И гематомы от внутренних кровоизлияний мне не нужны, пусть и рассосутся они за денек другой от силы. Ну а желание попить... следствие того, что почки пытаются хоть как-то достучаться до мозгов. Наверное. Можно и потерпеть — не суть важно. Просто пользуюсь тем, что тетка сама заговорила о том «что я хочу».

— В чем дело? — поинтересовался я, видя, что она так и не рвется за стаканом.

— Тебе нельзя много пить.

— Ну я много и не прошу! Литра два и хватит! — растянул рот в белозубой улыбки, а крашенная модама кажется стала еще чернея.

— Тогда тебе нельзя будет капельницу...

— Ну и не надо! Кушать я уже и сама могу, так что не проблема.

— Я поговорю с Гавриилом, подожди немного — буркнула она, и тоже упорхнула.

Но все же странно — подумал я, провожая даму взглядом — я, коматозник, в больнице, в обычной палате, но маленькой, и совсем один! С какого... такая щедрость. И где родители? Напрягает меня все это! Ой как напрягает! А вот и за кровушкой моей прибыла медсестричка. Ну ка, родимые, стро... а кому я приказываю?

Впрочем, то, что я не слышу ответа, не означает, что они не слышат меня! Пальцы же вон шевелятся! А значит надо просто делать тоже, что и всегда, только как бы с закрытыми глазами. Эх, надо было почаще подобным заниматься! Поистереть что ли?

— Нет! Не трогайте! Не надо! НЕЕЕТ!

А, ну да, санитары, транквилизатор... быстро прискакали, козлы! Как будто то за дверью поджидали! И только и ждали...

— Убийцы... — прошипел я, оседая на кровати и вырубился.

Новое пробуждение пришло от того, что меня кто-то шупал. Чувство возвращаются! А вот то, что меня пока я дрых, распеленали, и теперь осматривают швы... в которых трубки всунуты — не очень.

— Дренаж сухой, думаю можно убирать — проговорил новый персонаж, хоть и очередной врач, и поправил очки — Как себя чувствуешь? — повернулся он ко мне, видя, что я пришел в себя.

— Паршива — честно признался я — голова трещит от ваших транквилизаторов.

— Да, это они зря. Дозу тебе бухнули, как-бы не летальную. Думали, опять в комму впадешь.

— Козлы...

Доктор оказался парадоксально согласен со мной! И покивал, поглаживая реденькую «козью» бородку.

— Да, есть малеха. А вообще как себя чувствуешь? Где еще болит, кроме головы?

— Где... — и тут я задумался, вновь сверяясь со своими ощущениями — Вообще,

доктор, я ничего не чувствую нигде, кроме головы. Даже пальцы как деревянные, хоть и шевелятся, — пошевелил я пальчиками правой руки, подняв её меж нами.

— Ну ка... — сказал доктор, и ощупал кисть — А ногой можешь пошевелить? — я выполнил просьбу, скинув правой ноги одеяло — А второй?.. Поразительно!

— Что?

— А, прости, не важно.

Я прищурился — подозрительно! Но переспрашивать не стал — реально неважно.

— А когда меня выпишут? А когда мама пройдёт? А новый альбом группы... — начал я засыпать доктора вопросами имитируя бурную деятельность, чередуя глупость с важной информацией — А кто-нибудь вместе со мной к вам поступал? А как много крови я потеряла? А сколь долек от сюда кремль? А...

— Всё, всё, всё! Погоди! — прокряхтел доктор, поднимая руки — Вижу, что ты уже почти здорова, и с речью проблем не имеешь. Но имей совесть! Я старенький...

— А сколько вам лет? А вы Ленина видели? А Сталина? А кто был ростом выше...

— Ну погоди ты! Дай хоть понять, как скоро тебя можно будет выписать...

— Ура! Выписывают! Так я могу идти?

Бедняга чуть не взвыл! И дабы иметь возможность ретироваться не убегая, привлек на помощь медсестру, что приступила засыпать уже меня еще более нелепыми ответами на мои нелепые вопросы. И эту битву, я, позорно проиграл. Но кое что, все же выпытал — я, не в Москве!

Но если не в Москве, то где? Что это за место? Город, страна, регион... почему одиночная палата! Почему со мною возятся как с какой-то реальной особо важной... принцессой. Кормят вон, блин, с ложечки!

— Я сама могу! — буркнул, отбирая ложку рывком, и чуть не выронив её уже в следующее мгновение.

Выронив, но на кровать, подняв, пока ни кто не понял! И кашку, кашку наворачивать... жидкую, почти как вода.

— Не торопись, Саша. Ты очень долго ничего не ела. Жуй тщательнее, а то может стать плохо.

Что тут жевать? — взглянул я на мечту престарелого беззубика — это пить можно! А вы «жевать», «жевать»! Что я и сделал, церемониально и назло, запрокинув всю тарелку в себя, и проглотив одним глотком.

— Добавки!

— Потерпи...

— Добавки!

— Нет.

Блин. И рассказывать они мне естественно ничего не рассказывают. Подсунули эту тетку психолога в надсмотрщицы и... наблюдают! А я тоже наблюдаю, за ними, и за собой.

Катетер, наличие которого во мне вызывало лишь одну реакцию «какого фига!?» вынули, заштопав дырочку. Однако еще одну трубочку, выходящую откуда-то из старательно забинтованной промежности оставили. И пусть, мне так и не сказали для чего она, сказав нейтральное «это пока нужно», не нужно иметь семи пяти во лбу, чтобы по цвету жидкости понять, что там протекает. Тем более, когда у койки регулярно стоит стеклянная баночка с мочой.

А уж то, что мне постоянно хочется в туалет, и при этом это чувство какое-то странное,

зудящее-незначительное... и мысля «да идите вы! Я в койку!» никак не помогает, даёт четкое понимание, что у меня что-то не то с мочевым пузырем. Вряд ли он отсутствует как класс, хотя возможно, но серьёзно поврежден — как факт.

А потому вопрос с ним, как и с катетером — какого фига, а?! Прошло так много времени, а я еще не сросся?! Нет, я понимаю — тело без разума живучее, но безмозглое, и на многое не способно, но всё же! Все же! Или, пока меня атаковали духовно, я зевнул фаталити физические?

Тогда понятно, почему вокруг меня так вьются! Я ж, наверное, когда отец припер в больницу, был просто куском мяса с ногами! Но живым! Умирать и не думающим. Нонсенс! Прецедент! Феномен! Тогда где я?

Англия? Германия? Израиль? Какая клиника мира решила приютить столь ценного кадра для опытов, то есть исследований? Или все же кто-то из наших? Питерцы? А больше то и некому как бы. Тем более что в заграницу я не верю — уж больно тут всё по-нашему.

Обстановка, запахи, звуки, деревья за окном. Персонал! Я охотно верю, что даже ради меня одного, какая-нибудь Нью-Йоркская институтская лечебница, легко могла набрать русскоговорящий персонал, своих, просто знающих на уровне, реально русских, иммигрантов, или вообще переманив напрямую, но все равно бы остались следы!

Проскакивание словечек в речи, акценты, и прочие. Хотя бы у тех же посетителей соседних палат! Чего напрочь нет у окружающих меня людей. Что ведут себя и говорят, исключительно как наши, да из глубинки. С Урала, а не из-за бугра.

Не уж-то родители решились на возвращение в родные сосны?!

Глава 19 — Невидимка

— Пцы... — прищкнул я, глядя на свой живот, с которого, наконец, вчера, сняли бинты, и на который я смотрю сидя на кровати, откинув одеяло.

Печальное зрелище! Совсем печально. Даже пука нет! Совсем. Зато шрамы... мамкин пирог с рыбой и то аккуратней заштопан бывает! Лоскутное одеяло и то лоскутов меньше имеет! И что-то мне подсказывает, что врачи, не сумевшие натянуть сову на глобус, остатки брюшины на мой живот, позаимствовали часть мяса откуда-то еще. И что-то мне подсказывает, что этим «чем-то» была моя же задница!

Правда пощупать её, дабы убедиться, я все так же не в состоянии — пощупал я своими «протезами» свой зад, лишь примерно, по спотыканию «сарделек нечувствительных» об выпуклости, определяя, что шрамы есть и там. А заглянуть себя за спину мне пока что нереально, и это — главная проблема года!

У меня, в спине, кусок железа! Я не вернул себе контроль настолько, чтобы понять что он такое и зачем он там, но уже чувствую его, как нечто инородное, на что все тело жалуется «он! Он противный!» и фиг я изогнуть теперь настолько, чтоб оглядеть хотя бы зад свой визуально.

Не получается! Что-то не дает, мешает... а еще эта, она — БОЛЬ родная. Попытка вернуть себе былой контроль над телом привела к тому, что оно, родимое, начало лить мне в уши стон и крик, плачь и жалобы на ЖЭК единым хором. И это — ужасает.

— Доброе утро, Саш — поздоровался врач, плавно вплывший в палату и миролюбиво улыбаясь.

— Доброе, — буркнул я в ответ без энтузиазма, и с ленцой и неохотой развернув голову к нему, задал многократно повторяемый вопрос — Когда меня уже выпишут?

— Скоро, Саша, скоро.

Ага, скоро, скоро — я только это и слышу уже неделю! И к родителям не пускают, и вообще! Я впрочем, и не горазд то шибко бегать, пока, но это не значит, что согласен лежать болванчиком и слушать сказки! Я и ходить могу!

И тем более у меня уже в печенке, от которой на текущий момент существует, как понимаю, только половина, уже сидит этот «день сурка»! Каждый день, драть его, как копия предыдущего: с утра обход-кормешка, потом перевозка-процедуры, кормешка-обход кабинетов, где я уже заипался сдавать кровь, ссанину с баночки, и приседать на публику. Последнее почему-то вызывает наиболее острый восторг озабоченных врачей, что они уже кажется сами готовы ссать на публику да через трубочку. Уж не в той железочки из спины все дело, а? Ну а вечером вновь обход. Хоть бы график гады меняли день ото дня!

Если и сегодня ничего не изменится — сбегу! Я уже достаточно восстановился что бы пусть не прям уж бегать-прыгать, но хотя бы достаточно уверенно ползать и сбежать, и уже разведаль все дыры охранного периметра — суровых тётушек вахтерш! Хотя виды из окна меня пока что сдерживают.

— Вижу, ты уже совсем поправилась. Готова к выписки? — улыбнулся доктор, вынимая из ушей наушники стетоскопа.

— Если вы сейчас скажите «мы тебя выпишем, но надо провести еще пару тестов» я разобью вам нос, — без злобы ответил ему я, мило улыбнувшись.

— Всё так, дорогая моя. Мы должны все тщательно проверить, прежде чем сможем тебя

Вы...

Смачный удар, с брызгами крови, отправляет врача в нокдаун. И пока стоящая рядом медсестра прибывает в состоянии «чоооО?!» высвистываю из кабинета прямо в чем был — скудных бинтах на талии.

— Саша! — процессия в коридоре преграждает мне путь, но я замечаю дыру у стен, образованную пустой тележкой, и ныряю в неё рыбкой.

Спина издает отвратный «хряк», тело — успешно прокатывается по металлу, килькой падая на пол с другого конца, и, пользуясь тем, что пусть ноги и заплетаются а руки успешно работают, устраиваю забег по щенячье — на руках! Даже какое-то маневрирование меж препятствий — людей! Что разинув рты плятятся на усеченную улитку, выходит.

Ножки! Харе фигней страдать! Работать! Солнце только встало! — приказываю конечностям, и наконец начинаю принимать вертикальное положение — и тут же падаю.

Какого фига!? — реву в мыслях, понимая, что встать вновь, что-то не выходит. Меня — что-то держит! Оглядываюсь, и вижу, длинный шлейф распустившегося бинта, на который наступил какой-то мужик. Хм, что-то не помню я его в этом коридоре. Из какой он палаты? ... вышел. Зато, кажется, я где-то его раньше видел.

— Александра! Ты куда! Нельзя тебе еще так бегать!

— Не ушиблась хоть?

— Срочно на рентген! Только переломов нам тут не хватало... — обступили меня врачи, и поймавший меня мужчина куда-то исчез за их спинами.

— Папа! — воскликнул я восторженно, увидев отца в дверях палаты.

И пуская желтую жижу по трубочке в баночке, привязанной к своей ноге — чтоб пол не пачкал впредь! Кинулся к нему в объятия.

— А где мама? — взглянул обеспокоенно, отстраняясь, замечая дорожки свежих слез на его обветренных щеках.

Заглянул ему за спину, справа и с лева посмотрел, и в коридоре — нету. Не удивительно, но надо изобразить дитё.

— Пап? — протянул вопросительно, видя, как он уже конкретно плачет — Что с мамой?

Отец присел на колени, обнял меня до хруста моих нынче сильно ослабших костей, уткнувшись в мою грудь, тихо рыдая. Что!? Неужели... — возникла немного паническая мысль, что естественно отразилась на моём лице — нет, невозможно! От бати ею пахнет, и слишком сильно, чтобы списать это на остаточный запах! Не тот шлейф, что сохраняет в себе одежда, если её хорошо упаковать.

Она жива! Но... вместе с этим запахом, на бате отмечался «парфюм» лекарств, что бывает у людей, работающих в больнице при таблетках, или там лежащих, и что почувствовать могут даже самые простые люди.

Болеет! Она болеет! Опять!

— Пап...

Отец отпрянул, выпрямился, встав в полный рост, на ходу утирая слезы, будто их и не было вовсе. Сделал серьёзную моську, несмотря на травму лица ограничивающею эмоции, улыбнулся, и произнес почти будничным тоном:

— Не волнуйся, она в порядке!

— А... братик?

— Он тоже в порядке, но именно из-за него мамы тут и нет — готовятся к его появлению на свет.

Врет! Но сделал моську, будто поверил.

— Аа... а ты как пап? Как с работой? И вообще как...

— С работой? — переспросил он, а, видя что ему отвечать то как бы и не хочется, решил продолжить свой вопрос.

Но папка опередил, не стал ждать свеженькой подлянки, решив ответить дошераком:

— С работой нормаль! Но, может ты, всё же позволишь мне войти? Или так и будешь держать отца на пороге?

— Прощу! — сделал я приглашающий жест.

— Просторно... — оглядел отец хоромы, делая вид, что дико восторгается и впервые подобное видит.

Отвлечь пытается! Или... все же реально, заинтересован? Да, палата у меня большая! Можно и погордиться!

— А то! ВИП-персона! Принцесса! — выпячил я грудь и задрал нос — Непонятно только с чего вдруг — сдулся, и сурово уставился на отца.

Отец — проигнорировал.

— А это что?

— Это? Книжки. Учебники вернее сказать — поднял я одну из книг со стопки — Принесли мне тут, чтоб школьную программу нагоняла.

Вообще-то на самом деле эти книжки тут для тестов, проверяют, как работают мои мозги. Не свихнулась ли девчонка, и способна ли решить хотя-бы дважды два. Тут ведь внизу стопки и математика за первый класс, и раскраска для дошколят с «весёлыми» буквами — они мне теперь долго будут снится в своём нелепом ужасе.

Ублюдки! Не могли что ли книжку попростойнее найти?! Чем эту «порнографию» для дошколят подсовывать почти что коматознику. Так и копыта склеить можно! Гады! Врачами-психологами еще себя зовущие! Надо почаще от них всех убегать! Вон, стоило мне сегодня только попытаться, так и отец сразу нашелся! А то «скоро», «скоро»...

— Ууу... какие сложные примеры!

— Ага. Тут много того, чего мы не проходили. Пап, слушай... а почему ты пришел ко мне только сейчас? Я скучала... — сказал я, и заметил, как отец сжал кулаки до побеления костяшек.

А лицо его, что уже разгладилось и обрело домашние, миролюбивые нотки, вдруг стало отображать лишь сталь и холод.

— Пап?

— Да, дочка. — улыбнулся он, совладав с нервами — Просто... были дела.

— Тебе ведь не сказали, да? — и по реакции сразу понял, что да — Я неделю уже тут кукую — и огляделся, выискивая камеры или жучки в кабинете.

Тут был один, но я его опробовал на зуб. Вроде как новых не прибавилось, но я и как ищейка жучков — пустая банка пива, что только сдать в металла приёмку за четверть от копейки.

— Пап, что было, до того как ты за мной пришел? — озадачил я его, и понял почти сразу — не скажет.

Придумает что-нибудь, ляпнет, соврет! Но не скажет! Оградит бедную дитятку от правды мира, встанет грудью, закроет собой... но не скажет.

— Да ничего не было, ты вообще о чем?

— Скажи ей, — донесся голос от двери, и я резко развернулся, уже готовясь к рывку с четким намерением убить, наплевав на последствия.

У прохода обнаружился совершенно обыкновенный мужичок, стоящий в расслабленной позе, спиной навалившись на косяк. И когда он там оказался?! Почему я его не заметил!? Не прихода, ни шагов, ничего! Да от него же почти не пахнет ничем! Что за... мистер призрак! Невидимка! Не цепляемый глазу человек...

Он опасен! И реакция отца на голос — злоба, ненависть, замешанная на покорности, уважении и чувстве долга... какой-то адский букет чувств, что и непонятно кем для отца является этот человек — другом, или же врагом? И я его уже видел.

Давно! Очень давно! В милицейском тире. Стоял он там так же, в тенечке у стеночки. Не отсвечивая, и не привлекая внимание. Не откладываясь в памяти, и не имеющий отличительных примет.

На взгляд простого смертного, но не меня. И хрен я его второй раз забуду — узнаю где угодно и в гриме!

— Зарасти, — поздоровался я, видя что отец на него и смотреть то не желает — А вы кто?

— Друг твоего папы, — улыбнулся он, взглянув мельком на меня, и переключусь на отца — Скажи ей, ты не сможешь хранить тайны вечно, — и отец вновь сжал руки в кулаки, не желая смеряться с очевидным. — Как и ты моя дорогая — а вот это уже мне, и я оказался вынужден округлить глаза до блюдец.

Черт! Так вот что чувствует папаша!

— о... О чем вы? — состроил я святую невинность.

— Не прикидывайся дурочкой. Ты всего пару часов назад сломала человеку нос вовсе не детским ударом.

— с-с-Случайно вышло! — потупил я взгляд, типо «невиновата я-я!»

— Ага, случайно, пусть так. Но все же скажи, каковы приделы твоих навыков и регенерации?

Я взглянул на отца, что все так же сидит спиной к двери. На больно много себе позволяющего человека... и решил дать возможность им меж собою разобраться!

— Это у отца спрашивайте! Он меня лучше меня самой знает!

Батя чуть не подпрыгнул от такой подставы! И на его лице, мгновенно повернувшись в мою сторону, так и читалось крупным шрифтом «чтооо?!».

— Николай? — как видно не понял шутки визитер, и в его голосе прорезался металл.

Черт! Кажется, я играюсь не с тем человеком! Это не шпик, и не агент! Это, блин, начальник! И очень крупный и властный!

— В рукопашном и ножевом бое ей нет равных — прошептал бедный родитель едва слышимо, но достаточно громко, что бы собеседник услышал и покивал в ответ.

— Огнестрел?

— Полный ноль.

— Совсем?

— Ты все видел сам, чего еще спрашиваешь? — наконец взглянул на гостя папа, и в этом взгляде я как ни старался, а ненависти не увидел.

Только грусть, печаль, тревога. К чему бы только это?

— Видел. Но это было давно, думал, что изменилось, — отец в ответ помотал головой

— Жааль. — не сильно то и расстроился гость у двери — Что еще?

— Про регенерацию спрашивай у своих врачей. А более ничего необычного я и не видел.

— Да, да. Мне уже доложили. Очень интересно, — взглянул он вновь на меня, и на мою спину вылезли мурашки с дружным криком «опыты!»

Но что-то мне подсказывает — они уже нарезались и нашивались вволю, пока я был в отключке. От того и катетер, от того и шрамы там, где их быть недолжно — например на бедрах! Поперек, кольцом... Они мне что, ноги отпиливали под шумок?!

— И мне вот интересно — а органы ты себе новые отращивать тоже умеешь?

Вот это вопрос! Вот это наезд! Бедный батя!

— Нет, не умею — потупил я взгляд, и пресекая продолжение с подковырками дополнил — ни новые, ни старые, которые удалили, — и взгляд такой на мужика, с укором и вопросом «вы что, мне что-то нужное навыврезали, пока я был в отключке?!» — только чинить то, что хоть как-то работает — и ручки так к низу живота, и взглядик потупить.

Я за прошлый год довел до идеала свою технику «невинный ангелок». Ну, почти — на некоторых она априори не работает.

— Вот... — вдруг прорезались эмоции у нашего до сели без эмоционального посетителя, что разве что не сплюнул, от неудовольствия ответа. — Поправляйся — буркнул напоследок и ушел.

Беззвучно, плавно, бесследно... высочайшее мастерство! Куда там слону с крыши в красной тряпке?! Дилетантка! Вот высшей уровень! Вот она — элита! Пик прогресса... Завидую! Очень сильно и лютой завести! Хочу, хочу, хочу!..

— Папа? Ты чего?

— Ничего дочка, все нормально — положил он мне руку на плечо, пытаюсь улыбаться, а сам чуть не плачет.

— Пап... Ну... ну что? Говорит! Ведь так еще больнее! Болит где-то? С мамой что-то не так? — он кивнул, затем усиленно замотал головой — Что с ней? Где она?

— С ней всё в порядке, всё хорошо!

— Тогда что, Шредингер тебя побери!? — не выдержал я, и рывкнул соскакивая с койки.

— П... пусть тебе врачи лучше скажут. — не поднял он на меня даже взгляда.

— Нет. Лучше ты скажи. Давай! Врачи... они такие сцуки! Ну их! — отмахнулся я и сел обратно.

— Саш... — взглянул он, наконец мне в лицо — Ты... у тебя никогда не будет детей, Саш! Они...

— Да плевать! — отмахнулся я с ходу, не видя в этом и тени какой либо проблемы.

Что даже напугал отца.

— Саша! Ты не понимаешь...

— Да все я понимаю! Ну не будет детей, и ладно — возьму из приюта! Делов-то! Жива и ладно, остальное наживное! — улыбнулся я, и наконец увидел в глазах родного человека, хоть лучик не натянутого, искреннего просветления.

— Дочка... — прошептал он, глядя на меня, а я подумал, сколь глупым может быть переживания вроде бы взрослого уверенного в себе мужика.

И, обняв отца, уткнулся ему в грудь, ощущая тепло его тела возвращающейся чувствительностью кожи лица. А он, обняв в ответ, уткнулся мне в плечо, начав неторопливо поглаживать по, никуда не девшимся, пусть и поредевшим за время болезни волосам. И

посидев так с минуту, начал тихим, едва различимым шёпотом шептать мне на ушко, едва сдерживая слезы, сколь чего еще, важного и жизни необходимого, мне удалили, пока я был без сознания эти два месяца.

Пф! Подумаешь! Тварь Франкенштейна, собранная из лоскутков! Переживу! И не... вообще-то такого еще не было. Меня еще не пытались убить бессмертные! И это наводит на определенные негативные мысли.

А еще это имеет определенные куда более серьезные последствия, чем просто быть куском заново собранного конструктора — врачи толи по приколу, толи от не фиг делать и в рамках эксперимента отчекрыжили мне и тоже конечности. Остались следы! Шрамы, в том числе и на костях.

Последствия, в виде того, что вернув себе полный контроль над своим «внутренним миром» я вдруг обнаружил, что моё тело более не знает о необходимости существования некоторых органов. Каких конкретно — пока не знаю. Но почти уверен, что в них входит вся мочеполовая система — кукла Барби блин! Даже катетер мочеточника из спины торчит, а не там где ему положено.

И почка одна. И печени только кусок, спасибо врачам, что хоть это спасли — ей сильно досталось. И селезёнки нет, и поджелудочная какая-то странная. А кишки... что по массе своей и приняли на себя больше всего урона, просто бесконечно себя откопируют! Достигнув нужной им длины. Переживу! По крайней мере я на это надеюсь.

Но все же сейчас, меня больше волную не я сам, со своими проблемами, и недостающими органами, а отец, возможность прилета ему в спину за моё спасение в том подвале. Все же огнестрельное, и тяжелое пехотное! Оружие, в пределах жилого района, и чтоб его! Здания! С людьми! За такое по головке точно не гладят! И восемь лет — начальный срок.

А ведь там он был не один! По предварительному сговору! Хотя кто они такие? Эти друзья, товарищи, коллеги? Ни за что не поверю что случайные прохожие. И их ведь тоже могут привлечь... или уже? И сколь много из них выжило в той бойне.

Зато отец, ну хоть кто-то! Все же ответил мне, где я сейчас поживаю-лечусь. В военном госпитале в Челябинске! Почему я, гражданская девочка, в военном госпитале, и почему именно Челябинск — не пояснил. Но что есть, уже хлеб. По крайней мере, стало объективно понятно, почему в соседних палатах одни мужики. Да еще и в основном с различными пост боевыми-полу боевыми травмами, на вроде сломанных бедер от неудачного прыжка, и самострелов, а не типично больничных — геморроев и изжог. И почему я, вдруг лежу отдельно.

Так же стало понятно, что бежать — идея бредовая. Госпиталь находится на территории военной части, за забором, под охраной... и понятное дело, что в любом заборе есть дыры! А охрана тоже люди, и не прочь вздремнуть! Но для того чтобы сквозь них просочится, нужна как минимум информация! А для того, что бы её получить — время. С наскака это все не провернешь.

Да и зачем бежать? Я же все же не дурак, и все понимаю — я ценный индивид, и для того, чтобы меня контролировать, семьи вполне достаточно. А матери я пока еще не видел! Да и тот странный «невидимый» мужчина, как бы невзначай, но намекнул — мы ему крупно обязаны. И думаю, не стоит искушать судьбу, излишними конфронтацией.

Зачем? Пока меня всё устраивает! Кормят, поят, и даже не потрошат! Только боюсь меня отсюда не скоро выпустят, даже просто на улицу погулять.

— Чтооо!?! — офигел я, узнав при следующем посещении меня отцом, что мне, вот вдруг! Разрешили навестить маму! Лежащую в обычной больнице на сохранении.

В городе. Не в части. За приделами периметра! За границей охраняемой и контролируемой зоны! С чего такая щедрость?!?! — почти что сорвалось с губ, но я успел сдержаться. Впрочем, моё лицо, и без произнесения слов, отцу все сказало.

— Чему ты так удивляешься, дочь?

— Да нет, ничего. А когда?

Ну, давай! Обломай меня! Скажи что «скоро»! Все же говорят что «скоро», или на крайняк «попозже».

— Сейчас, когда еще? — и я так и сел — Я не пойму, что это за реакция такая, Саша?! Чему ты так удивляешься? — не оценил моей реакции отец, недоумевая.

— Да так. — буркнул я себе под нос — Думала что все, меня от сюда больше не выпустят.

— Ух, ты-ж, глупая! — обнял он меня и потрепал по макушке — Нафантазировала себе чего-то, а потом сама еще и расстраиваешься! Ну? — заглянул он мне в глаза — Нет дочка, пока я жив — никто тебя нигде не запрет!

Ну-ну, так я и поверил! Впрочем, ладно папенька, будь по-твоему. Вот только одно:

— Не стоит давать невыполнимых обещаний. И, — вздохнул я, выползая из-под одеяла в чем мать родила, да доктора отняли — мне нужна одежда.

И пластический хирург — вновь взглянул на себя, не радуясь тому, что сняли бинты — Шрамы, шрамы, шрамы... заживут! Но вот шрам между ног как-то не внушает доверия. Я не могу предсказать когда где и что у меня теперь прорежется, да и сдерживать регенерацию не желаю, но трубка за спиной — бесит.

— Мы что-нибудь придумаем — вернулся отец в палату с кулем одежные, замечая мой печальный взгляд направленный на своё тело.

Куль одежды... ссанные тряпки! Новые, но... что-то мне подсказывает, что их покупала мать, да на рынке, ну а то что сюда вес отец, и измял неслабо, и так очевидно. Только где их тут хранили? В соседней палате? Ну да, у меня тут даже шкафа нет, а по времени отсутствия бати — соседняя палата.

В прочем, не так уж все и плохо! Платье в пол, закрыло собой все шрамы и даже примотанную скотчем к ноге пластиковую баночку с мочой.

— Мама! — вскрикнул я, увидев мать, и бросился в объятия.

— Сашенька! — вскрикнула она в ответ, и привстала на кровати, распахивая руки, дабы принять меня на грудь.

А живот то уже большой! Сколько месяцев? Ууу! Скоро уж... Брыкается! Какой бойкий! Шалунишка. Ути-пути!.. блин, придётся мне съезжать от родителей сразу после окончания средней школы. Поступать в какой-нибудь техникум или училище, на бюджет и с общежитием.

У матери на девяносто процентов рак, и на сто процентов он вызван именно моей силой. Когда я её ею накачал, для борьбы с инфекцией, я вылечил одно, подсунув за место этого другое. И теперь, моя энергия, делает только хуже, за место лечение. Ускоряет процесс развития, сокращая срок жизни.

Но я не хочу их убивать! Ни её, ни брата, ни отца! Пусть ненадолго, хоть на чуть-чуть! Но хочу продлить им жизнь! И... отец знает? Мать знает? Врачи? Нет? Плохо! Надо сообщить, заставить... но не сегодня. Один день ничего не изменит, а от настроения многое

зависит. Сегодня день счастья! Я выздоровел, вышел из коммы, и вообще здоров-здоровёшенек, уже готовлюсь к выписке!

— К твоим родам мам, я обязательно уже буду здорова и дежурить рядом! — гордо заявляю я у маминой кровати, гордо прикладывая кулачек к своей груди под дружный смех окружающих взрослых.

В душе радуясь, что пока мы ехали сюда на служебной машине с военными номерами, я уболтал отца не рассказывать матери о моих травмах. И это было несложно — он ей и так даже половины не сказал, сообщив только, что я с друзьями наткнулся на неразорвавшийся снаряд в подвале дома и впал в комму. Собственно, это и является официальной версией! Уже которую неделю безостановочно мусолящуюся в новостях:

— Необходимо запретить детям гулять по улицам без взрослых! Необ...

— Да что вы говорите! Им что уже, и до школы идти только сугубо за ручку?!

— Да, именно!

— Угу!

— Друзья! Мы забываем, что дети, и подростки — это разные вещи! К тому же данные ребята подорвались не перед или после занятий! А в свободное от учебы время! Мы должны, обязаны организовывать их досуг...

— Вот я и говорю! Детям на улице не место!..

И так каждый день, что смотреть уж тошно. Прошло каких-то два месяца, а с экранов телевизора совсем пропал годный контент! И ладно хоть меня там не поминают.

— От того мы и сбежали в Челябинск, а иначе бы твоя фотография висела бы на каждом столбе — просветил меня на этот счет папа, а я задумался — а каково это быть эстрадной звездой?

Встряхнулся, послал такую перспективу нафиг, допил кислородный коктейль, распрощался с отцом и поплелся в свою палату, отчаянно почёсываясь во всех местах — упрел. Ткань «платьвица» оказалось ужасной, не дышащей от слова совсем.

А на утро ко мне пришел доктор пластический хирург.

— Так, посмотрим, посмотрим... — проговорил он, разглядывая мою кукольную промежность — да... случай, прямо скажем, интересный. — распрямился он, поправляя очки и переключая внимание на зав отделения, так же тут присевающего тут, и исполняющего роль моего лечащего врача. — Внутри как понимаю, тоже ничего нет? — зав кивнул — Дааа... — а с кишками как у девушки? — взглянул на меня.

— Почти полный порядок, что даже удивительно — «слегка» соврал лечащий.

— Почти? — понял намек просвещенный коллега.

— Они короче в половину, — икнул зав, пугая пластика — но если вы о возможности взятия куска для имитации влагилица — то это не проблема.

— Половины... нооо? — хирург походу в шоке, и даже слегка в астрале.

Говорит ломано, и рот не закрывается. Ну а зав... кажется, понял, что сболтнул лишнего, но заднею сдавать уже как бы поздно.

— Да, у неё удивительный кишечник. Даже в таком состоянии он работает почти как полноценный. Так что потеря еще десятка сантиметров ради такого дела — взглянул доктор на меня, а я кивнул — не будет для девушки проблемой.

— Но... — протянул на это пластификатор человеческих тел, и вновь нагнулся к моей промежности.

Все тщательно осмотрел, ощупал, и вновь обратился к компетентному лицу —

начальнику отделения, исполняющего обязанности моего лечащего врача, надсмотрщика, и просто — ответственного.

— С кожей как погляжу, тоже особых проблем нет. Но вот это трубка... — коснулся он торчащей из моей поясницы пластиковой фигни, задумчиво её теребя, вызывая не самые приятные ощущения.

И тут уже зав отделения пришлось пожать плечами и тяжело вздохнуть — ничем не можем помочь, ничего не можем поделать. Клапана для подобного делать еще не научились, да и взять их для данного места не откуда. Пропускать через все тело пластик поздно — придется вынуть вновь делать полостную, полностью выпотрачивая бедняжку, да и резиновый пакетик за место мочевого пузыря — так себе идея.

— А если взять клапан от какого-нибудь сосуда? — спросил я врача, когда пластический хирург уже ушел. — А пузырь сделать из той же кишки?

Бедняга вылутился на меня как на идиотку. Сказал, что это так не работает, что так нельзя... а потом махнул рукой, заявив:

— Да с тобой вообще все через жопу!

И согласился. Операцию назначали через два месяца — раньше, как я не умолял, никто ничего делать не захотел, «тебе надо восстановиться после всего! И желательно вообще не месяц, и не два — а полгода!», но позже — у меня уже могут быть проблемки, и я бы не хотел, чтобы меня вскрывали уже тогда. Я не желаю столь долго жить неполноценным! Без почки, и с кусочком печени.

А уже на следующий день, мать увезли в операционную, на кесарево сечение. И тогда же, у меня родился брат. Слабый, беспомощный, и недоношенный. Лишенный материнской любви и молока, ввиду тяжёлого состояния родительницы после операции и родов. Чворт.

Пришлось в тихую, с милыми глазками, перебираться из хирургического отделения военного госпиталя в родильное отделения городской больницы, из пациентки в санитарку. Не знаю, как это все провернул зав хирургического отделения госпиталя, но стоило ему аргументированно доказать, что мне это надо, он тут же согласился.

Просто выслушал, что жизнь матери и брата для меня важна, и я хочу быть рядом, а не жить в неведение, согласился с тем, что мне самому пока еще нужен медицинский присмотр, несмотря на всю мою «черезжопность» и на территории родильного отделения за мной всё равно присмотрят. Да и с тем, что лишние руки никому еще лишними не были, спорить не стал.

Единственный его аргумент против, это то, что мне доучиваться надо! Но с учетом того, что я и так завис в неизвестности и подвешенном состоянии по учебе, и мне только и надо, что читать книжки — а какая разница где? Согласился.

И вот я уже бегаю по роддому, от мамашки к мамашке, таскаю поесть. Булькаю бутылочкой на ноге, но бегаю! Бегаю ведь! Правда с утра, у меня как у всех пациентов, осмотр, вечером в прочем тоже, иногда среди дня приезжие врачи проводят какие-нибудь тесты, да и койка места в одной из палат тоже есть.

— Вот странная девица! Все тело в свежих шрамах, баночка с мочой на ноге болтается, а бегаёт как лань по отделению! — не укрылся от моих ушей перешопот коллег, и я подумал, что со шрамами пора завязывать.

С органами пока нет — меня еще вскрывать ведь будут! И придется сдерживать регенерацию, и желание тела уже начать восстанавливать утраченное по предложенным мозгом чертежам, а вот с кожей — это входит в мою легенду! И пора вернуть себе кожу

куклы Барби! Коль я таковой по половым признаком и являюсь.

— Мама привет! — поприветствовал я мать, с жизнерадостным видом вваливаясь к ней в палату, куда её недавно перевели из реанимации — Сегодня видела Ивана — напомнил ей о сыне, присаживаясь на её кушетку — Такой шибутной лежит в барокамере!.. — и щебетать, щебетать ни о чем.

У Ваньки тридцать три врожденные болячки. Начиная от пятен с нарушением пигментации, и заканчивая пороком сердца, что я бы подумал впихнуть в него своё, если это было возможно — группы крови у нас с ним разные, а как говорят врачи — это противопоказание к трансплантации органов. Однако, несмотря на это все, он, как и еще два десятка других малышей в палате, быстро идут на поправку.

Сейчас главное не переборщить! Главное не перестараться! Не повторить случай с матерью! У неё наконец диагностировали то, что я уже так давно чувствовала — рак крови. И пусть я уже предложил свою жижу взамен её, доить меня хоть по литру в неделю! Врачи, даже знающие об моей регенерации, отказались это делать.

— Пап... — произнес я, стоя вместе с ним на крыльце черного хода, выйдя туда подышать, а вернее — проводить его из отделения, после посещения палаты матери.

Стоя тут, напару, смотря вдаль, и думая, как нам теперь дальше жить.

— Пап, пообещай мне одну вещь... — отец повернул ко мне голову, всем видам выражая готовность слушать дальше, я же продолжал смотреть на закат — Если будет выбор, меж мной и Ванькой, ты выберешь его.

— Что ты какое говоришь, дочка!? — после минутной задержки, паузы, во время которой мозг пытался соотнести звуки со смыслом, буквально вспыллил отец, почти срываясь на крик.

— Ты ведь знаешь, кто я такая.

— Дочь моя? — усмехнулся мужчина, ложа руку мне на плечо.

— Монстр.

Отец хотел на это возразить резкое «ЧТО?!», но слово из глотки не вышло, а морда скорчилась, как видно от воспоминания той каши, которой он меня вынес из того злополучного подвала.

— Ты не монстр, дочка, не надо.

— Монстр. И ты это знаешь.

— Знаю... — проговорил он, и убрал руку с плеча, вновь уставившись вдаль. — И знаю уже очень давно, но как ведёшь это ничего не меняет.

— Почему? — спросил я невинно, взглянув на него.

А в душе тут же подпрыгнул «что?! Насколько давно? Когда конкретно?! Почему я не в курсе!!!».

— А почему это должно что-то менять? Ты моя дочь, иного не надо, — взглянул он на меня в ответ и улыбнулся, — Пойдем внутрь, холодно еще тут стоять. Все же не в Москве более, и погода тут не московская — Урал! С мартом заснеженным.

И мы зашли внутрь, оставив на память припорошенному снегом крыльцу отпечатки своих битников и пару желтых капель — трубка протекла!

— Ну и что ты дальше планируешь с ней делать? — поинтересовался Николай Алексич у своего старого друга-недруга без фамилии и имени.

— А ты как думаешь? — ответил тот, сидя в кресле начальника хирургического отделения военного госпиталя, кабинет который эти двое одолжили на время «переговоров».

— Ничего хорошего. — потупил взгляд Николай — Нормальной жизни у девчонки не будет, да? — собеседник помотал головой — Ну дай хоть школу закончить то!

— Ты ведь и сам все понимаешь, Николай. — вновь помотал собеседник, поясняя другу по сути прописные истины, которые тот скорее всего и так знает, просто не хочет признавать очевидное — Не мы, так другие. Информация о ней, так или иначе, растечется по всей стране в течение полугода максимум. А еще через месяц — он ней уже будет вкусе весь мир. И только от нас зависит, как эту информацию встретит общественность, и сама девчонка. Будет ли она готова к начавшейся на неё охоте, или окажется вновь беспомощная пред лицом превосходящего врага.

Намек, который сделал старый недруг, заставил бывшего кинолога вновь вспомнить тот ужас, что он видел в том проклятом подвале. Бессмертную тварь, что жестоко насильовала его дочь, и не сдохла, даже когда её приложили из гранатомёта. Чудовище, что окончательно погибло только после двух канистр бензина, вылитого и подожжённого на еще живую биомассу, что сложно было назвать человеком.

И его дочь, в тот момент, по факту, тоже была таковой! Фактически руки с ногами и головой, с массивом посередине! Распотрошённая до такой степени, что из неё наружу вывалились кишки...

Вспомнить, и пережить заново, как чудовище убило его друзей и товарищей! Вспомнить, как на него смотрели врачи со скорой, которой он принес свою девочку — практически крутя у виска! Вспомнить, как напился до беспамятства, не зная, что сказать своей жене и её матери... и разговоры врачей о том, что если девчонка не придёт в себя, то её можно будет пустить на органы.

Ярость... злоба... гнев... обида... и вот этот человек, что по сути и начал всю эту кашу, подверг его близких опасности и едва, пусть и косвенно, не убил его дочь... говорит что это только начало?! Да...

Но еще есть другой фактор — он сам. Ему звонили... его приятель лично приходил к нему на работу, предлагая участвовать в ловле какого-то особо опасного вражеского агента... он их всех послал, отказался, сказал «меня не втягивайте! У меня теперь своя жизнь! Далёкая от войны и политики». Но как оказалось — бывших не бывает. И если не сам, то...

Но каковы бы небыли сильными эмоции в душе у опытного военного, пережившего Чечню, каждый день патрулируя окрестности штаба, и регулярно участвуя в разминировании, разум, все равно взял верх. Николай прекрасно понимает, что каким бы его старый друг-недруг не был мудаком, и какой бы он не был сволочью — он все равно прав.

И за Сашей все равно придут, в какую бы тайгу они не убежали. Вопрос лишь в том, будет ли за их спиной стоять этот ублюдочек с большой властью, пусть и сидящий всю жизнь в тени, или же они будут одни.

— Что нужно делать?

Хм, странно — отец ведь был против моего военного бедующего! А тут припер книжечку, с неброским названием «как уничтожить танк» и заданием «чтоб к моему возвращению всю выучила!» к чему бы это? А я все также таскаю утки.

Правда, мне чуть повысили «уровень допуска»! И теперь я не только утки таскаю, но и стираю подгузники. И даже — жуть! Иногда сам их меняю. Впрочем — мне не привыкать. Судьба у меня видать такая, вечно за кем-нибудь ухаживать, даже если этот кто-то, я сам.

Мама поправилась, хотя сложно сказать подобное о человеке, у которого рак. Врачи дали ей еще два года жизни, с чем я почти согласен, и готовят к переводу в палату общего содержания мамочек, что просто ждут своих младенцев с сохранения, сами не имея проблем по кузову.

Ванька, наконец, покинул барокамеру, и всем сердцем обожает меня — в яслях все врачи и санитарки привыкшие к детскому крику и благополучно его игнорируют, но только я один игнорирую его по делу, а не просто всегда.

— Что, обкакался?

— Ува — буркнул мелкий, как кажется, слегка смущенно — Ва...

— Ну сейчас поменяю...

Запахи — сила! И не только Ванька из младенцев смекнул, что мне бесполезно реветь в лицо, но я хорошо понимаю, проблемы младенцев.

— А это кто у нас тут так круто переел? Ай, яй, яй...

— ЫХЫЫ!

— Ну рев, реви, много выривешь.

— Ыхы?

— Ага.

— А у тебя что, опять колики? Ай, яй яй! Сестра! — крикнул я возящейся в сторонке медсестре, ведь я сам тут как курица — без прав, но с обязанностями — у Ани опять колики!

Медсестра проворчала что-то нечленораздельное, но явно недовольная, и с видом «как ты меня уже достала, мелкая дрянь!», обращенным ко мне, а не к Аньке, что всё время доставляет хлопоты медперсоналу, подошла к яслям со страдающей девочкой. Пощупала, потыкала, прошла по кругу, и наконец, все же пришла к тому же выводу, что и я, проскрипев сквозь зубы недовольно:

— И как ты их определяешь на один только взгляд?

А я пошел к другому лежаку с младенцем, у которого как видно поднялась температура.

Труп — вынес вердикт через пару минут, глядя на хаотично дергающею конечностями малютку, страдающего от жара, раздирающего все изнутри. — Это не просто температура, это агония. Это полное отторжение Силы, и пофакту — я его уже убил.

— Прости малютка, я ничем не могу тебе помочь.

— Чле-но девка — проговорил я, разглядывая потолок лёжа на кровати, крутя в руках резиновый дилдак.

Это вообще-то... просто кусок резины! Из которого кто-то очень искусно вырезал половой член крепкого мужчины, очертив по всей длине даже кровеносные сосудики. А потом кто-то, из пациенто... ток! Родильного отделения — им что, мало?! С огромным

смаком на себе использовал... там все было залито, кхм, после чего изделие оказалось забыто в туалете где я его и нашел.

И вот теперь лежу и думаю, о всяком, пользуясь тем, что в палате никого нет — жрать ушли! А «работа» уже закончилась, как и осмотры. Да и поесть я уже успел, подъедая за младенцами. Думаю, а не сменить ли мне пол? И не паркетный, а условно женский на условно мужской.

Условно — приставил я резиновое изделие к своей паховой области, к одежде — от того, что отрастить себе член — вообще не проблема! И врачи помогут, выменяв на него к примеру пальчик с руки — уже узнавал! И вообще, как бы процедура не слишком сложно.

Да, есть проблема — родители! — убрал я дилдак подальше от промежности — да и вообще, смена пола и все такое — документики! Но это все фигня! Фигня на фоне того, что кроме члена я себе ничего отрастить то и не смогу. Ни телосложение сменить — это сложно и муторно!

Ни гормонально сдвинуть, и отсутствие яичников тут не благо, а подстава! Тотальный сбой гормонального фона и вообще всего, что, так или иначе, завязан на этом. Полнейший разлад и огромные ресурсы на стабилизацию ситуации. Постоянный контроль, чтобы просто удерживать все в рамках приличия.

Да и яйца мне никогда не отрастить! А значит — членодевка! — услышал я шаги и голоса за дверью, верный призрак возвращения с обеда — А хочу ли я будь мужиком, выглядящим как баба, или бабой с половым отростком, болтающимся между ног?

Нет, точно нет! Ненужно мне такое счастье! — и резиновый елдак полетел вдаль по палате, блинчиком по полу заскакивая под одну из кроватей.

— Вот это я понимаю пенис! — с ходу заметила его одна краля, несмотря на всю скрытность резины под свисающей простыней.

— Мерзость.

— Шикарный!

— Ужас какой!..

— Вот бы у моего был такой...

— Не дай бог, не дай Бог!

— Выкинь эту гадость!

Пора идти — вздохнул я, вставая, и направляясь на выход, просачиваясь мимо облепивших фалос тетей, и покидая палату — У меня сегодня тренировка по ночному ориентированию в городских условиях, организованного сорвавшимся с цепи папашей.

Время для неё наиболее удачное — безлунная ночь! И влажность. И города я совсем не знаю. Но — думаю, это скорее будет экзаменом, чем тренировкой — я сомневаюсь, что отец в этом аспекте сможет меня хоть чему-то научить.

— Готова? — поинтересовался папаня, дожидавшийся меня у черного хода отделения.

— Естественно — улыбнулся я, и для уверенности проверил, надежно ли закреплена баночка в штанине.

Как швейцарский сыр! Ой, то есть часы!

— Ну тогда... — сунул он руку во внутренний карман куртки.

— Пап, ты реально думаешь, что тебе есть чему меня учить в ориентировании? — усмехнулся я глядя на него, немного ошарашивая.

— Эх, конечно нет — улыбнувшись и вздохнув, ответил он, но судя по движению руки, вынув из кармана не то, что хотел.

Не ту карту, что мне сейчас сует! С обозначениями, а не просто схематическая топографическая съемка, где не ясно даже дом это, или стадион.

— Просто хочу проверить твои навыки. Сможешь найти, где это место? — указал он на обведенное кружочком здание.

Хех! Обижаешь, папаша! Где находится это место, я уже знаю! Видал карты и похуже. А тут тем более есть такой ориентир как река и пруд — вообще не прозеваешь! Осталось только определить, где сейчас мы сами находимся — текущее местоположение тут естественно не обозначено. И пруда из окна тоже не видно.

— Обижаешь — буркнул я, пялясь на листок чёрно-белый печати и крутя в голове все виденные мной из окон больницы ориентиры.

Высотки, трубы завода, дороги... в конце концов плюнул, и просто приложил к карте маршрут по которому мы сюда ехали из госпиталя, сразу поняв где я сейчас нахожусь.

Чтож, металлургический район. А нужно... в советский. Через весь город, флять! А ведь тут еще и есть река... нужно не забывать учитывать мосты... и ночка, темно, транспорт уже наверняка не ходит. Да и ехать на нем — жульничество! А у меня тут, как не взгляну на батю — экзамен!..

— Ну пап, пошли, глядишь к утру и дойдем — усмехнулся я, и свернув карту пополам, потопал в направлении выхода с территории больницы.

— Что? — донеслось мне в спину озадаченное, а я, свернув карту еще пополам и сунув её в карман, буркнул, не оборачиваясь:

— Пойдем, провожу, говорю, а то заблудишься.

— Эта девчонка... — проговорил человек без имени, что столь часто их менял, что уже и сам толком не знает, как его зовут на самом деле.

Так, как назвали родители? Или как зовут друзья. Те немногие, которым он может хоть как-то доверять! Или подчинённые? То, как он числится в органах власти? В депутатах? За мандатом которых он даже и не ходил. Неизвестно — и человек постучал по лежащей в открытой папке фотографии «этой девчонки».

Проблемная — только так может её характеризовать «этот человек». И с ней проблемы начались с самого начала, хоть и при ближайшем рассмотрении и личном знакомстве она кажется скорее подарком судьбы.

Идеальный агент, с навыками ликвидатора! — вот как её он мог бы назвать сейчас, не случись с ней того, что уже случилось. А три года назад, когда он только начал копать, она казалась подозрительно, странной пешкой, которую еще только предстояло проверить на лояльность. С потенциалом ферзи, но с уж больно большим количеством вопросов по жизни, навыкам и происхождении.

И последнее, чего ему хотелось в этой жизни, это затащить к себе в окружение... нет, не крысу! Норку! Хладнокровную убийцу, с милой улыбкой, убивающею всех его хорьков. Вот только тогда же и начались проблемы.

Сначала, упущенное им предложение от работодателей матери девочке, что вроде как случайность, и скорее следствие интереса самой материи, но точности в этом деле быть не может — вероятность спланированной акции никто не опроверг до сих пор. Из-за чего девчонка в один момент ускользнула из зоны его влияния и полномочий, сильно повязав

руки и ограничив возможности слежки.

Потом — переворот, в котором сам безымянный чуть не стал разменной монетой — повезло, что не успел выйти из тени, рассчитывая сделать это уже после заявления верховного. Покойся с миром, ты не был глупцом, но просчитался.

После, по сути оккупации, кандалы на все конечности и, как ни посмотри, пребывание в изгнании. Даже мелькала мысль бросить всё и исчезнуть! Уйти на пенсию, коль шестой десяток разменял. Но... удержался. Уральский регион остался под его полным контролем и даже немного подрос, а сама власть старой тени стала еще крепче, граничащей с абсолютом.

Заводы, спецслужбы, армия... но этого мало, что бы контролировать страну! Их сметут, раздавят... высушат, оставив без средств и финансов, стоит только «соседям» пронюхать, заподозрить в патриотизме региональных правителе... впрочем, враги и так держат на всех крупных постах своих людей, но им пока что удается худо бедно дурить головы, делая обратное приказанному.

Надолго ли? Точно нет. Слив уже идет, да и... люди нынешнего поколения уж больно падки до сладкого. А когда было иначе? Никогда. От того времени все меньше, и надо действовать решительнее и быстрее, старясь при этом не слить все в гражданскую войну — еще одного переворота страна, то, что от неё осталось, точно не переживет.

И в этих условиях до какой-то девчонки совершенно нет дела! Ни сил, ни времени не средств — мужчина взглянул на фотографию, на которой эта девчонка лежала с отделенными от тела ногами, уложенными рядом с туловищем.

Один в поле не воин — усмехнулся он про себя, одновременно вспоминая отчеты врачей, что несколько ошарашенно доложили о полном отсутствии проблем с подвижностью конечностей. Хоть её и держали в банке отдельно от тела несколько суток, пока не сильно умные врачи думали, кому же их можно попробовать пришить. Эх, жаль дальше камчатки не сослать.

Одному войну не выиграть — подумал безликий гражданин, хоть он и имеет нехилые планы на «эту девчонку». Вот только и слежка за ней, еще там, в Москве, сразу как с хаосом переворота разобрались, пошла не по плану.

Сначала друг, отказался следить за своей названной дочерью. И вообще послал довольно грубо, в пешее эротическое, сказав, что его долг пред родиной исполнен с лихвой. Потом — все три надежных как часы агента, вдруг разом испарились, будь то их и не существовало.

Не было никогда, сбежали, растворились... а квартира, в которой они временно обитали, оказалось столь тщательно вымыта хлоркой, что искать следы бессмысленно. Да, возможно стоило наведаться на явку пораньше, сразу как доносы от них перестали приходить, но — из-за секретности, дела агенты вели самостоятельно, присылая в штаб только отчеты.

Так было и проще, и удобнее, и выглядело надежней. Большими возможностями и агентурной сетью в столице безымянный тогда еще не обладал. И даже простой опрос свидетелей был затруднителен, и всё, что удалось узнать — азиатка. К ребятам на регулярной основе приходила какая-то девица, и, они — видимо сбежали.

Это был удар, приступ параной, и новый повод задуматься о пенсии. Но... слежка за девицей продолжилась, и тут вскрылась весьма любопытный факт — фиг её на камеру заснимешь! Она будто чувствует внимание к своей персоне, и стоит начать съемку — быстро покидает зону фокуса.

Об этом докладывали и агенты! Об этом говорила и наружка, что оказалась не в состоянии её вести дальше сотни метров! Все заговорило о том, что такому... нельзя обучиться просто по книжкам.

Неизвестно — хмыкнул мужчина себе под нос, и закрыл папку — куда бы все это зашло, если бы не тот американец. Супер агент, взявший неприступную крепость арабского шейха в одиночку и, по сути, на глазах у доверенных русской тени людей.

Да, живого монстра там никто не ждал. Да и штурма в целом. Было тихо, и жарко, и фактор неожиданности был разыгран на полную. Но все же! В одно рыло... с дырочками, от шальных болванок, что стягивались за секунду. Девчонка стала приманкой.

Ведь если для человека без имени, супер-тварь, работающая на американскую разведку, оказалось шоком и неожиданностью, тем, что возможно только в сказках! То его коллеги из ФСБ, и бывшие коллеги из КГБ, о нем давно знали! И стоило поднять архивы, слегка надавив на нужных людей через связи, и вот они — нужные сведения. И в сведениях затесалась весьма любопытная информация!

То, что человек... а человек ли вообще? Работает на американцев уже давно. То, что его охраняют столь сильно, что даже разведчикам из союза не удалось достаточно близко к нему подобраться, по крайней мере, сведений об этом не сохранилось. И то, что согласно данным от ФСБ, что тоже вели наблюдение за профессиональной деятельностью ноль ноль первого, этот парень конченный садист.

В половине случаев, он попадётся под наблюдение оперативников не как головорез шейха или иного правителя, что нужно свергнуть. А как убийца детей, с наклонностям педофила-садиста. Он просто обожает пытать малолеток! Но не своими руками, а руками соевой банды, собранной специально для этих целей из отпетых маньяков, за которыми числится куча кучная не отмоленных грехов и мировой розыск.

Они пытаются, они насилуют, мучают, издеваются, режут, расчлениают, доводят до «кондиции» пока «герой дня» только наблюдает. И убивает, неизвестным методом, когда сочтет жертву готовой. От чего тела убитых буквально выгорают изнутри, оставляя после себя бесформенную массу, с трудом опознаваемую как человек.

И как выяснилось, поднапрягая уже своих информаторов, «ноль первый маньяк» уже неоднократно появлялся и в России, в том числе и охотясь за детьми. И, что самое удивительное — дочка друга идеально подходила под все описания потенциальной жертвы! Осталось только дожидаться, когда этот «Джон Джонсон» придет и за ней. И ликвидировать, ведь уж очень неприятно иметь над головой дамоклов меч в виде человека-армии.

И все получилось! Вот только какова цена? Пешка, что не желавшая быть ферзей, оказалась изначально ею. Идеальный агент, с навыками ликвидатора, стал инвалидом. А друг, чья лояльность никогда не подвергалось сомнению — смотрит на него волком с недоверием.

Нет, он не жалеет о сделанном! — человек вышел из-за стола и подошел к окну — монстра из-за океана нужно было ликвидировать любой ценой! Иначе никто и нигде не будет в безопасности. Да и удар, по Америке, и всему западному миру, что принесла с собой его смерть, уж точно стоил того.

Под начавшееся икрометание можно многое совершить! Но все же, теперь, зная о всех возможностях девчонки, что лишь немногим уступает американцу, план был бы иным. И он бы поставил все, вывернулся бы ужом, чтобы не дать ей в том бою столь сильно пострадать. Не дать ей стать инвалидом.

А главное, пусть этой уже почти история, недоказуема, и не проверяема, но — один в поле не воин, а если?..

Глава 22 — Операция

— Равняйся! Смирно! — командует офицер строем бритоголовых солдатиков, два на два в каждом, на плацу — Что, уже соскучились по мамкиной титьке?!

— У нас новобранцы? — вопрошаю я у папки, глядя на толпу-строй, топая в ногу с ним через плац к госпиталю.

В ногу, как-то случайно получается — я это не контролирую!

— Никак нет, товарищ младший лейтенант! — хором отвечают бритики, недовольному лейтенанту.

— Что, думаете, если вас избрали в элиту, то всё? Сразу Рай?! Всё по элитному? Кормёжка, постель, бабы? — строй не смог сдержать улыбки.

— А кто его знает. — ответил отец, пожимая плечами, так же глядя на, судя по излишней жизнерадостности лиц. Новоприбывшие.

Местные все хмурые-хмурые, задрюченные-задрюченные, и ходят через плац, только мало приметными тенями. А не строями. Выдрессированные! А эти... прям лучатся... и щечки вон какие! Уже в предвкушении в общем!

Еще бы! Элитная часть, элитная... и в черте городе! А не лес кругом, как это обычно бывает. Магазины, кафе, бабы! Снабжение, техника, госпиталь, БАБЫ! Медсестрички политрук... и я, пусть и одетый скромно и по гражданке — как тут не лыбится?!

— Фиг! Ночевать будете под сосной! А бабу видеть только в своих влажных снах! — обломал всех лейтенант, и строй мгновенно взгрустнул, но постарался это скрыть — Кормить, правда, вас, обалдуев, всё равно будут на убой — почесал мелкую щетину на своем подбородке офицер, притворно задумавшись, а из строя вновь послышались сдержанные смешки.

— Если резать не будут, то мы согласны! — выкрикнул кто-то, наперекор уставу.

— Будут-будут! — ответил на это лейтенант, и кивнул в нашу сторону — Вон, уже как раз и мясник прибыл.

Мы с отцом переглянулись — это кто это тут мясник, а?! Мы вообще-то просто гости! Или нет? — смекнул я, что батька срулил с натопанной тропинки в госпиталь, начав чесать в сторону офицерского корпуса.

— И зачем? — только и успел буркнуть я, прочтя табличку с большим количеством текста и малым количеством информации «корпус номер четыре», как мы уже вошли внутрь.

— Надо. — коротко буркнул папаша, и козырнув солдатику на посту, прикрыв голову рукой, бодрым шагом устремился по коридору вглубь здания.

Эй, папаня! Ты когда так быстро шагом бегать научился? — и пришлось натурально бежать, что бы его нагнать. Бежать, наслаждаясь кучей болевых ощущений, а главное — адским желанием почесаться!

Во всех местах разом! Особенно в... внутри.

Организм уже просто безумствует от желания вернуть себе все утраченное! А Сила, вторя телу, давит на мозги столь сильно, что я скоро с ума сойду! И это двойное давление с каждым днем всё усиливается, что я даже не знаю, доживу ли до дня операции, когда можно будет отпустить визжи этих буйных коней?

— Пришли. — буркнул папа, и постучался в дверь, с неприметно табличкой с надписью

«Сидоров».

Просто Сидоров, и ничего более. Кто, что, зачем?..

— Входите — донеслось с той стороны двери, и батя зашел, вдернув меня следом.

— Аа! Хватковы! — улыбнулся нашему явлению пожилой товарищ с жирной звездочкой на погонах.

Ясно дело, по одному взгляду! Хозяин кабинета, до этого как очевидно о чем-то беседовавший стоя прямо посреди кабинета с другим гостем, с совсем еще юным пацаном при форме, с погонами о горсте мелких звезд. Четырех звезд. Мы не помешали?

— А не рановато ли вы пришли? — пожал босс кабинетный руку отцу, и взглянул внимательно на меня.

Прям очень внимательно, как обычно девчонки глядят на прыщи. Видимо помешали!

— Да не, в самый раз. — ответил на это папаня, пожимая руку и взглянул на недавнего собеседника большого человека.

— Товарищ майор... — козырнул тот, глядя на, как понимаю, товарища Сидорова.

— Да можешь идти — отмахнулся майор, все так же глядя на отца и все также удерживая его руку. — Хотя нет, погоди — опомнился через мгновение, когда парнишка уже почти что вышел из кабинета, показывая, сколь сильно он спешит, — поможешь нам тут с одним дельцем. — и взглянул на меня, опять как на досаду-недоразумение.

Это с каким? — криво усмехнулся я, но промолчал, давая взрослым свободу маневра.

— Это с каким? — сказал это же в слух отец, живо улыбаясь, насколько позволяет его перекошенное лицо.

Нехило озадачивая меня, что отпечаталось на моём, вмиг тоже перекошенном лице.

— Ну как же, ты же говорил у дочки хорошая память? — и отец утвердительно кивнул на этот вопрос — а бегать по плацу ей сейчас крайне не рекомендуется — и на это уже мы вместе покивали, а я еще и потряс ногой, издавая подозрительные «бульки» — Вот, будем отрабатывать техники правильного описания лиц. И вот в пример — товарищ капитан — отпустил наконец майор руку отца, и указал мне на вытянувшегося в струну паренька-капитана — как бы ты его описала? — обратился он ко мне, с улыбкой каккота после стакана сметаны.

Описать? Ну... это можно! Но зачем? Мне не охота! И так голова болит. А тут еще и напрягаться! Да и в баночке пустовато...

— Как капитана! — выкрикнул я, со звоном стекла, и с майора Сидорова сползла его кошачья улыбка, замененная на неудовлетворительный взгляд, направленный почему-то на моего отца. — За, «описыванием», это не ко мне! Но если вы о том, смогу ли я опознать его в бедующем, в толпе или среди похожих — то это не вопрос! — и улыбнулся во все зубы.

— Уверенна? — поинтересовался сам капитан, пока двое оставшихся мужчин буравили друг друга взглядами.

— С гарантией! Найду хоть из-под земли, даже если будешь прятаться!

— Товарищ майор, разрешите? — поинтересовался младший у старшего, и тот, махнув рукой, дал великое дозволение:

— Валяй!

— Пять минут! — показал парнишка пятерню, и выскочил из кабинета.

— Ну... — хотел что-то сказать отцу оставшийся военный, но наткнувшись на мой внимательный взгляд, передумал — чаю?

— Не откажусь. — улыбнулся отец, и эти двое, забыв обо всем, и словно в гостя на

кухне тетушки, а не в гарнизонном кабинете, где в сейфе ждут своего часа сразу два заряженных калаша и почему-то только один броник, принялись чисто по-домашнему хозяйничать.

Достали чайник с верхней полки, заварник со шкафа, стаканы из ящика, воду в бутылки из-под стола, плюшки... вынули из пакета, что был при отце! То-то у меня слюни всю дорогу текли, а он не давал! Накрыли куском скатерти стол, не забывая беседовать за футбол:

— Слышал, недавно наши чуть кубок не взяли!

— Во-во, чуть.

— Ну да, третье место, но ведь не четвертое! Не четвертое!

— Тоже верное, хоть бронза, но медаль!

А я, подошел к окну, потягивая воздух двумя дырочками. На что он надеется, этот вояка? Что я не найду его у себя же под носом? Что он сумеет затеряться на плацу с другими служивыми? Что его бега будет невидно в строю других бегущих? Хех! — и приоткрыл окно.

Первый этаж, южная сторона, раскидистый куст какого-то дерева, что пока еще не полностью прикрывает окно нераспустившейся листвой. Блаженная тень на все лето! И сладостное солнце на зиму. Небольшой скверик, и еще один плац, только с грунтом, а не асфальтом, куда как раз переместились бойцы с асфальтового покрытия с другой стороны корпуса.

Да и как бы поменьше этот полигон, да и плацем его звать некорректно — полоса препятствий! Что мучают сейчас бойцы, преодолевая стенки и насилуя канаты, обливаюсь потом, с автоматами в руках. И капитан... о! Объявили построение!

Это просто издевательство какое-то! — скривился я, заметив в просвете меж начавших распускаться почек листвы, мелькнувшего в шеренге капитана, что должен был бы прятаться от меня в подземном бункере! В танке! На складе взрывчатки или на уж кухни на худой конец! А не тут, буквально на виду, за домиком и деревцем. Да, он снял с себя форму, хотя только верх и бескозырку — штаны вроде те же, где-то уже успел надеть майку, и даже взмыленный как все! Но... на что он рассчитывает со столь очевидной, открытой! Позацией.

— Пять минут вышло — как бы между делом объявил майор, закончив разливать кипяток по чашкам.

— Да? Ну тогда я пошла — улыбнулся я, и открыл окно полностью.

Аккуратненько выполз наружу под очень внимательные взгляды мужчин, особенно отца, на лице которого так и читалась «ну что за привычка ходить через окна?!» и что уже удостоверился, что высота тут небольшая, и ушибиться — сложно.

Выполз, преодолел кусты — жопа какой геморрой! Они настолько плотные, а ветки — колючие! Что... был нехилый риск остаться без штанов и кофты! Отряхнулся, оглядел строй и все того же лейтенанта, что с самозабвением рассказывающий взмыленным новобранцам какие они конченные лохи... нашел взглядом цель, и трусцой лупанулся к ней.

— Он же ведь должен быть словно ваш родной дитя! Сыном! Наследником! — распинался тем временем лейтенант, на тему того, какого фига вы автоматы через стенку как кули с картошкой кидаете.

Ну и что, что это муляж! Вы и в бою так же будете кидать что ль?! А потом что?..

— Разве ты, Серега, кинул бы так своего сыны чрез трёх метровую стену, просто потому, что он тяжелый?

Кто такой этот «Серёга», мне от сюда невидно, я уже — вломился в строй! Расталкиваю, подныриваю, или протискиваюсь меж массивных фигур, пока не оказался

прямо напротив делающего вид, будто меня не знает, и меня тут и нет, капитана. Такого же бритого, как и все. В той же тельняшке, что и все! И вообще! Неотличимый!.. на первый взгляд. Но мой нос не обманешь!

— Тащ, капитан, тащ капитан! — подергал я его за штанину — а я вас нашла! — и улыбнулся во все свои двадцать восемь коренных зубов. — И вообще — такие прятки неинтересные и скучные! Ни бункера, ни центнера перца, и даже лицо краской не замазали! Скучно с вами, товарищ — и сделал вид, будто обиделся — Скучно! Вы бы еще в женскую баню спрятаться решили! Там бы я вас «точно» не нашла...

— Возвращаемся домой? — поинтересовалась мать у отца, будучи собственно уже дома, после выписки! Но на, очередной! Служебной квартире.

— Нет пока — ответил на это отец, попивая вместе с матерью чай, будучи на кухне.

Я в это время — сижу в ванной. Сам в воде, «баночка», в виде уже поднадоевшего пластикового пакета, обычно привязанного к ноге, на полу... плескаюсь! И подслушиваю взрослые беседы.

Обычно я стараюсь этого не делать — нервы целее будут! Да и вообще — какое мое дело? Пусть сами разбираются в своих проблемах! И чувство такта тоже надо иметь. Но когда дела касается напрямую меня...

— Потому что у Саши через месяц будет еще одна операция. И потом ей е...

— Что? — вскрикнула мать, что я даже поморщился — громкий звук резанул по тонко настроенным ушам как нож по лицу.

Ушло некоторое время, что бы вернуть себе слух, и часть беседы пропустил, но как понимаю — не критичную, так, утешения — пререкания.

— Потому.

— Но почему вы мне ничего не сказали?

— А ты чтобы могла сделать, даже если бы мы сказали? — спокойно ответил отец, на эмоциональный спич матери.

— Я... я... — мать наконец осознала, что ничего не смогла бы сделать, даже если бы знала.

Знала что-то, что я пропустил! Но смерится со своей «неправотой» не смогла:

— Я бы что-нибудь придумала!

— Угу — выплеснул скепсиса отец, и понимая, что мать сейчас обидится, проворковал — Не волнуйся! Я нашел лучших специалистов! Лучших врачей...

— Как тех, что чуть не зарезали нашу дочурку? Тех, из-за которых она два месяца в коме пролежала?!

— Не начинай...

— Что не начинай!? — опять этот визжащий выкрик!

Мама! Тыж не баба базарная! Пусть и на этот раз я был готов.

— Не начинай говорю! Ты лучше меня все понимаешь, и прекрасно видишь! — надавил голосом батя, понимая, что сейчас будет новый крик — Дочка жива, здорова, бегаёт вон как лось... что еще надо?

— Но ведь...

— Да, у всего есть своя цена... — погрустнел отец и, судя по скрипнувшему стулу — вышел из-за стола.

— Родная, ты здесь? — постучал он по двери ванной, задавая столь нелепый вопрос —

Я войду?

— Да, заходи пап. — буркнул я, понимая — пришла моя очередь быть нефотогеничной моделью, и слушать громкие слезные причитания маман.

Мы не рассказывали ей до сих пор об моих проблемах! Ни о почке, и, наверное, пока и не будем. Ни о прочем. Даже о том, что у меня баночка к ноге привязана — продолжали скрывать. И я бы, продолжил таится и далее, но отец почему-то решил вдруг сказать. А значит...

— Какой ужас!..

— Не волнуйся, мама, это поправимо — улыбнулся я, глядя на ошарашенную родительницу, схватившуюся за лицо — Я не всю жизнь буду ходить с мензуркой — и потряс этой самой колбой, чем едва не отправил её в нокдаун — и выглядеть как бесполоя кукла в полный рост.

Выглядеть правда, тут ключевое слово. Бесполое оно во всей своей красе.

— Александра, да? — не спросила, а утвердила, как очевидный факт, учительница.

По физике, к которой я пришел сдавать экзамен. До этого проделав то же самое с русским языком.

— Она самая — вздохнул я, и, следуя указке протопал за первую парту пред её столом.

Вообще-то, я мог написать это все и в больнице! — подумал я, глядя на экзаменационную карточку с парой задач и тройкой вопросов — и для этого даже не обязательно было бы и учителям туда топать! Но... не доверяют. Думают — спишу. А в больницу идти ради ходячего? Смешно!

Так что я тут, в школе, пишу экзамен за первое полугодие девятого класса. Пусть и по сильно упрощенной форме «для даунов» но зато по два предмета в день через день. Правда это моя идея писать сразу по два, а не каждый день бегать ради одно! Что за индюк предложил больному человеку топать через весь город... ну ладно! Ездить на такси! Через весь город, каждый день ради одного предмета? Не уж! Тем более программу для меня сильно урезали.

Из-за чего мне меж пар приходилось болтаться на школьном дворе, рискуя влететь в разборки местных гопарей и заработать себе разрыв чего-нибудь внутри, что еще не оконца срослось. Уж больно много дали времени на каждое задание.

— Все что ли уже? — удивилась учительница, когда я подал ей листок по прошествии половины урока, из двух на то выделенных.

— Угу — улыбнулся я в ответ, усиленно хлопая ресничками.

— Ну ка, смотри, тут ошибка — пересчитай — Вернула она мне листок, и вновь погрузилась в проверяемые ею тетради других учеников.

Чорт! Так тупо ошибся! Не заметил нолика после единички над циферкой... arr! Придется все заново пересчитывать! И на этот раз быть более внимательным — мне и одной тройки по русскому достаточно! Будет обидно, если еще где нахватаюсь... а ведь нахватаюсь! Не всякая учительница столь снисходительна как эта, и не всякий предмет для меня столь прост, как русский. Сто пудово что-то придется и пересдавать, даже несмотря на всю упрощенность сдачи при домашнем обучении.

Еее! — операция! Наконец-то я блин её дождался! Уж думал сдохну, воюя с самим собой. Борясь за право хотя бы думать! Не то что бы игнорировать зов тела, и блокировать

вой Силы, настолько сложная задача, но когда САМ с ними обоими согласен... начинаются настоящие проблемы!

Всё! Осмотр произведен, места резов намечены. План подготовлен, что вернут обговори. Мне нет смысла вырезать неказистые шрамы! Затянутся! А вот вернуть пупочек... ну давай хирург, покажи на что способны твои пальчики! Но не ты, простой мясник, что призван меня только распотрошить, подготовить. А пластификатор! Что после осмотра куда-то свалил, уступив всю грязную работу другим.

Все, вот и стол, вот и они! В зеленых халатах. С резиновыми, эх! Фартуками. Ну доктор давай, порадуй меня бритвенной остротой инструмента! Точностью рук и... погодите, а это что?

— Наркоз.

— Не надо! — выпучил я глаза на анестезиолога, мотая головой, на что тот выпучил глаза в ответ.

Но продолжил делать свою работу — вводить анестезию. Я, вытянул руку из тугих ремней, сломав себе пару косточек, и перехватил руки бедняги врача, не дав ему воткнуть иглу капельницы в мою вену.

— Не надо я говорю.

Бедняга молча и ошарашенно взглянул на меня. Бурить взглядом! Совместно с коллегами, что тоже прервали свои манипуляции — подготовку к операции, уставившись на меня с задумчивым видом.

Секунд тридцать, после чего все и дружно перевели свой взгляд куда-то за мою маковку, получили от кого-то там великое дозволение, и продолжили свою работу. Все, кроме отступившего от кушетки анестезиолога, руки которого мне пришлось отпустить.

Кого они там увидели? — пришлось вывернуть голову под немыслимый угол, чтобы увидеть... старого доброго господина тень! Что он тут делает?! В операционной! И главное — как я, опять, не заметил его присутствие подле себя?!

Да, я был занят — выводил из тела лишнее успокоительное. Да и вообще — не каждый день попадаешь в операционную в сознании! И здесь есть на что посмотреть. Но все же! Все же... упустил! Позор моим сединам!

— А? Руку? Да, пожалуйста! — подала я обратно руку под кандалы, и вновь оказался растянут на кушетке — Да вы зря переживаете, дёргаться я не буду!

— Ну-ну. — улыбнулась под маской операционная медсестра, а анестезиолог кажется, готовит какую-то свежую, забористую, импортную бурду.

— Ну вы же не собираетесь мне ничего удалять? Только пришивать — улыбнулся я, и увидев подтверждение своим словам в глазах врачей, продолжил — значит не буду — и улегся поудобнее в этой неудобной позиции.

— Без наркоза? — обеспокоенно поинтересовалась все та же медсестра у всё того же человека-невидимки, что к этому моменту переместился с двенадцати часов на три, относительно моего тела.

Правда это я его отслеживал, а вот медсестра — нет, и долго-долго искала глазами по всему кабинету, пока тот не поднял руку, привлекая внимание, и кивнул, в знак согласия, поймав взгляд.

— Хорошо... — выдавила из себя медсестра, на данный садистский план, и кажется, закончила все свои приготовления.

— Вы не волнуйтесь, я не от вредности от наркоза отказываюсь — сказал и сморщился,

изображая дикую боль, так как молчаливый хирург, инструменты которому медсестричка подаёт по одному его движению зрачков, уже начал меня резать — Просто той, дозой... — проговорил я, как бы задыхаясь, силясь справиться с болью — что способно меня вырубить... хе... можно меня убить — и выдавил улыбку.

— Помолчи, — коротко но веско бросил хирург, и я решил последовать его совету, мелькнув благодарной улыбкой.

Через некоторое время операции, к основной бригаде врачей, что уже выпотрошила меня, добыв нужные материалы, и выполнила некоторую их обработку, и даже кое-что с кое-чем уже соединила, присоединился хирург пластический, начав свою магию пластики. Правда, судя по его жизнерадостному виду и хохмам, несмотря на всю суровость окружающих коллег — он как бы не в курсе, что я тут лежу без наркоза.

Что, неудивительно — пациенты на операционном столе нередко шевелятся, нередко лежат с открытыми глазами, и даже, бывает, разговаривают во сне. Это, так сказать, нормально, и привычно.

— Ну и как ощущения? — прервал рабочую тишину, то есть разговоры сугубо по делу, человек-тень, когда мне уже что-то там обратно пришили — Когда тебя сначала режут, а потом шьют?

— Когда все закончится... — проговорил я в ответ, «силясь» натянуть улыбку — я воткну вам нож в печень, и тоже спрошу, как вы себя чувствуете.

— Какая неблагодарная...

— А что тогда за дурацкие вопросы? А вы батенька — переключился я уже на пластификатора тел, что что-то там уже не то подрезал, подслушав нашу беседу — поосторожней! Все ведь хорошо делали! Так что нервничать то?

Мужчина сглотнул, но взял себя в руки, и продолжил операцию.

Глава 23 — Возвращение

Ну что сказать... Сдать стоя я не начну — вынес я вердикт, рассматривая результат работы врачей уже на следующий день. Бедных врачей! Думаю, им потребуется психологическая помощь и бутылка водки, каждому! Ведь под конец операции я не сдержался и запел:

— Когда меня резали три бугая, ля-ля-ля...

Идиот! Иначе и не сказать. Они и так там пластались как проклятые, а я еще и «музыку» подвез самую «подходящую». Надо было «Калинку» петь! Хотя, думаю еще представиться возможность.

Работу пластический хирург выполнил добротнo. Да, внизу, просто дыра с губами! Зато какой пупочек!.. Нет, это уже не нацизм, это уже извращение какое-то! Стоять перед зеркалом, и пялиться сам на себя с умилением... пора завязывать, а то так и до шизофрении недалеко!

Зато если у меня что из внешних признаков вокруг дыры если и отрастет, то это хотя бы не будет столь же сильно бросаться в глаза как отрастание самой дыры! Нда. Пойду оденусь от греха. И спущу наконец тело с поводка — пусть отращивает все, что посчитает нужным, мне надоело с ним воевать. Устал.

Конечно, отросшая почка с селезенкой мне еще доставят проблем, даже если меня не решатся вновь вскрывать «на посмотреть» — УЗИ! И надо будет научиться старательно шугаться врачей, но это все уже мелочи, детали, которые в теории можно будет на что-нибудь списать, «отмазаться». Надо только придумать на что. А сейчас... меня ждет генерал!

Эм, две фотографии, одного и того же человека с немного разных ракурсов, при разном освещении и естественно на фоне разных мест. И что от меня ждут эти дядьки? — взглянул я на трех Бугаёв, в числе которых стоит и мой отец. И он же среди них самый младший, по званию. Старший — генерал!

С жирнеющей звездой на погоне, раза в два больше звезды майора на погоне рядом стоящего. И минимальным расхождением по возрасту и телосложению носителей этих звезд. Два одинаково седеющих, но по-прежнему крепеньких мужика, на фоне которых мой отец кажется не столь уж и крепким малым.

— Эх — вздохнул я, и поднял взгляд с фоток на «представителей высокой комиссии».

Чувствуя, как внутри что-то рвется — телу не понравилось, как это что-то сшили! И вот уже кровяка внутрь, меж органов, пошла... надо латать, устранять... а мужики все так же ждут от меня ответа по фотографиям.

Непонятно только какого ответа! Гады! Чтоб я ответил им, где были сделаны эти снимки? Смешно! Как я это, по их мнению, должен сделать?! Фоном одного — какой-то домик-пол окна, на другой — вообще железка непонятная. Определил время суток? Ну... в теории да, но сомнительно — у фотоаппарата могла быть хорошая вспышка. Понял сторону света? А зачем!? Да и всё та же вспышка. Определил возраст заснятого кадра? Так на нем же грим! Да и вообще!

— Не знаю — выдал я, окончательно утратив всякую надежду хоть что-то понять в этих «политических» хитросплетениях высоких людей, отодвигая фотки прочь от себя.

Пусть сами все мне разьясняют, что хотели от меня узнать по этим фотографиям! Но

вместо этого генерал с отцом уж как-то резко нахмурились, перестав быть похожими на «котов в ожидании пайки», а майор, натянув дежурную улыбку, прикрыв ею своё недовольство, проворковал:

— Ну может ты все же еще помотришь и подумаешь? — подтолкнув мне фотки обратно под нос.

— А что тут смотреть и думать? Два одинаковых мужика, снятых на хороший «Кодек». Один на фоне здания, скорее всего жилого, а второй непонятно где торчащий. Что тут смотреть и думать? Ничего непонятно и выводов, и быть не может!

И майор с отцом разом скисли. А генерал, став практически черным от недовольства, взглянул на отца как на пустое место. А затем на майора, как на предателя.

— Ну, думаю ты можешь быть свободна. — проговорил он, все так же пытаюсь просверлить дыру в непробиваемом Сидорове, сделавшего «покерфейс» и умудряющемся смотреть на сурового начальника — как на гавно...

Но поскольку никто из этих двоих уходить не собирался, а обстановка явно стала накаляться, да и отец, похоже за миг заработал себе дерганную трясучку и вот уже минуту мне о чем-то усиленно моргает «дура! Дура! Дура!», я все же решил подать голос:

— Я?

— Да-да, можешь идти — сказал майор, на миг отвлекшись от генерала — И вы тоже — такой же быстрый взгляд на отца, и тот, прихватив меня под локоток, быстро вывел из кабинета заместителя начальника штаба округа, двойные двери которого отсекали от меня звуки начинающейся разборки, на повышенных тонах!..

— Что... — только и успел пискнуть, как получил подзатыльник, и оказался вынужден в молчании покидать штабное здание под ручку с отцом.

— Я... — произнес я, но вновь получил по маковке и заткнулся, прикусив язык, решив посвятить время самому себе.

Внутри еще что-то оборвалось, принятое телом как «неприемлемая сшивка». Наверное, не стоило начинать гулять на своих двоих на следующий день после обширной полосной операции. Определенно не стоило!

— Ну все, дальше сама дорогу найдешь! — проговорил отец, наконец нарушив молчание, когда мы вышли в прямую видимость госпиталя, и не прощаясь — удалился.

— И че это было? — буркнул я, все так же прибывая в непонятках, но вспомнил, что у меня там назначены процедуры, да и шовчики — спиртиком помазать не помешает, дабы поменьше проблем они доставляли, забил на это дело, старясь поскорее добраться до клиники, не сильно себя нагружая.

Тихонечко, почти ползком... эх. Ползком, но... на двоих! Как же это медленно выходит! И я бы вообще забыл об этом генерале! Проблем и без него хватает. Вот только военные, вдруг после моего к нему визиты решили забыть обо мне. Никто более ко мне не приходил, никто более мной не интересовался.

Не проверял способности, не изучал... Даже медицинские исследования все разом в единый рулон свернули! Оставив только базовые процедуры, без трех рентгенов в сутки. И можно было бы решить — счастье! Что я в принципе и сделал. Да вот только и выписали меня из госпиталя сильно досрочно, не дав толком восстановится.

А уже через день после выписки, я уже сдал школьные экзамены и получил свою справку о девяти прослушанных классах. А еще через день — мы уже всей семьёй грузились в поезд. В плацкартный вагон, со всем своим нехитро нажитым имуществом — пара сумок,

да сверток — не я! Ванюша.

Как всё быстро, но я рад — мы возвращаемся домой! Да и ехать тут в принципе совсем не далеко — можно было и на электричке добраться, зачем вообще целое купе? Расточительство! И немного ностальгия — давно я не катался на поезде. В масштабе жизни текущего тела.

— Урааа! Родимый город! — вылетев из автобуса, полетел я по знакомым улочкам — Урааа!

Счастье то какое! И здесь все знакомо! Все родное! Привычно и... Так, стоп — люди какие-то не привычные, не такие! Иные! Все какие-то побитые, и смурые. Что-то я не такими их помню.

— Что случилось? — спросил я вот прямо так, у первого попавшегося мне на пути прохожего, с печатью обреченности на лице — Почему все такие грустные, печальные? Случилось что ли, что? Меня давно не было в городе...

— Случилось? Случилось! — проорал мне он прямо в лицо, широко разводя руки, но тут же спохватился, и взял себя в руки — Кхм. Предприятие закрыли, работы нет. Школы, детские сады, спорткомплексы — все позакрывали! Денег в бюджете города тоже нет. Вот что случилось деточка — мы обречены — похлопал он меня по плечу, и пошел дальше по своим делам.

Как... какого... когда? Не, ладно — оно давно на ладан дышало! И от него давно многого не ждали и мало что имели — с развала союза! Когда оно цвело и пахло, и даже молодым специалистом, как например моя мать, в городе даже квартиры давали. Родительница на заводе пред сокращением едва ли полгода отработала! Но квартиру ей оставили — она тогда уже была беременна мной.

Однако, несмотря на то, что завод давно уж был «вот таким» город все равно держался на плаву только за счёт него! Только он, из нескольких десятков относительно крупных предприятий, делал крупные отчисления в городской бюджет, содержа на своём хребте школы, больницы, детские сады и пожарные части...

Даже блин, вон птицефабрика и молокозавод! Крупные частные компании! С времен придатка завода советской эпохи сохранили полную зависимость от него, пусть и давно выйдя на рынки сбыта в других городах. Не одними базарами сыты производственники!

Ой, ей — кажется, мы приехали не туда! — подумал я, и оглянулся — а этим голубкам все не почём, идут под ручку, воркуют, толкая впереди себя коляску с Ванькой и ничего иного и не замечают.

Ни хмурых людей, ни полные урны мусора, и заросший газон, ни то, что деньги стоило было бы экономить, а не покупать детскую коляску в первом попавшемся на- пути магазине прямо у вокзала — то-то продавцы столь бурно радовались, когда батька отчитал непомерные теперь для этого города восемь тысяч за жалкую детскую коляску из пластика и резины. С работой в этом городе, наверное, теперь вообще швах и абзац.

Впрочем — чего это я опять себе голову забиваю не теми проблемами? Мне надо думать о будущем! О своём будущем! И решать в какой «колледж» — ох уж эти новомодные названия! Поступить.

— Нда... — сказал я, увидев вместо уютенькой квартирки с мебелью и только сделанным, собственноручно! ремонтом — голые стены — Ну ничего, поправим! — улыбнулся, и повернулся к родителям — Пап, можно тебя на минутку.

И отодрал его от маменьки, оттаскивая за дверь в подъезд, пока никто ничего не понял.

— Пап, вы из Москвы какие-нибудь вещи забирали? — он подумав, кивнул в ответ — А большая спортивная сумка среди них была?

Отец подумал, и вздохнул.

— Такая синенькая, да?

— Ага. — вздохнул и я, понимая, что походу плакали мои денюшки.

— Еще в ней такие плитки были, как шоколадные, только с президентом? — показал он руками, какие плитки.

— Угу. — выдавил я, прекрасно понимая к чему он клонит.

— Выкинул!

— Пап!

— Ну а что! Так и знал, что это... — и нагнувшись, зашептал мне на ушко — Не волнуйся, деньги у нас есть — и сунул мне в карман пачку сторублевков.

Десять тысяч — мелькнул счетчик банкнот в моей голове, и я коварно улыбнулся, а батя подмигнул.

— Ну как, сможешь организовать ремонт?

— А то! — улыбнулся я во все свои тридцать два, правда четыре из них лишних — тело наконец решило избавиться от «молочки».

И организовал, осчастливив продавцов местного строительного магазина на полсотни тысяч «деревянных», что похоже стало их годовой выручкой за раз. Они за эти деньги мен по магазину чуть ли не на руках тягали! Любезничали как могли, и разве что ноги не целовали. Буквально! По грани...

И похоже, если бы я не пришел, магазин бы мог через день другой закрыться, а так провернув крупный оборот товара, от сантехники и фаянса, до линолеума и паркета, оказались вновь на коне и готовы к расширению. Хотя насчет последнего — сомнительное решение, ведь я для себя уже все купил.

— Штукатурка, штукатулочка... Шпаклёвочка...

— Где ты так штукатурить научилась? — поинтересовался батя, проводя пальцем по итоговому покрытию, и слушая моё немзыкальное мурлыканье.

— Не спрашивай.

— Может все же обои? — поинтересовалась мама, вернувшись из комнаты с Ванькой на руках.

— Я их клеить не умею — улыбнулся я, продолжая подмазывать потолок — Наклейте — пожалуйста. Но без меня.

— Ну, тыж еще молодая! Никогда не поздно научиться! — поддела меня мать, и пристроилась под руку отцу.

Эх, мамка! Знала бы ты, насколько я стар!

— Обойдусь! — буркнул в ответ, и стряхнул остатки смеси в таз.

— Красота!

Да, я тут «морскую волну» на потолке вывел! Блики, словно смотришь в безоблачное небо небо из глубины тощи воды. Всегда хотел попробовать! А эти смеси в мешочках и краска в баночках — настоящий подарок маляру-штукатуру! Просто сказка, и настоящая мечта... знали бы мои «учителя» по «малярному делу» какой фигней я тут страдаю — волны вывожу! Фи!

— Батя... да ты... издеваешься! — прохрипел я задыхаясь, бегая вместе с отцом на стадионе.

Он меня, с переездом, и по окончанию экспресс ремонта в хлам разбомблённой квартиры после квартирантов, взял в конкретный оборот! Вновь, так сказать, вспомнил, что я боевая машина смерти! Задал мне просто адскую тренировку. И сам, блин, гад! Ехидный. Бежит вот рядом, улыбается.

— И двух месяцев не прошло... как мне операцию сделали! Пожалей бедную...

— Тебя пожалеешь, потом не рад будешь! — буркнул отец, и сбил свое дыхание.

Чуть не споткнулся, чуть не упал, заставив меня его немного подождать... и немного поглумится лицом — не одному же мне страдать?! А ведь все дело в том, что он — бегают налегке! В спортивных кроссах, в шортах и легкой футболке.

А на мне полная выкладка! Керзачи, ватник — нафига?! Чтоб я в нем сварился?! Штаны тяжелые... где он только все это по моему размеру добыл?! Наверняка ведь спец заказ — размер мой детский! И, быстро поняв, что даже этого всего моей тушки для нагрузки мало — я все равно бегая вокруг него, прикрикивая «не отставай, хиляк!» он еще и нагрузил мне ношу дополнительную.

Сначала ранец, и просто груз в него потяжелее. Потом разгрузка, и туда песочка, но я хитер! Песочек вытряхнул. Знаю что зря, и что мне как бы полезно, но уж больно был соблазн высоким. А потом и вовсе — браслеты на ноги, браслеты на руки... на мне сейчас веса, килограмм тридцать! Причем половина этого — на ногах! И это адски тяжелый труд! В подобном бегать.

Но бати и этого показалось мало! И он, уже на следующей тренировку, припер костюм для парашютного спорта. Не буду думать, где он его взял, как и не думаю, почему сторожка давно закрытого и неэксплуатируемого стадиона открывается ключом, имеющимся на его связки вместе с теми, что от дома.

И почему костюм, вдруг идеален мне! Хотя мои размеры... немного не стандартны. Размеры — детские, пропорции — взрослые, да еще мышцы торчат несуразно, когда их работать заставляю, прячась в иное время где-то под кожей. Одежда от китайцев иногда подходит... иногда — не очень. От своих и турок — только из детского мира, и то не факт.

А так же я закрою глаза, что полости для песка в костюме, тут явно больше, чем должны были бы быть в стандарте, для сравнения массы в плюс минус десять килограмм. И в них, мы вместе, дружно, высыпали три ведра прямо с детской площадки... я выбирал почище! Чтоб не воняло. Но этот костюмчик, мне в целом понравился. Самое то, для качественной нагрузки на тело.

Несмотря на огромный вес сверху, двадцать килограмм! Две пятых от моего собственного! И загруженные ноги, а это — неподрессоренная масса! Чувствуя я в нем себя комфортно. Он удобен, практичен, а нагрузка сопоставима с повышенной гравитацией и не ограничивает меня в движениях, просто требуя больших усилий.

— Идеально! — попрыгал я в костюмчике, проверяя как сидит, и подтягивая завязки на мешочках, чтоб песочек нигде не сыпался, нарушая баланс.

Отец, взглянул на меня, нахмурился действующей половиной лица, и стащил с лавки рюкзак.

— На вот, накинь сверху.

Издевается! — скорчил я обиженную морщину, глядя на этот чумодан, что взрослый

мужик, пусть и только одной рукой, но еле-ели на весу держит.

Точно изведётся! — понял я, накинув эту хворь на плечи, и ощутив, что стал ровно в два раза тяжелее себя нормального.

— Ну, теперь пошли! — пошел батяня к выходу — в конце еще на турник залезешь.

— Мама, роди меня обратно...

А ведь, между прочим, мать то и не знает! Стадион, из дому и близко не видно. Спортивный инвентарь — мы в сторожке и храним. А слава... батя матери лапшу навешивает! Мол на процедурки он меня спроваживает, в больничку! И то, что я прихожу оттуда выжитым и грустным — так не люблю же я врачей!

Так что мать, в святом неведении, сидит и нянчится с Ванюшкой, а я, целыми днями... на стадионе, довожу своё тело до идеала. Батя к слову, то же не работает. Но судя по наличию денежек — моя нычка еще не кончилась. И как понимаю, при текущих расходах — её хватит еще надолго.

— Или нет... — буркнул я, увидев в сторожке стадиона деревянный кейс, что батя по-хозяйски уже открыл.

— Винтовка, Кхм, Мосина. Проста, стара надёжна. Что так смотришь? Разобрала собрала — у тебя полминуты.

— кКкак? — выдавил я из себя, не зная, удивляться ли мне, или паниковать.

И чему именно мне тут удивляться больше!

— Что как? Не знаешь что ли? Показать? — я кивнул.

— «Щелк», «щелк», «чик», «щелк» А теперь сборка...

Я ничего не понял... — выпучил я глаза и продублировал фразу в слух.

— Эх. Деревня, смотри еще раз!

Это сколько? Десять секунд? И столько же на сборку! И у него еще в запасе столько же от озвученных полуминут... и судя по глазам папаши, я отсюда сегодня не уйду, пока не научусь так же. А ведь в кейсе еще лежит АК 47-й...

— Бедные мои ручонки! — проговорил я, сидя уже дома, в первом часу ночи, на кухне, стараясь не будить уже спящую мать, и глядя на свои трясущиеся руки.

И скрюченные пальцы! И кашу в голове! И теперь я понял — до этого батя меня щадил! А вот теперь... взялся не просто конкретно, а как...

— Ни че, ни че! Тяжело в учении, легко в бою! — проговорил он, наливая мне чай, и как то погрустнел — Дней десять таких тренировок — и будешь настоящим бойцом! — и погрустнел еще сильнее.

Однако десяти дней подобных пыток не вышло — уже через два дня кто-то «свистнул» из сторожки все оружие и все снаряжение, выломав дверь при помощи грубой силы, какой-то матери и монтировки.

— В милицию позвоним? — поинтересовался я, глядя как отец пристально изучает все следы ограбления, не пуская меня даже за порог, поглядеть на кавардак — Или кому еще? — добавил, понимая, что боевые автоматы, украденные из неохраняемой сторожки... это статья!

И крупный срок для нас, даже если воров найдут.

— Хм... — хмыкнул папа, что-то найдя, и обнюхивая пальцы, шевеля носом, аки собака. — Что скажешь насчет того, что бы пройтись по следу? — поинтересовался он, и голос его был предельно серьёзен, без тени веселости, задора, и шуток. — Тебе же нужна и

боевая практика, в том числе и в преследовании с выслеживанием.

Я похлопал глазами, втянул воздух полной грудью, и заявил:

— Я конечно не собака, но тут отчетливо пахнет порохом! Мы их выследим, без вариантов — и улыбнувшись, увидев одобрителный кивок, пошел по следу.

Буквально.

И так, здесь они сели в машину. Машина — старая, воняет бензином, что... да и капает им же! И вон, даже масло подтекает — иди, «бери тёплыми»! Но машина... Я налегке! Я побегу! Отец? Он... Все понимает, ну, боле или менее, и идет в свою «одиннадцатую». Аккуратно выруливает на площадку, где я замер в ожидании. Что-ж, отлично! Побегает!

Бегу по следу, набирая ход! Чуть не подставляюсь под машину — увлекся! Уткнувшись в след, вылетев на проезжую часть. Ничего! Не критично! Движение у нас небольшое, и это все фигня! Главное — не сбился! Не заблудился! И след машины, пропетляв по городу, уходит загород. Интересно, как я выгляжу для окружающих? Как мы, выйдем для окружающих?

Девчонка, бегущая по дороге, по проезжей части, пусть и быстро, но в пределах человеческого, и машина, не торопясь едущая следом за ней, игнорирующая «би-би» и прочие матерные высказывания. Наверное, думают, что какие-то соревнования! И хорошо, что батя их не пустил! Не дал обогнать. Иначе бы я точно потерял след, сбился, отвлекся, а так...

— Тут — указал я на один из неприметных домиков, в частном секторе на самой дальней окраине города у леса.

— Жди здесь. — вынул из-за пазухи пистолет батя, тут же приведя его в боевую готовность.

— Никаких — «жди здесь»! — остановил его я, опуская его руки с оружием — Это моя миссия, мой экзамен! А ты — я криво усмехнулся — просто наблюдай, и следи, чтобы никто не сбежал. — и вынул нож из штанины.

В доме... всего один человек! Придурок! Еще... здесь есть камера! Интересно, к чему она подключена? Неважно, обойду, перепрыгнув забор на углу. Ага, там тоже камера, глядит на огород, ничем не огороженный причем, цепляя лес заодно. А вот с боку — пусто. И окошко открыто — жарко.

Сетку — срезать. И вот я внутри. А вот и увалень, лежит, храпит, полупьяным. А вон наши вещи. Не! Так не годится! Где остальные?! Тут бывала десятка два человек! Ну, полтора — шлюх не в счет! Придется ждать, и пускать в дом отца. От... ключить камеру, и ждать, когда основная братия вернется. Они сами, приволокли к себе в дом наше оружие и патроны.

— Пап, как думаешь, что будет с городом, если мы тут маленько пошумим? — поинтересовался я у отца, передергивая затвор на «калаше».

— Знаешь, доча, я бы предпочел этого не знать! — сказал он, взглянув на связанного алкаша, который пока его связывали, даже не проснулся. — Предпочел бы во всем этом не участвовать! Но... есть одно маленькое но... — взглянул он внимательно на меня — Твое обучение планировалась на территории части, в закрытой зоне и под присмотром военных — это я уговорил Их, позволить тебе жить дома, дав автоматы под мою ответственность.

— Зря. — буркнул я, и отложил оружие. — И я бы посоветовал тебе сейчас закрыть глаза — услышал я хлопки дверей машин и голоса бандитов, уже идущих к дому — Я бы не хотела, чтобы ты во мне окончательно разочаровался. — добавил вздохнув, видя, как отец итак стареет на глазах из-за сегодня увидено.

Из-за нервов, и переживаний за моё будущее. Из-за, по сути, подставы что сейчас произошла, причем как для меня, так и для него. И из-за того, что он уж понимает, что будет дальше. Кухонный нож в моих руках, взятый со стола, вдруг стал до более напоминать армейский, а натянутая на голову лыжная шапка... Смирится ли он с тем, что я машина для убийств? И стоит ли мне действительно идти по этому пути?

Вышел на улицу, не закрывая двери, чувствуя, как мне в спину смотрит дуло автомата, и уже готовый ко всему, отец.

От автора:

Я тут малость приболел, так что с продажами проблемы. Думаю, вы это уже и сами заметили — приношу свои извинения.

Глава 24 — Бандиты

— Слышь, он там спит что ли? Вы кому товар оставили, олухи?! — вопрошает первый из пятерки бандюков, с ноги открывший калитку и вошедший в весьма узкий проем во главе колонны.

Расслабленно, оглядываясь на ходу на «коллегу», за что тут же расплачивается — получает от резво подскочившего меня, оставшегося так и незамеченным толи из-за роста, толи из-за невнимательности, носком сапога под коленную чашечку. Хорошие сапоги делают и в этом мире! Очень хорошие! Тяжелые, плотные! Кирзач! Идеальное оружие.

— Да нормально — отвечает ему второй, и тут замечает меня, высовывающегося из-за плеча начавшего падать человека, что «неожиданно съевшим лимон» коллегой, и даже охрип от боли.

По печени, этому падающему на меня «скрюченику», чтобы не мешал!

— Привет! — поднимаю левую руку, показывая два пальца в символе победы, и продолжая уже басом — Закурить, есть?

— А ты еще кто такой? — спрашивает высунувшийся из-за спины второго мужика третий.

А я приложил первого из банды, и судя по прошедшей беседе — её главаря, ну или покупателя нашего оружия, еще и с ноги в живот — а то он реально на меня упал! Откинул тело в сторону.

— Смерть ваша! — улыбаюсь, глядя на ошарашенные моськи — Что пришла по ваши души!

— А... — выронил четвертый в тот момент, что второй получил от меня похоронный в солнечное сплетение.

Кажется, удар усиленный силой, вышел слишком хорошо! А вернее — «браток» оказался слишком хлипким! И облевал меня кровью из глотки!

Пятый, так и не успевший войти в калитку оценил ситуацию наиболее верно — драпанул! Третий — застыл столбиком. Четвертый, кажется, чисто инстинктивно, пялясь на меня широко раскрытыми глазами и с открытым ртом, потянулся куда-то за пазуху. Он и стал моей следующей целью! Вернее — я взял на таран, ударом с плеча, третьего, откинув тело второго так же в сторону, как до этого сделал с четвертым, и уже его тушей приложил бедолагу спиной об железный столб — не «вписались» малость в габариты!

— ААА! — разнесся по округе вопль бедолаги.

— Слабаки! — сплюнул я, «посчитав ребра» передо мной стоящего, и желавшего меня приложить по спине человека стоящего, и глядя на стонущего об столб ударившегося.

Легонький, действительно легонький! Ударов кирзового сапога в основание черепа, и «мученик», орущий как настоящая истеричка! Уже в нокдауне — и вроде живой! Пульс есть!

— Эй, вы чего тут?! — ввалился в проход двухметровый верзила, что в калитку войдет только боком, и то не факт.

И тут же вышел от бесчестного удара «по яйцам»! А следом вышел и я, и дополнил симфонию боли ударом в кадык снизу вверх — блага клиент сам нагнулся! Ну и по легким двоечку, чтоб совсем уж сбить дыхание бедняги.

Отскочил назад пропуская свист биты между собой и падающим бугаем, и сделав шаг — тупо встал на спорт инвентарь.

— Привет! — и удар человеку в «спортивке» точно между глаз, что он аж битую отпустил!

— Ааа! — боевой клич еще одного с аналогичным оружием из категории «лом», повторный уход от удара тупо шагом в бок, но в ответ ему пришлось нанести уже удар по печени, а не переносице. Затем по почкам — сам подставил! И еще коленом в брюхо! Я вообще не виноват! Оно само просилось! Удар по уху тому, что получил между глаз, а то он че-то еще не падает, и...

— «Бах!» — донеслось откуда-то со стороны припаркованных чуть в стороне от дома машин.

И я повернул голову на звук, с кажущейся мне невероятно медленной скоростью.

— «Бах!» — вновь повторилось всё оттуда же.

И моё настроение как-то резко подпортилось, хоть и совсем не было веселым.

— Стрелять научись, придурок! С пяти метров не попадаешь в стоячую мишень! — не удержался я от сарказма, глядя на этого идиота с ПМ-ом.

— «Буф!» — донеслось приглушенное из дома, и от машины пошел уже отборный русский мат.

Батя в здании! И он не мажет! Столь топорно как эти двое с пистолетами, или я, что уже становится даже не смешно. А ведь у папки в руках непослушный «Калаш»! Да без оптики, с одной плашкой... и расстояние, и... у...

Так, а сколько всего было бандитов? — посетила мою тупую голову вполне умная мысль, глядя как еще двое бегут куда-то прочь от «тачек», а тот, что по умнее — в одной из них, заводит двигатель. Мне же ведь их потом по всему городу отлавливать! И за его приделами! И даже, из милицейского участка!

Так; первую очередь — того что за рулем! Локтем выбиваю стекло, тут же отбираю незаряженный и стоящий на предохранителе пистолет, которым в меня хотели тыкнуть, и еще через миг, и по прошествии пары ударов куда-то в район лба и уха — отправляю умудренного сединой бандита в нокдаун. Или он при мне тут поседел?

Безуспешная попытка заткнуть «подранков» — безуспешная! Они на адреналине, орут, катаются и матерятся, придерживая простреленные руки. Но хотя бы стволы у них удалось отобрать! И бег в кусты!

По дороге замечаю, что за машинами еще кто-то спрятался, оглядываюсь — болезненно получаю в лоб! Еле сдерживаю, чтобы не начать материться как все тут, а просто слегка избив, оставляю парня лежать где и сидел с изуродованным лицом.

В кустах — врубаю режим ищейки! По запаху пота и страха понимаю — цели явно стажировались у зайцев! И мне на них реально придется охотиться как на дичь в условиях смешанной местности — села и леса. Сморкаюсь, и набираю ход, для удобства передвижения среди веток переходя на бег на четвереньках.

— ррААА!

— Первый есть! — шепчу на ушко вдавленному в землю мужику, и практически пощечиной по маковке отправляю в царство снов.

Надо бы веревкой разжиться — а то так и поубивать этих молокососов недолго!

— Что за... — успевает выкрикнуть еще один, прежде чем упасть прямо в грязь посреди соседней, через лесок, улице еще один, когда пущенная мной в полет сухая ветка догнала его ноги.

— Не, ну это уже слишком! — смотрю на вторую такую же в левой руке, понимая, что

попадание таким по затылку равносильно выстрелу из пистолета!

И пускаю деревяшку в спину — слышится хруст, и я невольно морщусь — ребра сломал точно!

Следующие двое, оказались умнее — они ввалились к кому-то в дом, решив взять заложники. Вернее — они отчего-то решили, что в принципе за ними никто не гонится! Но зачем-то спрятались в доме у бабуся.

— Прости бабуся, но я разбил ваш горшок. Хм, ночной. Ум, чугунный.

— Нечего милок, он все равно был старым и тяжелым — выдавила бабка, так и не отойдя от шока, смотря на все происходящее, как на плод своего престарелого воображения.

Хм, а последняя парочка то решила вернуться! Надеюсь батя с ними справится...

— «Бах!»

Ну да — одному ногу прострелил, второму так... прикладом.

— Дочка... — побелел папаша вмиг, хотя и так негром не был! Стоило ему только меня увидеть.

— А! Не парься! — выковырял я... резиновый шарик у себя из лба — Фигня!

— Не хрена себе... фигня... — кажется, еще сильнее побелел родитель, а утырок под его сапогом не вовремя завозился — батя явно решит его добить.

— Мелочи жизни, заживёт! — как можно более беззаботно проговорил я, махнув ручкой для пущей убедительности — Лучше скажи — что дальше-то делать будем?

— Дальше... — все же сумев оторвать взгляд от моего изуродованного лба, где резиновая пуля умудрилась раскрошить мой череп, отче сглотнул слюну, и, побольнее надавив меж лопаток клиенту сапогом, достал телефон — Тебе домой бежать, а я уже позвонил.

Как видно достал, чтобы время узнать, так как сразу же его убрал обратно во внутренний карман.

— Тебя тут не было! Ни здесь, ни вообще! Ты простая школьница, и вообще!.. — и зачем-то вновь достал телефон — Дома была... Живо! Испарилась из этого квартала!

Я закусил губу, и решил — что лучше мне сейчас реально испарится! И втягивая обратно проступившею на лбу кровь, ломанулся в сторону города напрямки через лес, слыша вдалеке, многоголосый вой милицейских сирен. Папка точно вызвал много и это — надолго.

— Саша? Ты что так рано? — поинтересовалась мамка, выглядывая с кухни с руками и фартуке в муке — И где папа?

— Да, так получилось. — буркнул я в ответ, проскальзывая побыстрее в ванную, дабы на всякий случай лишний раз проверить себя и одежду на наличие пороха и крови, или любых иных следов прошедшей битвы — А вот папа наоборот будет поздно — он там старых приятелей встретил... — добавил, высунув из-за двери одну лишь голову, пусть и в кепке.

— А! Понятно... — как-то обреченно-смирненно проговорила мать, и решила вернуться к готовке, скрывшись обратно «в глубинах» кухни.

Ненадолго — из комнаты подал голос Ванька, решив привлечь внимание «свежей жертвы».

— Цыц! — проскользнул я к нему нагишом, в кепке! Вперед одетой матери, и парнишка с испуга закусил беззубым ртом собственный палец.

Хотел вновь разораться, уже по этому, реально весомому, по его мнению, поводу, но глядя в мои суровые глаза — передумал. А мой голый зад, при залегании обратно в ванную,

получил от матери пыльным полотенцем.

— Иш! — только и смогла выдавить из себя женщина, на мои поистине странные передвижение по квартире... в кепке! Для прикрытия дыры во лбу!

И полотенце не пыльное! А в муке! А на одежде все же нашлась капелька крови, причем — на отвороте ворота куртки. Как она?.. А! Это когда я того стрелка дубасил! Надо быть втрое осторожнее в будущем, и в четверо более сдержанным. А желательно — вообще более не попадать в такие ситуации! Когда надо бить кучу народа, но при этом... Не шуметь? Ха-ха.

Батя вернулся поздним вечером, следующего дня. Мать к этому времени естественно уже вовсю паниковала! Несмотря на то, что днем звонила и голос отца слышала — отец сказал, — «потом» и «занят» — целых два слова! Что я успокаивал... Не спала — в полдвенадцатого ночи! И мне, естественно — не давала!

Нашла сто причин, чтобы я хоть чем-то, да занялся. И миллион дел, что вот ну срочно надо сделать! Ну и естественно, озаботилась тем, что бы я хоть что-то из этого делал — мыл посуду, шкафы, пол... да и сама без дела не сидела — телевизор... Помыть! Белье в ночи — посушить!.. И единственный, кто все это время «бесспорно важных дел», небось во всем доме разом, тихо мирно спал — Ванька! Этаким хитрец — нуля лет!

Батяка прибыл в дом хмурым и усталым — видать досталось ему там за меня! Ну и за себя вполне возможно тоже. И естественно, сразу завалился спать, отложив все расспросы «на потом». А вот уже с утра:

— Иди дочка, погуляй... — подмигнув мне зачем то, так ничего и не объяснив толком, банально выгнал из квартиры!

Я в прочем — не против! За вчерашний день я из разминки только бегал! Просто так, без утяжелителей и всего эдакого прочего. И измученное адскими тренировками тело — требует нагрузку! А иначе... у меня уже, за один жалкий день!.. Начали стонать кости, и «нудеть» мышцы.

— Надо найти что потяжелее, чтобы натянуть себе на плечи — пробормотал я, скидывая со спины увесистый валун.

Чтоб не падало, и... Не столь сильно привлекало внимание — углядел я чьи-то ноги, находясь в позиции «упор лежа» и подняв глаза, увидел двух дам пенсионного возраста. Что, сделав вид, будь то они графини, а я их тут до гроба оскорбил, вздёрнув свои сморённые клюки-носы, степенно удалились. Прекратив меня, внаглую разглядывать!

— И что это было? — сел я попой на песок, задрал голову к безоблачному небу чеша затылок.

И вернув взгляд обратно к домам, углядел в пространстве между ними, уголок здания школы. Спорт школы! Где я в, уже теперь весьма далёком, две тысячи втором, учился эффектному спорту, крутясь на турникетах. И где теперь... Что? Детсад на лямках? «Заброшка»? Выглядит здание, как ни посмотри, еще более убого, хоть и раньше не блистало. Или все же... новые надежды? Но все-же...

— Жалко их.

Тех двух тёток, что положили столь много сил, в надежде на моё светлое будущее! В надежде на золотые медали, и олимпийскую сборную! В надежде на... Мировой успех моей персоны.

Впрочем — всех не пожалеешь, всем не угодишь. — подумал, и встал с земли, отряхнул

от неё свой зад, и побрел в сторону виднеющегося вдали здания.

— Александра?! Это ты?

— Совсем не изменилась. — узнали меня с порога бабки.

После того как я уже минут десять отстоял в сторонке, наблюдая за занятиями «нового поколения» — малолеток лет семи! Что, судя по преёскуранту, занимаются тут сугубо на платной основе и, судя по самим занятием, в стили «отвали!». В смысле — никаких нагрузок! Делали это исключительно «для понта», а никак не для медалей.

— Какими судьбами в наших краях? — Нина Сергеевна.

— А нет, изменилась — заостенела! — приступила к моему более детальному осмотру Анна Петровна.

Начав в наглуую ощупывать чуть ли не все мышцы тела, забив свою жиденскую группу о пяти «балерин».

— Что, все настолько плохо?

— Ужасно... — сказала одна бабка другой, взяв за предмет изучения мою правую руку, что больше похожа на кусок дерева или железа, чем на живую плоть, игнорируя меня самого!

— Как ты могла себя так запустить?!

О! А вот это уже ко мне самому! А то я думал, что им кажется, что тут просто насрано...

— Ну... — сделала я задумчивое лицо — так получилось. Никакого спорта, ни...

— КАК?! — офигели старушки, аж подпрыгнув на месте, о чем тут же пожалели, с беззвучным стоном хватаясь за спины.

— КАК?! — хором проорали они мне прямо в лицо, так что весь «класс» не просто «услышал», сквозь музыку магнитофона, и прекратив свои занятия, озадаченной уставившись в нашу сторону.

— Ну, мать... — сказал я, глядя на класс, и тут увидел, что предо мной два носорога в теле старушек! А не пенсионного возраста тренера, бывшие в далёких восьмидесятых мировыми знаменитостями — вдруг стала против спорта...

— ЧТО!?! — выкрик сотряс здание, а меня оглушило, как от выстрела над ухом — СРОЧНО! — переглянулись бабки — Собираемся и идем! Нельзя что бы такой талант вот так пропал!

И покивав каким-то своим мыслям, забыв о спине, метнулись к тренерской комнатке. А я, видя как они в солдатском темпе передвигаются буквально на бегу, и проковыряв пробки в ушах, решил выдавить из себя хоть какой-то контраргумент:

— А как же класс?

— Класс?! Класссс... девочки! Занятия на сегодня окончены! Можете идти по домам. С... Света! Вот ключи — закрой и вечером занесешь.

— Хорошо — пискнула светловолосая девчонка в пачке для балета, и «утанцевала» в передевалку для «студентов».

А я понял — пса взявшего след может остановить только пуля!

— А мамка то дома? — прорезалась-таки зерно разума сквозь инстинкты уже у входной двери, к которой меня под ручки, как под конвоем! Подвели.

— Вы же вроде продавать квартиру собирались?

— И в Москву ехать.

— Так...

— Эх... — вздохнул я, и решил — что вот он! Мой звездный час! Пора рассказать мою

историю, и сбросить бульдогов со своего следа!

Избавится от неожиданной навязанности двух преклонного возраста мадам, что похоже решили, что я статуя в их собственности. От конвоя, охраны, стражи! И выйти наконец «на оперативный простор»! И...

И тут входная дверь в спортзал отворилась, и на пороге обнаружился...

И... На пороге обнаружился... Ванька! В коляске, с мамой «за рулем».

— Саша? Ты что это тут делаешь?

— Мама? А ты... — раскрыл было я рот, но меня перебили:

— Любушка! А мы как раз к вам! — проворковал Анна Петровна, кисельным голоском, словно свежую сметану, из банки налила.

Железной хваткой, в меру своих старческих сил, конечно, держа мою левую руку в почти-что болевом захвате, чтоб ненароком не сбежал! Если дернусь — точно попробует руку вывернуть!

— Ко мне? — удивилась мать, все так же стоя по ту сторону двери, с коляской, застрявшей в проходе.

— К вам, дорогая, к вам, — проворковала не менее сладко вторая старушка, с неохотой отпуская мою правую руку — проходите, чего же вы так встали? Проходите, чаю попьете...

— Ой! Да и правда! — спохватилась моя родительница, начав проталкивать коляску вглубь помещения — А я ведь собственно для того к вам и шла! Узнать, как вы тут жизнь-живете, да поживаете — оглядела она зал со всеми его атрибутами, что за прошедшие годы так никак и не изменился, словно застывший во времени — Чем заняты, да чем город дышит...

Понятно — собрать сплетни! И вторая бабка отлипла от меня, ускакав в тренерскую за чаем и чайником, по пути полюбовавшись «первыми ласточками», теми девочками, что могли бы сдать армейский норматив! И уже переоделись, пусть и не торопятся сваливать — ждут товарок, чтобы клином «полететь».

— Ой, какие красивые девочки! — заметила мать тех, что еще и не начали раздеваться, все так же пребывая в каком-то странном подобии облегченной балетной пачки, что и не понятно — это секция балета, или все же гимнастики?! — Это новая группа, да? У вас теперь и балет здесь, да? — и глаза матери недобро, для меня, заблестели.

— А? — заметила Анна, помогавшая вкатить коляску, куда любовь смотри — А... — и отмахнулась, как от чего-то несущественного.

Потом что-то прошептала на самое ушко матери, что я бы мог в принципе расслышать, если б попытался... Но я напротив нарочно не стал этого делать, начав тихонько мурлыкать себе под нос песенку «а я зеленый гном, гном, гном...» — нафиг мне нужны эти «женские секретки»!?

— На! — всунула мне в руки какую-то непонятную тряпку Нина Сергеевна, держа в другой руке полный воды чайник вместе с подставкой — Иди пока растяжку обнови.

Так, понятно — я опять тут «не удел»! Бабки берут мамку в оборот, а я — буду их манипуляциям лишь мешать! Ясно, ясно — от меня опять ничего не зависит! А тряпка... спортивный купальник с чужого плеча. Вы...

Взбрыкнуть? Боднуть? Устроить истерику? Разложить по аргументам... Не, это равносильно предыдущему! Значит — вздохнуть.

— Эх...

И идти передеваться — как раз основная часть мелких пигалиц упорхнула на выход. Осталась разве что парочка отщепенек, в спешке стягивающие шмотки, чтобы натянуть другие. Да Светка, нетерпеливо ждущая у входа запоздалых птах, скрестив руки на груди и

постукивая ножкой.

А нет, дошло, что бабки-тренерши никуда валить не собираются, и она вернула им ключи, с визгом удалившись прочь.

— Какая хорошенькая! — проговорила мать.

— Ишь, блин! — проговорила в ответ тренер, забравшая ключи, неодобрительно глядя вслед убежавшей — Второе дыхание прорезалось! — и кивком головы указала мне «свалить».

— Эх — еще раз вздохнул я, и «слегка» напугав запоздавших «синичек» своей огромной, в их представлении, тушей.

А то они тут расслабились! «Клювики» — по раскрывали! Решили, что раз «старшая» свалила, то можно и не спешить! Не «рвать когти», как попало одеваясь... А степенно, размеренно... Ничего не делать, щебетать!.. Фиг! Я пришел!

— Свалили, мелкие!

Намек от вдвое превосходящей туши поняли, манатки в руки — и бежать!

— Га-га-га-га! — можно и сартистически поржать.

Однако, даже переодевшись, выходить обратно в зал, где беседует высокое начальство — как-бы не стремлюсь. Нафиг надо? А беседа тем временем перешла в высокие тона:

— Да как вы не понимаете! У меня одна дочь! — прокричала «на всю ивановскую» — мать, придавая задержавшимся девчонкам дополнительный стимул более не быть таковыми, и лететь еще быстрее, на ходу впрыгивая в колготки.

— У всех одна! — ловко парировала тренер Аня в ответ, не жалея ехидства словам — А у кого не одна, так думаете, что, легче?! Как сейчас молодеешь говорит, «если что — есть запаска»?! Не-е-эт, дорогая! Так никто не судит!

— Да она же, только после операции! Она вон, в больницу каждый день ходит! Ездит! Её даже до больницы отец возит!

— Николай Алексеевич? — словно проснулась Нина Сергеевна, явно заинтересовавшись услышанным.

И в её голосе я заметил странные... Теплые чувства. Че это за... не, не любовь... Тогда что? Материнские чувства? Хм...

— Операция говоришь, — словно-бы пожевала эти слова Анна — но мы её всю осмотрели и никаких...

— Боже, так это же не на руках с ногами операция-то была! — понизила голос мать, словно бы поняв, что говорит с малыми детьми.

Неразумными, бездумными...

— На брюшной полости — вновь подала голос Нина, выйдя из задумчивости — Но надо отдать должное врачам — повреждение мышечной ткани минимально, и уже через год, в худшем случае — полтора, от подобной травмы не останется и намека! Не переживай, родная, и не из таких передряг вытаскивали! Она еще и золото возьмет, если постарается!

— Да что вы знаете!.. — «махнула рукой» мать, и разговор продолжился, но уже без крика, обычным голосом, за чашкой чая.

Я посмотрел на свой живот, оттянув купальник — и где они тут что ущупали?! Вот это вот — нащупал под кожей складку шовчика, словно оставшийся под кожей кусок провода от чайника — эта... фигня? Серьёзно? Да это-ж... фигня? Интересно — кто победит в этой битве умов? — тихонько выглянул из-за угла, взглянув на чаепитие прямо посреди спортзала, на матах и скамье с козлом — я ставлю на бабок — их две! А мать одна, пусть и

упертая, ей не спастись от наезда с двух сторон!

— А вот и я! — с грохотом распахнулась дверь в спортзал, пропуская внутрь некую... Атлетичную, толстую тетку?! В «вырвиглазном» спортивном костюме... — Анна Петровна, Надежда Сергеевна... что-ж вы не сказали, что у вас гости... Да еще и — «у-ти пути»...

Ой, не завидую я самой последней девице, что решила зашнуровать ботинок! Её сейчас... В прочем — сама виновата! Нефиг было ушами работать! Кхм!

Так, ясно — бабки в тихую подтянули «тяжелую артиллерию»! Что-то я сильно сомневаюсь, что бы эта мадам... Пришла сюда именно сейчас «просто — чисто случайно». В театральном она точно не училась! Её игра в неожиданный — «вот это поворот» — убога!

— Да вы что! Такой талант пропадает!

А это вообще достойно фейспалма!

Но когда в след за «жиро-фитнес — в розовом» к «трио наездниц», на одну мать, присоединились еще четыре тетки разного возраста... Я понял, что одним «арт-огнем» мои бывшие, а надолго ли, тренерши не ограничились. Тут и диверсии, и танки, и...

— А вот мы сейчас позвоним нашей зав-детским отделением больницы... Она, как-бы опытный хирург! И все нам скажет...

И даже «авиация» с «тактическим ядерным»!

— Да всё, хватит! — но мать оказалась непреступной, как глубоко эшелонированная оборона, с кучей хорошо укрепленных бункеров, с полной автономией — Саша! Саша!

— Я! — вышел я из переодевалки, уже успев переодеться обратно.

— Пошли домой! — толкнула мать впереди себя коляску — Пока эти, — обвела суровым взглядом притихшую толпу «моральной атаки» — тебя тут совсем, не изуродовали.

Ну, моё дело маленькое! Коляску в руки, и на выход! В смысле выкатывать коляску к двери, ждать, когда мать откроет...

— Пойдите!..

Ждать, пока незаконченный разговор все же завершится... В принципе, я бы мог все решить и своим словом! «Уперется рогом», «встать в позу», просто выдать резкое и категоричное... Но зачем?! Мне было банально интересно, чем же кончится эта война! Да! Судя по глазам теток — это именно она! И пусть, несмотря на все свое огромное превосходство как в численности, так и в вооружении, эту битву они проиграли, сдаваться, и капитулировать — не намерены! А значит — будет и «акт второй».

Интересно, какой стратегический ход они предпримут при втором заходе? — подумал я отрешённо, толкая коляску впереди себя, и старательно игнорируя все словесно-эмоциональные возмущения маман, что она на меня изливает прямо на ходу, не забывая обильно жестикулировать:

— Да ты только подумай!

— Да-да...

Главное вовремя «дадакать»!

— Саш, ты меня вообще слушаешь? Я с кем вообще разговариваю, а?

Упс. Прошляпил! Пришлось внимательно смотреть на бедную женщину, лицом отражающим саму невинность...

— Эх...

Подействовало! Так, надо запомнить. И, наверное, решить — на чьей я все же стороне, ведь третьего акта точно не будет — не столь я большая птица, чтобы ради меня столько биться!

— Саш привет, привет дорогая, где вы так долго были? — поприветствовал нас отец, помогая вкатить коляску вовнутрь квартиры.

Видимо он, все это время мирно спал — выглядит слегка посвежевшим! Не таким, как был утром, не говоря уже об вечере.

— Дорогой, представляешь... — начала мать «катать по ушам», стоило им обменяться поцелуями, и батька с надеждой взглянул на меня.

Вас понял, командир!

— Пап, я тут в учебнике видела одну интересную задачку, по физике — с укором взглянул на мать, что уже открыла рот для выражения желания самой помочь — Но никак не могу понять, как же она решается? Ты не поможешь?

— Конечно родная, показывай.

Прошли в комнату — мать увязалась следом — так не «канают»!

— Мам, а я кушать хочу!

Минутная загрузка...

— Ой! — спохватилась она и упорхнула на кухню — И правда, что же-то я! Семья есть хочет, а я...

— Ну и где эта задачка? — лукаво усмехнулся батька.

— Лучше скажи, чем позавчера там дело кончилось? — улыбка с отцова лица сползла как рисунок акварелью под дождем.

— Ну... — протянул он, и подобрал себя из «разлитого состояния», обретя серьезность и даже резкость, став похожим больше на статую, чем на человека — Ничем хорошим это не кончилось, и кончится не могло. Низкое начальство было сильно недовольно, но заткнула своё мнение под давление высокого. Высокое просто недовольно, и жаждет крови и перемен. Их не устраивает текущая дыра в бюджете без достойной оплаты, или хотя бы его призрака на горизонте. Эх, — вздохнул отец, опустив взгляд и помотав головой — Каникулы скоро кончатся.

Ясно. Ментов и прочих — заткнули и приказали самим разбираться, нас не впутывая. Однако за такое решение с нас требуют хоть каких-то результатов, а не «ну, вот, она научилась стрелять...». Скоро для меня найдут «достойное» занятие за стенами родимого дома, и на самом деле будет печально, если им окажется клиника и опыты. Пусть отцу, и матери, это и не понравится, но уж лучше быть убийцей, чем куском мяса в банке!

И я уже собрался озвучить свою позицию отцу, но ты в комнату зашла мать.

— Так вот как это решается! — воскликнул я, держа в руках открытый мгновением назад на произвольной странице учебник физики за десятый класс.

— Саш, ты не поможешь с картошкой?

— Иду! — воскликнул я, захлопнув книгу, хм, за одиннадцатый класс! И поплелся на кухню.

— У тебя всегда это хорошо выходит!

Ага, опыт — усмехнулся я, и заметил, как взглянувшего на меня отца, атаковал табун мурашек. С чего бы это?

— Ты представляешь, нашу дочку — вновь вернулась к теме мать, начав излив души отцу, на него не глядя, готовкой поглощенной — еще даже не до конца оправившиеся от операции! Тут уже хотели затянуть в этот ад! В эту... Спортшколу!!!

Последние слова, она словно выплюнула. Я даже отвлекся от картофана, решив проверить — не плавают-ли чего лишнего в будущем супе?

— В спорт, куда? — переспросил отец, оторвав наконец взгляд от моего ножа.

— Школу — оглянулась на него мать — Да я же рассказывала! Да ты сам помнишь, ведь! Гимнастика.

— Ну да. — Похлопал глазами батяня, до сих пор «невкуривая» о чем речь — И?

— Ну так её опять хотели затащить в эту смертоубийственную секту! Полоумные бабки!..

Мать вернулась к готовке, продолжая поливать старушек как могла, а отец вернул взгляд на меня. Вновь залип на ноже, чем уже даже стал меня подбешивать, но все же оторвался и осмотрел все тело.

— И? В чем проблема то? — невпопад вставил в её речь, что мать аж «зависла».

И я тоже, если — честно!

— То есть как — " чем проблема«?! Я ту, понимаешь-ли...

— «Бряк» — бросила ложку, в сковороду, и резко развернулась к отцу — мать.

— Ты что!

— Нет, ну правда, что такого? Спорт как спорт, ты ж вот в детстве вообще балетом увлекалась! — мать от возмущения на такой наезд аж-задохнулась, и так и не смогла хоть что-то ответить — слишком многое наружу просилось!

— Я... Тоже «не безгрешен» по юности. Да и вообще — врачи говорят, ей сейчас полезна умеренная нагрузка.

— Умеренная!

— Ну так, а это какая? Это ж не марафон!

— Да ты...

— В конце концов, всегда можно проконсультироваться с врачами! Да и какой смысл зарывания таланта в землю?

Так. Кажется, мне пора от сюда по-тихому «утекать»! Ибо сейчас начнется тот самый «акт второй». Пусть не по графику. А мне... надо проверить Ваньку! Во! А картошку я уже начистил.

— Саша?! Ты куда?! — окрикнула меня мать, на низком старте в коридоре — Ну скажи хоть ты своё мнение!

О! Вы хотите знать моё мнение?! Нет, серьёзно, да? Хотите, правда?.. Нет, не хотите — да... У вас же все на лице написано — «выбери кого ты больше любишь»...

— Я была против гимнастики, — сделал паузу я в своем ответе, и мать одобрительно покивала, с укором глядя на отца «вот видишь!».

И как бы уже на меня ручку положила, типо «иди давай, не мешай! Ты своё мнение высказала». Но — фиг! Нифига я не высказал! Только начал!

— Когда ты, мам, меня туда силком меня притащила. — мать заподозрила неладное, и уверенность в её взгляде пропала, а рука на плече надавила сильнее — Была против, когда ты уговаривала тренеров меня туда взять. Была против трат и вообще всей этой бессмысленной затеи! — рука матери уже фактически в открытую меня выпроваживает, а сама она глазами так и говорит отцу «ну дети! Что с них возьмешь, да?».

— Однако потом я втянулась — продолжил я, говоря это уже скорее не родительнице, а её мужу — Стала получать... Удовольствие от процесса. От занятий, от выступлений, от наград и побед. Пока ты, мам — вновь взгляд на мать, теперь уже сам смотря на неё с большим укором, что даже неё, проняло, и она перестала пытаться меня выгнать и смотреть как на кусок г... выгребной ямы! — не лишила меня этого удовольствия! Знаешь, как было

тяжело, мам? Все тело ломило и болело от резко пропавшей нагрузки! — изобразил я как оно «болело» и «ломило».

— Но... — как видимо достаточно убедительно изобразил!

— Нельзя столь резко убирать нагрузку! — скорчил серьёзную мордашу и скрестил руки на груди.

Мать в ответ приобняла меня, с видом «ну прости!», даже озвучила это! И явно постаралась перевести все в шутку, но я отстранился и продолжил:

— Я страдала от безделья, и в итоге вообще чуть не погиб! — взгляд на отца — И...

— Но я-же тебе предлагала кружок музыки! — перебила мать суровым тоном — Отличные занятия, утонченный вкус, и вообще — никаких опасностей!

— Нет! Я хочу гимнастику! — взглянул на мать, и на отца, который явно непросто так поднял эту тему, за место банального и классического «да-даканья» как обычно принято в нашей, да и не только нашей, семье — когда матери просто нужно выговориться!

А значит — у него есть какой-то план! И какая-то цель, и все это — уже точно не просто так по чьей-то прихоти.

Глава 26 — Гуляй, где хочешь

И битва эта была эпохальной!.. Пусть и на всю ночь. Особенно когда к отцу, и мне, на помощь пришли «старые друзья» — бабки! Они решили не откладывать «раунд два» в долгий ящик и приперлись к нам домой — не забыли, перечницы, за три прошедших года, где мы живем! Притащили с собой в усмерть пьяного врача... не то хирурга, не то терапевта, а может и педиатра с психологом разом! И коньяка, армянского, «многозвездочного», еще из «старых запасов», и... вшестером, мы все же уломали маму.

Правда пред этим делом была славная попойка — я не участвовал! Желание кое-кого — врача! Увидеть стриптиз малолетней нимфы — он просто желал меня осмотреть! Но из его уст... это звучала слишком... Похабно! Дебош... Батька отправил хирурга в нокдаун с тычка и тоже накатило. Песня «ой мороз, мороз»... И хрен знает, что еще! Я, уплыл спать еще на середине «мороза».

И проспал бы до самого утра! Если б не громогласное, на весь подъезд, заявление матери, предварительно привлечшей к себе внимание ударом кулака по столу, что я на кровати через стенку аж-подпрыгнул.

«Ладно, пусть занимается!»

И утру квартиру встретило «восстание мертвецов» — похмелье...

— Пиить!

— Пи-и-ить!

— Пииииить!

Ну и очередь в туалет... А вот отец, с утра пораньше, уже куда-то намылился. А ведь пил он ничуть не меньше прочих! А даже больше! Гораздо больше! И сейчас уже куда-то чешет. В сторону реки кажись — мне хорошо видна его персона из окна на кухне, пока бабки воют меж собой за кран рукомойника, а мама — забаррикадировалась в туалете.

Идет, словно зомби! Ну, хотя бы целеустремлённое. И даже не качается! Надо бы... а, нет, там, посреди коридора все также лежит «хирург»! Тогда через окно! Бабкам — явно не до меня.

Прыг! И вот уже на земле. Полминуты — и догнал папку.

— Каков план? — была мысль его напугать, но я нарочно сбавил ход, и начал шлепать тапками, аки лапами, за пару метров до цели.

Бедняга итак уже седой!

— План? — задумчиво взглянул он на меня, продолжая идти словно робот.

Потом словно проснулся, остановился, взглянул на спрятавшийся среди жидкой кроны дом, нашел глазами открытое настежь окно в квартиру, вновь взглянул на меня — я спешно спрятал руки за спину. На них отпечатался асфальт дорожки подле дома! Так себе вышло приземление, но в принципе — насрать!

— План... Сейчас я иду на встречу, а ты — ткнул он мне пальцем в грудь — идешь домой и поступаешь в полное распоряжение тех... Бодрых бабок. Как их там?

— Нина и Анна... Сергеевна и Петрова — поправился я, видя, как батька нахмурился, в ответ на моё неуважение к старшим — Корабельникова и Победова.

— Эх. В общем — делаешь все, что они тебе говорят. Занимаешься, тренируешься, и т. д.

— Но... зачем? — не понял я, и попытался соорудить глазки понаивнее — полезное искусство! Надо тренировать!

— Зачем, зачем... позже объясню! Надо так! — отмахнулся он, и пошел дальше «по своим делам», а я вдруг вспомнил — Ванька!

Я же в семье один трезвым, и не страдающим от похмелья с перегаром, остался! И мне теперь... До окошка обратно ползти!

Та еще задача! — задрал я голову вверх, стоя у стены без особых выступов или впадин, ровная, как лысина комвзвода... Неудобная, как чистое поле. Проще как бы через дверь! Ведь не съедят же меня там, в самом то деле?!

Нет, не съедят. Но отправят в зал разминаться сразу же, как опознают. А Ванька? Без тебя накормим, помоем! А то сейчас твоя мамка как выйдет...

Как оказалось, договоренность с родительницей была почти патовая! Я-то спал, не слышал! А она, мама моя, нагородила там условий... У!.. Никаких опасностей! Высоты, или странных приспособлений! Только маты! И ленточки. Что, в принципе, всех устроило, кроме меня! Если бы не финальный аккорд: «и я должна присутствовать на всех занятиях! А-то как иначе я пойму, что вы меня не обманываете?». Что как бы... Нехило связывает руки уже «раскатавших губу» — бабусям.

— У, плохо!

— У... погано!

Я прекратил делать уже вторую по счету разминку и, распрямившись, сурово посмотрел на ворчливых «перечниц».

— Что плохо-то? Что — погано? Объясните по существу, пожалуйста!

Бабки переглянулись, и выдали «на-гора»:

— А ты на шпагат попробуй сесть! На твой любимый, как тогда, когда ты к нам только пришла!

— Да или уж на обычный, хотя-бы! — усмехнулась бабка, когда я попробовал почесать себе ухо, своей-же пяткой, и что-то, как-то не вышло.

И это попробовал, и — ни хрена! Аж сам немного офигел! Не то, что бы все совсем плохо, но вот просто взять и опустится на пол там же, где и сидел — не получилось. А раньше-то это было просто «вупер-легко»! А уж если попытаться «просто встать» из позиции «почти шпагат»... Н-да, реально ведь всё плохо! И что вообще тогда бабки во мне такого, выдающегося, увидели, с такими-то данными?

— Прыгни!

Ну я и прыгнул.

— Выше!

Прыгнул. С места вверх, взыв свечкой почти на два метра — лишнего веса-то на теле нет! Собственная масса — невелика, а силы — о-го-го! Вагон и брелочек от БелАЗа!

— Еще! Сделай сальто!

И это не вопрос! Прыгнул, кувыркнулся через голову...

— «Хрусть!»

— Ау... — упал бревнышком на маты, после того, как их, маты, чисто случайно, задела моя шея.

— Саша!

— Саш, ты как?! — подлетели ко мне побледневшие, и окончательно поседевшие бабки, а я взглянул на все так же спокойно катающую взад-вперед коляску мать, продолжающую почти спокойно сидеть на лавочке у стеночки.

Хорошо, что для неё, моей падение, почти-что равносильно падению с движущегося велика! «Ну да, коленочку раздерет, зато уму разуму научится! И не будет больше пререкаться с матерью!» — примерно это вот и читается на её, далеком от довольного — лице.

Мой шейный позвонок, выскочивший наружу, с ней не согласится! Все же приземлился я супер неудачно — прямо на башку! Пусть и на маты — но с двух метров, блин! И с инерцией вращения! Что и привела к таким, хм, печальному последствию.

— «Хрусть!»

— Аррх! Хорошо! Продолжим? — поинтересовался я, у всё также мертвецки бледных бабок, как ни в чем небывало, вставив вылетевшее обратно — пальцами.

И вновь украдкой взглянул на мать. Иногда незнание — благодать!

— Пожалуй, на сегодня хватит. — произнесла Анна Петровна, переглянувшись с товаркой.

— И... Завтра наверное тоже, отдохни.

Так... Кажется, они уже жалеют, о своем решение меня к себе привлечь! И о коньяке! Потраченном на это дело.

— Нет! Нет! Нет! — замахал руками я — Давайте продолжим! Без нагрузок, общие упражнения! Будем возвращать форму! Это не опасно, — опять взглянул я, на вдруг чем-то обеспокоившуюся маму, на которую тут же взглянули и тренеры — и вообще полезно!

А! Вот чем мать обеспокоена! Турник углядела! Это уже на фобию тянет, честно слово! А мои тренерши теперь серьёзно пугаются, когда я хоть чуть-чуть отрываю ноги от земли... Ну невиноват я, маты... Непривычные! И на них прыжки... несколько иначе выходят, чем тоже, но на земле! И вообще! Хотя голова все же реально немного кружится...

— И это... — взглянул я на свои руки, в браслетиках с песком — Этих штук мне явно маловато.

Привык все-же... Батька, ты монстр! Приучил меня, к двойному весу! Сын ты сутулой собаки... И я — твой отпрыск. Да здравствуют трудовые будни! Правда здравствовать они мне не дадут. Бабки, как-то подозрительно быстро привыкли к... Смертельным травмам! К тому, что я себе постоянно что-нибудь рву-ломаю с непривычки, и чаще всего — из-за собственной избыточной силы. К тому... Что я бессмертный?

Уже на следующий день! Перестав обращать внимание, на такую «банальность» как вывихи и растяжения. А через день! Реагировать на рвущуюся связки, и обломы спины, шеи и чего бы то ни было.

Что с ними случилось? Ума ни приложу! Но стали они меня гонять как «сидорову козу»! И в хвост, и под хвост! Сломал, бедняга, руку? Надень шину, и вперед! Ножку потянул? И что? Это разве повод останавливаться, а? А ну вперед!

— Нимогу!..

— Живо! Через «нимогу» давай!

Пздц! Они же небыли такими! Никогда! Ни с кем! Что с ними случилось? Еще и батя припер мне новые браслеты на ноги и на ноги — чугунные! Одиннадцать кило на каждый. Я с этими игрушками, и ходить то нормально не могу! А они...

— Выше! Быстрее! Сильнее!

Издеваются!

— Вы хоть убейте, а я с этими штуками — приподнял я свою ручку, с трудом оторвав от мата, на котором распластался причудливой «морской звездой» — И не встану! Фсе! — и

решил слово держать, окончательно «растекшись» по поверхности.

Пришлось бате браслетики-то — менять. Не, ну десять килограмм, это реально черезчур! А уж одиннадцать... как ему вообще могла прийти такая мысль в голову!?!? Вот четыре, на ноги, и по два на руки — само то! Я их практически и не чувствую, но нагрузку они дают достойную!

— С этим — можно и позаниматься! — потер я новые «кандалы» и улыбнулся.

Правда тут же погрузился: в обмен на снижение веса, батя, приказал — а иначе это и не назовешь — ходить в этих фиговых круглосуточно и даже в душ.

— «бряк».

Нда, плавать мне с ними не светит — криво улыбнулся я, видя сколь охотно мои рученьки-ручонки прилипают ко дну ванной.

И ведь при всем при этом, при всех этих адовых нагрузках, непосильных для нормального, здорового человека — мать, сидящая здесь же в зале большую часть времени, и наблюдающая за нами «в оба глаза»... Сидит — наблюдает!.. Да, не с сильно-то довольным лицом, но просто наблюдает! Ей как будто то — невдомёк! Хотя ведь тоже, когда-то спортом, по словам отца, серьёзно занималась! Забыл, что ли? Или что? Разве что когда я на канат полез — «включила пожарную сирену»!

— Куда!?! Ты что?! Совсем уже, что ли! Тебе нельзя! У тебя операция! Швы разойдутся!

Ага! И жалко её... Но объяснять, напоминать, то время, когда она сама была ребенком — я не решился. Ни кто не решился! Счастлива мать, живя в неведенье!

На счастье, её хватило только на две недели наблюдений. Убедившись, что к опасным вещам приближаться я не намерен, а «Анечка с Ниночкой» — её предавать, она оставила меня под опеку уважаемых персон, перестав надоедать нам «дамокловым мечом» своего наблюдения. А потом...

Я думал сдохну...

Зато припер домой кота! Изучать кошачью грацию. Надоело получать по рукам и ногам деревянной палкой! При том, что даже батенька, забредший ко мне на тренировку еще разок, почти случайно, ага, выразил свое «беспорно важное» «фи», о моих хореографических навыках.

— Это ЧТО?! — увидела мать кота, да, именно кота — не кошку — в моих руках, у себя на кухне.

— Это — Васька. И он будет тут жить — погладил я пушистого, за что тут же получил хвостом под нос — Пфу! Хе!

— Так он же... — проронила мать, глядя на него, за миг до того, как из гостиной донесся вопль:

— **ЖЕВАННЫЙ КУСОК ШЕСТИ!**

Да, он, уличный бродяга — гадит где попало. В том числе — и на ковре! Оставив кучку, в которую папка как видно и влетел с размаху.

— **ЧТО ЭТО ВООБЩЕ ТАКОЕ!?**

Разом всей ступней!

— Ты! — указал он на кота, и сделал вдох, как видно мысленно считая до трех — Пойдешь работать вантузом!

— Мя!

И не только на ковре! — услышал я новую порцию мата с комнаты, крик кота, еще мат, скрежет когтей, как по... Кости? Звуки открытия окна...

— Эй!

— МЯЯ!

И полет кота... Ну ладно — нового найду!

— САША!

Влетел на кухню разъярённый, и исцарапанный отец... В испачканных штанах!.. Мне кажется, его онемевшая часть лица, давно утратившая чувствительность и подвижность, тоже, была, искажена гримасой...

— Если... ТЪы... Выбирай себе объект для опытов более старательно! — проронил, как видно не совсем то, что хотел, батя, и пошел-похромал, на изгаженной кошачьим «запашком» ноге... В ванную — отмываться!

— Мя! — увидел я, недавнего кота, живого и здорового у подъезда, смотрящего на меня глазами, словно я уже — его рабыня!

Именно так! Наглая его морда!

— А вот фиг тебе! — показал я ему язык, и поскакал на тренировку.

И сильно удивился, когда, закончив разминку, увидел как этот бело-черная пушистая сволоочь, протискивается сквозь щель не до конца закрытой двери в помещение.

— Мя!

Как видно — это судьба!

— Уберите кошку! Кто-нибудь — уберите кошку! Ааа!..

А у тренерш-то аллергия... И тут не дают коту спокойно... Нагадить!!!

— А ну брысь, скотина безмозглая!

— Мяу!

— Сейчас я тебе твое «мяу», знаешь куда засуну? А-ну пшел отсюда! Нет, ты меня реально достал!

Так, наш двор обзавелся одним очень интересным котом, без когтей и яиц, но зато гуляющим где хочет! И яйца — это ему не я обстриг! Он видать от того и вредный такой... А вот когти... да, признаю, каюсь — моя работа! А нефиг было меня пытаться оцарапать! Я за такое и без лап оставить мог!

— Пап, а... — и не смог выдавить дальнейшее я, глядя на привезенную в квартиру мебель.

Что за фигня, а? — так и рвалось у меня из глотки, но озвучить я это не мог. Ведь где-то там, в глубине души, все еще сидел рыцарь деревенской заставы, что за такую мебель — убить готов! Буквально. А тут эта пигалица, которую я уже вот четырнадцать лет как усиленно изображаю, строит из себя невесть-что — «нос воротя»!

Ну да, не новая! Да, выдавшая виды! И вообще! Того и гляди развалится... Но лакированная! Пусть и с царапинами. И потёртостями. Функциональная! И тут вообще-то не поспоришь, пусть и родом этот хлам из шестидесятых годов прошлого века. Раритет! На котором остались следы древней, хм, магии.

Или это все же моча? Да, моча. Кажется тут «надудонил» еще мой прадед! Ну или дед, как минимум!

— Что, поновее не нашлось? — прижался я к отцу поближе, и провел пальцем по огромной царапине на лакированной поверхности стола, стоящего рядом, не спуская глаз с пожухшего от времени желтого пятна на матрасе двуспальной кровати.

И что-то мне в этой царапине не понравилось. Показавшись странным, словно её совсем недавно сделали, но затем замазали, что бы казалась типо старая. Да и грузчики эти, что мебель приволокли — тоже странные! Слово и не грузчики, а... Солдаты? Новобранцы! Ибо профессиональной выкладки в них точно нет, но что-то такое, строевое, уже проскальзывает.

— Ну и ладно — буркнул я, видя как отец, помотал головой в ответ на мой вопрос.

И пошел готовиться к занятиям — меня все-же пропихнули в десятый класс местной школы! Пусть и на домашнее обучение. Или оно там несколько не так зовётся? Свободное? Экстраординарное? Неважно! Первое сентября всё равно грядет!

А мебель... Мебель нормальная! А если сравнивать с тем, что нам от нашей мебели оставили после себя квартиранты... Вообще шикарная! Нашу-то... Кухонный гарнитур вон, вообще целиком «свистнули»! Вместо него приперли два стола, краской заляпанных — помойка им периной! Да мойку ржавую! Чтоб её бомжи на переплавку уволокли! Да и то помоему — побрезгуют. А ведь эти-же бомжи — ванну-то уперли! А её... Я в неё старался не заглядывать, вырвал беднягу с корнем при помощи домкрата, накрыл дощечкой, и прочь! Прочь из дома!

А сервант!? О!.. Бедный сервант! У унитаза свистнули бачок, заменив бутылкой пятилитровой... Эх, да разве всё расскажешь!

Но было это уже давно, когда я делал ремонт по хате, сменив заодно и часть сантехники. На мебель-же, денег не хватило. Вернее тратить залпом было слишком — воров в избу нам только не хватало! Ведь магазинные болтушки, все растрепали-бы о нас. И мы решили — обождать! Тем более что все для жизни было, а остальное... Мелочи!

Эх, ладно. Некогда мне думать о таком! За первым сентябрем, что угрозы мне не представляет, сразу, через неделю, последует седьмое, когда попрусь я на свои первые соревнования, так что расслабляться мне как бы и некогда. Хотя конкретно эти соревнования тоже, фикция, формальность, и почти-что трата времени.

Конкуренентов нет, да и сами «соревнования» пройдут чисто номинально, на бумаге.

Попрыгаю кузнечиком перед тренерами, а они воткнут мне высший бал! Хек! И поеду после в область...

Наконец-то выбрался! — мысленно вздохнул я, и еще раз огляделся.

Взяли меня в оборот! По самые брови. Контроль! Мать его, тотальный! «Шаг влево, шаг вправо»... Утром — спорт, днем — уроки, вечером... Мать. И опять же — спорт! Вечерние занятия! Дыр-то, во всем этом, в принципе вагон, и сбежать легко и просто, но не далеко и ненадолго — паника начнется! А сейчас... Я всех обдурил! Так и сказав, что в лес пошел!

Вздохнул, и еще раз огляделся — кругом только деревья! И даже если за мной был «хвост», что сильно маловероятно, за кронами деревьев, меня им все равно не углядеть! Хотя при этом — до дома рукой подать буквально! Отличное место! Начну, пожалуй.

Для начала — коньки! И пробежать кружочек по воздуху!

— Блин, я и забыл, насколько это круто!

Бегать со скоростью хорошего автомобиля! Скользить по воздуху, не чувствуя сопротивления! Левитация, свобода, драйв! Фу, английское слово просочилось!.. Незабываемое чувство! Лучше любых аттракционов!

А теперь — мечи! И я кубарем лечу в подмороженную осеннюю траву. Соскакиваю, вновь оцетиниваясь оружием, и... Похоже на этом всё.

— И похоже это мой придел до конца моих дней.

Два коротких клинка, или коньки, без какой-либо защиты тела — огромная рана на руке, от попавшегося в траве сухого сучка, тому доказательство! И развеяв мечи, я полюбовался, как края раны, словно «молния» на ботинке, неторопливо сходятся вместе.

Там, внутри меня, сейчас такая паника...

Может быть, я бы и смог выжать большее, из тела, подаренного мне этим миром и матерью, но я, оказался вынужден сделать ставку на регенерацию. Расставил приоритеты, так сказать, поняв, что быть просто живым лучше, чем быть сильным, но недолго.

Переделал свою «Сашу», под живучего биоробота. У этого к слову, тоже есть своя цена — контроль! Сила, что против мутаций, была против моих махинаций, с перестройкой организма и взятием отдельных функций под наглый контроль сознанием. Но столько раз побывав на самой грани, на лезвии ножа, уже одной ногой в мире ином, да только в этом теле! Я проломил её сопротивление. И теперь она, как обиженная женщина, отошла в сторонку, скрестив руки на груди: «Ну, тогда и живи как хочешь!»

Вот я и живу! И пусть, моё тело, пока молодо, мне активно помогает контролировать его, само себя, обслуживая и не досаждая сбоями, не желая обращаться в неконтролируемую массу бесконечно делящихся клеток, в дальнейшем, с каждым прожитым годом, делать это будет все сложнее. А уж если меня и дальше будут рвать на части на регулярной основе... Напалм решит всё!

И все равно, в принципе, даже с таким подходом к развитию, я бы мог бы одновременно, и бежать, и атаковать, — по очереди призвал я мечи, а затем, развеяв, коньки, вновь чутка побегав среди деревьев — и это бы от меня даже бы не требовало бы каких либо серьёзных усилий! Ведь всё, давно на уровне рефлексов. Однако — нанесло бы урон. Непоправимый урон, по продолжительности жизни! — прекратил баловаться, давая телу отдышаться.

В бою — это приемлемо! — «квакнула» под ногой неприятная лужа, лед на которой я только что проломил, — В бою, можно многим жертвовать ради победы! Ради неё я готов

пойти на многое! В том числе — и на создание себе будущему массы проблем.

Но подставляться просто так? Зачем? Это глупо! Тренировки ради? Это того не стоит! Это как стрелять себе в ногу, что бы в следующий раз не падать от боли.

А вообще, пусть изначально мой запас жизни был огромен — лет пятьсот! Наверное. Я навряд-ли проживу в этом мире больше ста. Скорее пулю в лоб себе пущу! Или в крематорий попрошусь. Но лучше все же, когда припрет — найти способ уйти покрасивее!

На войну! Отдать тело во благо науки! Стать живой мишенью на ученьях! Да много способов, чего уж там! Зачем мучить самого себя, когда можно начать все с начала? Сохранив память, рассудок, получив новую жизнь... Ага! И штук пять, смертей в утробе. И это в лучшем случае! То еще, «удовольствие».

Но и через это я прошел! И это, испытал, хотя и не хотелось. Да, трудности закаляют — пнул я лужу, устроив фонтан брызг воды со льдом, любясь фейерверком — Но некоторые вещи лучше не знать, и через некоторые — лучше не проходить.

Я циник! Стал им! Мне плевать, но вот другие!.. Как они сквозь это вот проходят? Сквозь боль, сквозь перерождение... А вообще, я отличаюсь от них, других, и сильно. Взять хотя бы мою регенерацию — это не то, чем обладает каждый вечный! Хотя мы вообще, все уникальны! И не походим друг на друга. У каждого своя судьба, свой путь. А Сила... эдакая самка собаки, ни хрена не преподносит на блюде! Бессмертный, что не научился её контролировать, просто чуть более улучшенный, обычный человек.

Чуть сильнее, быстрее, дольше живёт, и не переносит имплантаты. Всё! Это вот всё, что дарует Сила на неосознанном уровне. Остальное — плод трудов, тренировок, изучений, познаний. Следствие обмена опыта меж бессмертными! Как те же коньки, или мечи, что считаются чуть ли ни базовыми навыками! Ведь достаточно легки в освоение любым, кто хоть что-то может, кроме бесконечных перерождений. Легки, но не падают сами «с неба».

Я... тоже изучил эти навыки не сам, а с помощью друзей. Хотя как говорят, они легки для открытия и банальным «методом тыка», если конечно знать куда тыкать. Или хотя бы иметь цель — желание нужного результата. Но я, прежде чем хотя бы задумался о подобном пути, и уж тем более встретил иных бессмертных, я прожил ту еще веселую жизнь, длинный, и тяжелый путь, полный боли и страданий.

Путь самосознания! Что и сделал меня тем, кто я есть. Что и позволил научиться контролировать каждую клеточку в своём теле! Но я бы и сам ни за что на свете не согласился его повторить! Не говоря уже об предложении, послать данной дорогой кого-то другого. Даже врага!

— Хех! Да уж. — усмехнулся я и помотал головой.

Сто лет борьбы с самим собой! С собственным телом! И — Силой. Это... тяжело Немыслимо! Зато теперь я, кем бы и где не переродился, не просто двигаю руками и ногами, а знаю все процессы, что происходят при этом, как с физиологической, так и с химической стороны. Пусть я и не знаю названий для многого, особенно с точки зрения науки текущего мира — не учился! Но «вижу» процесс в реальном времени и могу на него повлиять.

Да, это не просто! Но подобные возможности, позволяют обмануть систему. Обвести вокруг пальца и Силу, и физиологию, и даже немного, мать всего, физику. Но, наверное, это все, чем я лучше других.

Каждый вечный — уникален! И пусть среди нас ходит негласное правило делиться всеми доступными знаниями... В которых, никогда не поместиться всё. Для этого... нужно просто прожить всё то же самое, еще и в тех же условиях. Что просто... Нереально! А от

того... у каждого имеется свои, не слабые — секреты. Выживания, уничтожения, поиска. Борьбы с самим собой.

— Нда, как вспомню, так вздрогну. Особенно от того, что я имею все шансы повторить тот путь, пусть и обернутый «в профиль», но уже в этом мире — проговорил я, и уставился на неторопливо плывущие по небу облака.

Только тогда я влип по незнанию, а сейчас... Меня может сковать по рукам и ногам чувство долга. С другой стороны: без него, без долга и ответственности, кто я вообще такой? Маньяк? Убийца? На мне столько крови, что лучше даже и не думать! — и помотал головой, отгоняя дурные мысли, и возвращая взор на землю.

Хех! По неразумению вляпался! Естественно! — усмехнулся, сжав и разжав собственный кулак, одновременно с этим корректируя приростание браслетов-утяжелителей к коже, не давая тем просто болтаться, её натирая, но и не пуская куда-то вглубь плоти — Ни кто-ж не объяснил, что после смерти будет ЭТО.

Иная жизнь, иная семья... при том, что умер я, как кормилец, и единственный добытчик. Как отец и муж, от тяжёлых ран, и яда... А мне тут сиську в нос суют! И мир «всеведенья» тогда мне был еще и близко недоступен! Не знал я о его существовании тогда вот даже близко! Естественно я был на нервах, одержимый одним единственным желанием — ВЕРНУТСЯ!

К семье, к жене... еще не понимая — это невозможно. Мир иной, и вряд ли связан с предыдущим. Что я умер, и мне обратно никогда уже не возвратится.

Тогда я ничего этого не знал. И на психе, на мгновение обретя кусок контроля над энергией Силы, нарушив главное табу бессмертных — не пользоваться сверхспособностями во младенчестве! А заодно и чуть не погубив свою новую семейку, устроив выброс на всю доступную «катушку».

Изуродовал собственное тело! Но при этом, как и все нормальные люди, боясь и страшась смерти, продолжил отчаянно цепляться за собственную жизнь и умирающее тело.

Я вновь усмехнулся. — Сейчас это даже звучит забавно! Но тогда мне было вовсе не до смеха, — и я попробовал внедрить сетку, сплетенную из ниток Силы, внутрь собственной кожи, для укрепления и прочности — тело скрутил спазм, загнув в бараний рог.

Смешно! Нормально жить калекой, чье тело разъедает собственная же энергия. Но я не сдался! И в какой-то миг, постепенно обретая все больше и больше контроля над Силой, которую я тогда именовал банальной маной магии, и телом — даже стал здоровым! И сильным! Сравнимым с лучшими войнами того мира!

Но это была лишь иллюзия. И большую часть тогдашней, столетней жизни, я провел сидя на одиноко стоящем пеньке у маленького живописного прудика. В «медитации» и бесконечной борьбе с собственной шкуркой, отчаянно желавшей уже не просто умереть, а испариться.

Я тогда придумал много хитростей! И много техник. Стал, блин, деревом! Разумным, говорящим... Но и это не стало панацеей. Камнем был... и даже в воду обратить себя пытался. Все было бесполезно — я разрушался.

В конце концов, я сдался, уйдя на перерождение. Тело — испарилось. Но опыт, и знания, остались всё при мне! Бесценные знания! Познания в физиологии, в молекулярной химии, и хрен знает в чем еще, с точки зрения наук этого мира.

Я в состоянии контролировать все что угодно, в пределах собственного организма! — отскреб себя я от земли, и вновь взглянул на собственную руку, ладонь, перепачканную

грязью — Вплоть до того, чтобы приказать собственной кисти отделиться от тела и убежать куда-подальше от меня!

Так не могут другие бессмертные! Они не проходили через тот ад, что я! Зато у них был свой. И они могут, скажем — телепортироваться, или — становятся невидимыми, а может и что еще покруче. Или же ничего. Ничего особенного! Но «база», базовые навыки, те же мечи или коньки, на уровень выше, чем у меня или других, и достигли его они сами, своим трудом и мозгами, без подсказки кого-либо извне.

Трудности, они закаляют! Хотя будь у меня выбор, я бы предпочел их не имеет. Не в том количестве! — высоко подпрыгнув, завис я над землей, при помощи силы, замедлив собственное падение до ощущения полета, — Однако, похоже, что мои познания, и мой контроль, это все, что у меня есть в этом мире. — упал кулем картошки, обратно в подмороженную грязь осени, пробив собой свеженький лед, уже успевший вновь образоваться под слоем давно завядших трав.

Ни мои навыки бессмертного, ни знания архимагов, среди которых я никогда не был, но кое-чему они меня все же научили, ни что бы то небыли еще из смежных наук, здесь — не применимы. И мне остаются только знания наёмника, убийцы, ищейки, и «до жопы» живучее тело.

Много ли это? — вновь встал я, стряхнув грязь, отряхнувшись, словно собака — Или же нет? Да кто его знает! Но работать придется с тем, что имею. — и с этими мыслями, я прихрамывая, поплелся домой.

Все же, техники Силы меня как выматывали, так и выматывают. И видно они — не мой стиль, в этом прекрасном мире.

— Кхе, кхе, Увааа! Уваа!

— Эх, Ванька, опять ты болезный страдаешь! — склонился я над колыбелью.

И несколько подумав, повоевав с собой и своими смутными чувствами, где-то там копошившимися, сунул руку внутрь колыбели, положив младенцу на живот.

Я ведь так, тебя беднягу, и подсадить могу на свою энергию! Уже посадил. Я ею фоню, мать ею фонить, потому что вечно рядом, да и вообще, еще и старый «заряд» не вышел. Отец ею фонит, потому что еще больше со мной общается! Стены, блин, квартиры, ею фонят! И колыбель...

Бедный парень! Оттого собственно ему и дурно стало, что доза, полученная от меня и родителей, кончилась, а того, что просачивается сквозь новые пеленки, недостаточно, чтобы все работало как надо, без разлада. Оттого и... Болит живот, у бедолаги.

Да и не только живот!

— Ох, бедный, бедный. — прошептал я еле слышимо, и убрал руку с пузика младенца.

Заглянул в его зеленые глаза, смотрящее на меня доверчиво, с надеждой. Нет, не по собачье! Без придыханой искренности и веры словно в бога! Без того... раболепия! Но как на мать, а не на сестру. Несмотря на все труды родительницы, именно я стою во главе угла иерархии любви младенца, а не она, женщина, что его родила и выкормила. Что заботится о нем, больше кого бы то ни было.

А почему? Да потому что слишком уж безошибочно понимаю чувства маленького! Когда сменить пеленку, когда дать кушать, когда ему просто скучно! А когда болит живот. И помочь с последним, могу нередко тоже только я.

— Несчастное дитя. — шепнул я печально, и подмигнув озадаченному шкету, вытащил его на волю. — Давай полетаем! Вжиииих...

— Хе-ха-ха-ха! — разлился по квартире радостный смех, за место вымученного плача.

— Ву-уу!

— Ва-ха-ха-ха!

— Ииии...

— Саша!

— Что? — всем телом обернулся я на мать, при том, что руки, продолжили свой путь, проведя мальчика в сантиметрах над ковром и полом.

— И-хи-хи-хи! — продолжил тот радостно хихикать, растопырив пальчики, ручки, ножки, словно самолет.

— Осторожней. — выдала мать обеспокоенно, не найдя к чему придраться, но и не сумев заставить себя посчитать нашу игру из раздела «безопасных».

Я улыбнулся, и повел самолетик «Иван-1» на новый круг. С неторопливым набором высоты по дуге, и сваливанием в штопор, с плавным выходом у самой земли, полетом на бреющем, и новым взлетом.

Конечно, все происходит до жути медленно даже для простого человека! Набор, падение... и в этом вся сложность! Для младенца, а тем более для такого слабого здоровьем младенца как мой брат, любое резкое движение...

— Ковер потом сама стирать будешь. — пробурчала мать, стоящая в проходе в комнату, но в её глазах — «играются чертята».

Она сама, в восторге от процесса! От нашего общения, от смеха сына, от всего! Но... она ведь знает! Они ведь пробовали с отцом... ничего не вышло — мальчика из люльки вынуть то проблема! Он только спит, и ест, и ничего иного. В туалет ему сходить — проблема. От резкого движения — напротив может наблюдать. А я, словно из другого измерения! Играюсь с ним, летая по квартире!

— Виии!

— И-хи-хи-хи!

— Вжууух!

— И-хи-хи-ха-ха!

— Ну все, давай на посадку в колыбель — повел я лайнер в сторону ангара

— Ни! — выдал пацан, весь напружинившись, зависнув в моих руках над точкой входа «в док».

— Ни? — развернул я его к себе лицом, продолжая удерживать на вытянутых руках над «ангаром».

— Ни! — напряженно уставившись он на меня, даже умудрившись неслабо так насупиться.

Вон, губешку оттянул, словно лошадь! Идея закончить «горки» ему явно не понравилась.

— Это можно считать за первое слово? — взглянул я на мать, оглядываясь к ней, продолжая удерживать младенца пред собою.

Мать, вышла из счастливой задумчивости, в которую погрузилась в наблюдении за нашими «проделками». Вновь задумалась, но уже осознанно, переваривая мною сказанное.

— Нет. Думаю что, нет.

— Значит пойдешь обратно в люльку. — повел я младенца-самолёт на посадку.

— Ни! — вновь выдал он, да громогласно!

На всю квартиру! Да еще и так головой мотнул, что, его наверное, «обнесло» от подобного движенья.

— Ни? Тогда продолжим? — вновь «поставил» младенца перед собой, держа на вытянутых руках.

— Ии! — взвизгнул он, и растопырил ручки, аки самолет.

Зажмурил глазки от блаженства, и так и всем своим существованием мне говорит — я готовый! Вот он я!

Ну точно летчик тут растет! И повел я самолет, по новому маршруту.

— Вжиии!

— иии!

— Мам, слушай... — начал я, и оборвался, прейдя на кухню, уложив умотавшегося юного пилота — почивать.

Прервался, осознав, что не смогу это предложить. Не смогу так поступить! Не смогу... всё вывернуть вот так. Предложить родителям завести еще одного ребенка, одно зачатие которого при текущем состоянии здоровья обоих — уже можно будет считать Чудом, не говоря уже о вероятности рождения, его здоровым. А потом убить его, во имя спасения матери, каким-то образом скрыв это как от отца, так и от матери, что явно были бы против. И в случае успеха, но вскрытия правды — меня возненавидят.

И физически не смогу — нет у меня нужных знаний, как и времени с оборудованием. Только косвенные познание в биоинженерии и сведенье о том, что успешные опыты в этом

направлении проводились. Да и беременная мать не согласится лечь под нож, да в комму, на месяцок, а отец — не даст мне вольницу на это время, чтобы я творил как безумный ученый.

Так и морально не сумею — убить человека, не рождённое дитя! Здоровое дитя! Иначе трюк не провернуть. Ради спасения другого человека, пусть и «матери», что умирает. Слишком низок шанс на успех! Дабы думать над этим, как «приемлемо!». Ничтожный, даже если бы предположить, что всё условия для эксперимента кем-нибудь по волшебству были бы созданы. Это — дуратская идея.

— Что Саша? Что ты хотела? — улыбнулась мать, видя, что я замялся, застыв вдруг истуканом.

Сегодня у неё, да благодаря мне и Ваньке, чудеснейшее настроение! И даже если я сейчас, вдруг ляпну «а откуда, дети-то берутся»? Она мне все подробно объяснит, в красках и во всех деталях, позах... Будто я не знаю! В роддоме поработав! Я, та — что девочка земная, а не тварь межгалактическая, и не такое видевшая.

А ведь мать слабеет — взглянул я на неё внимательно — бледная, обветренная кожа, при том, что ветра она и не видит толком. Синяки под глазами, мигрени на постоянно основе. Её тело разрушается на клеточном уровне! И я ничего не могу с этим поделаться, бессильно наблюдая.

— Ничего, мам! Завтра мы на соревнования едем — пожелай мне удачи! — улыбнулся я и ускакал, оставив мать в задумчивом неведении.

И что это было? — так и читалось на её лице, попавшем в поле зрения при прыжке за поворот. Ну не говорить же ей...

— Саша! — возмутился батя, сделав полшага назад, после того как я в него с размаху налетел.

Я поздно его увидел, спрятавшегося за шкафом! И все что тут сумел, это минимизировать ущерб, влетев в него, головой в живот, а не с ноги по яйцам.

— Ой, прости! Больно, да?

Батя сморщился половинкой лица, но от ответа воздержался. Хотя думаю, многое желал мне тут поведать! И то, что завтра выступать, а я фигней страдаю. И то, что я там и на стадионе столб снести могу... Но вместо этого, потопал в ванную — побриться.

А мне бы, кстати, не мешало зубы выдрать! Те, что молочные, мешаются!

— Ты че это делаешь? — изумился папка, глядя на меня.

— А фто не фыдно! — ответил я, пальцами гуляя по собственным зубам.

— «Бдциньк!» — скакнул один из них по ванной.

— Зубы деру!

— На! — дал кружку мне батяня, увидев, как зубик скачет по эмали.

Кружечку, в которой мгновение назад еще была целая дюжина старых станков, что уже не бреют, но выкинуть — жалко!

— Спасибо. — принял тару я, заглядывая внутрь.

Надо бы помыть! А уже после — отправить внутрь уже второй ненужный зубик. Первый... надо бы тоже сполоснуть, да просушить.

В этих зубах, уж нет живой ни грамма ткани! Мертвые они, а вернуть кальций обратно в тело... Не, это того не стоит! Геморно это! Не в мирной, сытой, жизни, подобным заниматься! Пусть... Идут на опыты! Я же вижу, как папка смотри в кружку, прям как нищий на паперти Собора! И думает... о чем-то там своём, наверняка — крамольном, и долго идущем.

— Скажи, что ты думаешь о смене внешности? — вдруг задал он вопрос.

Я офигел. Взглянул на папеньку в ответ. Да, батя, ты бриться еще долго не начнешь! С такими мыслями... Порой жалею я, что не рожден эмпатом! Или телепатом? Уж больно тяжело тебя порою мне понять!

— Смена внешности? — и я взглянул в зеркало, висящее над мойкой.

Зеркало там старое, отражение — мутное! Но в целом я и так знаю, что я там увижу. Девчонку, лет двенадцати на вид. Я, наверное, стал еще моложе выглядеть чем был! А моё тело... «Колбасит» — «то в жар, то в холод»! То во почти взрослую «леди», то в малолетку. На счастье, на рост и телосложение это все почти что не влияет. Слишком пристально я за этим слежу!

А вот всё прочие... не то что бы это плохо, и я это не могу контролировать, просто это накладывает некоторые ограничения. Причем, сразу в нескольких «плоскостях»! Веселые в общем последствия «бодания» с суровой теткой «Сила», без помощи которой я просто не могу расти! Зависнув в этом возрасте.

— Ну нос там подлиннее, скулы по острее... — проговорил папка, задев пальцем сначала нос, а затем и скулы на моём лице.

— Да нет, вообще-то. А надо? — задал я вопрос, обернувшись.

— Ну... — задумался он, вознеся к небу, потоку, свой взор, и бритву в левой руке — Нет вообще-то. Скорее даже как бы и наоборот! Ничего в тебе пока что изменять.

Я — пожал плечам, отдал кружечку с зубами, и решил вернуться, к делам насущным, подготовки к завтрашней поездке.

— Выступает...

Я поковырлся в ухе, и взглянул, как на залитый светом квадрат батута, выходит сильно «нашпугатуренная» девчонка, улыбаясь улыбкой, что словно картина — нарисованная! Кукла, в общем!

Но, моё ехидство мигом испарилось, когда она начала выполнять свою программу. Движения выверенные, точные, плавные... она словно в невесомости! Словно её тело... Сильный конкурент! — похлопал я от всей души выступлению спортсменки, с лучащейся улыбкой принимающий восторженные овации, которые она сегодня действительно заслужила.

И посуровел лицом, взглянув на батю, с какого-то перепугу мне начавшего заменять тренера на всех моих выступлениях, и так же внимательно следившего за выступлением одной из фавориток сегодняшнего дня.

И отец... Почему-то так и хочется сказать, что он вдруг отдалился от меня! И от семьи вообще. Но это не так. Просто, после того происшествия, после того «избиения младенцев» в виде той банды похитителей оружия, стал постоянно пропадать куда-то, порой и на несколько дней разом, без предупреждений, и каких-либо объяснений. Даже — матери. Чему она конечно рада не была. Не одна-бы женщина подобное не одобрила! Но все же — смирилась.

Решила, что такова её женская доля, решив, что главное сейчас — дети, а в частности — Ванька! Что со своею хворью, требует от неё огромное количество времени и внимания. Постоянной смены подгузников, и стирки пеленок, из-за чего наша квартира уже вся «бельём поросла»!

И я бы мог бы выследить отца! Проследить, узнать с кем он там встречается, и вывести

все их тайные планы, в том числе и насчет меня! Мог, и по-прежнему могу! Но зачем? От таких знаний только голова пухнуть начнет! И совесть мучить. Пускай, тихушничают, пока меня не отправляют и не планируют отправлять, на опыты, не запирают в бункере и не сажают в стеклянную банку со странной жидкостью — меня всё вполне устраивает! А остальное — мелочи! Привыкнем.

Хотя любопытство всё же порой перед верх над разумом — батяня, каков план, а? Тренер ты наш, нетренированный!

Наши занятия по боевой подготовке давно «канули в лето» — с тех самых пор! Никаких больше сборок-разборок оружия, и изучений тактики, никаких полос с препятствием — разве что иногда совместные пробежки вокруг дома, в неторопливом темпе. Да стрельбы раз в месяц, в лесу за городом.

Он «нычит» автомат под сиденьем машины! Правда делает это достаточно хорошо, чтобы не зная, что он там, не чуя запах пороха и не видя, как он его туда прячет — не в жизнь не найдёшь! Да и автомат... Обрезанный! Укороченный! Без приклада! АКа сорок седьмой, У!

Да, ещё есть обслуживание этого агрегата, в виде чистки сборки-разборки — одного! Не арсенала! Никаких забегов в парашютном костюме, с двойным весом в виде песка! Никаких... издевательств! Опознавания лиц по фотографиям, основ психологии и прочего! Разве что врачи больнички регулярно тесты берут, но это — из-за соревнований.

Зачем ему было нужно, что бы я нырнул во спорт?! Да еще и столь глубоко. А ведь это нужно именно ему! И даже бабки тут вторичны, просто удачно подвернулись. Ведь даже эти вот соревнования — региональные! Его идея! Тренеры говорили, что мне еще рано, но он — настоял! И вот странно — упертые бабки беспрекословно согласились, будь то так оно и надо! «Надо, так надо» и ничего большего! И это — странно.

А еще страннее, что он, лично от меня, потребовал занять не ниже второго места тут. Что... малость тяжело! Я вижу уже как минимум двух кандидатов, что меня обойдут! Уже обошли! Я сильнее их, гораздо сильнее физически! Но сила тут все-же, не все решает. Я могу попробовать «выгрести» победу тупо за счет финтов, на которые люди не способны, но — это того не стоит. Даже батя это понимает! Или не понимает? И зачем-то ему нужно первое место. И это точно не из-за гордости и родительских чувств.

В чем план, пап?! — взглянул я молча на мужчину снизу-вверх, — Молчит. Стоит как истукан, смотрит... — и я скинул в сторону непослушную прядь — хорошо, что я обстриг волосы под каре! А не то-бы во время выступления...

— Выступает...

Ну вот, еще одна девчонка, и я. Предпоследним выйду. Думая на ходу, в чем же крылся тайный смысл того вопроса, про внешность, и её измены. И думает ли он вообще, что и года не прошло, как меня врачи буквально по частям собрали! Хотя теперь они, врачи, единым фронтом пишут «годен!». «Здорова как лошадь!» И ничегошеньки иного.

Хорошо хоть школа проблем не доставляет! Десятый класс, как выяснилось... пустая формальность!

— Выступает Гончарова Александра

И народ, судейский, напрягся, увидев самый минимум шпукатурки на моём лице, вкупе с обворожительной искренней улыбкой — я тренировался! Что выглядит несколько странно, учитывая накал страстей на выступлении, и количество желающих занять призовое место. Словно я не на соревновании, а на прогулке по подиуму, и словно не мне сейчас выступать,

пытаясь догнать лидеров, словно — я до глубины души уверен в своей победе.
Подозрительно!

— Куда мы едем с пяточком... — промурлыкал я себе под нос, и плюхнулся на сиденье папиной машинешки.

Замолк, попрыгал, сунул руку под стульчак — нащупал ящик! Глаза мои округлились. Взглянул на сажающегося на водительское место отца...

— А куда мы едем?

— В лес. — буркнул он недовольно, натягивая на плечо ремень безопасности.

И заведя двигатель, прислушался к его работе, пытаюсь понять, чем ему грозит новый, булькающий, звук в работе агрегата. Доедем, нет? Клапана квакают, или насос? А может это воздух где подсасывает? Или... Решил, что все же доедем, и плавно тронулся с парковки подле дома, шурша свежим снегом под колесами автомобиля.

Снега не много, так, пару сантиметров, хотя морозы установились уже ого-го! Самое время поохотится...

— Свиныю резать... — буркнул я, и отвернулся.

Кто из нас двоих медведь?!

Ой, ей — взвыл я в мыслях, увидев, как нашу таратайку, выдавшею виды и леса, тормозит товарищ с палочкой. И вжался в кресло посильней.

Я же знаю, что мы возем! Я уже знаю, что у нас в багажнике! Армейская снайперская винтовка Драгунова, винтовка, мать его, Мосина, охотничий карабин Сайга под патрон сем шестьдесят два, что просто так не продаётся. УЗИ, и не аппарат, а автомат, прямо у меня под сиденьем. Калаш... все тот же, что всегда и был у нас, покоится под задним лежаком. И... патроны! Патроны к этому всему! Много! Реально много! Ящиками! Машина, аж на бегемота — беременного! Похожа. На поворотах переваливается, и еле тормозит...

Ааа! Че делать, че делать?! Натянуть маску безразличия, вот что делать! Расслабится, и получать удовольствие!

— Старший сержант Скворцов! — представился гаишник, подойдя к открытому окну папаши — Документы пожалуйста.

— Вот — передал ему ламинированные бумажки папка.

— Куда едете? Откройте багажник пожалуйста. — попросил сержантик, изучая документы, и я чуть было не поперхнулся собственной слюной.

Вот с чего бы сразу багажник то, а?! Может, конечно, и чисто «стандарт», заученная фраза, но... Ррр! Взглянул на отца, кивнул на мента — мне его нокаутировать? — но батя, не ответил, и можно даже сказать — и на меня-то не взглянул! Так, мельком... зато приложил палец к губам и жестом попросил товарища при палочки наклониться поближе.

— Тц! На охоту едем! — шепнул он ему, и мент как-то резко подобрел.

Растянул рот в улыбке... подобрался, показал какие-то невероятно странные жесты отцу, на что тот одобрительно кивнул, вернул документы и жестом указал «проезжать», утрачивая всякий интерес к нашим персонам.

Я — выпучил глаза, и как старый ворот у колодца, со скрипом повернул голову к водителю машины, что уже вывел агрегат из кармана у поста ГАИ на оперативный простор, уходя в отрыв, активно щелкая передачами.

— И... что это было? — не удержался от вопроса.

— На охоту едем, что еще? Что за глупые вопросы! — усмехнулся папаша, не отвлекаясь

от дороги — Так что с тебя кабан, олень, ну или кто-нибудь не меньше зайца, собачка ты моя — потерябил он меня по макушке.

— Аф, аф. — притворно полаял я — Будет тебе и кабан, и олень, было то что? Почему он не стал проверять багажник?

— Потому что полтуши ему, — улыбнулся папаша, взглянув на меня, и вернул внимание дороге — как думаешь, куда поедим за жертвой? За гору, или к реке?

— Давай за гору, если эта та гора, о которой я думаю. Там речка тоже есть, пусть и ручеёк. Само то, чтобы следы поискать.

Кабана я загнал к закату. Благополучно пристрелил из ТТ, что прятался до этого у отца за пазухой — себе он взял СВД на пару с УЗИ! Экий хитрец. Хотя ему можно. И даже нужно И даль, и ближний, а вот мне... Только приступив к разделке, я допер понял — зря взял с собою огнестрел! Именно из-за него я целый день гонялся по лесу за зверем! Он чуял порох! Вот и убежал.

Благополучно выпотрошил тушку, выкинув прямо в лесу всё ненужное на радость волкам и лисам, и потащил съедобную часть добычи в сторону безнадежно отставшего папки. Пуская слюни, кабан попался добрый! И волнуюсь, как бы мешок, сделанный из шкуры самого зверя, случайно не протек, получив пробоину от кости ребер. Кости с ножек, я уже благополучно выкинул — пусть волчки развлекаются!

Папка, собственно, довольно быстро сообразил, что в лесу я дома, а он в гостях и бедный родственник, так что, по сути, и не пытался меня преследовать или уж тем более бежать наравне, с винтовкой наперевес.

И более того, смекнув, что так можно и потеряться, с непривычки особенно, а уж если я способен чувствовать запах зверя по одним его следам, то и дорогу домой всяко найду. Так что благополучно вернулся обратно к машине, оставленной у дороги. В место, где дорога, пусть и проселочная, собственно кончается, и начинается чисто направление. Вернулся, и разбил лагерь, что-то там вон уже химича из пожрать.

— Мамка нас двоих прибьет — пробурчал он, заметив мою персону, выходящую из леса. — Опять дома не ночуем.

— Что поделать — буркнул я, и сбросил в снег мясо-мешок, с ходу проверяя, не испачкался ли я где кровью?

Нет, все вроде в норме — не разучился еще!

— Ага, что поделать... похлёбку будешь? — предложил он ложку со странным варевом, из рожек и пшена, из котелка весящего над пламенем костра.

— Буду...

А после ужина, но пока еще жарится свежий... шашлык, не шашлык, но мясо, решил поговорить о будущем:

— Слушай, пап... я так и не поняла, какие там планы у кураторов на мой счет?

— Планы? Хек! Планов то много! Да вот...

— Что? Я же ведь понять не могу — зачем все это? — обвел я руками зимний лес, погрузив в непонятки уже отца.

— Что?

— Ну спорт, учеба... мне же вообще вредно с вами оставаться!

— Это еще почему?! — еще больше озадачился отец, а я, в бликах костра, заметил, как вновь вздрогнула его парализованная часть лица.

Все же, она подживает, но...

— Я вызываю привыкание.

Кажется, я окончательно выбил из колеи своего несчастного родителя.

— Это в каком это смысле?!

Но вместо ответа, я соскочил со своего места, оцетинившись словно зверь, выхватывая разделочный нож из-за голенища сапога еще в процессе. Не каждому человеку дано подкрасться ко мне на расстояние десятка метров! Тем более с грузом! А это... это смерть! Это и лук, и арбалет, и артефакт с магией... и гранатомёт блин!

Но папка, тоже заметив гостя, вышедшего из леса в свет луны, ни как не отреагировал, продолжая спокойно сидеть у костра... и даже руку убрал с автомата! И только это остановило меня от дальнейших действий! В виде расчленении — опасный кадр к нам пришел! Но все же я сидел спиной к пришельцу, а отец... он явно его узнал, и...

— Вечер добрый — поздоровался незнакомец, с кулем в руках.

С кулем? С человеком! Спящим...

— И вам. — улыбнулся батька, и бросив вичку в костер, посуровел лицом, вставая — Уже пора, да?

Незнакомец кивнул, и передал сверток отцу. Тот, принял его... как величайшее сокровище! Как зеницу ока своего, как... и его лицо стало мрачнее тучи. Он взглянул на меня, на мужчину — леший какой-то, а не человек! Борода до пупа! Волосня... до пупа! Седой... и двигается бесшумно! И пахнет елочкой... призрак какой-то! — я даже потыкал пальцем, для уверенности!

На что тот с нежной улыбкой сквозь усы и бороду взглянул на меня в ответ, как на... собственную дочь? Он на всех девочек так смотрит, или я исключение? Отец тем временем уложил спящего человека, тоже ведь девочку! И мелкую совсем! Моего возраста... В машину, аккуратно и нежно, и избавил её от этого странного свертка, усадив так, будь то она, просто прикорнула в дороге.

— Ну, я поехал — сказал отец мужику, а я, выпучил глаза — Саша, останешься с Михаилом.

— Чё?!

— Не спорь! Так надо! Еда у вас есть — кивнул он на мясо и кое-какие продукты из дома, сложенные в рюкзак у палатки — Вода тоже. Если что — ручей где знаешь. Да и кабана загнать... — он усмехнулся — Ну все, не скучай! — и закинув на пассажирское сиденье половину добытого мной мяса, пошел к водительскому месту.

— Эй, пап! Подожди! — опешил я от такого, схватив его за руку, когда он уже почти что сел внутрь. — Что... происходит?! Кто этот лесник?!

— Лесник, — кивнул мужик, поглаживая бороду.

— Кто эта девица? — взглянул я на заднее сиденье, со спящей девушкой, что, блин, точная моя копия! — И вообще! Что происходит!?!? — обвел я все вокруг, заметив, что отец выложил из машины часть оружия и немало патронов, взяв с собой только АК, СВД, УЗИ, и патроны к ним.

— Не тво... Эх. — вздохнул он, и сделал дыхательную гимнастику, как видно успокаивая с чего-то расшалившееся нервы — Послушай, родная... так надо, понимаешь? — поднял на меня уставшие глаза — Не задавай мне вопросов, сейчас, пожалуйста! — и сжал руки в кулаки, — Иначе... прости. Я потом тебе все объясню! — и выхватил свою руку из моих — я не сопротивлялся.

Сел в машину, захлопнув за собой дверь, напоследок печально взглянул на меня, и уехал, оставив одного, в теле девочки, посреди леса, с неизвестным дядей.

— Ну! Что у нас тут? — потёр руки бородач — У! Какой хороший бекон! — провозгласил он, развернув сверток из шкуры кабана.

И срезав пластик мяса с особо жирного куска, неведь каким путем, оказавшимся в его руке ножом, засунул его себе в рот. Сырым! С удовольствием жуя, строя странные гримасы.

Я поморщился. Станный кадр! И вообще — все жутко странно в этом мире!

— Ну и? — с отвращением посмотрел я на мужика, все так же с аппетитом уплетающего сырое мясо — Что прикажете делать? — и заметив подгорающий шашлык, поспешил его перевернуть.

— М? — отвлекся от бесспорно важного дела «лесник».

Посмотрел на меня, на мясо, подумал, как видно в стиле «ты это мне?», сделал вывод:

— Ничего.

— То есть как?

— Наше дело ждать. — вздохнул он, и достал из мешка еще кусочек мяса.

— То есть как? И сколько. — поправился я, видя желание собеседника ответить в стиле «а вот так!».

— Ну... думаю дня два. — задумался он, оглаживая бороду, хех! Чистой рукой, в которой был нож, а не той, что брал сырое мясо!

— Два дня... Два ДНЯ!? — я аж крякнул от возмущения.

— Ну, деточка, придется... — не совсем правильно истолковал мои слова мужик, взглянув на меня как на дите неразумное.

— Не, вы меня не поняли! Я не против двух дней в лесу! Пфф! Могу и на дереве ночевать — отмахнулся от всяких там «наездов», заодно украдкой приметив чудненький сучек сосны у самой ели, — Хотя мне совершенно не ясно, чем мне это время тут заниматься — найду! — тут же отмахнулся и от следующих предложений — Но — почему? Почему я... нам! Нужно сидеть здесь в лесу так долго?

Мужчина слегка погрузнел.

— Надо так. — буркнул, и сел по другую сторону костра, где еще совсем недавно сидел мой папа.

А я, снял шашлык с огня, предложив в том числе кусок другой и своему товарищу-конвоиру, что от него почему-то отказался. Подбросил в костер пару заготовленных отцом пален и, услышав в дали волчий вой, решил, что мне надо бы проветриться.

— Ты куда?

— В туалет. — буркнул я в ответ на обеспокоенный вопрос человека — Не ждите, буду часа через два.

Мужчина опешил, но в ответ ничего не сказал. Задумался — что это за туалет такой, в который надо ходить аж целых два часа? Волчий, блин! Волчий туалет! Хотя самих хищников я все же не догнал — далеко, блин, далеко ушли...

А ведь хотел! Хотел догнать! Но нет — удрали, гады! А вместо них попалась мне... сова?

— Ну нафиг такое есть! — выкинул я добычу, сморщив нос.

Нафиг надо! Не настолько я оголодал! Да и в здешних лесах, несмотря на рассказы «туземцев» полно добычи! Ведь горы, лес, озера — все располагает! А людей — не много. Немного тех, кто ходит в горы. Да и в лагере — шашлык давно остыл!

К костру вернулся позже чем планировал, притаща с собой лишь хворост.

— А ты знаешь, сказку про Ивана-младца, охотника и гонца? — поинтересовался мужик, когда я сел обратно на бревно, напротив него, взяв в руки, никем нетронутый шашлык.

— Эх, нет не знаю. — вздохнул я, и надкусил давно замерзшее мяско.

— Тогда слушай... — взял он в руки новый шмат кабанчика, завев шарманку сказочника.

Ну ничего так, под мяско пойдет его бубнеж... — подумал я, а с неба неторопливо стал падать крупный снег.

Интерлюдия

— Тран-та-ля-л-ля!.. Тран-та-ля-ля! Тран, хм, таля-для-лям...

Поднявшись со своей кровати, девица в легких шортах и маечки была бодра как никогда. Еще бы! Выспалась! За окном — щебечут утренние пташки. И жизнь вообще и в целом, для неё — прекрасная штука!

— Та-па-па-пам! — напивает она себе под нос, скача по комнате, выбирая что сегодня ей примерить.

Но зов природы...

— «Пшии»

— Хм... — заметила она какую-то пустоту в квартире, и оглядевшись, поскакала к комнате родителей — Тран-та-ля-ля! Мам! Пап! Вы дома? Спите чтоли... — заключила вывод, видя, что дверь закрыта — Или... — её улыбка стала похотливой — дверь закрыли. — слова лились, словно смех, и девица, борясь с желанием заржать по некультурному, вновь стала напивать — Тран-та-ля-лям!

— «Клац, клацк» — щелкнул холодильник. — «клац» — щелкнул ему шкафчик

— О! Какой снег на улице! Какой снег! — заметила она, открывшийся за окном пейзаж, и на рефлексах закричала — Мам! Пап! Ай, ладно, тихушнейте!.. хм! А вот я сейчас пойду, и все печенье съем! Где тут моё любимое... о! Пойдет!

— «Хрум, хрум», «хрум, хрум».

Отказывать себе в удовольствии, когда и кто не видит? Да не смешите! Делится? Жалеть? Экономить? Она не такая! И если что не убрано на самую верхнюю полку — то это её! Априори её! И только её, если это уже к ней в руки попало.

— Вкуснотище! — последовала она с кухни в комнату, кроша свиняча печенюшками — И телевизор можно посмотреть...

И тут, входная, тяжелая дубовая дверь! С визгом влетает внутрь коридора, лишь чудом не сметя собой хрупкую девчушку, почти что в неглиже. Пролетает со свистом там, где мгновение назад стояла ошарашенная юная модница, так и застывшая с пачкой печенья в руках, глядя на ввалившихся к ней в дом, огромных дядей, раза в два больше её папы! В черных масках, и такой же одежде.

Мужиков, что ни говоря не слово, сбивают её с ног, больно ударяя об пол. Скручивают руки, выворачивая их из суставов, от чего на волю из груди девицы вырывается оглушительный душераздирающий крик:

— Ааааа!

Надевают толстенные наручники, и затыкают странным кляпом рот. То, что её лопатку и шею, одновременно совсем этим задела игла шприца, впустив болезненный укол, сквозь всю ту прочую боль, она даже и не заметила.

Дверь в спальню родителей отворяются, и оттуда вылетают две пули, мгновенно убивающие держащих её мучителей, точными попаданиями в голову. Третий же, что и ставил ей уколы, ловит свою пулю с большой задержкой, и умирает не столь споро, успевая выпустить в сторону комнаты очередь из автомата.

Правда, большая часть пуль очереди, уходит в потолок — стрелок, не сумел удержать прицел. Стрелок, банально умер до того, как автомат успел закончить свою трель, продолжая жать уже мертвыми пальцами на пресловутую «гашетку».

Девочка, уже ничего не видела и не слышала из окружающего пространства, потеряв сознание от боли и лекарств, однако в квартиру ввалилось еще двое, один из которых, войдя в комнату родителей, вновь открыл огонь. Сделал два выстрела в упор из автомата в грудь лежащего там окровавленного мужчины. Другой в это время, занялся переноской в подъезд мертвых тел товарищей.

Затем, туда, в подъезд, отправилось и тело самой девицы, а в квартире, прозвучал вопрос на неизвестном языке:

— Где мамаша?

И такой же короткий ответ, и такой же короткий приказ:

— Не здесь. Уходим.

По мебели потек бензин, вылитый туда захватчиками. И вот, еще мгновение спустя, последний уходящий неизвестный, кидает зажженную тряпку на ковер, и еще через миг — все погружается во мглу из дыма, а квартиру — охватывает пламя только разгорающегося бедствия.

Треск мебели, стон камня стен, огонь начал свою жатву, стирая без остатка все следы и улики, заматывая следы, уже мчащихся прочь всем составом налетчиков. Пусть и трое из них, уже холодные трупы.

Они, легко отделали! Всего трое! Хотя предполагалось, что девицу придется расстреливать взводом, и что потере могут быть в районе десятка трупов, и около того же ранеными. Но — обошлось. Отлично сработали! Внезапно напали, быстро обездвижили, надежно усмирили, вколов специально разработанный транквилизатор, что в очередной раз только доказал свою эффективность.

Мужчина выждал до последнего. До того самого мига, когда уже всё помещение заволочло дымом, когда дышать стало практически невозможно, а огонь, ползя по ковру, игнорируя кипящую кровь, начал опасно облизывать одежду.

Соскочил, собрав всю волю в кулак и задержав дыхание. Сквозь дым и пламя, на ощупь и по памяти, выскочил в подъезд. Туда, где чуть свежее, но лишь совсем чуть-чуть. Туда, где пузырясь и отлупляясь, горит уж краска на стенах. И в дыме — всё равно ничего не видно.

По лестнице вверх, поворот, и на следующий этаж. Мучительных сил্পый вдох, благо тут дыма уже заметно меньше. Он весь стремится в открытое окно на межэтажье, сюда врывается только отголосками.

И новый забег на следующий этаж, бессильно утыкаясь в дверь квартиры. Она открывается, его, уже почти что, бессознательного, принимают на руки люди, не давая распластаться кулем на при дверном ковре. Затаскивают внутрь, в безопасность, укладывая на приготовленную низкую кровать.

Здесь все готово! Его тут ждали. Врачи... с ужасом в глазах, смотрят на изуродованный бронежилет. «Придется резать!» — звучит команда, но это — та еще задача! Ведь броник скрытого ношения, специальный, двойной и толстый! Со вставками из композита, и плотно облегает тело — его не так-то просто вскрыть!

А из-под защиты, уже сочится струйкой кровь.

— Первый, я седьмой — изрыгнула рация голос человека.

Чистый, без помех, как это обычно бывает при радиосвязи. Впрочем, рация у людей, сидящих в обычной квартире на девятом этаже, далеко не самая обычная. Да квартира, обычной выглядит только снаружи, а внутри вся обшита звукоизоляционным материалом, как профессиональная студия записи звука, а не жилье обычного гражданского человека.

Да и не только звукоизоляция применена в защите здешних стен! Ничего, из происходящего внутри, не выйдет наружу, и никто с улицы, не узнает, что внутри. Ведь даже стеклам окон, может позавидовать как единственная космическая станция в мире «Мир», так и любой американский челнок. Защита у квартирки на уровне! Ведь там, внутри, сейчас решаются судьбы не моркови с гречкой, и не того, в чем завтра выйти на работу! Людей! Их жизней! И в большом количестве.

— Первый слушает, докладывай седьмой! — нажал кнопку мужчина, до этого задумчиво изучавший разложенную на столе карту.

— Цель выехала из города, свернув на северо-запад в лес.

— Куда же вы чешите? — пробормотал мужчина, вновь взглянув на карту.

Убрал верхнюю, ту, что с детальным планом города и его окрестностей, открыв взору карту региона. Повел пальцем по дороге, нарисованной тут на бумаге, но предельно точно отражающей извилистую тропу среди раскидистых елей, по которой сейчас и движется недавно упомянутая «цель».

— Это тупиковая дорога. Там кроме заказника и заповедника ничего больше нет. —

подал голос рядом стоящий коллега, так же изучавший карту глазами.

— Да вижу. — недовольно огрызнулся главный, все также неотрывно изучая трассу.

Трасса там конечно условная, но шестьдесят км держать на ней можно и на ВАЗе! А эти... все зависит от количества снега, успевшего насыпать за ночь. Дорогу к заказнику прочистят не раньше вечера, так что... или уже прочистили, сразу после снегопада?

Отстранился от стола, задумался, оглаживая едва заметную щетину, словно полноценную бороду. Взглянул на красную точку, намалеванную прямо на бумаге карты маркером, немногим севернее дороги. Нахмурился.

— Неужели они...

— Внимание! В секторе замечен неопознанный летающий объект! — вновь изрыгнула рация, но уже по другому каналу.

— Они что, по воздуху линять собрались? — подал голос третий человек, находящийся в этой комнате, сидящий поодаль от стола, у аппаратуры рации.

— Похоже что так. — буркнул главный, и ткнул пальцем в маленький светло-зелёный участок на карте, единственный ровный клочок, сред гор и леса — Тут.

— Этож совсем близко с объектом! — вскрикнул второй человек у стола, примерив расстояние от зеленого клочка до красного.

— Вижу.

— Придется брать?

— В чем смысл? — поднял взгляд от карты главный — Ну возьмём мы этих, ликвидаторов, а что дальше?

— Но у нас же есть данные, кто заказчик! — кивнул второй на третьего, на что тот утвердительно кивнул — Притянем! Да и через кого работают, тоже знаем. А девчонка...

— Нет, дружище, так не пойдет. — помотал головой вышестоящий офицер — Мы столько к этому готовились... Да и кому нужна твоя девчонка, извини? Я все понимаю! У самого поперек горла от этой идее! — провел он рукой по горлу, стиснув зубы — Но... иначе мы их не стряхнём. Да и к тому же... догадки к делу не пришьешь. — вновь склонился он над картой.

Нащупал рацию, не отвлекаясь, поднял:

— Сороковой! На месте?

— Так точно! — изрыгнул приёмник.

— Поднимись на десять тысяч! Тебя не должны засечь.

— Принято, выполняю.

— Тоньше ребята, надо работать тоньше — проговорил он себе под нос, убирая приёмник в сторону.

Крякнул, как с досады, и отстранился прочь от карты.

— Вот что друзья, зайдем — ка с козырей! Игорь! — крикнул он в соседнюю комнату, и через миг на пороге показался совсем еще молодой парень, в камуфляжном костюме, в расцветку которого органично вписались пятна от жидкой канифоли — Свяжись с Абрамом! Пусть работает по второму варианту.

Парень кивнул и удалился.

— Но шумиха нам все же нужна, — огладил главный усы-щетину — Чтоб наш любименький отдел и так был под прицелом. Сороковой! Что видишь? — вновь взял он трубку рации.

— Конвектоплан заходит на посадку, машины пока не видать. Плохая видимость,

командир! Отсюда я даже землю то толком не вижу!

— Принято. Наземная группа?

— Говорит седьмой. Ведем объект. — отозвалась рация на запрос начальства.

И через миг вновь ожила.

— Это седьмой. Объект свернул в лес, дальнейшее наблюдение невозможно.

— Принято. — сказал в трубку главный, взглянув на стоящего по другую сторону стола мужчину.

— Если это оспрей, — подал голос тот, без слов поняв вопрос — То полетят они в Чистополь. Там ближайшая база у девятки.

— Там они и запытают девку, — кивнул своим мыслям начальник, продолжая удерживать рацию в руке, и оглянулся к мужчине, сидящего у её аппаратуры — Суворова же как раз в Татарию заткнули? — собеседник кивнул — Пора его вытаскивать, а-то сорвется малый. — и вернул внимание к столу — Слишком правильный он какой-то, не для такой должности! — и вновь взглянул на собеседника, сидящего у стенки — Пусть прихватит всё, что может, и по девчонке тоже!

Тот опять кивнул, и поспешил покинуть помещение, чтобы не мешать переговорами с иными номерами, беседе главного, и его товарища.

— Только бы наша «малютка» в лесу чего-нибудь не отчудила — пожевал он губами, и поднес рацию к лицу — Четырнадцатый! Готовься! Скоро фургон поедет к тебе, в сторону города. Сороковой! Тебе придется повисеть еще недельку в небе.

— Принято.

— Принято.

Суворова Сергея одолевали тяжелые думы. Во что опять он вляпался? — думал он не переставая, прокручивая в голове детали нового задания.

Задания, против собственно же страны! Если вот так подумать, со стороны. И если б знал он, что будет вот такое делать тогда, когда его вербовали, никогда бы не позволил бы сделать из себя «агента».

Вернее, он тогда думал, когда его попросили перевестись в секретный отдел ФСБ из отдела внутренних войск, что сразу по прибытию на новое место службы, сдаст всех своих вербовщиков со всем их потрохами! Выдаст все явки, все пороли, всю систему! Что он успел слизать на глаз, неожиданно обострившимися после ранения чувствами. И той бойни, что учудил, только очнувшись от наркоза, когда какие-то нарики, в наглую громили поликлинику под шумок неразберихи.

Сдаст новому начальству, всё что знает! А там... будь что будет. Решат, что крыши съехала? Пусть! И так голоса мерещились еще неделю после пули, едва не разорвавшей сердце. Решат, что молодец — шикарно! Что «сам дурак!», и наверняка уже работаешь на вербовщиков — тоже нормально, ведь и сам бы не поверил в такую «честность». Ну, а скажут — будь двойным агентам! Эх... придется.

Да и на что вообще рассчитывали вербовщики? Что бы русский офицер, вдруг стал шпионить за собственной страной?! На неизвестно кого, да еще и начав работать в службе, занимающийся отловом и уничтожением пришельцев! Да не просто каких-то там зеленых, безобидных, человечков! А тварей, уничтожающих всё на своём пути. Монстров, что

способны сожрать танк целиком, если тот от них вовремя не сделает «ноги» и не будет обладать должной защитой.

Их не берут пули! Им нестрашны ручные гранаты... они сам ужас, сама смерть воплотили! Хотя с плотью у них тоже проблемы. Огненные монстры... Правда, когда Сергей просил перевод, он еще не знал, что это все взаправду, а не просто какая-то шутка, какой-то странный пароль, для прохода «в за кулисы» секретного девятого отдела.

Думал это все... фантастика! И был уверен, что в нашем-то мире, такое и близко невозможно. А когда узнал, что все это — правда, что ему действительно придется работать в подобной организации, оказался настолько шокирован, что на время забыл о какой-то там вербовке.

Боролся с желанием проверить собственные глаза, даже разок был у психолога. Платного, элитного, а не того, что был в отделе, и следил больше за верностью бойцов их делу, а не за их психическим настроем. Но... не нарушая клятвы, не смог тому и половины рассказать, уйдя не с чем.

Желал развеять сомненья в алкоголе! Но и тут как-то не срослось. И вот, казалось бы, смерился — ну пришьелсы, и что такого? Их тоже можно убивать! Пусть и из гранатомета. Они тоже, не бессмертны, и вполне себе... обычны?

Но чем больше работал, тем больше понимал. Тем больше для него приоткрывалась тайна! Даже в этом, самом засекреченном в стране месте, не всё то, чем оно кажется.

Ликвидация монстров — лишь часть работы. Где они будут, где объявятся, всегда известно за часы. Есть время подготовиться, доставить группу... уничтожить, не дав им закрепиться! А вот потом... зачистка территории, убор свидетелей...

Причем последним, приходилось нередко заниматься в разы по более прочего. Стирание памяти ведь еще не изобрели, а... мирные жители должны и дальше думать, что их мирочек мирный! И ради этого, начальство согласно на множественные жертвы.

Женщины, дети, старики — все шли в расход, если грозили утечкой информации самим своим существованием. Начальству пофиг! Граждане страны? Какой страны? Вы подчиняетесь Америке! Убрать свидетелей!

Суворову никогда не забыть лица людей, чьи жизни он отобрал по такому тупому приказу! Их лица!.. их крики... предсмертные мгновения, и агония смерти... ни что это никогда не оставить его, и будет сниться до конца его дней.

И хоть отдел за номером девять номинально входит в состав ФСБ России, даже по документам, этой самой стране не подчиняется, и вообще является частью десятого отдела ФБР. И как следствие, все они — иностранные агенты на во своей стране.

Ни кто это не скрывал! Это было написано чуть ли не на каждом столбе внутри штаба отдела! И на половине брифингов об этом говорилось! «Ваша главная задача соблюдать интересы Соединённых Штатов Америки в этой стране!» Но Сергей каким-то образом умудрялся пускать все это мимо ушей.

Особенности сознания? Или человеческая психика? А может то продолжение последствия травмы? Но зато, осознав это, Сергей и вспомнил о товарищах, что и просили его шпионить в этом тайном логове! И тогда для него все стало ясно.

В какую грязь он залез с тех пор! Какие ужасы творила его контора! А он только и мог, что наблюдать в отчетах, переводясь на кабинетную работу, ведя беседы с представителями смежных ведомств, а по-русски — посылая их в дальние леса. Девятый отдел, он неподсуден! И никому в этой стране не подчиняется!

Агент изнасиловал пятилетнюю девочку? А вам-то какое дело! По пьяни спалили дом престарелых вместе со всеми его обитателями? Ну, это вообще смешно! Устроили дебош, с применением огнестрела в центре города? Ну это вообще не наше дело! Сами как-нибудь там разберитесь, замяв всё дело. Замяв! И никаких вопросов...

Убийство президента, которое организовала эта конторка два года назад, на фоне этого всего, показалось Суворову цветочками. А ведь этим тут даже гордятся! А сейчас... в подвалах центра исследования под Казанью, эти ублюдки из его заокеанской общинки, пытаются девочку, что «подозревается в бессмертии».

Представить доказательства их зверств? Да я вам по именам их всех там назову! Хотя сам лично пальцем укажу, если потребуется! Но только накажите этих чокнутых ублюдков! Жажните ядерным ударом, что бы стереть этот ужас с лица планеты! Что угодно, только бы не видеть еще одного ребенка, что убивают буквально на его глазах эти, уже давно мертвые внутри, недочеловеки.

Но все же, в глубине души, где-то там, под тонной ярости, злобы и отчаянья, Суворов Сергей все же понимал, что банальный взрыв, и смерть ублюдков здесь и сейчас, как и его да вместе с ним, не решит вообще вот ничего. А сделает, лишь хуже.

Скучно тут сидеть! На чудо-юдо бородатое глядеть! Что уже пол кабана сырым приговорил! И куда в него только лезет, а?! Хотя ладно, там было не пол, а... четверть! И чистого мяса, но! Больше десяти кило, парного, и подмороженного, мяса... за ночь! Даже я бы так не смог! Не в этом теле! Надо, наверное, пойти еще поймать, а заодно и развлечение себе найду.

— Ты куда?

— В лес. — буркнул я, на обеспокоенный возглас мужчины, строгоющего мороженное мясо ножом, и почёсываясь, поплелся под сен деревьев.

Дошел до речки — полакал. Благо течение быстрое и лед на неё еще не встал несмотря на холод. Поискал следы — никого! Видать я, своим запашком — пороха! Всех вчера тут распугал. Поплелся в чащу на ту сторону.

— Медведь кажись...

Нашел берлогу, но будить не стал. Зачем? Медвежатиная... да так себе она! Тем более тут — медведь не молодой, в годах. А мясо у него, жёсткое, вее! Ну нафиг! Тем более самец! Справится с ним, для меня не проблема! Но есть ЭТО — так себе идея. Да и шкура у нег сейчас — гамно! Ах, да, еще и лицензии на отстрел медвежуги у нас нет! Лесом! Пускай почивает.

Хм, подсвинок пробежал. Но давно. — набрел я на какашки, уже хорошо присыпанные снегом. И лось, в году так прошлом — нашел характерные следы рогов на дереве. Всё не то! О! Заяц! А-ну иди сюда ушастый!

— йА! Ыыы...

— Попался!.. прости. — и белый снег украсила алая кровь.

Теперь можно и возвращаться! Или, поймать еще одного прыг-скока? — понял я, что следов тут многовато, для одного косоного. — Да не, хватить. Итак крупного поймал, да и продукты в лагере нетронуты — супчика сварю! Во!

— Ух ты, какой зверь! — провозгласил лесник, наблюдая зайчишечку в моих руках — И

шкурку уж сменил... хороший! Хороший улов! — и закинул себе в рот еще кусок бекона.

Я — пнул кожаный мешок, в котором было мясо — одни ребра там остались! И пусть, жопку забрал с собой отец — там же было и с передних ног мяско! И щековина! И грудинка... а теперь, одни ребра, и все что с ними — на суп пойдет! Или закоптить?.. Но точно — не в фарш!

— Ладно, пойду ка я тоже, до дерева дойду. — кряхтя, поднялся мужичек, с бревна-лавочки у нашего костра, на котором просидел всю ночь жуя не переставая.

Чую, кучка будет славная! — поглядел я в след этому медведю, и приступил к разделке зайца, пока тушка, еще не окоченела. Эх, надо было кишки-сердечко, вновь выкинуть там, в лесу, от лагеря подальше. Куда теперь девать то? А шкурка и правда добрая — мамке на шапочку пойдет! Только надо наверное и еще одного поймать, что бы вышел чурбанчик побогаче! И лису, на воротник.

Небо тем временем, вновь разразилось снегопадом.

Хех! Девчонку там убили! — от возмущения опер уполномоченный по Измайловскому району Семен Грачев даже крикнул, и чуть не рухнул со стула.

Пришлось экстренно возвращать себе и стулу, на котором данный не обделенный весом, но пока еще лишенный жира человек — работа! До этого лихо раскачивался, бездумно пялясь в экран телевизора. Там, за место любимого серела, вдруг начались эти, ненавистные новости!

Ну вот что они там могут сказать? Что все плохо, но за граница нам поможет!? Это уже всё не раз слышали, но что-то её помощь выражается зачастую со знаком минус. Грабят они нас! По черному грабят! Выдавая за благость. Но это уже не ново, и к этому все уже успели привыкнуть. Но кроме этого, слишком много в этой «помощи» остаётся за кадром.

Да у нас тут таких девчонок! — и ножка стула все же не выдержала немалого веса полковника, и предательски хрустнув, все же уронила человека на пол.

— Дурацкий табурет! — мгновенно соскочил опер, подняв следом за собой в воздух стул, держа его одной рукой, словно бы желая уронить на нерадивый телик.

Взгляд туда вызвал новый приступ злобы.

Да у нас таких малолеток по пять штук за сутки в сточных канавах находят! Задушенные, зарезанные, просто забитые до смерти! Накаченные наркотиками... и редко когда не изнасилованные. Сами же эти, белые каски — полковник сплюнул себе же под ноги, глядя на появившиеся на экране холеные рожи заграничных интервентов, с уверенностью заверяющие, что уже взяли ситуацию полностью под свой контроль — зачастую и насилуют.

И сделать с ними ничего нельзя! Вот вообще! Они же!.. неприкосновенные — стул вернулся на своё место, чудом удерживая равновесие на трех оставшихся ногах.

— Эх, — вздохнул полковник, покачав головой — ладно бы лишь их нельзя было арестовать, имея все доказательства на руках, после насилия одной из девочек, прямо на улице под камерами банка! Или убийства там же охранника заведения, что решил помочь — хороший был мужик! Правильный!

Опер вновь вздохнул, смахивая с глаза предательскую слезу скупого на эмоции человека. Ведь того, мужика, он знал лично! Учились в месте, потом поддерживали связь, и в тот несчастный банк...

— Эх...

Его в охрану порекомендовал он сам. Но каски — неподсудны! Они же... миротворцы! Их всех сами за яйца вздернут, если они хоть пикнут в их направлении! И бесполезно уговаривать начальство! Глава отдела... уже трижды сменил за два года, из-за излишней деятельную натуру. За гонение бандитов.

И в этом вот вся лиха загвоздка! Ведь не одними касками кишит теперь Москва! Наемники-тире-бандиты, профессора наук-тире-садисты-живодёры, что понаехали со всей страны округи, и ставят опыты во всю, да над людьми. Тут как-то вымер целый дом! От того что в вентиляцию пустили некий газ.

Но, что? Расследовать? Да не смешите! В таких делах и пукнуть не успеешь, как прилетит звонок...

— «Дциинь!» — глаза полковника, чуть не вышли за орбиты.

Он скосил свой взор на телефон, что повторил звонок, как колокол на кладбище в ночи.
— «Дциинь!».

Звонить сюда в такое время могут только... и он уже знает, что они попросят... прикажут! Тоном, не допускающим и тени возражения.

— Да... Хорошо... Скажем, дети развлекались с фейерверком. Ясно.

Полковник сел на стул, игнорируя его треногость.

— Застрелится, что ли? — скосил он взор, на табельного Макарова, лежащего в кобуре у телевизора.

Но вспомнил о семье, о жене, о детях, даже блин о теще! Как они протянут без него? Пенсии давно не платят никому, работы... нет по факту, если английского не знать — тем-более. И даже на панель...

Полковник стиснул зубы, старясь выкинуть подобную мысль из своей черепной коробки. Положил трубку телефонную обратно на аппарат, и подтащил поближе пистолет.

— Значит как тогда, утечка газа. — взглянул он на Макарова.

За окном послышалась пальба.

— Начальник! — ввалился в кабинет его помощник.

Но налетав с порога, на полный горести-тоски взгляд шефа, понял сразу — не судьба.

— Что, снова, да?

— Ага. Кажется — прислушался к стрельбе полковник — это люди косоного, чистят территорию под новую дурь.

— Из-за океана, да?

— Ага. Как видна простой травой с Афгана им уже не интересно промышлять, синтетику будут молодёжи загонять!

— Вот... — произнес младший по званию, после минутной паузы в разговоре — Вот бы... — вновь замолчал он, прислушиваясь к трели автоматных очередей прямо под окнами участка — Вот бы их сейчас всех вместе!.. — сжал он две ладони вместе, изображая как стирает песочное печенье в порошок, и оскалил зубы — И... — но слова более из глотки уже не вырвалось.

Слишком сильно их тут всех дрючат.

— И что потом? Милицию и так желают упразднить, да не хотят мороки с населением, с которым самим потом придется разбираться. Вот накроем мы тут их всех... — помотал головой полковник, глядя на собственные колени — И что? У тебя ребенок, у меня трое...

— А вы не боитесь?..

— Боюсь, паша, боюсь. Настолько, что порой и жить не хочется. Или имею желание, то застрелится, то пойти стрелять по всем из автомата. Но вот смотри, уволят нас, сдав на растерзание своим карманным шавкам, и дальше что? — взглянул он на товарища, а стул под ним опасно накренился — Пока мы тут, мы хотя бы какую-то видимость порядка держим! По улице, хотя бы в центре! Хотя бы в теории. Можно ходить, не опасаясь пули. А уйдем, и что?

— Каски сядут в броневики, и будут стрелять во все, что движется. — поморщился напарник, и взглянул на «ящик телепередач».

— Итак, напомним главные темы выпуска... — издала коробка, с жизнерадостной напомаженной ведущей, ставшей уж третьей новой «звездочкой» только за эту вот неделю.

— А я ведь её знал... — вдруг проронил притихший подчинённый.

— М? — не понял босс, взглянув на друга — Ведущую? — на экран.

— Не, девчонку. — мотнул товарищ на тв, где мелькнула тема со «зверски замученной», и полковник все же плюхнулся с поломанного стула.

— А, эта! — соскочил он снова — Не бери в голову! Было бы удивительно, если бы после убийства президента наше ФСБ не работало на ЦРУ пусть и не напрямую. Хотя, такая дрянь, как прямое подчинение... — задумался начальник.

— Интересно, где сейчас её папка? — задумался Павел, вспоминая своего бывшего командира, что натаскал его веем известным миру премудростям кинологического дела.

Правда собак в отделе давно уж всех повывели «за ненадобностью», и профессиональный кинолог с дипломом и опытом, работает обычным дежурным, в ночную смену. А по сути — сторож-водитель, иногда работающий доставщиком пиццы для голодающих иностранцев из миротворческих сил.

— «Дциинь!»

— А не пора ли нам возвращаться? — поинтересовался я, спустя положенных два дня, у многословного, но болтающего исключительно не по делу, «лесника».

Только он не лесник! Вообще ни разу! И даже не охотник! Ну, почти. А... хрен знает кто! Просто мужик бородатый какой-то, с большой любовью к сырому мясу. Бородач, во! И он достал откуда-то из складок своей мешкообразной, пусть и кожаной, одежды, здоровенный телефон — ладно хоть не домашний! А то бы я и ему не удивился. Сотовый, ну или спутниковый, пикнул клавишами раза два, и лесник с задумчивым видом уставился в засветившийся во мраке зелененький экран. Станный он какой-то, и мужик, и телефон!

Я уже тут с ним два дня среди леса торчу! Как могу, себя развлекаю... двух зайцев поймал! И пол лисы — хвост оторвал, бедолаге! Хотел добить, но она в нору так глубоко забила... А лесник — сожрал всю добычу сырой! Гад! Я только на котелок отвлекся, а он уже свежо выпотрошенные тушки обсасывает... Даже для меня — это было отвратительно!

И... бить старика жалко, и отбирать — ну нафиг! Мне и ребер хватит! Благо с них мясо срезать слишком нудно и долго для бородача. И вообще — что за странная такая диета?! Как у волка, ей-богу! А еще я себя странным считал! Тфу! На фоне таких вот кадров, я — сама милота! И вообще — почти как все.

А ведь на улице еще и не жарко сейчас! А ему хоть бы хны, и спал даже на бревнышке, в палатку не ходя. Я в прочем, тоже, и вообще на снегу в одной осенней курточке. И на снег мне наплевать, даже если набьется за шиворот или в ботинок, с моим теплообменом — я его оттуда просто вытряхну! Даже сушить одежду не приходится! Ведь снег на мне не тает, а значит и не мочит.

Но он то человек! Простой, бородатый, хмырь. Ему-то!.. по крайней мере снег на нем уж точно тает, а значит... должен был бы помёрзнуть, но нет! И костер мы жжём лишь так, для виду. Да чтоб не заблудится, бегая до ветру.

Погода за эти два дня в хлам испортилась и решила видимо наверстать все то, что задолжала — снег, ветер, холод. Дорогу замело, наши следы, впрочем, тоже, и... не отпускает меня чувство, чего-то несильно хорошего. Не паника, и не предчувствие беды, но просто... замышляю они что-то, эти, «взрослые». вытряхаю, и не парюсь.

— Ну, думаю можно и выдвигаться. — наконец произнес мужчина, погасив экран и убрав телефон обратно под тулуп.

Туда, где только из достоверно известного! Прячется помимо человеческого тела, еще и два ножа, крюк, неизвестного назначения, но на мясницкий похож, фонарик, еще один, но побольше, кресало, и бутылка чистейшего спирта! К которой он, как ни странно, так ни разу и не притронулся, но которую выдает плохо закрученная пробка, мой нос, и близкое расстояние. И хрен знает, что еще там у него прячется, что за спиртовыми духами от меня сокрыто!

Мужчина встал, крехтя, отряхнулся от снега, небрежно, с видом «и так сойдет! Мой тулуп — непромокаем!» Взглянул на палатку, которую я тут же кинулся собирать. На рюкзак с оружием, куда мы его спрятали, от снега, со вздохом его примерев себе на плечи. На мясо... ребра кабана, что ни так и не доел. Я вообще стремался при нем есть! Больно уж дядька, подозрительный.

— За нами что, ни кто не приедет? — решил поинтересоваться я, поняв, что это все нам на руках не утащить.

Точнее утащить, но я за два дня бесконечной болтовни о «футболе и хоккее», стал сторониться этого типа еще сильнее, чем при нашей первой встрече! И быть в такой компании хотя бы чуть-чуть недееспособным — не намерен!

— Приедут. Но позже. Надо еще подождать — ответил человек и, опустив рюкзак с оружием на землю, сам примостился рядом.

Срезал с филейной части уже почти съеденного зайца последний кусок, ловко проведя нож вдоль кости, не касаясь её самой, и принялся с упоением поглощать «лакомство». Я тем временем — поставил палатку обратно.

— Ну, вы тогда ждите, а я — домой! — улыбнулся я, и ломанулся в лес.

— Стой, что?! — опешил товарищ, но я уже скрылся за стволами деревьев. — Да... — как видно дальнейшее, означало что ему по шапке прилетит.

Но останавливать он меня не стал! Кричать, орать, «стой! Подожди! Остановись! Вернись» — не начал! А значит — я добавил газа, и уже по-настоящему ушел далеко от костра. Взял направление на город и, сверившись с картой ландшафта — отец заставил меня изучить её всю! Ту её часть, что обрисовывает окружающую город местность — проложил наиболее короткий маршрут, избегая гор и оврагов. Все же, прямая линия, на местности далека от самого короткого пути! А я — не хочу бежать лишнего!

С другой стороны — тренировка мне не повредит! И пусть я уже давно привык к телу, и мышцы достаточно развил, что бы иметь сверхчеловеческую выносливость. И сила у меня есть, но — нет сонара! К которому я сильно привык... и что позволяет легко уклоняться от невидимых в ночи веток!

— Чтоб тебя долбаный сучок! Чуть глаз мне не выбил!

И мозг же еже с ним — большая палка! От того и не пробил, упившись в кость. Фингал будет... знатный.

А без коньков Силы, позволяющих парить над поверхностью земли... уязвимым предьями и провалами... скрытыми под неплотным снегом. Куда легко можно угодить ногой, рукой, и вообще целиком! Особенно в ночи! Да в снегу! И выбравшись... можно остаться без ноги... Ну или с вывихом!

— Да чтоб вас!

А уж какой я оставляю след то за собой! Олень! Лось! Дикий кабан! Или медведь, не иначе! И вообще!.. Лучше бежать по дороге! Под ноги смотря.

К городу я вышел только к утру. А домой пришел — уже к рассвету. И... не сразу понял, что стойкий запах дыма, что появился еще за два квартала от дома, это из нашей квартиры! А самой квартиры... собственно и нет.

— Что за... фигня... — проговорил я, глядя на черные провалы на месте окон нашего жилища — Когда...

Хорошо, что время раннее! Но не настолько, когда рабочий люд на работу идет... и я, бесшумной тенью проскользнул в своё жильё. Сквозь незакрытую, и видно выбитую, подъездную дверь. Поднялся на этаж, и... увидел пустую, полностью выгоревшую квартиру, сквозь столь же окончательно выгоревшую дверь, что словно испарилась, сверкая обгорелыми «фасадами» косяка.

Или нет? Дверь не выгорела! Её выбили! Причем — до пожара! Иначе бы тут была свежая, вывернутая из глубин, древесина на косяке, а не эти сгоревшие в пепел щепочки. И вот, похоже, она собственно и лежит — в двух метрах дальше по коридору! В сторону кухни, присыпанная отвалившейся с потолка штукатуркой, что и не понятно, что тут что-то лежит.

Это-ж с какой силой по ней долбанули, что её туда отбросило? Тяжелую, дубовую, толстенную, дверь! Собственно, есть вопрос получше — а почему штукатурка отпала?! Её делал Я! Она не должна была отпасть от жалкого огня, горения обоев! Хотя кто его знает, что там кладут в эти сухие смеси... но стрелять из огнестрела они точно не умеет.

Тааак! Мне кажется, я зря тут сейчас слежу своими тапками! Надо уйти, вернуться... в лес? Но сначала...

Все же не удержавшись, я загляну и жилые помещения, и в ванну с туалетом. И не в одной из комнат не обнаружил тел! Как и остова детской коляски. Значит... а кто его знает, что это значит! Может и были тут тела! Блин, что б их! Убрали просто, пожарные да медики — времени то уж сколько прошло! Судя по углям — сутки! Все что угодно могло случиться за это время с остатками моей семьи!

А может и не было тут ничего... Не было их дома. Что, на самом деле звучит немножко фантастично, учитывая пули в потолке — с кем тогда тут воевали?! Но все же — у отца же был какой-то план! Не поверю, что бы он заключался вот в такой нелепой смерти.

К сожалению, из-за запаха дыма, вони сгоревшего пластика и краски, я и близко не в состоянии что-либо хотя бы примерно понять, установить, или хотя бы взять чей либо след. Не говоря уже об полном реконструировании произошедшего, как делал тогда с Зоей и её насильниками.

Тогда были идеальные условия! Стойкий, свежий дурман, и тихая безветренная подворотня! Сейчас же — все наоборот. Отбросив дым, огонь — тут столько народу уже потопталась! Пожарные, наверняка — милиция, собаки — что им тут делать? Но возможно. Да и воды на эти стены-пол было пролито немало.

Я тут слепой, и ничего не вижу. А значит — пора тикать! И как видно — через окно! Сюда кто-то топает по лестнице! Рыбкой в низ, в сугроб, и вплавь... не долго! Соскочить, и ланью через город в лес! Немножко пропетлять, и на дорогу, что бы потом вновь через лес, по скользю немного над снегом на коньках, добраться к месту встречи.

На счастье, уже расцвело, и проблем пробежка по массиву не доставила. Да и... в некотором роде адреналин, помог, добавив мощи ножкам.

— О! Ты вернулась! А то я уж... — договорить мужичек-лестничок не успел, молниеносно подскочив к нему, я схватил любителя сырого мяса за грудки, одной рукой поднимая над землей.

А он тяжелый! Как видно в шубе и винтовка есть!

— Говори! — прошипел ему в лицо.

И перехватил руку, что метнулась под подол.

— Что? — прохрипел он в бороду.

— Всё что знаешь! Зачем мы здесь!? Почему отец... И... — то, что наша хата сгорела, решил не говорить — Что там была за девка, и что вы вообще задумали!

— Ну... — просипел он, и я понял, что дышать ему в таком положении... не очень удобно.

Отбросил в сторону как куль, и посмотрел на старичка, что кашляет, и силится подняться. Как на раба! На мусор! На холопа! С готовностью убить, следя за каждым его движением, чтоб пресечь попытку сделать это вот со мною.

— Ну это... — старик все же сел — таков план — и улыбнулся — я просто исполнитель.

— А окто ответственен? Кто придумал! — и он вновь улыбнулся — Отвечай!

— Отец твой, кто-ж еще. — и сел я на бревно — Надо признать, голова то у него нехило варит! — и он потер свою бородёшку. — Такую стратегию! Такой план... впрочем, потом сама у него обо всем спросишь.

Если он конечно жив! А если нет... Тфу!

— Какой план? Где он сейчас?

Мужик развел руками. Ясно — исполнитель.

— Мне лишь велено, дождаться транспорт. И тебе — лучше быть рядом, а не бегать по лесам.

Я сплюнул, уже реально, а не в мыслях, и взяв кусок мороженого шашлыка из сугроба у костра, со злости всадив в лед свои зубы — чуется мне, мы тут надолго!

Я ошибся, или нет, но транспорт прибыл этой же ночью. Подозрительно тихая машина, без фар и отражателей, почти что подралась к нашей стоянке, что я, уже хотел пошуметь тут с карабинчика. Но не пришлось, и мы, при помощи таких же подозрительно тихих, словно тени, людей, погрузились в этот странный агрегат, и сохраняя уже установившееся какое-то негласное молчание, поехали в неизвестность.

И все это донельзя странно! И мне хотелось орать! Бунтовать! И заваливать окружающих меня мужчин вопросами, но! Я слишком сильно понимаю, что такое «Работа», и что они просто... выполняют приказ. Навряд ли они много знают, а значит — навряд ли мне смогут ответить на мои особо важные вопросы. Да и бежать от них куда-то в лес... немного глупо. Придется довериться отцу, с его «великим планом».

Или же, в конечном счете, уйти по-Панамски! С музыкой!

А приехали мы... в какую-то воинскую часть? Большая часть территории хорошо освещена натыканными тут и там прожекторами, но малая — соблюдает светомаскировку! Именно в неё мы и приехали, однако, увиденного мне вполне хватило, что бы сделать предположение о принадлежности базы к кадровым военным.

Нет, не раскраской! Краска на зданиях и фонарных столбах уже давно облупилась, обратив и то и другое в цвет непонятный, серо-грязно-бурый, принадлежностью — неопределенных. Хоть завод, старый, хоть завод, новый, на месте старого... а что? Там же

езде есть старые здания! Что выглядят лишь чуть лучше, чем заброшенные! Да и народу в видимый диапазон не попадаетея — охрана на въезде не в счет!

Просто уж слишком тут всё... для завода — здания низкие! Не те характерные корпуса, по несколько этажей вверх. Запаха характерно опять же нет. Да и звука. Ну а для тюрьмы... режимность слабовата. В прочем — мы тут как видно ненадолго! И, меня, молчаливые сопровождающие пересадили в другую машину. Как видно — какая-то иномарка! Уж больно комфортабельная! Даже как-то через-чур.

И повезли в неизвестность, выйдя с базы через другие ворота, ведущие на асфальтированное шоссе, а не в лес, и словно уходя от погони, дали по газам, наслаждаясь ревом мотора и чистим, только отчищенным от снега, асфальтом. Как видно еще и недавно положенном! Не единой вмятины или выбоины!

База, лесник, оружие, остались где-то там. Город, мой родимый, как понимаю, тоже. Я давно перестал пытаться следить за поворотами! В машине все же это делать сложно, тем более, когда её слегка сносит и заносит на сугробах. Когда она буксует, и вообще — едет через лес. Но я почти уверен — мы едем не обратно, а куда-то прочь.

Вот только куда?

— Эй! Может мне кто-нибудь объяснит?! Что тут происходит...

Молчат.

— Надень. — разродился наконец, сидящий спереди бугай.

И протянул какую-то тряпку. Что на поверку оказалось... шапкой? Мешком? Что-то такое, невнятное!

— Поспи пока — дорога дальняя — сказал он же, но я естественно и не подумал это сделать!

Но сделал вид — натянул «колпак», сквозь который всё равно можно видеть — ткань не плотная, просвечивает, и навалился на стекло, под мерный шум колес, словно бы заснул.

К сожалению, покой мой был не долгим. Недостаточно долгим, что бы эти двое, сидящие на передних сидениях, разговорились! Зато я узнал местность! Еще бы её не узнать... мы ехали здесь на автобусе, на соревнование! М5! Чтоб её разбитые ухабы! Сами засыпались... и даже мои провожатые, за рулем машины с хорошей подвеской, тихо шипят, объезжая очередную колдобину-кочку на дороге.

Совсем её разбили! Вот в хлам! Еще месяц назад тут было все не так! Совсем не так. Но... распутица, неопределенная погода и огромный грузопоток, сделали своё дело. Не зря все таки подобные трассы обычно перекрывают на это время.

Но и по трассе ехали тоже не сильно долго, свернув еще куда-то, на уже мне неизвестную дорогу. За окном потянулись поля, поля... деревни, и я уж было тут подумал: «скоро приедем!» Но пейзаж все не кончался, а новая военная часть — так и не появлялась нигде на горизонте. Одни деревни! Да молчаливые попутчики.

И вот мы наконец прибыли! Но не на базу — в город! Самый обычный дом в городе Магнитогорск. И как я на него не смотрел — ничем не примечателен! Панелька, она и в Африке панелька! И что же в ней такого, что бы мы так долго ехали именно сюда?

— Иди, второй подъезд квартира восемь. — сказал мне водила, в то время как его товарищ принял у меня обратно свою «шапку для сна».

— И что там? — наивно поинтересовался я, уже тянясь рукой к двери с глухо затонированными стеклами.

Мужчина пожал плечами. Я вышел, оглядел машину... ну не броневик, но джип!

Хорошая тачка... что поехала дальше? Что за играшка!?!? — скривился и, сунув руки в карманы, поплелся в сторону указанного подъезда. Поднялся на третий этаж, позвонил в звонок. Дверь открылась...

Я молча шагнул внутрь. Молча обнял... папу, маму... услышал плачь Ванька! Увидел слезы на щеках родителей? Но... за... да неважно! Живы! Здоровы... ну, почти — гипс на правой руке отца, и новый шрам на щеке. А остальное — мелочи жизни, образуется, прорвемся.

— Чем вы меня порадуете мой дорогой друг? — подсел за столик в дорогом ресторане импозантный мужчина в костюме под стать заведению.

Галстук, тройка, запонки, часы, и все из золота! А почему нет? Работа этому человеку позволяет иметь статусные вещи! Более того — обязывает. Его собеседник, седевший за столиком уже не первую кружку чая, изучая сводки газет, детально сканируя междустрочие изданий, на фоне гостя выглядит бедным родственником.

Нет! Его одежда не как у бомжа! Не драная, старая, и не весит как обносы! Что вы! Да разве допустит себе еврей, потомок одесского ткача, подобную оплошность! В деле подогнанности костюма под размеры тела, его наряд может дать фору даже элитным и безумно дорогим! Одежаниям своего гостя. Но это единственное, чем они лучше.

Ткани — проще, материал — дешевле. Вместо дорогой механики — электронные часы, вместо запонок — простые пуговицы! И даже галстука на шее нет, так как старый еврей полжизни считает их удавкой, до этого обзывая «бессмысленной ямой для денег».

— Да вот, хотел сообщить, что в вашу любимую чаёвню, завезли чудесный чай! Прямо с полей далёкой индии! — проговорил человек с газеткой и чашкой, отложив одно в сторону за ненужностью, другое пригубив к губам.

— Да, здесь этот напиток всегда был достоин восхищения! — произнес гость, и жестом подозвал официанта.

Быстро сделал заказ, после чего прислуга, с поклоном удалилась.

— Как жаль, что я не могу им наслаждаться регулярно... — проговорил еврей, отпив еще глоток.

— Так что же...

— Не, не! Я слишком стар, что б начинать всё заново! — открестился он от еще даже не озвученного предложения.

— Так мы...

— Сидеть на шее у друзей?! — вновь вскрикнул гость Нью Йорка — Вы за кого меня вообще тут держите?

Собеседник поднял руки, в знак согласия с идеалами старого дельца. Да, еврей ему попался вспыльчивый! Немного даже грубый! Но информатор... о! Лучше не сыскать! Его доносы никогда не «мажут»! Чтоб не творилось там, за океаном, самую ценную, сердцевину, ключ, к происходящему, привезет со бой этот достопочтеннейший Абрам.

И пусть, в лояльности Великой Сверхдержавы США этого пройдохи, у Джордано всегда были сомнения, в лояльности дельца деньгам Великой Нации никто и ни когда и не думал сомневаться. Абрам любит деньги! Пусть и считает, что деньги всегда должны быть «заработанными». Как именно — его никогда не волновало.

Шпионаж, шантаж, контрабанда... Еще когда агента разрабатывали, Джорданон изумился, сколь подлыми делами может заниматься с виду честный человек. Впрочем — дикая страна, дикие нравы, может у них, там, в Сибири, это вообще норма? Предавать и убивать. А бандитизм — считается законным бизнесом?

В прочем, Джордано, как и всегда, нет дела до России. Его волнует только информации! Та, что так или иначе, связано с его Страной, и тем, что угрожает её безопасности. Финансовой деменции, и военному превосходству на мировой арене.

— Так, ради чего вы меня сегодня пригласили? — вновь поинтересовался Джордано, а еврей — отпив еще глоточек, достал из кармана камень.

Положил его на стол, как нечто несущественной, и Джордано Смит, еще минуты две, на него глядел, как на пустое место. В его голове роились мысли, но он ни как не мог понять: в чем смысл? В чем загвоздка? Потом дошло, внезапно, озарением.

По телу пробежал вагон мурашек, и лишь годы тренировок, позволили удержать лицо пред внимательным взглядом собеседника. Лишь два десятка лет работы, позволили не завопить подранком, сохраняя легендарный покерфейс.

Камешек, внешне толи желтенький опал, толи вообще, такой янтарь, но с блесками. Большой, для вещи ювелирной. Сантиметров пять-семь по длинной стороне! Внутри что-то постоянно движется, или создает такой эффект, а еще он отчетливо светится в полумраке заведения, и едва-едва гудит на лакированной поверхности стола. Ничего особенного...

— Интересный образец... с Кёнисберга, да? — поинтересовался Смит, с трудом заставив себя взять кусок инопланетной расы в руки, и сделать вид, что изучает как обычную, земную находку, добытую из земной коры, а не тела монстра.

— Ну да. — ухмыльнулся еврей, и с сожалением взглянув на пустую кружку.

Поставил её на стол рядом с газетами, с сожалением взглянул на недочитанный текст... Полез во внутренний кармашек смокинга.

— А это вот, как понимаю, из Японского города «Сакура». — положил он на то место, где был недавно камень, трубку телефона.

Агент разведки телефон взял уже спокойней. Как ни крути, а телефон это телефон! Его создали люди! Пусть и с глазами узкими. А не пришельцы, огненообразные. Хотя у него и вились мысли, что эта вещь, такая же подстава как и камень, и что у русского еврея, бывшего одесского, её быть ни при каком условии и обстоятельстве недолжно.

На камень в собственной руке, агент старался и не смотреть, и более — не думать о его существовании вообще.

— Знаете... — достал еврей еще одну такой же аппарат, пока Джордано крутил первый агрегат по-всякому — Я с детства был любознательным, и тут не устоял — и крышка задняя слетала с аппарата, а после, оттуда на стол посыпалась грудой требуха.

Частично опаленная, но еще живая схема, кнопки, экран на кристаллах, и, ядро всего устройства — камень, обмотанной такой же подпаленной проволокой. Такой же камень как в руках агента! Впрочем, камень в аппарате меньше, существенно меньше первого! Но родственность, проглядывается неоспоримая.

— Откуда это все у вас? — слетела вся весёлость с заслуженного работника американской разведки, и он с нескрываемой угрозой уставился на собеседника.

В уме уже прикидывая, сколько рядом есть агентов и патрульных, дабы задержать наглеца, вот так вот высыпавшего горстью на стол важнейшие секреты страны.

— Ну знаете, свои источники — пожал плечами «вор государственных ценностей» ни

чуть не испугавшись взгляда «дорого друга» — например: девятый отдел. Знаете такой? — взглянул он прямо в глаза, вставшего в стойку зверю — Они давно уж приторговывают этими игрушками — кивок, по направлению камешка — Да ювелиры не берут — тут он в обработке. Я вот тоже взял, да что-то как-то...

Еврей вновь глянул собеседнику в глаза, но понял — шутки кончились! Еще чуть-чуть, и информацию из него будут добывать уже иные люди! В подвалах! Пытками! А пытки он не любит. Другое дело деньги, что сейчас буквально таят на глазах, из-за его нерасторопности.

И тоже став серьезным, решил закончить побыстрей:

— Рация от них же. Мне сразу показалось странной игрушка, что способна существовать без подзарядки вечно. И я как видите, я кое-что узнал. Полезно? — потер он руки, прикидывая цену.

— Еще как. — процедил посредник-наниматель — Деньги. — вынул карточку из внутреннего кармана пиджака, выудив от туда же и маленький целлофановый пакетик «для улик» — Премия. — достал пачку долларов из брюк, и уложив опасный экземпляр инопланетной расы в целован, сразу заметно успокоившись — За ресторан. — еще одна кипа стодолларовых бумажек опустилась рядом, а в уже большой пакет с лейблом какого-то известного бутика полетела и одна и вторая рация — И вам желательно пока остаться в городе — нам нужно получить от вас детали сделок! Кто, когда и как.

Еврей покорнейше кивнул в ответ, а Смит Джордано — засобиравшись прочь из заведенья.

— Простите — окрикнул его важнейший из доносчиков.

— Что-то еще? — не смок сдержатъ всей массы раздражения Джордано, торопясь до безумия, донести о крупнейшей из возможных утечек на неконтролируемой территории уже своему начальству, ставя всех в аврал и на уши.

А заодно спешил избавиться от камня — пусть им яйцаголовые на островах страдают! В нем, в камне, мощи столько, что если что пойдет не так... от здания и пепла не останется! Правда, как сделать из данного устройства бомбу, никто так до сих пор не понял. Но запитать подобная штукавина, сейчас сокрытая лишь в тончайшем полиэтилене, может и дом, и тачку, и считать — навечно!

— А устройства с этими камнями когда-нибудь появятся в свободной продаже?

— Не знаю — буркнул Смит предельно недовольно, и развернулся — это не в моей компетенции, и вообще — забудь, что когда-либо видел подобное!

— Из-за разразившегося недавно скандала с одним из отделов ФСБ, прекращена деятельность оперативных групп по всей стране. — вещает тётенька из телевизора, с первого канала — Так, в одной только Владимирской области, за минувшие сутки, произошло более восьми тысяч преступлений! В том числе и тысяча, с участием детей.

— А причем здесь дети, и ФСБ? — задал я тупой вопрос в пустоту, хлопая глазами глядя на экран — И причем тут квартирные кражи, с разбойными нападениями, и ФСБ? — продолжил недопонимать, глядя на статистику, где именно эти кражи и доминируют, задавив собой даже наркоту и поножовщину.

— Не причем. — ответил отец, подошедший сзади и тоже взглянувший на экран телевизора, где как раз, с упоением и в захлеб, рассказывали как тяжело жить им в современной России.

Как тяжело им, без помощи, блин, запада. Что вообще, для меня, не до конца ясный мотив. И какой расцвет криминала случился, когда ФСБ временно да вдруг прекратило свою работу. И если их послушать, то все было вот прямо нереально тихо и мирно, рай на земле! А потом вот вдруг, пух, пах, и как черт из табакерки, повылазила целая толпа криминальных элементов, начав творить немыслимый беспредел.

— Не причем. — повторил папаша, хмурясь рабочей половиной лица — Вот только они нашли удачный способ вывернуть все наизнанку, и показать правду о стране, под оберткой «как все плохо стало из-за вас!». Этот весь ролик обращен собственно к нам. — взглянул он внимательно на меня, в ответ на что, я скорчил непонимающую мордашу — И вполне возможно даже вещается только на Урал. Хотя если это так, то это совсем плохо. — вдруг задумался отец, погружившись в свои мысли.

— Что плохо? Объясни!

Хоть что-нибудь в конце конов! А то я уже вторые сутки в этой квартире взаперти сижу, пусть и с семьей в полном составе, и ничего не знаю. Батя... жестом да намеками обрывает все расспросы.

— Ну... — отец тяжело вздохнул, и побрел в коридор одеваться. — Пойдем, прогуляемся.

— Поджог жилого дома, не был актом терроризма! — тем временем вещал какой-то жирный, холеный мужичек, с по-прежнему работающего «голубого экрана» — Это просто... мальчишки!

— Мальчишки? — переспросила ведущая, и тут же вернула микрофон под нос «важному человеку».

— Да, мальчишки! — повторил тем временем мужик, а на экране за место его морды показали кадры сгоревшей в хлам пятиэтажки.

— Да уж, мальчишки. — пробормотал я, и тут вдруг понял, что так бы подумал не только я.

Походу мужичка в наглую подставляют! Или... что? Впрочем — взглянул в сторону коридора, на уже почти одетого отца, и поспешил тоже напялить что-нибудь на себя сверху, чтобы не щеголять по снегу в одних подштанниках.

Они у меня пусть и красивые, спортивные, но сейчас зима! Да и обтягивающие лосины на голое тело... Эх, единственная черная вещь из всей моей новой, только купленной

одежды! Всё остальное... нагло розовое. Мамка чтоль выбирала?

— Мам! Мы ушли! — крикнул я, когда отец уже щёлкнул замком входной двери.

— Хорошо! — слышалась с кухни.

— Телевизор выключи. — шепнул мне отец и я метнулся в комнату.

— Ой, не выключай! Сейчас мой сериал начнется! — перехватила меня мать, и я, пожав плечами, вернулся обратно к выходу.

— В общем, понимаешь... — начал отец, когда мы покинули квартиру и подъезд, и взяли путь, к расположившемуся в квартале от дома ухоженному парку. — Все что там показали, брехня чистой воды...

Вернее, не брехня! Правда! И в этом все проблема. Отец рассказал много, интересного. Того, чего бы я, по правде сказать, и знать бы не хотел! Ведь я еще тогда, давно, в Москве, когда родители куда-то запропастились, решил, что проживу эту жизнь так, как хочу! Отдохну так сказать, раз этот мир в моих услугах, как бойца с магмойдами, не нуждается.

Не хотел бы я знать всю эту грязь! Политику! Интриги! Да, я всё равно во все это с разбегу вляпался! И все равно, ничему кроме убийства, ненаучен! Но, хотел побыть простым солдатом. Не полководцем, ни лидером, ни символом. Видать, не вышло.

Отец свалил на меня кучу информации, о том, что в стране давно уже бандитизм, наркоторговля, разбои и убийства — обычное дело! Я и сам это видел, пока жил в Москве! Только старался не обращать на подобное большого внимания.

Отец пояснил, что то, что сейчас крутят по ТВ, это эдакий акт возмездия нам, тем кто устроил одной из главных крыш всей мафии страны нелегкую жизнь через их же заокеанских кураторов. Попытка надавить на нас морально, воззвать к нашей же совести. Показать, «вот! Вот до чего вы страну довели!».

— А по факту, они просто показали то, что раньше старались всеми силами замять — вздохнул отец, и посмотрел на расположившийся чуть в стороне от основного входа в парк киоск — Мороженку будешь?

Я помотал головой.

— Зима же!

Отец оглядел меня с ног до головы.

— По тебе не скажешь, что зима.

Я оглядел сам себя — ну да! Осень, не более! Градусов десять, и плюса! А не двадцать градусов в минус, что есть на самом деле, и о чем намекает нехилая одежда рядом идущего отца — куртка с мехом, штаны с начесом, шапка-ушанка, и унты.

— Итак, что это было? — решил сменить я тему через несколько шагов, поняв, что парк в хлам безлюден, и ни кто нас тут точно не подслушает.

Решил, наконец, прояснить по поводу того, что происходило пару дней назад. А то в квартире, да при матери, я и сам-то не решался задавать вопросы, связанные с тем лесом, с лесником. И домом-квартирой, что сгорела не так как та пятиэтажка, в телевизоре, в результате «мальчишек», но тоже, не менее эпично.

— Что именно? — с улыбкой произнес отец, бодро вышагивая по пустынным, но очищенным от снега аллеям.

Надо признать — очень живописным! И вообще город... мне понравился! Чистый, уютный, да и люди тут какие-то... спокойные. Пусть и видел я их только мельком и из окна. Не нервные, живущие сытой размеренной жизнью, далёкой от мировых стрессов и потрясений. Даже новости здесь, на местном канале, иные! Не те, странные передачи, к

которым я уже привык.

— Это все! — развел я руками, силясь охватить весь парк — Что с нами происходило два дня назад, до переезда.

— Что? — остановился он, и заглянул мне в лицо.

Я принялся загибать пальцы.

— Твой убег, девчонка, подозрительно на меня похожая, лесник, что не лесник, военные... пожар в хате, это все!

— Да, так! Решили переехать! — решил он перевести все в шутку, по-прежнему строя из себя «доброту дедушку с подарками».

Учитывая травмы лица — выходит как-то не очень.

— Не ври мне. — прошептал я — Иначе и я ничем не смогу тебе помочь.

И налет веселья с его лица мгновенно сошел, что мне даже показалось, будто он разом постарел на десяток лет.

— Это была подстава. — я в ответ нахмурил брови, как бы намекая «подробнее!» — Тебя подменили, её выкрали, и к сожалению — убили.

— Но зачем!?! — едва не выкрикнул я, но все же сдержался.

— Так надо. — я нахмурился, и отец вздохнул, начав усиленно массировать переносицу — Тебя выследили, понимаешь? И они знали, кто ты! Ты не одна такая в мире, ты это вообще знаешь?! — теперь уже он, чуть не выкрикнул это мне в лицо, и я потупил взгляд.

— Знаю. — тихо прошептал, разглядывая носки ботинок.

Хорошенькие такие, розовенькие, блин, со стразами, чтоб, блин, не потерялась! Еще и пиликают противно при ходьбе.

— «кликск!»

Ужас! Чья это была идея, интересно?

— Нам нужно было сбросить их со следа! Запутать! Обдурить... мы не могли отдать им тебя! — вывалил батя единой массой, взяв себя в руки, но тут же снова рассыпаясь, теряя контроль над эмоциями.

— Это потому что... — поднял я взгляд.

— Нет! — жёстко ответил он, всплеснул руками — Твоя жизнь давно уже не принадлежит ни тебе не мне! А потому... для страны... — понизил он голос. — мне тоже подобное поперек горла — провел он ладонью себе по кадыку — Хоть и я это все придумал... но... её смерть не была напрасное! Убийц выследили, и хорошо подергали за яйца их начальство!

— Мать...

— Не в курсе. — отмахнулся, развернувшись в пол оборота — Не до конца в курсе. Она знает только то, что должна знать.

— Рука... — взглянул я на гипс, и отец рефлекторно за него схватился.

— Да, и ребра. — столь же рефлекторно коснулся он груди — На мне был броник, но...

То-то он стонет, когда спит! И то-то у него вся грудь бинтами перемотана.

— Рискуешь. — покачал я головой, выражая недовольство.

Стратег на поле боя! Рыцарь, блин, на белом коне...

— Иначе было нельзя! Если бы девица оказалась дома одна... могли бы быть подозрения!

Я в ответ похлопал глазами — какие подозрения?! Но через миг до меня доперло — а! Так вот для чего именно папка везде и всюду, на соревнования, в больницу, и вообще, ездил

вместе со мной на соревнования как тренер! А не бабки! Или та же мать, которую он практически и из дому то не выпускал, незнамо как подговорив. Она ж даже по подружкам то ходить вдруг перестала! Тогда мне это казалось странным, а теперь... тоже несколько странно, но уже — логично!

— Значит, вы выдали её за меня, они поняли что «я» — не бессмертна, вы схватили их и подергали за причинные места — начал я рассуждать вслух, наблюдая, как отец кивает, поглядывая заодно по сторонам, на всякий, — выбили что-то ценно из их начальства... а теперь... что?!

— А теперь... — усмехнулся отец, и потербил меня по маковке — Ты будешь очень много выступать!

— Выступать? — скорчил я недовольную гримасу — Это вот так: Не хочу! Не буду! Не могу учиться! — и топнул ножкой, издав кроссовкам противный «хряпк» — И жить тут не хочу! Не нравится мне здесь!

Отец в ответ вдруг стал серьёзным. С него слетела вся весёлость утра, и распыленность красного лица эмоций, сменилась мертвецкой бледностью, что я даже забеспокоился, что к нам, в безлюдный парк, кто-то нехороший вышел. Гуляющая парочка, бабка на лыжах, али еще кто... реально нехороший! Но вращение головы на все триста шестьдесят, ни к чему не привело, да и отец смотрит явно не на окружающий пейзаж, а на меня.

— Что?

— Да ничего. Не строй из себя ребенка.

— Так я и есть... — отец вновь потербил меня по волосам.

— А еще нам надо проработать твою новую внешность — со вздохом переключил он своё внимание с меня на парк, впрочем, не убирая руку с моей головы, говоря при этом куда-то в пустоту.

— Внешностью? — выскользнул я из-под руки — Это какую? Узкоглазую? — и я стянул глазки пальцами вместе, закашивая под японку, отец почему-то вздрогнул. — Или нечто пухлощекое? — надул я щеки хомячком, отпуская веки — А может вообще желаешь из меня мальчика сделать? — однако попытка вылепить из своего лица нечто мальчишеское, ни к чему путному не привела, даже спустя пять минут кривляний.

Ну не мужское лицо у этого тела! Не мужское! Можно конечно попытаться... но выйдет все равно какой-то слизняк.

— Нет, дорогая — проговорил отец, стирая с лица улыбку, что возникла на нем за время моих кривляний — Мы будем делать из тебя десять человек одновременно. Пойдем, у нас сегодня еще много работы.

Мы прошли парк насквозь, и вышли к еще одной линии застройки. Такие же девятиэтажки, как и везде, и к крайней мы и устремились. Спустились в подвал, открыв дверь с ноги, она не была заперта, прочапали с наглыми мордами мимо кучки бомжеватых мужчин, кажется, это были сантехники! Орудия труда, у них больно советующие! Да и не бомжи они явно, не бомжи!

Спустились еще по одной лестнице, пройдя через еще одну дверь с кодовым замком, отец столь быстро его набрал, что я не успел запомнить цифры, и оказались в... спортзале? Кажется, это место бывшее бомбоубежище! И, кажется, здесь совсем недавно был произведен свеженький ремонт. Хоть краской и не пахнет, но все тут больно свежее!

— Вот, тут ты и будешь обитать большую часть своего времени — сказал батька, осматривая помещение с удовлетворённой мордой.

— Че? — не понял я.

— По крайней мере, ближайшие пару недель точно.

— Пойдем, с матерью попрощаешься.

— Чего?!?!?

— Прости меня! Прости! — резко приобнял он меня, от чего я в конец опешил. — Но ты ведь сама все понимаешь, да? — отстранился.

— Да, понимаю. — стал серьезным уже я, прекратив играть мелкую девчонку.

— Завтра, с утра, придешь сюда уже одна. Код четыре девять восемь шесть. Я тоже приду, но позже, и через другой вход. И все тебе объясню, а пока — побудь еще один денек нашей дочерью. Хотя бы ради матери.

— Хорошо — улыбнулся я, совсем теряясь в мыслях, о мыслях, роящихся в голове этого человека.

— Пойдем, она наверное нас уже потеряла.

Нда... идея у батьки... вообще секас. Теперь я должен быть не просто одной «девочкой пай», а сразу десятью! Точнее даже двадцатью! Больше похожих на меня по росту и телосложению кандидатов просто не нашлось. Но для начала хотя бы тремя!

А для этого я должен не просто сменить лицо, и постоянно его менять!

— НЕТ! Не надо! НЕЕЕЕТ! — проорал я, забившись в угол.

Заробел я пред... тонной штукатурки!

— Не надо! — крикнул в сторону стоящего в сторонке отца.

— Ну, давайте пока попробуем проходку — сказала тетенька, стоящая рядом с родителем, взглянув на него.

Отец кивнул, соглашаясь, я тут же выполз из угла, а девочка-макияжница, с огромной палитрой тональных кремов в одной руке, и кучей кисточек «от а, до я» в другой, непонимающе, но покорно-согласно, пожала плечами.

И даже не только вызубрить походку, манеру поведения, постановку ноги, осанку, невербальные жесты цели и мимику лица...

— Нет, нет, нет! — замахала руками та самая тетенька хореограф, на моё покачивание бедрами — Так ходит Юлия, а не Ирина! Давай все заново!

— Эх...

А еще и голос, манеру речи, писк блин при выполнении упражнений! И делать это все синхронно, вместе! Одновременно! Это ад! Это настоящее проклятье! Туча мелких деталей, которые надо выучить, вызубрить, и еще и во всем этом не заблудится! Не потерять себя... которого собственно, и нет.

Это муторная, тяжелая, и выматывающая работа! Чисто физически тяжелая! Не говоря уже о том, что оно давит на психику. Как ни крути, я и девочку Сашу то просто играю! И так можно вполне себе, утратить «себя». По крайней мере эту самую «любимую дочь».

— Ля... — протянул я, уже для другой женщине, имитируя голос той самой Ирины.

И тетушка «логопед» одобрительно покивала.

— А у неё талант! — обратилась она к моему отцу, что ходит тут, с видом всемогущего начальства — Это будет проще, чем я думала.

— Конечно у меня талант, а как же иначе? — встрял я, имитируя голос тетки, и украдкой взглянул на отца.

Батька — не отреагировал. Логопед — выпучила глаза. Но очень быстро взяла себя в

руки!

— Не-не! Ты слишком тянешь «а» в моей речи! У меня же гласная более рубленая, «талант!», «Иначе!» видишь? А «ч» твоя, напротив, слишком рубленая, резкая, как вообще-то обычно произносят её мужчины.

— Иначе талант?

— Во! Уже лучше! Но еще не то, давай... кхм! Вернемся к теме — улыбнулась она, поняв, что отвлеклась, и взглянула на отца за одобрением.

Ничего тут без него не происходит! Босс! Начальство! Главный!

— Саша! — раздался окрик, и я оглянулся, отвлекшись от занятия.

— Как мы рады тебя видеть!

— Анна Петровна? Нина Сергеевна? А вы что тут делаете? — выпучил глаза я не старушек.

— Да вот, приехали тебя обучать!

— Как же мы, без нашей лучшей ученицы?

— Все понятно — взглянул я на отца — значит они тоже.

Батька кивнул, и все же разродился речью, в первый раз, за сегодняшний вечер!

— Тебе нужны были тренера, и почему же ими не могли бы быть те, которых ты уже знаешь?

— Ясно. А секретность, как, не выдаст?

— На соревнование с тобой они не поедут. — сказал отец, а бабки синхронно покивали.

— И давно вы на него работаете? — обратился я уже к бабкам, кивнув на отца.

— Давненько — задумались старушки, переглядываясь.

— Эх... — вздохнул я, взглянув на сидящую в уголке девчонку-макияжницу, лет двадцати-семнадцати, что себя уже третий раз за час перемалевывает — Но я изволю обойтись без макияжа — сказал я голосом Юлии, вернув свое внимание тетке-логопеду.

Пусть правит, мою манеру речи!

— Эт как? — не удержались бабки.

— Батька знает — улыбнулся я, и в пол оборота повернувшись, подмигнул отцу.

— То есть как ты можешь сменить лицо? — удивился отче, когда все прочие занятия подошли к концу.

— Процесс не быстрый, но могу. Нужна пара фотографий, а лучше — видео, в хорошем качестве, и время.

— Хм. — задумался отец — Придется несколько сменить наш план, но... так даже лучше будет. Ты точно сможешь это сделать?

Я кивнул, и взял со столика три фотографии.

— Этих троих я точно подменю. Не волнуйся!

— Хорошо, тогда попробуем без макияжа! — я улыбнулся и кивнул — Без толстого слоя макияжа! — отец хищно улыбнулся, мгновенно смыв довольство с моего лица.

Плин!

А вообще, вся эта вот идея, кажется мне странной, и в тоже время гениальной! Прятать то, что хочешь спрятать, на виду! И я, не буду ныкаться по углам, и по подвалам, не окажусь в секретном бункере! И на столе хирурга-потрошителя, не буду плавать в банке... а буду выступать на людях, имитируя собой, сразу два десятка девочек, с супер способностями!

— Выступает...

Супер мен блин! — усмехнулся я в мыслях, продолжая удерживать на лице маску «сосредоточения мыслей на предстоящем мероприятии». Тип есть только я, и этот «батут»! Ага, счаз, для меня главное не он, а дорога до него!

Правильно дойти, правильно встать, ручкой грамотно помахать! Правильно вздохнуть... кхекнуть тоже правильно! Чтобы, блин, ни у одной собаки и в жизни не зародилось мысли, что я — не Ирина Даль! А выступление... мне велено его слить.

Можно не позорно, можно так, оступившись в конце, но точно слить! У меня тут пилотный выход, на региональном соревновании подзаборного значения, где главное... правильно выйти. Это экзамен! Для меня. Как для актера, для профессионала, подменяющего собой иного человека. Сама девица Ринка, в это время, жива, здорова, и слыхом не слыхивает, что где-то выступает.

А потому и не должен я ничего выиграть! В этом зале, где зрителей и так двадцать человек! Половина из которых тут, как раз и смотрит, чтобы я всё сделал правильно, в действии подмены. Они и смотрят, чтобы я, соблюл все те тонкости-детали, что и делают человека сами собой.

— Отлично выступила! — похвалили меня уже в автобусе, и я лишь усмехнулся.

Упал в конце плашмя на маты! Зато всё четко! И ревел даже как по сценарию! Размазывая тушь, по всему, до чего дотягивался, всхлипывая и булькая.

Отвратительно. Но куда деваться?! Я теперь существо подневольное, работающее за десятерых! Хотя кое-что меня все же беспокоит.

Все те девочки, которых я буду подменять на соревнованиях в дальнейшем, как и Ирина Даль, реально существующие люди! И они будут реально ехать на соревнования! Приходить на стадион... и теряться где-то в его глубинах только на время выступления. Иначе бы все пошло под хвост коту, ведь один человек не может быть одновременно в двух местах.

Я не буду подменять их полностью! И целиком жить жизнь за них! Это невозможно. Только само выступление! И как... какими психотропными препаратами организаторы всего этого балагана хотят заставить их верить, что они сами выступили?

Нет, конечно, я догадываюсь, что при всех тех нервах и волнениях, что бывают перед таким решающим событием, сделать это будет совсем не сложно. Да и химия в мире на уровень выше любой алхимии. Усыпят, разбудят, подведут куй к носу, сказав, вот ты хорошо выступила, получай свою награду! Детский мозг легко примет такую сладкую лож. Но...

Все кончится, когда подменяемая девочка увидит запись своего успешного «балета».

Мы можем вывести программу выступления девицы, можем скопировать, улучшить её! Просто возвести в абсолют, выведя за рамки человеческих возможностей, что от нас и требует... папа. Но все равно, без чего-то психотропного, у девочки могут возникнуть весомые сомнения, что это не она. Она так — не могла.

Все портит телевиденье! А на соревнованиях крупнее областных — оно точно будет! Не говоря уже о чем-то всероссийском, или тем более — международном, где будут уже нешуточные проблемы! В том числе и даже с простым снотворным.

А нас, меня, планируют вывести на международный уровень! И даже, возможно будут скандалы с допингом, и прочим, возможно и не пустят никуда и никого! Но, отчасти смысл

всей затеи, показать, что есть такие люди, не пустят — ладно, обвинят — пускай, но скорее всего заграничные стадионы и клубы напротив, будут на коленях ползать, умоляя нас приехать к ним. Особенно если у них уже будет все готово для захвата.

Как планируют разрешить это все организаторы — я вообще не представляю. Но надеюсь, что у них есть какой-то план, ведь они реально всё именно к этому ведут. Убедить всех потенциальных противников, что с нами лучше не связываться. Убедить их, что у нас в стране каждая школьница может быть супер вумен. Нарваться на подставу, или просто заставить нервничать, и выведать место заключение иных бессмертных, ведь их в этом мире, согласно разведке, и помимо меня, как минимум несколько сотен.

А еще это всё, мои выступления за гранью человеческих возможностей, старательно припикиваемые в эфиры ТВ, будут являться банальным, ничем не перекрытым, посланием другим вечным. «Идите к нам, у нас хорошо!».

— Что еще ты можешь? — поинтересовался у меня папаша, долго и внимательно следя за тем, как моё лицо перетекает из одной формы в другую, обращая меня в совершенно не похожего на себя человека.

Так, сказать, зажал меня в уголок в раздевалке! Ладно хоть не перед новым выступлением! А пред очередным «экзаменом», для внутренней публики, в закрытом для простых смертных спортзале, спрятанном в бомбоубежище, под внешне обычной девятиэтажной. Корт для тренировки спецназа вдали от посторонних глаз!

— Ну... — протянул я, оглядывая стены этой маленькой комнатке и сидящего напротив меня на стульчике отца.

Где-то в дали работает насос, откачивая дренажующую сквозь стены воду...

— Только не надо говорить, что это — ткнул он в сторону лица — всё!

— Не буду. — буркнул я, куда-то в сторону, хотя действительно собирался немного поводить отчима за нос.

— Ну?

— Могу не дышать — отец сделал морду, мол «это все могут!». — часа два. — утаил я, что скорее двадцать два — Плавать как рыба — отец достал блокнот, и я не удержался, и заглянул в него.

Бег. Легкая атлетика. Скалолазание?

Прыжки в высоту. Метание копья, метание снаряда. Фехтование?

Эстафета, Лыжи, конный спорт? Борьба, Пятиборье?

Плавание?...

Отец заметил моё внимание, стоило мне только взглянуть, и тут же прижал блокнот к себе.

— Лыжи и фехтование тоже можешь сразу вычеркнуть — сделал вид обижинки я, сложив руки на груди и отвернулся — Лыжник из меня аховый, а современному фехтованию не обучена.

Батя похлопал глазами, но как видно принял к сведению, дважды черкнув в блокноте.

— Конный спорт правильно вычеркнул, в нем, как и в велогонках, не так много зависимости от меня самой, как хотелось бы. Да и жопа у меня — я шлепнул сам себя по попе — тяжелая.

— Пятьдесят девять килограмм. — перелистнул он блокнот на иную страницу — Ужас, на самом деле! — взглянул он на меня — Как в этом росте — оглядел с ног до головы —

метр с кепкой! — и взглянул в блокнот — Сорок семь сантиметров! И телосложением, эх, спички, — вздохнул он, и потер переносицу, ведь знает, что спичкой я выгляжу только под одеждой — помещается столько массы?

Я пожал плечами, тип не знаю. Хотя конечно знаю! Плотность большая! И...

— И это очень плохо на самом деле! Любое банальное взвешивание, и все пойдет насмарку! Ни одна девчонка твоей комплекции столько не вешает! Ты с этим можешь что-то сделать?

Я помотал головой.

— За силу приходится платить. — отец со вздохом тут же что-то вычеркнул в блокноте.

Как видно прыжки с трамплина! Там будет видно, что я — тяжелее, чем кажусь! Хотя, если так подумать...

— Плаванье пожалуй тоже вычеркни. На трамплине я еще могу постараться скрыть свой вес, а вот проваливание сквозь воду как топор... будет сложно скрыть.

Отец кивнул, и недовольно качая головой, повычеркивал еще несколько каких-то пунктов на разных страницах.

— Что еще?

— На коньках хорошо бегаю — отец тут же записал это в блокнот — Наверное, даже слишком хорошо для этого мира.

— Мира?

— А, забудь. — отмахнулся я и отвернулся, тип закрыли тему.

— Что еще? — проговорил папка через минуту, усиленно чиркая ручкой по бумажки, и на меня даже не смотря.

— Ну, о зарастающих ранах ты и так в курсе? — кивок в ответ — И о хорошем слухе? Кстати Серёжке привет! — отец вздрогнул, и прекратил писать — Я стараюсь не слушать ваши разговоры, нервы мне все же дороже, но блин! Это порою тяжело! Не к чему мне знать о всей той грязи, что творится в мире! Я желаю отдохнуть... так что будь добр — прячься с рацией по старинке, где-нибудь в укромном уголке, подальше от меня. — сделал я умильное лицо.

— х-Хорошо — выдал отец, ошарашенно, но тут до него доперло — Так ты...

— Конечно. И благодаря вашим беседам, я знаю, что вы...

— Ну, вы готовы? — ввалилась в комнатку баба Аня, и я улыбнулся ей завершённым лицом, идеально копирующим сегодняшнюю цель.

Гимнастка Галина, еще не в курсе, что на завтрашнем соревновании танцевать с ленточкой будет не она. Зато я уже в курсе, что мне придется целый день ходить сильно напомаженным, и, блин, весь в розовом цвете! Я так и привыкнуть могу, что как бы грех.

Иду по коридору, связывающему спортивный зал спорткомплекса с его подсобными помещениями. За мной следом идет малоприметная тетка, агент, которого я не знаю. Никогда до сегодня не видел! Но именно сегодня у неё ответственная миссия, и сегодня от неё, зависит всё не меньше, чем от меня.

На тетке, светло синий поношенный костюм, а-ля тренерский. Такие тут носит каждый второй! Вне зависимости от пола, различаясь лишь тональностью синего и степенью износа. У остальных — либо черный, либо красный. Элитная каста — белый! Хотя даже среди элиты, он больше серый, чем белый.

В общем — тетка не выделяется. И как ни посмотри — пройдешь мимо и не заметишь,

и не запомнишь. Даже на детей тут обращают внимания, больше чем на вот таких вот теток. Дети, могут и посторонние просочится в служебные помещения, где, о ужас! Девочки переодеваются. А тетки... не, они солидные, уважаемые люди!

На мне халатик на плечах, и полотенчишко на башке. Типо из душа! Который тут есть, но им редко кто пользуется — то еще извращение там мыться! Только как место для быстрого избавления от макияжа, и в основном, когда он и так уже потек. В общем, моя персона тоже подозрений не вызывает, и внимания — не привлекает. Мало ли какая очередная девочка оступилась на выступлении? Это никому не интересно!

А то, что под тканью полная боевая раскраска, и даже не потекшая, и розовый купальник с яркими стразами — так со стороны же не видно! Я нарочно натянул халат сверху на плечи и запахнул, типо холодно, и полотенчиком сверху прикрыл лицо, типо просто небрежно накинул сверху на голову после душа, что разве что снизу можно что-то углядеть. При моём росте... меньше не найдется. Меня хорошо надрючили, как надо накидывать полотенца на себя!

Мы уже давно миновали внешнюю охрану в виде бабки вахтерши. Причем, я через черный ход, проскользнул, мне его открыли, а тетка — тупо зашла мимо охраны в наглуую. Здесь мы встретились, и вот уже проходим мимо двери в раздевалку.

Там, в передевалке, обычно много народу тусуется. Переодевается, раздевается, девочки, готовятся к выступлению, тренера иногда приходят, поддержать, подрючить, поругать... запугать. За излишнее рвение! Но сейчас там, только одна девица, остальные кто где, в основном на самом стадионе, или получают бесплатные маечки.

И я, ловким движением отдаю полотенчишко и халатик тетке за спиной, тенью скользнувший внутрь помещения, сам продолжая идти дальше по коридору, как будь то, так и должно.

Навстречу прощebetали, крыльями маша, две девицы, с майками в руках и что-то огромное обрисовывая. Наверное, рыбу, но больше похоже на пе... Нырнули в раздевалку почти следом за теткой.

Но таков и был план! Выманить всех, кроме цели, но лишь на миг, ибо зачем больше? И пары мгновений хватит, чтобы профессиональный ликвидатор усыпил цель. И то, из-за задержки в действии снотворного, что в прочем, сознания до конца и не лишит, а лишь сделает жертву вялой, полусонной. Куклой, что добрая тетенька в костюме тренера, накроит сверху моим халатиком, и все! Просто девочка, что подустала. Отдыхает, под присмотром наставника.

Ровно так и решат те девчонки, что лично «меня» вообще-то в лицо знают. И как тут уж не посмотри, а «я» — не пропадал из поля зрения свидетелей дольше, чем на два мгновения. Просто переоделся, и пошел выступать. Всё четко, всё по нотам!

— Ну, готова? — встретила меня тренерша, что как раз шла за своей любимицей.

Встретила, и поправила причёску на моей голове, что всего пару минут назад «она сама мне» укладывала. Я внутренне напрягся как пружина у автомобиля на кочке — на голове парик! Если она... нет, обошлось — увидел я её одобрительно-воодушевляющею улыбку.

— Ну, давай! Вперед! Тебя сейчас уже объявят!

— Да, я не подведу! — улыбнулся я, на полу бегу, разворачиваясь задом наперед и прыгая на одной ножке — не пуха!

— Да иди уже! — улыбнулась она, и поковыляла следом.

И правда — улыбнулся я внутри — кто в здравом уме подумает, что её любимую

воспитанницу, вот так вот подменили?

— Выступает...

А вот сейчас может и подумает, ибо её «Галочка», не то что бы посредственность — наоборот! Надежды вполне внятные подает! Подавала. Недавняя травма, в виде растяжения связок — перетрудилась! Чуть не поставила крест на всем, и для неё и простая растяжка еще месяц назад была достижением. И шла она выступать не столько за медалью, сколько чисто, что бы сама себя настроить на борьбу.

А я сейчас, начну виться ужом, танцуя стриптиз — это не моя программа! Её! И только её! Извиваясь вокруг «шеста», ленточки да палочки. Словно и нет во мне ни суставов, ни костей, а травма — это вообще не про меня!

— Bravo! Супер! Прелесть! — кричит мне толпа, после выступления, а я, ослепляя всех жизнерадостной улыбкой, ухожу с театральным поклоном.

А еще тренерша поймет, что человек на такое не способен, быть подобием змее. Разве что те уникамы, у которых и костей то по ощущениям нет совсем. Но в раздевалке, в которую она запоздает на всё тот же миг, из-за букета цветов, её будет ждать уже сама Галочка, ничего не понимающая, и с болящей головой.

— Галя! Ты... Пошли давай! Там уж награждение началось!

— Что? Ка...к? Когда?

— Галя! Ты что сегодня... пошли давай скорее! Первое место заняла своим танцом, а теперь тут сидишь!

— Как первое место?! Когда?! — пролепетала вялая девица, вообще ничего не соображая, очумело глядя на свою любимую тренершу, что её куда-то тащит.

— Нет, ну я вообще тебя сегодня не узнаю! — стала в позу «тетка с цветами» — Сначала выложились так, как ни на одной тренировке, и никогда в жизни не могла! А теперь тут... пошли давай скорее, чудо ты медалисткое! — вновь она потащила девочку на выход, и та, по-прежнему ничегошеньки не соображая, пошла следом, как телок на выгулку.

— И правда, первое место... — прошептала девчонка, стоя с озадаченным лицом на самой верхней ступеньке предстала.

Получая золотую медаль, похвалы, овации... а я в это время стоял совсем неподалеку, пряча свою тушку под мехом маскота гимнастического клуба принимающей стороны. Хозяин же игрушки — играет на приставке в подсобке. На новенькой приставке. И не мы её ему дарили. Он вообще пропащий кадр.

Эх, все это как-то... сложно как-то, что ли. С другой стороны — увидел я еще одну неулыбающуюся рожу среди гостей стадиона — может и не зря. Эту рожу я знаю, и она — не из нашей шайки-лейки повстанцев-неповстанцев! Эта харя... скоро много интересного кой кому донесет.

И дабы Галя, не получила судьбу той безымянной девочки, что меня совсем недавно подменила, мне нужно за неделю, выступить еще раз пять. Причем, два из пяти, будут в один день и на одном и том же стадионе! Буду соревноваться я с самим собой, а вернее — тренера девиц, в программах, которые на наш взгляд окажется проще всего развить.

— Нет! — заявила весьма крупная мадама, замещающая отца, что куда-то слился.

Эта тетка, появившись, устроила нам форменный разгром! И многое решила переделать. Не понравилась ей наша работа с номерами, с тренерами, с постановкой вопроса подмены...

Впрочем, это все скорее «праздничное ворчание»! И придирки сугубо по мелочам. Сочтя проделанную работу за удовлетворительно.

Однако, нашу идею, отрепетированную, и уже проработанную! Пресекла на корню — побеждать будет не та малютка, чей тренер лучше, а та, что более внушаема и попроще.

— Почему? — робко поинтересовалась бабка-тренер меня-сборной, хотя как, видно уже поняла ответ, чай не первый раз.

— Потому что она ж баран! Она упряма! И вряд ли поверит в наш обман на полную! А значит — сомнения! А значит — её нельзя будет использовать повторно! Не сразу, не на региональном шоу! А эта же — ткнула недовольно тетка, что по размеру как мы с бабками всё втроем вместе, и по весу тоже — Наоборот!

— Но она же слабая! — выдала Нина Сергеевна, оттесняя в сторону Анну Петровну.

— Тем более! Легко поверит... — бабки покачали синхронно головами, умудрившись этим простым действием сбить всю спесь с толстой диктаторши.

— Вы подумайте сами: девчонка без больших надежд и вдруг такое? Подозрительно? Подозрительно! И дальше, больше! Ведь нигде, за пределами крупного корта, она не сможет подобное повторить.

Спесь слетела с толстухи окончательно, и она серьезно так задумалась, а бабки решили её дожать.

— И конечно упрямство проблема, но с другой стороны, гордость — благодать! Возможно, мы сможем использовать это качество человека в нашу пользу?

— И вы ведь еще и забываете о тренерах! — вмешалась вторая старушка — Там, у вашей кандидатки такой папаша, что если доча выиграет... мне будет жалко девочку. А у нашей — пододвинула она фотку первой кандидатки, что выдвигалась изначально на место победительницы — С этим все попроще! И хоть что, хоть как!

— Да и тренер мягче, — покивала на это первая бабуся — и вообще, хоть что и как!..

— Вот только не думаю, что большой разрыв в способностях, меж истинными и нашими, пойдет нам всем в данном случае на пользу. — проговорил я из уголка, видя как все трое погрузились в думы — Программу следует урезать! И наращивать мощность более-плавно. Без таких значительных рывков.

Толстуха — не одобрила. Помотала головой, возмущалась, сказала «так еще более подозрительно!», но все же, не найдя иных вариантов на текущий момент времени, согласилась с моим предложением.

А я, внутренне порадовался! Мы слишком сильно разогнались! И я, и батя, а бабкам вообще, словно лошадям под хвост, что-то попало, и с каждым новым выступлением, они стали требовать с меня все больше, больше и больше, невозможного, невыполнимого, фантастического для обычного человека. И боюсь, не осаживай их все, кто только может, ускачут они в немыслимые дебри.

Нда... эта ленточка — взглянул я на палку с прикрепленной к ней алой матерчатой лентой в своей руке — меня когда-нибудь доканает.

— Ну что ты встала, Оль! — раздалось со стороны, и я взглянул на ехидно ухмыляющихся бабок.

Издеваются, да?! Чистой воды издеваются! Так и хочется вбить эту палку им между глаз, одну на двоих! И пару разков провернуть! Или... лучше будет прошить их как иголкой? И ниточка как раз есть...

— Что-то случилось? — все же сползло ехидство с их физиономий.

Толи из-за моего унылого взгляда, толи из-за общего поникшего вида... Одна из двоих вообще в сторонку поползла, от греха.

— Перерыв. — буркнул я, и поплелся в сторону лавочки, волоча ленточку за собой.

Я так точно свихнусь! Этот спорт — не для меня! — вновь взглянул я на ленточку на палочке, уже сев на скамеечку, и поправил впившийся меж ног купальник. Этот спорт!.. требует ну очень много хореографии от меня! Быть, блин, «красивой», епет, «неотразимой», и ефать, «милой!». Убейте меня кто-нибудь!

Все что угодно, только не эти танцы с лентой! Я блин, стриптиз танцевать уже готов! Ибо ничего крамольного в этом не вижу. Но только не это! Не эта... лента, гори она синем пламенем!

Но лента гореть и не планирует.

Все же, я еще недостаточно сошел с ума, что бы утратить контроль над собственной силой. А значит: вздохнув устало, иду отрабатывать дальше, этот танец юной нимфы на многотысячном стадионе. В капусту покрошить всех на этом стадионе и то наверное было бы проще. С психологической точки зрения так точно.

А вообще, мы немного заигрались! Вернее, мои «кураторы» заигрались, видя успех за успехом, несмотря ни на что. И осадило их, нежданно-негаданно, то, что рост у меня невелик, и девочки, которых я в основном подменяю, еще слишком юны, для каких-то серьезных выступления.

Десять-двенадцать лет! Не больше! Среди них мало талантов, только зачатки! И боссы уже активно глядят на мальчиков. Но там все еще хуже.

Но они не отчаиваются! И активно капают мне на мозги, чтобы я слегка подрос! И в этом ключе я даже благодарен сменившей папку толстой тетке, что, будучи тем еще параноиком, не дает воли кому не попадя на меня излишне давить. А вот отец... я не видел его уже очень давно!

Два месяца! Зря, наверное, я ему намекнул, что такие как я, могут и не выдавать себя столь топорно, как я. И могут спокойно жить среди людей, никак не отсвечивая. Небось теперь носиться по городам, и дела коллег изучает! Пытаясь обнаружить скрытых бессмертных, будучи одним из немногих, что несколько лет с одной из них общался.

— Скучаешь? — поинтересовалась баба Нина, видя, что я вновь замер посреди площадки для выступления.

— М? — повернулся я к ней.

Задумался над вопросом, глядя на старушку, и все же выдал свой ответ, слегка улыбнувшись.

— Немного. — и сломал палку с ленточкой об колено — Хватит с меня этого.

— Ты чего? — опешила бабка, а вторая, нагло жрущая трубочку с кремом в уголке, чуть не подавилась, начав отчаянно кашлять, в попытке выплюнуть поправшую не туда еду.

То-то! А то ховаете, а я тут маюсь!

— Любой спорт, но только не это извращение. — пробурчал я, и поплелся вновь к лавке, на ходу, для разминки, прокатываясь колесом — Хоть в цирк сдавайте, но только сами будете клоунами играть! — пробурчал, будучи вниз головой.

Гордость надо иметь! Даже мне.

Как итог — фигурное катание! Зима кончается, как раз самый смак на соревнования...

и хотел бы я просто побегать, а-ли в тот же хоккеей погонять! Но с моим ростом... сложно что-то во взрослом спорте подыскать.

Так что мне, с моим метром с кепкой, в который уже кто только не ткнул, мол «подрости!», приходится быть как всегда, милой и пушистой. Буквально! Кто напялил на меня этот костюм зайца? Убью! Могли бы ведь подсуетится, и принудить девчонку, что я изображаю, надеть что-нибудь попроще! Поприличней! А не это чудо, с хвостом на попе.

А, да, этим самым чудиком, предложив это уродство, был я. А иначе просто было не скрыть мои пропорции тела! В чем-то облегающем, я слишком не похож на ту девятилетку! И вообще! Нам еще дико везет, что у меня с целью размер ботинка одинаков, а то было бы смешное и нелепое палево.

Сегодня буду я крутиться! Вертеться. И прыгать. Много прыгать! Бабок опять понесло... Хоть их коллектив и дополнили еще одной старушкой, фигурно катайщецей. И их уже троих куда-то отчаянно несет. Или вернее даже четверых! Штатный психолог, не сумев победить эту истерию, решила возглавить, чтоб ей усы приклеились! Какое-то коллективное сумасшествие уже! И все требуют, невозможного.

Да собственно, я ничего большего то и дать не могу! От «милого спорта» отказался наотрез, а на тех же коньках, катаюсь... ну так! Никак. Не для публичного выступления! Ведь коньки из Силы, для покатушек по воздуху, не то же самое, что коньки из кожи и металла для льда. А значит, раз уж мне подобрали подходящую по росту кандидатку, придется её как-то выводить в свет тупо за счёт фантастики. Без хитрых приемов и сложных выкрутасов.

Только бег! И прыжки, от чего и решили отталкиваться, раз научить до уровня «профи» даже меня за месяц не вышло. Разогнался, подпрыгнул, крутанулся в полете... зависнув в воздухе секунд на пять. Да, немного рисковая программа! Еще и навязанная девице, путем нашептывания ей и тренеру. Буквального нашептывания! Зато эффектно!

Подпрыгнул, и завис, крутясь волчком добрые шесть секунды над ледяной поверхностью. Круто! Зрелищно! Эффектно! И большинство людей, зрителей, явно оценит! И затаив дыхание, будут смотреть как я, подпрыгнув, кручусь в воздухе вокруг своей оси, немыслимое время.

Вот только палевно до жопы — понял я, по окончанию «концерта», глядя на взорвавшийся овациями стадион, и бледные как смерть лица судейской коллегии. Надо было все же вмешаться, и убедить не делать столь «эффектным» номером мой выход на коньках.

Ведь человек, делать то, что сделал я сейчас, не может. Физически не может! Это невозможно! Против законов физики! Это словно... полтергейст. Что-то из разряд аниме, рисованной графики, и прочих постанов азиатского телевиденья! Никак не что-то, что может сделать обычная девочка на обычном корте с обычным льдом прямо на их глаза.

Они, судьи, в отличие от большинства зрителей, мам, пап, и прочих зевак, достаточно хорошо шарят как в физике, так и в биологии, чтобы понимать приделы человеческих возможностях, даже будь на моём месте взрослый человек, в самом расцвете своих сил.

Кажется, такое — лучше не повторять.

И как я и ожидал, по итогу нас всех чуть было не повешали под кровлю стадиона за наши же яйц... требуху! Ибо «паранормальное вращение» стрельнула на всю ивановскую, и было буквально во всех новостях!

По телевиденью, радио, в газетах... вот обсуждать им нечего! В Москве ублюдки в белых касках расстреляли с танка школу, в которой спрятался её ученик, укравший у одного

из них толи пол пачки сигарет, толи вообще одну. Школ теперь в столице просто нет и народ уже на грани бунта! Вот только ссытся он, идти на пулеметы сам.

А они тут девочку обсуждают! Что под давлением общественности призналась, что не помнит того выступления вообще! А её сценическая руководительница... что слышала какие-то голоса, незадолго до выступления. И это именно они, нашептали ей сделать программу именно такой, с вара-вара-вращением.

В общем, нас всех вздрючили за такое «шоу», а я решил, что как бы пора брать ситуацию в свои руки, а иначе я точно кончу жизнь где-нибудь в банке. Пара возглавить эту бесконтрольную массу! Встать у руля этих «баб»...

Сказал и сделал! Ведь моё мнение уже давно имеет нехилый вес, и уже давненько, именно я решаю, как будет выглядеть все мои выступления в их финальном виде. За мной, остается последнее слово. Пусть раньше я не всегда им пользовался, пуская всё на самотек.

— Не, так не пойдет. — пробурчал отец, вернувшись на пост главы-наблюдателя нашего спорт-подмен отряда.

Вернулся, дабы навести порядок! Он уже перетряс как девиц, которых я должен был в ближайшее время подменять — некоторые из них уже успели немного подрасти! Так и виды спорта, что я должен был заучить. А то понесло уже меня, и я плавненько заплыл в шахматы...

Отец принес порядок! И марафонский забег, в облике двенадцатилетнего пацана. Он и так известен в узеньких кругах как супермен, пусть и им не является, или слишком хорошо скрывает, что месяц наблюдения за ним ничего так и не выявил. И он и так вынослив как вол, так что мои рекорды, будут относительно реалистичными.

А мне и придется не столько бежать этот дурацкий забег, сколько наблюдать за еще парочкой кандидатов в бессмертные — у бати тоже паранойя! Ну а то, что моя тушка не тушка этого пацана, чье тело будут изучать, пока я бегая, наглухо сокроет от всех глаз зимняя одежда! Мороз! Он не отступает.

Главное выучить все реплики пацана! И запомнить его повадки. Для этого собрали целую кучу «отработанного материала», фото, видео, заметки наблюдателей, и я это все сейчас зубрю, однако...

— Мы так спалимся. — повторил папаша, глядя на план операции. — Ни один пацан не поверит, что целый день марофона просто взял и выпал из его памяти. Не говоря уже о том, что до него нам непонятно как нужно подменить ту девицу... Придется отрывать от босса его мозгоправку. — и зачем-то с прищуром взглянул на меня.

Значение этого многозначительного взгляда отца я понял уже на следующий день.

Тетка, на вид — лет тридцать! Но потасканная на все сорок. Курящая, бухающая, и вообще... бессмертная тварь! То, что она такая же, как и я, я понял еще когда она только из машины ножку выставила! В квартале от дома с «подвалом. Дама совершенно не умеет скрывать своё присутствие в силе!

Однако... уже когда она расхаживала тут передо мной, болтая с моими «тайными учителями», наставниками и прочим персоналом тайной базы, еще очень долго не мог поверить, что во вселенной способен существовать столь слабый бессмертный.

Думал, она просто контактировала с кем-то! Думал, её как-то подставили... но вот она заметила моё присутствие, и ошарашила вопросом:

— Ты же тоже, бессмертная?

И истолковав моё не скрытое ничем замешательство по своему, продолжила:

— Не переживай! Впервые пару раз всегда тяжело!

И наклонившись ко мне поближе, словно бы на ушко и лично мне, чтоб ни кто не подслушал инфу конфиденциальную, зашептала дальше:

— Я вон, вообще, первый десять раз себя резала, ища место поспокойней. — криво усмехнулась, погрузившись в далёкие от приятных воспоминания, но тут же вернулась и подмигнула, словно давней подруге — Не переживай! Со мной не пропадешь! — и попыталась воздействовать на мой разум своей жалкой Силой.

Тоненький шлейфик энергии, соскользнувший с её пальцев, бессильно ткнулся в мою защиту. Вернее, в простенький ментальный щит из энергии, игрушка, что осваивают многие,

дабы не быть сходу пойманы первым же эмпатом или телепатом, подставленный мной сейчас за место своего любимого «пожирателя мыслей», что я использую обычно. Иначе бы... с такими-то данными, дама бы уже лежала.

— А вы?... сколько раз вы перерождались? — пролепетал я в ответ, скорчил я саму невинность, решив даме подыграть.

— Уу... деточка! Я даже и не скажу! — улыбнулась она, отстранившись от меня — Раз сто, наверное, не меньше!

М! Вселят уважение! Наверное.

— А кем были? — поинтересовался, отчаянно хлопая ресничками.

Ну интересно ж, правда ведь!

— Рыцарем, магом, ой! Кем только я не была!

Рыцарем...

— Круто! — состроил я воодушевленное лицо, со светящимися глазами.

А внутри себя воскликнул — Ага! Чую содержимо ямы выгребной!

— Ой! Да ничего особенного! Те миры были такими отсталыми! Ужас просто! — и она оглянулась украдкой на людей — Не то что здесь — и вновь подмигнула, зачем-то приподняв собственную грудь руками.

И стрельнула глазками в сторону единственного мужчины в помещении — моего батки! Батка взгляд заметил — он вообще хорошо чует, если на него направленно смотреть! Профессиональное это, профессиональное!

В след за взглядом в сторону отца метнулся шейф из Силы, словно ниточка ткача, или пугы какой-то ментальной магии! И я даже удивился — а че, так можно было что ли?! Работать силой на дистанции.

Вот только учитывая возможности девицы, ниточка вышла настолько тоненькая, что даже смешно, и грустно. И об папку она, просто стукнулась с тем же эффектом, что и об меня, вызвав лишь глухое раздражение за место обожания.

Тетка недовольно вернула взгляд ко мне.

— А у тебя какое? Какое по счету перерождение?

Я загнул пальчики и показал цифру семь.

— У! Да ты еще совсем юная! — потербила она меня по макушке — Держись меня, и вскоре станешь сильна как никто в мире! Нет, во вселенной!

Ага, как ты например! — взвыл я в душе, старательно следя, чтобы ни единый кусок от этой эмоции не прорвался куда-либо наружу, чтобы «тетенька бессмертная», смогла её почувствовать.

Таким же сильным, что... да я тебя, блин, дура крашенная! Могу вот прямо здесь, не вставая с табурета прихлопнуть! Причем в любом смысле этого слова! Могу пробить грудную клетку, вырвать сердце и оторвать голову! Могу, блин в порошок стереть всю твою бессмертную жизнь! Да ты...

Все же, что-то ускользнуло в ментальном плане, и тетка, не успев еще даже сменить улыбку на что либо еще, отпрыгнула на метр назад, сделала еще два шага, упала на попу, смотря на меня вытаращив глаза, как гоп-стоп на приведение, и только после этого... схватилась за сердце, отчаянно задышав, и с лицом, наполненным первобытным страхом.

Ага! Она не безнадежна! Рефлексы есть! Сталкивалась уже и с нашим братом и...

— Что у вас тут случилось? — подошел отец, и помог могучетёте, что за секунду до его появления взяла себя в руки, подняться.

— Да, так, познакомились. — улыбнулась тетка, кокетливо балуюсь ресничками.

Я — озадаченно вытянул лицо, отец — тоже, мы вместе переглянулись — пожали плечами.

— Нинель Анатолиевна — начал отец, галантно представив даму, что горделиво вздернула носик от такого подхода — Большой специалист в деле психологии. А проще говоря — взглянул он на меня и продолжил уже неофициальным тоном — промывки мозгов.

Сама Нинель — сдулась как шарик. Даже её макияж, как-то поблек! И одежда, потускнела! Или это все, последствие того прыжка?

— Уж сколько раз данная особа пыталась промыть мозги нашему главному и его окружению! — воскликнул отец, и покачал головой.

Нинель надулась, и обиженно отвернулась.

— И нельзя сказать, что безуспешно! — отец взглянул на неё, но та не отреагировала — Кое-кто, оказался слишком слаб духом, и просто пал к её ногам! Буквально — женщина украдкой сморщила свой нос — И сколько головной боли нам доставила! Но все же — теперь она тут — улыбнулся мне отец — и коль её навыки, ни на ком, кроме девок маленьких, да людей им разумом подобных, не работают, пусть...

— Ну все! Хватит! Это унижительно! — не выдержала Нинель — Знаю! Была неправа! И тот генерал вообще!.. — отец не удержался и заржал в голосину — Что? Да... да знаю я, что была наивна и глупа! Всё! Каюсь! Не буду больше!

Но папку это не остановило, и дама — вновь изобразила сцену «я обиделась!», забавно вздернув носик, что учитывая её вид «элитной шлюхи из порта» — выглядит даже не смешно, не говоря про «мило».

— Саша — сказал папаша, отсмеявшись, и взглянул на даму, тоже уже кончившую изображать обижинку и готовую слушать — Нинель в полном твоём распоряжении.

— Стоп, что?! — воскликнула девица, с полуминутной задержкой на «подумать», но отец к этому моменту, уже почти ушел.

— Теперь ты в её подчинении.

— Ну Ниночка, показывай, что же такого ты умеешь? — оскалился я, неторопливо поднимаясь со своего места, где отдыхал, после двух подходов по две сотни отжиманий.

Итак, моя армия пополняется! Теперь в ней есть еще и бессмертная любительница ножа и суицида! Хотя глядя на её реакцию на нож... можно и в не бессмертии её заподозрить! Хотя по её словам, она бы и здесь выпилилась, ведь не родилась в семье короля или графа, любимой дочерью, которой можно ВСЁ! Да вот только после последнего подобного акта, от её памяти и личности уже мало что осталось.

Впрочем, верить ей нет никаких оснований. Она та еще хитрая лиса! И отойдя от первичного шока, случившегося из-за моей жажды крови, кусочком выскочившей наружу, решила подмять всех живых в тренажерке за место меня. Наивная! Хоть и безошибочно вычислила самое слабое звено в соей «команде» буквально за миг, и начав решила естественно с него — с макияжницы!

Девочка Оля, хрупкий наивный цветок! Она реально девочка семнадцати лет, дочка очень влиятельного генерала, всю жизнь прожившая за огромной папиной спиной как за печкой. За спиной, что надежней танка! В своей жизни, она проблем не видела вообще! И могла бы стать жертвой плохой компании — но друзей у неё тоже нет.

Батяка защищает её буквально от всего! И у неё могли бы быть серьезные проблемы с

психикой, из-за излишней опеки, или одиночества, но её страсть — рисовать! И рисует она как Бог, неважно чем является её краски или полотно. А батька же, не настолько её опекает, что бы совсем не давал свободы или прощал все капризы и проступки совсем без наказания, из-за чего её личность, все же отлична от совсем безвольной куклы.

Однако...

— Голубушка...

Пение лисы, в стили лысы, да для вороны, что еще и жизни не видела, опасны! Но, я, как самое лучшее полотно в её глазах, на котором можно рисовать буквально всё что угодно... для девочки в приоритете! И стою в иерархии доминации сразу после её родного папы. В общем — ооочень высоко! И если батька для неё ВСЁ, он таскает ей и кисточки и краски, и вообще, для этой девочки явно не от мира всего почти живое божество, то я — где-то половина! Ангелочек в общем.

Удивительно, как эта девочка Оля в писалась в наш, да и не только наш! Коллектив, обращая убийц-шпионов, к ней «приходящих» в совсем других людей, парой взмахов своих «волшебных» кистей. Умудряясь при этом и сама оставаться незамеченной, тихой серой мышкой, сидящей в углу. Тенью, что не отражается в зеркалах.

И эта мышка, услышав пение плутовки, высунула мордашку из норки, взглянула на меня — я мотнул башкой, в знак отрицания, и вернулась обратно в домик — умение не слушать, о чем болтают окружающие, у неё ни чуть не уступает уровню рисования на лица. Царь, Император, Бог. В общем — она всегда на своей волне.

Нинель обиделась, Нинель рассвирепела! Причем, на этот раз, вполне не притворно! Пс серьёзному! Как, её, может игнорировать какая-то пигалица? Нинель решила приложить её ментально, Силой! Но тут уж я, с подскоком в бок, приложил обычный палец к ребрам дамы:

— Никакой Силы на союзниках! Иначе... — я чуть усилил свой нажим, и пальчик, без труда устремился сквозь податливую плоть, незнакомую с упражнениями физическими.

Далее Нинель, попробовала свои возможности на бабках, на тренершах! Но те, выкованные в горниле упорных тренировок мировых чемпионки, прошедшие эпоху развала в сложном бизнесе натаскивания малолеток и обороны зданий от рекиторов и мафии, являясь агентами разведки уже не первый месяц! Лишь посмеялись над ужимками недоменталистки..

— Вам голубушка, не в разведке быть! А в цирке выступать!

— Такой талант пропадает! Честно слово!

— Ага! Клоунский!

— Га-га-га-га!

Удивительно даже, как даже я их под себя подмять сумел. Видать — они меня реально обожают! Пусть их и нередко так заносит.

— Саш! А покажи как нам ты свой коронный! — указала одна из них, на крюк на потолке.

— Эх. — вздохнул я.

Прыгнул, поймав крюк. Перевернулся, встав ногами на потолок как на пол, удерживая себя за тот же крюк одной рукой.

— Я типо тут не понимаю, а чего это вы там, потолке, делаете? — пропищал от туда писклявым голосом, дуя воздух из ушей.

— Га-га-га-га-га! — ответили мне хором старушечки, а я спрыгнул обратно на грешную землю.

Подумаешь, шесть метров высоты.

Странный у нас с ними все же симбиоз! Они тут все, вроде как мной безправненько командуют! Что вижажистка — повернись так, и эдак, что бабки — сделай то, и так, что прочие начальство — хореографичка, логопедка, иные, воспитатели, но, несмотря на всё — последние слово всегда за мной! Как ни крути, ведь именно мне все это исполнять! И мне, изображать из себя иного ребенка. И даже в тех планах, что вроде-как и не касаются меня, моё мнение, имеет чуть ли не ключевое значение. Они уж слишком увлекаются! Что взгляд со стороны — необходим для выживания.

Они все обсуждают, примеряют, предлагают, решают, предлагают, а я... судья? Возможно, как-то так сложилось, причем от чести, довольно неожиданно для всех. Зато — работает!

— Чем ты им всем мозги вправила? — поинтересовалась Нинель, устав долбиться в стену, в виде логопеда.

Она её сама чуть крышу не снесла! Даром что старше, только в пределах этой жизни.

— Виии! — с турникета на мат, упала Оля-вижажист.

Как говорится, залезть то она туда залезла! Пусть и подставив стульчик. А вот что дальше делать...

Я промолчал, взглянув на «мозгоправа два», «хрупкую девушку», что как бы бессмертна. А она продолжила, игнорируя стон «раненной» девчонки под железой турника, и оханье бабусей, словно куриц над бедненьким цыплёнком.

— Ладно! Признаю! Ты победила! — она махнула рукой, скорее в знак отчаянья, чем смиренья — Но скажи мне — как? Ведь ты же не умеешь в ментал! Или умеешь? — сузила она свои глаза — Колись давай.

— Доверие. — усмехнулся я — А вообще — нам надо бы подумать об предстоящем.

— Ага. Тебе завтра целый день из себя другого человека изображать — скривилась Нинель — А мне потом ей мозги вправлять, мол, это она все делала в реале, а не кто-то там еще.

— Не потом, а вовремя! — скривился я в ответ.

— Да, да! Знаю! — проговорила она недовольно, вновь скривившись, украдкой глядя как вижащею, но не отболи, Олю, бабки тащат в лазарет — Ты главное там это — шепнула она мне тихонько — Не облажайся! А-то внушить то я внушу, но пока сам человек в мою лож до конца не поверит, она ведь нестабильна! И если будет хотя бы пара крупных нестыковок.

Я покивал, с ней соглашаясь. Мы всё, взлетим на воздух, если что-то там, вдруг, опять, пойдет не так.

И конечно же всё пошло не так!

Сначала, машина, что должна была перехватить девчонку еще у подъезда, нагло застряла в пробке! Непонятно, где она её нашла в этой глуши, но застряла! И ладно хоть у меня в сопровождении была охрана с рацией! Иначе бы я точно вышел к автобусу, синхронно вместе с оригиналом.

Вот бы смеху то было! Две одинаковые девчонки в одинаковой одежде! Ладно выкрутился бы, но — это был бы удар! И удар по яйцам! Которых у меня нет... Пришлось экстренно придумывать новый план!

Простой как топор, надежный — как часы! Один охранник подсовывает в сугроб пищащий телефон, с мелодией, как у агрегата девицы, девица реагирует на «пили-пили», решая, что она потеряла, пока бежала, отходит в сторону, за уголок, я выхожу вместо неё, девица получает по шам, и обретает форму куля. Быстро грузится в машину и все готово!

План был бы трудно исполним, будь это Урал или север, ведь вероятность сработать тихо — минимальная! Не обучены охранники-мордовороты, меня сопровождающие этому ремеслу! А на визг девицы, если такой случится, и на двух мордоворотов, что её пакуют... мог бы сбежался весь город. Да и вообще! На нас бы уже кто-нибудь бы точно обратил внимание! Мы хоть и неприметные, но все же... не бетон!

А на юге, что постоянно воюет с вконец обозревшими соседями, что, пусть и не торопятся отвоевывать территории, но постоянно делают набеги, словно кочевники, уже сидя с этим делом в печени у всех буквально! За выкрутас с похищением можно вполне реально получить по шам.

Пулю, перо, еще чего, хотя можно было бы не получить — все зависит от района! И кто там мазу держит, и хату сторожит. В общем, пятьдесят на пятьдесят! Но у нас тут центр! Владимирская область! И на похищение детей, странными людьми работающими быстро и четко, все старательно закрывают глаза — бонус в счет успешного выполнения плана «топора».

И все получилось! Хотя опять-таки не до конца по плану — девица реально где-то по дороге посеяла свой аппарат. А мы, используя дубль в качестве приманки, его лишились — не пережил мобильник купания в сугробе! А мамка дочки — ну ооочень заботливая женщина! Что в принципе не совсем правда, ведь отпустила её одну до автобуса через весь город, в котором не столь уж и редки, убийства и похищения.

В автобусе опять же, все пошло не так. Разведка, слегка накосячила, программу выступления сменили, время выхода — тоже, и на всё это можно было бы болт достать, да вот тренер...

— Ты что! Мы столько раз вчера все это повторили!..

Не очень хотела мериться с тем, что я ничего не помню, и стала меня компостировать зато, что я такой забывчивый, невнимательный ребенок. Попутно втирая «новый план» выступления, и что-то тихо подозревая. Подозревать, что зря она эту нерадивую забывчивую дуру решила вывести в люди!

Но и на этом проблемы данного выступления не кончились! Сразу после него, выяснилось, что мамка девочки разволновалась, что та забыла дома телефон — иначе бы его мне бы уже доставила проштрафившаяся разведка, треуголировав сигнал! И сорвав отца с

работы, прискакала прям во Владимир, на стадион, проверить дражайшую дочурку.

В план общение с матерью не входило! Пришлось импровизировать! Сопровождению-охране — связываться с Нинель, что бы та подправила девице память, и отыгрывать еще одну пай девочку при мамке, сливая тренершу, что после выступления сказала «это твое последнее выступление! Всё! Я тебя сюда не за золотыми медалями привезла!» с потрохами.

Слушать их перепалку в пол уха, получать новые инструкции, искать место, где можно хорошенько стукнуться головой — бедную девицу таки стукнули до синяка! Стукаться затылком об порог... Поскользнулся неудачно! Ехать с мамкою в больничку, где собственно и было решено обменять меня на оригинал.

— Веселый вышел день! — потер я шею, и взглянул на замученную мозгоправку — Ты как?

— Как вода... — растеклась она по стулу — а ведь хотела — сглотнула — завязать. Начать жить обычной жизнью... а сейчас чувствую себя так же, как когда меня мой прошлый муженёк, решил посадить на лошадь. Ты когда-нибудь сидела на лошади?

Я кивнул, а она... хотела бы махнуть рукой, да не смогла.

— Лошадь, это адское создание!

Я с ней — полностью не согласен! Но возражать и спорить и рядышком не стал. Она вообще молодец! Ей хватило месяца, чтобы освоить технику пусть и частичного, но скрытия своей бессмертной сущности. Иначе бы половина наших планов были бы под угрозой.

С другой стороны — Силы то у неё кот наплакал, при таком то дряхлом, неразвитом теле! А с третьей — может она по тому так охотно согласилась на мои тренировки и так быстро всё освоила, что сама этого хотела? Ведь без этого навыка, она — добыча! Особенно в этом мире, где назревает настоящая охота на нас, на вечных.

Зато подмена пацана прошла без сучка и задоринки! Выиграл благотворительный забег на полсотни километров, уделав всех, даже взрослых мужиков, на целый час времени. Пусть среди толпы так и не обнаружилось никаких иных бессмертных.

Спугнули, что ли, своей слежкой за «мною»?

Батяка... естественно заметил, что коллективчик то свой, я под себя подмял! И естественно, поспешил продолжить, возведение моей персоны в начальственный стан. Вот, теперь сижу, изучаю документы. Подвожу итоги, так сказать, всех наших махинация.

Средь ночи, один, в какой-то маленькой однушке далекого Иркутска, где живет уже давно покойный олимпийский чемпион. Вместо сна! Я итак то спал по два-пять шесть часов! Тренировки, тренировки... А теперь, с этими бумагами, буду спать по два... в неделю.

— Они издеваются. — пробубнил я, и откинулся на спинку стула.

Встал, немного походил, вернулся обратно. Пощелкал выключателем настольной лампы, оглядел гирлянды наград комнаты, принадлежащие бывшему владельцу помещения. Золото олимпиады восемьдесят, золото олимпиады семьдесят шесть. Лучшему тренеру, заслуженному учителю... ничего интересного! Да и бумаги на столе... обычные!

Вырезки из газет, статьи, журналы, пара официальных, но не секретных запросов в органы. Ничего криминального! Но по ним, можно легко понять, что сейчас происходит в «моей любимой родине».

А именно — девятый отдел ФСБ прикрыли, полностью. Официально, поводом была девочка Лена, что пала смертью храбрых, вместо меня. Была запытанна в подвалах ныне закрытого отдела. Не официально — утрата доверия к отделу со стороны американских

кураторов. И процесс расформирования не был тихим событием.

Напротив! Это было полномасштабной войной! С реками крови, и кучей трупов. С боевыми действиями... но на наше счастье, проходившими в стороне от населенных пунктов и почти без гражданских жертв. А потому, для гражданского населения страны — актом почти незаметным.

ЦРУ, приказало свернуть отдел! ФБР, заартачилось, возмущившись о самоуправстве разведки. Вот, об этом даже есть статейка в Нью-Йорк Таймс. Журналиста там, вполне резонно опасается, что подобное усиление внешнего ведомства, путем ослабления внутренних служб, может привести к расцвету тоталитаризма в стране, причем в первую очередь именно в своей, в Америке.

А еще есть статейка «о излишних расходах на внешнею политику», что как бы вообще банальность в их среде, и никому уже давно не интересна. Думаю, сами американцы такие выпады уже даже не читают, даже если к ним прилагаются и таблицы цифр. Хотя большинство этих цифр слито самими же органами!

ФБР починилось, а вот наш его отделыч не захотел. И распускаться не стал. И дело не в патриотичности там сидящих людей! Там такие отпетые твари сидят, что... ухх! Даже у меня мороз по коже, если прочитать хотя бы с десятков милицейских докладов с низов наверх, что впрочем, потерялись где-то по дороге, и стопами осели в тупиковых архивах или вообще — в печах золой.

И хотя эти бумажки можно назвать «служебным документом для внутреннего пользования», без печатей начальства они — просто бумага. Но и без них большинство населения страны уже в курсе, чем знаменит этот «отдел за номером последним».

Американцы попробовали надавить на номинально часть своей структуры — не вышло. Те слишком привыкли к вольнице! Слишком привыкли жить самостоятельно, иногда делая для заграницы грязную работу. Кого-то устраняя, или похищая. Вот это вот статья, о похищении малоприметного мужика, в региональной газетке полугодовой давности, повествующей о событии в городе Иваново за пару дней до «моего» похищения, мне лично говорит о многом.

На смутной, чёрно-белой и смазанной, фотографии, приложенной к статье газеты, угадывается световой меч. Думаю, парню отстрелили руки пред перевозкой. Затем возможно ноги, постиг тот же черед. А уже после... Потом с радаров над Индией пропал один из пассажирских самолетов вместе со всеми пассажирами и экипажем. Его обломки так и не нашли.

Ясно дело, что эти дополнительные рейды обходились отделу не столь легко, в плене жертв среди личного состава. Охота за бессмертным, не тоже самое, что охота за чинушками, отказавшимися подчинятся новой власти! И уж тем более не тоже самое, что охота на ничего непонимающих западных же бизнесменов, что решили устроить себе туризм в дикую Россию, которых их же коллеги заказали убрать по тихому.

Так что девятка давно отбилась от рук даже своих заокеанских кураторов, и их приказы пусть и выполняла, но только потому, что иначе не могла, сдавали кристаллы, словно платя налоги. А теперь просто послало в пеше эротичное, «оборзевшее начальство».

Ослушались прямого приказа! Перестали слать за границу свою выручку! Выполнять основную свою работу! То, ради чего отдел и был когда-то создан! Продолжая охоту на тварей, но камни с магмойдов, уже оставляя себе.

Хотя они и раньше занижали «выручку», подделывая документы, скрывая рост числа

вторжений, которых с каждым годом становится только больше, и информация о них, уже начинает просачиваться в прессу несмотря ни на что. — подтянул я к себе пару вырезок из газет, с кратерами-местами бойни.

И раньше торговали камешками налево, ювелирам и коллекционерам, ведь ядра огненных тварей неплохо выглядят внешне! Ну и о Азии не забыли, найдя свой собственный выход на узкоглазых с островов, что в деле эксплуатации инопланетных сердец, съели если пока не собаку, то кота точно.

Японцы... они пусть и работают на Американцев, став их полигоном по испытанию опасных инопланетных элементов, но тоже умеют вести свою игру, если это сулит возможность в дальнейшем избавиться от «крыши». А сами американцы, не решились экспериментировать с опасными камешками, пару раз круто на них обжѐгшись.

Правда об этом всем, в открытую не пишут в газетах, и можно лишь догадываться о происходящем, только по разным недомолвкам, используя как ключ, информацию полученную из уст отца.

Подобное своеволие, полное прекращение поставок камней с огромной площади земель, пусть и под сократившейся, но по прежнему огромной России, граждане из управления ЦРУ и ФБР, стерпеть уже не могли. И пошли разбираться силовым путем.

Отлетели в рай, ну или ад, кто знает. Потом вновь. И снова. Привыкши к войне люди отдела, раскидывали зажавшихся и холеных белых касок как котят! Давили как семечки, и клевали как зерно. Американцы подключили армию.

В этот миг, думаю многие из наших полководцев, думали: «вот он, шанс!». Выйти из тени, объединится, все вместе, против единого врага, и выдворить, наконец, иностранных интервентов! Заодно прихлопнуть двух мух одним ударом! Склонив могущественный отдел на свою сторону. Но на самом деле это была бойня двух волков, что только что загрызли по ребенку, и каждый друг другу позавидовал в размере добычи.

Встать на чью либо сторону в этой войне, означает навсегда забыть о поддержке народа! Да и победа одной из сторон, не означает усиление другой. А потому, немного подумав, все силы родины, дружно сели на попы, достали попкорн, и принялись наблюдать. Америка естественно победила с разгромом.

И теперь в стране за магмойдами охотятся уже откровенные иностранцы — арабы! Их не любят еще больше, чем не любили девятку, и фиг они среди наших спрячутся! А они, арабы, помня проколы своих предшественников, делают все максимально по инструкции и в пределах своих компетенций. Никуда не лезут, и ни кого не ищут.

Никаких похищений, и никаких устраниений, лучше подождать, ведь вне зависимости от успеха миссии, можно все равно получить по шапке. Не важно, пропадет ли самолет, или девка окажется не из бессмертных.

Американцы же, сами зализывают раны, и глядя на наши, мои! Выступления, решили поискать бессмертных уже среди своего населения. Организовали пункты тестирования, и точки сбора добровольцев в армию супер солдат. У них даже есть прогресс! К сожалению. Работать на пиар они хорошо умеют.

Очень хорошо! Их ролик, с силачом гнущим железо... по-моему, там резина! И спортсменом, а-ля человек паук — по моему, это монтаж! Ну очень популярен и в наших кругах! А еще у них есть пара сексапильных девушек на постере, из-за чего мне предложили отрастить себе грудь и тоже снятся для рекламы.

Пигалица метр с кепкой, с буферами пятого размера... как они себе вообще это

представляют? А американца с добровольческий набором бессмертной армии, все руинит на корню, огромная воронка в штате Невада. Кто-то из бессмертных, ушел попрощавшись!

И поскольку это все же просочилось в прессу, и фотку воронки даже напечатали — взял я газетку в руки, на страницах которой эта воронка и изображена, пусть и в плохом качестве, и обозванная почему-то «карстовым провалом», образовавшимся в местности, где и воды то нет! Всё бессмертные глядя на неё сразу узнают — там смерть! Там пытки! Туда ходить нельзя!

— Эх.

Чую, что такими темпами вскоре реально встану во главе уже вполне боеспособной маленькой армии.

— А ты можешь... — недоговорил профессор... физико-атомных наук, глядя на моё голое тело, лежащее на кушетке.

Вообще-то его «наука» как-то там иначе зовется! Но мне его представили просто как «профессор Анатолий Яковлев», не уточняя, в чем именно он профессор. Но, судя по тому, что место, где я сейчас нахожусь, институт физиков и ядерщиков, а город, в котором он стоит, закрытый город, разрабатывающий и производящий ядерное оружие... несложно догадаться! Хотя я тут, всего лишь ради снимочка рентгена.

— Эх. — вздохнул я, и повернул голову в сторону мужика в халате — Быть не столь яркой?

Тот кивнул, а я усмехнулся — работает! Как же давно я мечтал проверить возможность засвечивать нафиг рентгеновский аппарат! И теперь, испытав себя такой мощной машиной, а они её явно поставили на максимум! С уверенностью говорю — могу! Засвечиваю! Ура! Хотя для чего мне это надо, до конца самому не ясно.

Профессоров пытаться? Они ведь явно не ожидали такого! И вообще, вначале поставили агрегат на самую минимальную мощность! Что я даже с трудом ощутил хоть что-то, и то от того, что был как морально, так и физически готов. И следующий «радиационный тычок» от аппараты был не самым мощным. И вообще... они раз пять по мне тыкали, в конце уже психанув! Эх...

Я встал в лежанки и прочапал босыми ногами в ординаторскую. Мужики, профессор и его зам, по возрасту несильно младше полувекового почти деда, прильнули к монитору старого компа. А там, на экране, видимый из-за их спин...

— Хм... — хором сказал я и Анатолий Яковлев, что услышав «хм» за своей спиной, сразу оглянулся.

— Да, интересная картина — нагнулся я к экрану поближе.

Кости видны! Весь мой скелет, как на ладони! Но помимо него, на снимке, отпечатался и второй, и даже более плотный! Скелет.

— Как понимаю, это мои жилы — взглянул я на свою левую руку, сжимая и разжимая кисть, и правой ткнул прямо в монитор. — Давайте еще один снимочек сделаем.

Вновь стол, вновь «удар», на средней мощности. Мой крик «попробуй слабую!», и ожидание выполнения заказа. Нечто неуловимое проходящее сквозь тело, и вот я опять топаю в ординаторскую.

— Во! Так-то лучше! — улыбнулся я, глядя на полученный результат на экране монитора.

— Как вы это контролируете? — проговорил слегка опешивший профессор, даже обратившись ко мне на «вы», хотя до этого исключительно «тыкал».

— Это!.. — вознес я палец к небесам, и тут же опустил плечи — Сложно объяснить. Вы видели, как бодибилдеры играют грудными мышцами?

— Ну... — протянул профессор, задумавшись — Нет, но представляю о чем вы. — я кивнул на это улыбнувшись — Хотите сказать, это примерно так же?

— Сложнее. — вновь вздохнул я, взглянув на экран монитора. — Но смысл тот же.

После рентгена, меня, накинувшего на плечи халатик, повели в хирургический кабинет. Собственно, ради этого, хирургии! А не кабинета, я сюда, в этот город и институт, и

приехал. И ради этого же, мне и делали рентгеновские снимки. Ради того, что бы вживить в меня кучу имплантатов! И чтобы потом я не выглядел на снимках аэропортов как чокнутый киборг.

— Наркоз не требуется — выдал я, в сторону готовящихся к операции хирургов, и скинув халат, забрался к операционный стол, откинув голову, открывая получше шею — Давайте, режьте.

— Подожди, мы еще не готовы. — сказала медсестра, совместно с хирургом раскладывая приборы по столику, кое-что еще разок натирая спиртом.

— Жду. — сказал я, и улёгшись на бочек, принялся наблюдать за их работой, попутно изучая то, что мне сегодня всунут в тело.

Именно в тело, а не под кожу! Спрячут за кости, дабы это было невидно на снимках и никак не прощупывалось.

Два передатчика и четыре антенны, всё это разместится прямо в моей голове. Пиликалку, кнопку, встроит в зуб. Мой, родной, просто его рассверлив! Я знаю, что мне скажет по этому вопросу его нерв, но куда деваться то? Надо, так надо. А своё мнение пусть он засунет в свой коренной мудрый зад.

Основную вычислительную аппаратуру передатчика на микропроцессоре, спрячут в челюсти, а антенны... с ними сложно! Они мне иглой пробьют дыру из кадыка прямо в мозг! Всунут туда свои проводочки, а уже я, сам, должен буду их как-то протащить там внутри, до самого верха, за ушами и до затылка. Хорошо, что здесь нет бабки! И я не откажу себе в удовольствии немного поорать.

Далее, набор иглоков. Устройства, для самооборона! Все же световые мечи так себе оружие для боя с живыми, не говоря уже о том, что их нельзя метать. И десяток штук коротких ноживидных игл-лезвий, придутся мне как не зря кстати, в случае чего. Например — если меня охрана проворонит! И мне придется как-либо воевать самостоятельно.

Это собственно конкретно моя идея, присобачить иголки себе к ребрам с обратной стороны. А врачи... просто втолкнут мне их под ребра через верх грудной клетки, откуда я уже сам, управляя плотью в ручном режиме, доставлю ножики к нужному месту, и к кости приклею. Лезвия сделаны из сплава титана с цирконием, биоинертный, и проблем с ними быть не должно.

А еще мне вмонтируют большущий датчик слежение в ногу, в бедро...

— Мы готовы.

— Эх, вы только не обижайтесь если я вас немножко обзову.

Так... да хारे уже жрать эти провода! Тело... каким местом твои мозги разъедают покрытые золотом и пластиком проводки? Царская водка? Понятно... И где вы её берете? Поджелудочная! Предательница! Да вы мне мои же сосуды так спалите ко всем печенкам! Гоняя по ним неразбавленные кислоты.

Плевать новые наростим? Да я вам «новы наростим»! Год без жрачки ходить будете! Два года! И плевать мне, на ваши «тебе же хуже!». Ладно, доедайте, эти все равно уже в негодность пришли.

Так! А ножи куда опять полезли? На место! Я сказал: место! Да, там место! И не возмущаться! Ребра, мать вашу, через колено! Да, меня! Да, через колено! Держать лезвие, а не плевать ими в сторону легких!

Что значит «мы не хотим это доедать»? Arrr! Детский сад штаны на лямках. Ладно

хоть передатчик в бедре проблем особо не доставляет! Кстати, а почему? А... решили его во благость использовать. Как часть силового каркаса... Стоп! Нет! Нет! Нет! Нет!

— Ну, отлично выглядит! — улыбнулся профессор «неких физических наук», две недели спустя, глядя на мои рентгеновские снимки.

— Ага. — буркнул я в ответ, сидя перед экраном компьютера, и уныло глядя на фотку своего скелета.

— Как будто и правда ничего и нет!

— Угу. — согласился я.

Только целю неделю «спал»! Был не здесь, а «во внутреннем мире!» Воевал с собственным организмом. Моё тело ну никак, не в какую, ни за какие плюшки, и ни при каких обстоятельствах, не хотело мириться с имплантами! Эта упрямость, досталась организму явно от любимой «мамочки» Силы! И он не хотел менять свои «устои», ни при каких обстоятельства.

И стоило только хоть чуть-чуть расслабиться, чуть-чуть спустить все с поводка и отключить ручной режим управления всего... и ножи лезли наружу, ловко огибая ребра или через рот, а провода антенны... оказались вообще съедены! Мне их трижды меняли на новые, в последний раз чуть случайно не просверлил мозг.

Козлы! И не знаю даже кто именно. Но настроение моё, никакое. Особенно из-за того, что устройство слежение в ноге, сломало всякий внутренний баланс, вынудив меня, обзавестись сразу двумя маечками.

— У вас все, профессор? — взглянул я на озвученного профессора.

И уже хотел уходить, но тот схватил меня за руку.

— Подожди. Есть еще один вопрос — и он сунул мне под нос, какие-то бумажки.

— Что это?

— Документы. На тебя. Подлинные — усмехнулся он, факту существования этих бумажек, потерев свой нос — И вот тут интересно — ткнул он пальцем в какие-то цифры, ничего мне не говорящие — раньше у тебя был генетический код, на сто процентов совпадающий с кодом твоей матери.

— Условно на сто процентов — подал голос его лаборант-компьютерщик.

— Да вот именно, что нет. — поправил его профессор — Она реально была как клон! А вот теперь посмотри сюда — ткнул он в еще одну колонку цифр на другом листке.

— Иии? — поднял я бровь, все так же ничего не понимая.

— Мне вот тоже интересно. — сказал профессор, и мы с лаборантом, что наконец отвлекся от экрана с моим скелетом, дружно уставились на человека.

Проф — молчал. Как видно ожидая некого ответа, на вселенскую тайну мироздания. Но моё происхождение, на объяснение, или фиг знает еще на что, мне неведомое. Я — тоже молчал! Ибо что тут говорить! Надо информацию переварить, да и вообще! Башка и так болит от войны с самим собой, да и устал я, а тут еще и зуб опомнился, проснулся, так сказать, заорав матом благим... хотя нет! Просто матом! Где цивилизные слова, это «выньте» и «из меня!».

Лаборант не выдержал, и забрал у меня мне ничего не говорящий документ. Быстро пробежал глазами по цифро-буквенной белиберде... еще раз про неё прошелся взглядом... внимательно изучив, чуть ли не в упор к глазам прижимая листок!

— Это невозможно! — воскликнул он, опустив документ и взглянул сначала на меня, а

потом на профессора.

— А клон что, по-твоему, правдоподобнее? — усмехнулся Яковлев Анатолий.

— Клон? — выдал я, все так же ничего не понимая и хлопая глазами.

— Копия. Копия другого человека. В твоём случае — собственной «матери». Ну, ты была ею, какое-то время.

— Стоп, что? — до меня наконец стало доходить — Идентичная копия? Как дубликат... — я задумался — Вот!..

Это пиздец!

Копия, дубликат, клон... то-то я родился девочкой! Теперь мне все стало ясно! Я, истинный я! Ну, в смысле тот, кем я должен был быть в этом мире! Умер тогда, когда мать меня траванула, приняв что-то от беременности. Но, часть клеток, поврежденных, но живых благодаря мне и Силе, уцелели, и начали заново свой путь, бесконечного деления.

Однако, генетического материала им явно не хватило для нормального роста и развития, вполне возможно что его вообще не было! Удар то пришелся по нервным клеткам, уже получившего свои очертания тела, и... там всё могло полететь в пух и прах. И выжившие клетки, и мы, я и Сила, все втроём, в едином порыве, не мудрствуя лукаво, взяли то, что было наиболее доступно — генетический код тела, в котором развивались. Материнский код! Сделав тело, хм, просто клоном.

Потому оно и женское, блин! Это не ошибка Силы! Это... это... должен был быть очередной акт бесконечных смертей в утробе! Но я его сломал. А теперь сам расхлебываю. И что самое печальное в этом всем, так это то, что и в следующих жизнях я перерожусь...

Чворт! Хочется что-нибудь сломать или разрушить! Так тупо... ведь Сила не знает, что я сам, начудил, и будет стараться мне подыграть! Будет пытаться соблюсти правила, подобрав тело, бедующее тело! С наиболее близкими параметрами к предыдущим.

Именно так это все работает! От чего... нет, все же привязки к родословной это не дает, но вот рождаться только у толстых, один раз хорошо отожравшись, или наоборот — худых, пострадав голодом неслабо, можно вполне уверенно начать.

Получить предрасположенность к чему-то с рождения! Что если это порог, еще можно будет исправить, а вот если просто особенность... Я теперь буду рождаться очень мелкими милыми бабами. Персональный ад, как ни посмотри!

— Ну, что скажите профессор? — поинтересовался неприметный мужчина, у седоголового ученого, сидящего за заваленным бумагами столом.

В прочем, на столе ученого лежат не только бумаги и лупа, и много странных приборов, и даже бутерброд.

— Что я могу тут сказать... — проговорил седоголовый, и поправил ворот своего халата — Пока все слишком неясно.

Причем, это он слишком мягко выразился, стараясь сохранить к себе хотя бы толику уважения у собеседника, и не начать выражаться так навязчиво просящиеся наружу матерные слова. Ведь банальное «а херен его знает!» куда точнее бы выразило мнение профессора по данному вопросу.

Человек, в поношенном деловом костюме, обманчиво скромненько стоящий у стеночки, едва уловимо нахмурился, от чего его лицо, как кажется, даже сменило свои, уже привычные для ученого очертания, будто случилась какая-то мистическая смена масок, и перед ним — уже совершенно иной человек!

— Разве проведенного количества анализов недостаточно? — надавил гость голосом на слово «количество», не двузначно намекая, что лаборатория седого ученого и так выкачала из него много денег на свои «очень сложные» исследования, и о новых премиальных без каких-либо результатов можно не рассчитывать.

— Да, я все понимаю. Но вы сами видите результаты! — парировал нажим проф, потыкав пальцем по цифрам, на заглавляющем кипу бумаг листке — Она постоянно мутирует, с изменением генетического кода. Знаете, — вновь поправил ученый ворот своего халата, что вдруг неожиданно, по ощущениям, стал излишне сильно обхватывать горло — Не наблюдай я всё сам, и не веди исследования лично, никогда бы не поверил, что подобное вообще возможно.

Чтобы спираль генетического материала, не представляла из себя чего-то единого, цельного! Чтобы молекулы белка, болтались в ядре клеток в разрозненном виде, и при этом, это все как-то работало, делясь и размножаясь как стабильный организм, а не умершее сотню лет назад нечто.

Это невозможно! Но тем ни менее происходит на глазах ученых. Это стоило бы исследовать! Но заказчик требует совсем не этого.

— Значит, вы нам ничем не сможете помочь, да? — проговорил странный мужчина, стоя на свету, но при этом, при мельком взгляде на него кажется, что он постоянно прячется в тени, не цепляя глаз.

— Ну почему-же? У нас есть старый материал, и как ни странно — стабильный, даже более чем, что удивительно! — крикнул ученый, от осознания еще одной странности «в данном исследовании» — И его вполне досочно для начала опыта. А вообще... — задумался ученый, и излишне сильно потянув за ворот, все же оторвал и без того разболтанную пуговицу — вы когда-нибудь слышали о проекте «эМ»?

На секунду, ученому показалось, что его собеседник растерялся. На секунду он поверил, что этот всезнающий монстр, такой же человек, как и он! Но только на секунду! Ведь уже спустя это время, гость заговорил вполне обыденным тембром голоса, и со с уже давно привычной «маской на лице», по которой просто нереально угадать, о чем же думает этот человек. Словно профессиональный игрок в покер, а не влиятельная шишка в определенных кругах.

— Нет, не расскажите?

Что для знавшего его уже не один десяток лет профессора биологии и биоинженерии Новосибирского института медицины, звучало как «Слышал, но не прочь услышать вашу версию, профессор».

— Весьма интересный эксперимент! Провальный, как проект по созданию армии, но говорят, вполне успешный, в плане передачи знаний новому поколению от умирающих солдат. И говорят, несмотря на развал союза, — усмехнулся ученый, припоминая прошедшие девяностый, казавшиеся тогда адом, а сейчас вспоминаемые как невообразимо спокойное и вполне рациональное время — и прекращение финансирования проекта, младенцы уцелели, и даже нашли себе семьи! И, по уверению моего предшественника, вы думаю его знаете? — взглянул он на собеседника, на что тот помотал головой — между прочем тоже

заслуженного ученого! — вознес он старческий пале к потолку, на что собеседник лишь слегка поморщился, не сочтя за важность данную «птичку» — Эксперимент можно считать на сто процентов успешным, ведь выросшие дети, получили загруженные в них знания, пусть и не без отклонений по психике. Сами понимаете: технология тогда была сильно сырой, не отработанной, а оборудование — примитивно.

— Двухсотый — изрыгнула рация едва слышимо для простого человека, но не для меня.

— На связи — нажал я на кнопку, и шепнул в трубочку рации.

— Конвой только что пересек границу. Три внедорожника, БТР и миневен.

Либо они решили банк ограбить, либо наши клиенты — задумался я, выуживая из памяти детали карты. С одной стороны, охотится за живым товаром с бронетехникой в колонне малость глупо, а с другой — банк грабить они бы не решились! Границу держат москвичи, ходящие под иностранцами, банки тоже их бизнес, кусать руку, что кормит? — глупо! Или нет? Басмачи те еще любители извращений!

Но все же, скорее всего они решили совместить приятное с полезным, совершить налет на какой-нибудь магазин за кассой, заодно наловить немного живого товару. Говорят, турецкий хан ищет себе новых наложниц посмазливей... В любом случае, скоро все решится! Тут одна дорога через перевал, где стоит «дырявое» во всех смыслах КПП — педики! Но дальше пути-дороги расходятся, и есть множество перспективных целей для налета.

Пара деревень, полупустых, где одни старики остались! Те, что не смогли сбежать от границы куда-нибудь вглубь страны. Не интересные места, ни денек, ни имущества, ни жертв, но туда всегда можно заглянуть для поднятия собственного ЧВС на новый уровень.

Шахтерско-производственный город, некогда бывший известным туристическим местом, и всесоюзной здравницей. Он и сейчас во всю процветают, только сейчас там сплошные производства, что место даже с фотографий похоже на пылающий ад, из далека — на гриб, светящийся, и желто-бурый, а выживают там только закалённые сибирскими зонами мужики-вахтовики.

Испоганив всю экологию Нальчика безумным ростом промышленности и добычи, в основном путем отказа от всех средств очистки и безопасности и безчеловеческими условиями труда, западные инвесторы, ничего умнее не придумали, как организовать работу вахтой. Собственное население города, просто передохла.

Ну, или сбежало! Кому как повезло. Однако, даже за большие бабки, работать в «курортный город», на границе с северной Осетией и Грузией, толпа желающих не строится! Слишком больше риски! Получившие вольницу, а по-русски — шанс на саморазрушение, бывшие республики страны, пустились всласть во все тяжкие. И творящийся там смертоносный хаос ужасен и безобразен, даже в сравнении с раздираемой всеми на части Россией.

Да и Грузия, что уже перегорела в необузданном хаосе, но до сих пор горяча, тоже не вызывает симпатий. Оттого, уж очень быстро сложилось так, что город населили сибиряки. И в основном — амнистированные зеки!

Ведь тюрьмы то упразднили! Оставив места только под, по факту, политических заключенных! Тех, что против интервенции и развала! И это не сумели скрыть. И которых все равно быстренько пускают под нож.

Остальным тюрьмам — урезали финансирование, повесили остальное его на регионы... что такому явно были не рады, и в итоге очень много зон закрыли, а сидевшие там рецидивисты-маньяки — получили вольницу и амнистию. От предложения съездить на юг, да еще и честно заработать немалую денежку несложным трудом — разве может быть труд на юге тяжелым? Наивные! Мало кто сумел отказаться.

Так что в этом городе, где люди живут почти, что в аду, теща себя мыслью, что вот, скоро вахта кончится, и тогда уж оторвемся! Где каждый второй — убийца, а каждый третий — бандит-грабитель, или на худой конец — просто маньяк. И где топоры метают почти так же хорошо, как я ножи — колонну со всего на всего одним БТРом в прикрытии — порвут на американский флаг! На лоскуты!

Там и танки резали отбойными молотками! А на пулемёты — пускали бульдозеры с радиоуправлением. Причем, спаяв это радиоуправление где-то в подсобке за час до начала боя. И если б не этот город, с его отпетыми во всех смыслах мужиками, тот же Пятигорск, где я сейчас сижу, и в ус не дую, читая бумаги архива в закрытом здании, давно бы уже растащили по камешку. Буквально! Как сделали это со многими другими приграничными городами.

А так, городок можно даже сказать процветает! Пусть и редко, но сюда все же наведываются разнородные туристы, попринимать ванночку-другую. Не зная, что даже мужи-защитники границы, настоящие защитники! А не те ряженные пидоры на фиктивном КПП, чьи пулеметы развернуты в сторону своей страны, иногда не прочь развернутся, прибежать чуть ли не всем скопом в один из близлежащих к Нальчику город, в поисках кого отыметь побытрому, пока смена не началась.

Но наши парни хотя бы стволами в рожи не тычут! И не похищают, тут работая! И вообще, смирные! Даже платят за услуги и жратву, и хоть и обзубатились за время славно, и танками даже обзавелись, такие набегии на города своей же территории за бабами, совершают сугубо в гражданском обмундировании. Без черепов, костей, а топоры не в счет!

А вообще, если подумать, тут есть еще наверное с десятков мелких целей, куда эта колонна может заглянуть за хабаром. И гадать я могу вечно, но, нам разведка дана не просто так — через пару минут уж будет ясно, куда свернет процессия. И чего этим горячим парням вообще не сидится во своих горах? Ах, да! Кушать хочется, а работать — нет.

— Говорит сороковой — вновь ожила рация, изображая на моей маленькой голове большие мохнатые наушники плеера — Конвой свернул в сторону Пятигорска.

— Принято. — шепнул я в трубку, и еще глубже задумался.

Зверь идет к родимой мамочке! Не зря я тут значит юбку просиживаю! Ой не зря! Вот только теперь вопрос — как они к нам проедут? Асфальтовая дорога давно и надежно изуродована гусеничной техникой. Там сейчас даже БТРу не продраться! Да и на въезде в город баррикады славные — чай не первый подобный налет. Поедут в обход? По какому из!

С востока? Со стороны Константиновской. Или с запада, через Ессентуки? А может вообще, в сами Ессентуки попрутся? Неее! Мы тут развели хорошую деятельность, большой группой красивых девиц, приехавших отдохнуть на минеральные воды, принять радиоактивные ванны и насладится морей острых ощущений приграничной зоны.

Реально красивых баб отдохнуть привезли, да еще и охрану им выписав из наёмников обычных, что господа кавказцы точно клюнут! Такие сочные цели, что можно хорошо продать, а потом еще и хорошо навариться на выкупе. Да еще и спортсменки! А они любят ломать сильных женщин.

Эх, блин! А мне теперь ломать этих мужиков! Обликом маленькой девочки... Начальство блин! Шило из жопы! Решило, что пора объединять разрозненную страну! И если Сибирь, полупустая территория, ничего к себе не требует, кроме-покушать хлебушка, ведь в Алтае теперь только мак растёт. Север Руси, еще худо-бедно как-то держится, центр — контролируется западом целиком и полностью, то вот юг... тут все интереснее!

Граница дырявая как решето — её фактически нет! Что в Ростове, что на Кубани, что на Кавказе. Наркокартели, убийства, разбой, торговля людьми и черт знает что еще! И в отличие от центральной части страны, где некому и пикнуть нельзя в сторону какого-то самоуправления, где всем целиком заправляют иностранцами, тут их власть ограничена, и местные всё же пытаются бороться. Разрозненно, некоординированно, а от того — мало успешно.

Из-за чего у нас с толковыми командирами случился не просто затык — коллапс! И подсуетившийся не вовремя отец... слил мою персону как стратега. А потому, в моём распоряжении, один высотный планер, пять снайперов, два любителя что-нибудь взорвать, и Кирилл.

Просто Кирилл, что ничего не умеет, и стреляет даже хуже, чем я, но зато как он болтает! О! как он болтает! Любо дорого послушать! Наверное, был бы он великим поэтом и оратором, если бы умел сам себе писать текст. Был бы политиком, да для этого все же нужна толика стратегического мышления. Был бы первым парнем на деревне! Да шальной осколок год назад оторвал ему член под корешок.

Бедняга мужик! Зато благодаря ему, у нас есть еще двадцать человек мужичья для подхвата. Солдаты они аховые, необученное военному искусству люди, чьих жён и дочерей, уже увели в рабство урки с гор, да те, что мстят за погибших братьев.

Будь у нас чуть больше времени и чуть меньше секретности, я бы их натаскал до должного уровня! О — опыт! И не из таких бойцов лепил. Вообще из даунов приходилось порой воинов делать. Но времени у нас нет, за пару часов или даже дней из необученного человека даже новобранца не сделать. Да и секретность мне не позволит выйти на публику.

А значит — мужичье в резерв, добивать убегающих, самолет тоже — нечего его возможности пред врагом раскрывать! Только если все по звезде пойдет, задействуем его две сопливые ракеты. А самим — пора расползаться по чердакам.

А и еще, надо бы проверить, на что способна та официальная охрана нашей приманки, в виде двух мужиков и трех баб, что мы наняли как телохранители через внешне приличное агентство, и чьи личные послужные списки, вроде как даже достойны уважения.

Посмотрим, как они среагируют на угрозу реального вооружённого нападения, а вдруг и правда, стоят своих денег? Ведь мне и правда интересно, чего стоит в текущем мире слово «репутация».

— Двести третий, здание на восемь часов от тебя, второй чердачный проём, отличная стрелковая позиция. — сказал я, и неприметный мужик с дорожной сумкой на плече, задрал голову повыше, любуясь лепниной под кровлей старинного здания — Двести второй, свяжись с мужичьем, пусть готовят вилки. Двести пятый, как там наши нимфетки?

— Нормально, плескаются. — проговорил рация в ответ унылым голосом, и я усмехнулся.

Сочувствую тебе парень! Сочувствую. Десяток обнадёженных, спортивных тел молодых пловчих, что радостно и с вигами купаются, думая, что их ни кто не видит, светя прелестями напропалую, это ууух! Да распаренные, да в сауне!.. а бедняга на это дело глядит через «замочную скважину» прицела. И видно все, и даже слышно — на одежде спорцменов есть жучки, а одежда валяется рядом с ними, в зоне слышимости поросычьих визгов. А сделать что-то... ладно хоть до него запах не доходит! Все же меж ними метров сто. Но думаю, фантазия это поправляет.

Но мне не до того.

— Двести четвертый — взглянул я на припаркованное у здания с лечебными ваннами потрепанную «шестерку» — Перегони машину на сто метров дальше, вон к тому фонарному столбу — указал я пальчиком направление.

Идя задом наперед, пританцовывая, с большими наушниками на ушах, плеером на поясе, и делая вид, что все это из-за игры мелодии, песни и музыки. Предельно праздная девчонка в весьма унылом городе. Но тем не менее, только тот, кто слышит мой голос знает, что это не просто всплеск руки, а указание направления.

Машина фыркнула двигателем, постояла с минуту, и сменила местоположение.

— Хорошо. — вновь осмотрел я улицу и все здания в округе.

Снайпер. Снайпер. Снайпер. Все подходы хорошо простреливаются! Те, что не простреливаются — взглянул я на брошенный нерадивым водилой в переулке КамАЗ — забаррикадированы! Всё четко, и никто никому не должен мешать.

Мне можно и сваливать с места действия. Или присоединится к девочкам? Помучить пятого еще и своим телом? Не, это уже слишком! Лучше и правда отступить во дворы и просто понаблюдать за работой профессионалов.

Хм! Кстати о них! — взглянул я в сторону заколоченного до середины окна кафе — я кажется, нашел стукачей!

— Это сороковой. Конвой прорвался в город.

— Прорвался? — переспросил я, зацепившись за очень важное слово.

— Да. На въезде, на Георгиевской, их закидали бутылками с зажигательной смесью.

Я криво улыбнулся и прекратил пританцовывать. Сделал вид, что переключил мелодию, и продолжил и дальше идти «словно под ритм музыки». Не думал я, что буду испытывать такие смешанные чувства от активной позиции граждан!

— Ч...

— Один внедорожник подбит, БТР получил незначительные повреждения и обстрелял окружающие здания. Еще один внедорожник остался добивать участников нападения. — отчитался сороковой, поняв, что как бы надо! — Там их около пяти боеспособных, еще двое раненых, все вооружены и имеют пулемет.

— Принято.

Чворт!

— Двести два! Подымай своё мужичье и дуй на Георгиевскую! Иначе там будет слишком много мяса! Гранатомет не забудь!

— Принято.

Так, ладно, здесь... — взглянул я еще раз на шестерку, водила которой спрятался внутри, изобразив пустую машину и, как я думаю, вооружился — гранатометом! Взглянул на прочие припаркованные тут машины, украдкой на мужиков в кафе, что тоже, как и я, наблюдают за всем, что происходит на улице... недосчитался двоих!

— О, какая девочка! — схватили меня грубые мужские руки, зажимая рот.

Я — укусил! Но грубые пальцы рабочего человека — проигнорировала наезд. А еще один мужик, скрыв меня от обзора с улицы, поймал мои ручонки, что хотели надавать подошедшему сзади.

— А что у нас тут? — сжав мои кисти вместе и зажав в одну свою ладонь, он стянул с моей головы наушники.

— Прости, моя любовь, кусая губы в кровь. Я сделал всё, что можно; всё, что нельзя.

Прости, любовь моя... — полились слова песни из наушников.

— Смотри, какая хорошая штука! — произнес верзила, стянув с моего пояса и плеер, и приложив один наушник к своему уху — И откуда такое чудо у такой мелкой девочки?

— мммМ!

— Слыш, харе! Потом набалуешься! Тащим её внутрь. — прошипел злобно меня держащий, и эти двое, зажав меня меж собой, втолкали в кафе.

— Добрый день! — улыбнулась им девушка-бармен, словно жизнерадостный робот.

— Эту тоже прихватим — шепнул гад, с трудом натянув на свою голову мои маленькие детские наушники, отдав мои ручки удерживать тому, что продолжал затыкать мне рот обслонявленными пальцами.

— Завались уже. — прошипел мокропальцый едва слышно в ответ — Наши итак уже там встряли.

Убить их? — подумал я, попутно строя планы на наиболее изощренные методы этого процесса.

На улицу вылетел БТР, с ходу начав стрелять во все тачки, припаркованные вдоль дороги. — Совсем берега потеряли утырки! В том числе, часть снарядов двенадцать и семь пришлась и по припаркованной в сторонке шестерке — хорошо, что там бронеплита в багажнике! Толстая плита! Отделяющая багажник от салона.

В след за бронемашинной, на улицу выскочил джип, подлетел к зданию саун, запрыгивая своей персоной прямо на ступени крыльца, и разродился пятеркой бородачей с калашматами, что тут же заскакали в сторону главного входа.

Шестерка — плюнула в БТР прямо через разбитое заднее стекло из гранатомета, бегущие бородачи, у самой дверки недосчитались пары ног, а вылетевший на улицу последним минивен, схлопотал пробитое колесо и завалился на бок.

Гаврики в кафешке тоже времени за зря не теряли! Один из них, и не тот, что с наушничками, схватил в охапку ничего не понимающую официантку, другой, достал пистолет, выстрелил в потолок и заорал что-то, про ограбление. Тот, что удерживал меня, вынул руку из моего рта, и достал из кармана веревку...

— Не дёргайся! — приступил он к обмотки моих запястий, а я, получив свободу собственной гортани, протяжно заорал.

— ААаа!

— Командир! Все в порядке? — прошипело с тысячей помех рация прямо в моей голове.

— Все в норме, продолжайте операцию. — прошипел змеёй я, не раскрывая рта, старясь срезонировать звук с собственным зубом.

С передатчиком в нем! Выходит отвратительно, но я стараюсь! Насилую передатчик, что вообще не предназначен для голоса и умеет только в «кваканье». От чего для получения на выходе хоть чего-то похожего на голос — я шиплю! Зато никто в мире меня не подслушает.

В кафе тем временем кавардак начал набирать обороты: немногочисленные посетители, исключая бандитов, в панике, хозяина заведения ни за что запинывают ногами в три морды, а иначе бы он их сам запинал! А так только и успел, что выскочить из подсобки на шум. Его дочь, официантку... покуют в мешок как бесчувственную куклу, начав почему-то с ног и предварительно обвязывая веревками, так же, как и меня...

Чвор! Все же без потерь не обошлось! Единственный мужик из гостей, и не бандит.

нашел у себя яйца, встать против толпы, и... получил пулю в сердце. И это не в какие ворота! Харе быть зрителем! Всё что надо, я и так узнаю.

— Дя-дя — пропищал я, смотря на довольную морду бандита, что только закончил путать мне руки.

— М? — только и смог выдать он, за миг до того, как получил в живот «стальным молотом», казавшимися еще миг назад такими слабыми беспомощными ручонками маленькой девочки.

Коленом — по яйцам, и еще один удар по хребтине с двух рук, и этот готов!

— Ой! — пискнул я наивно, глядя как мужик свалился у моих ног.

— Ты... — мудень с пистолетом, наставил его на меня.

Тот, что с наушниками — прыгнул на меня, повалив на землю своим весом. Вдруг опомнился, что может так меня и раздавить! Перелег на бочек — получил коленом живот. Что, особого эффекта не дало — пресс у него стальной! Зато следом за коленом в брюхо, я толкнул его ступней по ребрам — как хорошо, что он меня сам к себе прижимал! Иначе бы я от такого толчка не ребра ему проломил, а сам бы в другой конец комнаты откатился! А так он даже вреди как даже живым остался, шевелится, глаза пучит, с трудом дышит, и ничего не соображает от боли.

Схватил за ножку рядом стоящий стул и, подкинув его в воздух над столами, ногой запульнул в придурка с пистолетом. Стул пулю получил, но это его не остановило. Со стороны придурка пошел отборный мусульманский мат.

Еще один предмет интерьера подлетел в воздух от удара ноги, а именно — стол! но уже никуда не полетел — я просто отвлек им внимание, ломанувшись в противоположную сторону, лаской вдоль пола. Изучил позиции — ага! Их осталось трое! Двое у окровавленного хозяина в углу, тоже с пистолетами! И третий, за барной стойкой за моей спиной. В обнимку с полуобморочной старательно облапанной официанткой.

А не начнет ли он стрелять, прямо через тонкую деревяшку? Ай, неважно! — и подпрыгнув, с кувырком, в полете вверх тормашками касаюсь рукой поверхности стола стойки. Перенаправляю сове тело за преграду, пропускаю пару пуль меж ног, падаю рядом с девчонкой и её пленителем.

— Привет — говорю утырку, чья рука с пистолетом направляется в сторону моего лба...

Уже не направляется! Одна моя рука захватывает оружие за ствол, и выворачивает кисть его держащему, а вторая — прописывает двоечку меж глаз похитителя. Девица меж нами, только и успела, что пискнуть и нассать в трусы.

Еще один контрольный удар, и кидаю заполученный пистолет вверх, прочь из-за стойки — по оружию пытаются попасть.

— Что за херня?! — слышится возмущенный вопль и один из бандитов извлекает из пистолета магазин.

Второй делает еще один выстрел в мою сторону, проламывая уже изрядно покоцанную столешницу, и вызывая визг обсосанной девицы, на которую посыпались опилки, и тоже уходит на перезарядку. Вот идиоты!

Выпрыгиваю из-за стола, опять же в полете предаю себе нужный вектор движение используя выбоину в дереве как точку опоры, и сношу одного из стрелков как удар мешка с цементом, сброшенного со второго этажа.

Ребра ему уже не починить! Свежий трупик с пробитыми легкими. А второму хватает и стула по башке, чтобы отрубиться. Мозги ему что ли стряс?

- Тфу! — сплевываю, осматривая разгром, и подымаю с пола слетевшие с черепа не по размеру розовенькие наушнички.
- Это двухсотый! Докладывайте! — шепчу, обмотав вокруг шеи провод-микрофон, выходя на улицу, пританцовывая, как ни в чем небывало.
- Это двести пятый! Потерь нет, цели ликвидированы. Есть раненая среди охранников, девочки не пострадали.
- Это двести второй! Утырков заткнули, потерь нет, есть раненые. И тут немножко пожар командир! Перестарались, поджигатели, однако!
- Это сороковой. На КПП какое-то подозрительное шевеленье, в основном — все нормально. Новых караванов не замечено. Продолжаю наблюдение.
- Принято. Двести четвертый... — взглянул я в сторону простреленной разнокалиберными пулями машины — Зайди в кафешку из которой я вышла, там есть клиенты на запаковку и один жмур.
- Так, это, может дождемся местных?
- Они их забьют до смерти и ничего так и не вытянут. Не годится, возьми под своё крыло.
- Там еще и дивчина красивая есть... — послышался голос пятерки в динамике рации.
- Отставить разговорчики! Выполнять.
- Есть!

От автора:

Комментарии! Мне нужны комментарии!

Хотя бы уж потому, что проды не будет до середины следующей недели.

— Да как ты вообще могла?! Командир на поле боя! Стратег, да без мозгов! — отчитывает меня по «телефону» отец, катая бочки по всем тяжким.

А я — лишь молча киваю. Кто бы говорил папаша! Сам вечно лезешь на рожон, рыцарь блин...

— ...на белом коне!

А меня еще в чем-то обвиняет! А ведь он, в отличие от меня...

— ...не бессмертна!

И откинется от одной лишь жалкой пульки. А я переживу таких с десятков, и вообще — сильнее его в разы! Мне положено быть на поле боя! Пусть я и в плане ценности и незаменимости, в сто раз, как понимаю, важнее отца.

Но отчитывает он меня вовсе не за ту операцию в Пятигорске! А за то, что я после не сдержался, и провел еще одну, полуподпольную. Отправился в один из близлежащих к границе аулов, прикинулся приехавшей из Питера к бабушке внучкой, и принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Бабка, встретила меня как подобает! По всем обычаям, то есть — на всю деревню! А ведь я даже не знаю, была ли, есть ли у неё реальная внучка! Знаю лишь, что эта дама была раньше известным политическим деятелем в колхозе, пусть и колхозного же уровня, имеет дочь в Питере, с которой не общается — недавно подавала запрос на её поиски, что так и осел в архиве. Ну и, знаю, как она выглядела в молодости! От внешности которой и лепил свою мордашу, как узнаваемо похожую.

Старушенция встретила меня как родную! Достала из погреба спрятанные на самый черный день имущество, выпивку, вкусняшки горстью, виноград сушеный, масло странное, сыр козий... десятилетней выдержки блин! Твердый как камень, что его только размачивать. Соседей позвала естественно, таких же старичков, но зато своих! Родных!.. И уже на следующий день с гор спустились лихие джигиты, узнать, чего это полумёртвая деревня вчера так раздухарилась.

Я их отпинал! Они позвали приятелей. Я и их отпинал! Они позвали всех своих друзей шумным табором ведя колонну на кровную месть. Ублюдков встретили ребятишки-шахтеры, которым по секрету шепнули, что к старикам в аул приехали бабы.

Это было славное мочилово! Жаль, меня там не было. Меня сдернул батька, которому все же донесли, что я, не в поезде, да под охраной, качусь неторопливо вот уже почти неделю, а «развлекаюсь» таким экстравагантным метом.

Подгорело у него славно! Вон, уже полчаса отчитывает! Самозабвенно. А я улыбаюсь — теперь мужики с Шахты, больше не будут жить своим отдельным от мира анклавом.

Да, их жизнь в Нальчике не была лихой и приятной никогда! Город, за последние пяток лет, превратили в настоящий промышленный центр, и настоящий ад для его жителей! Оттого и ездят туда вахтовики, согласные терпеть тысячу лишений если им хорошо заплатить.

Да, они думали, раз юг, то будут как в раю! И не предполагав, что их отправят в место противоположное. Да, они, позаклучав договора на хорошие суммы, согласны со всем мирится, но все же приделы терпения есть у всех, а жизнь в том месте похуже, чем в сибирских тюрьмах. И только одно с ними схоже — тотальное отсутствие женщин.

Теперь ребятки призадумались — а так ли им нужны эти зеленые бабосы? О ситуации, происходящей на границе, они знали давно, но никогда не вмешивались — не их проблемы!

Обороняя только свой городок, защищая рабочее имущество, и не делая и шагу прочь в сторону каких-то изменений ситуации в целом и в общем. А теперь глобальные проблемы коснулись и их, и, согласно докладам, после потасовки в ауле, мужики уже наведались на КПП, проверить дырявых на педикovatость.

Чую, они решат их оттуда выпроводить, без оружия гулять! Заграбастав пропускной пункт в свою юрисдикцию, надежно запирая этот лаз. А потом и патрули выставят. И вообще, по итогу не захотят уезжать. Как ни крути, без них регион ждет тотальный демографический кризис! Ведь девчонок то от похищений все же прячут по подвалам, а вот пацаны — мрут! Геройствую.

— Ты меня вообще слушаешь?! — выкрикнул отец в трубку, что я аж отодрал наушник от уха, изливая на весь аэропорт Минеральных вод, какую-то девчачье-сопливую песню «о любви».

— Конечно, командир, я вас слушаю.

— Вообще от рук отбилась несносная девчонка... — пробормотал мужчина на другом конце аппарата связи.

Рация на такую дальность не берет, но, если использовать ретрансляторы... в прочем, я не сильно знаю, как работает эта «рация»! Она явно отличается от обычной! Даже той, что у меня в челюсти! И на транзисторах. Хотя бы качеством связи. Но разобрать её... я не решаюсь! Эта технология вообще сидит за семью печатями!

— Саша!

— Кто? Вы о чем? — спокойно отозвался я на этот выкрик — Я знаю, что вы верите в качество своих изделий, и их слишком мало, что бы информация утекла куда-то налево, но — это не означает, что кто-то не может изобрести что-то подобное повторно. Позывные придуманы не просто так.

— Двухсотая. — выдал уже спокойным голосом отец, взяв себя в руки — Что ты скажешь в свое оправдание?

— Скажу, что готова нести любое наказание за нарушение приказа. — сказал я, и заметил, что посадку на мой рейс только что объявили — Однако скажу, что мои действия были полностью оправданы, и в конкретной ситуации — необходимы. Свою вину не признаю.

Выудил из толпы фигуры всех пятерых сопровождающих, из которых только двое стали собираться к посадке, а остальные продолжили делать вид, что не заметили объявление. И, насвистывая песенку, поплелся в сторону подкатившего к терминалу старенького автобуса, в сопровождении сурового вида двести пятого, которого моя жизнерадостная персона у своих ног ну совсем не радуется, хоть он и вынужден, изображает из себя на этом празднике жизни, моего родимого отца.

— Принято. Ожидаю тебя в штабе, согласно расписанию.

Интересно, что будет, если я распотрошу рацию на своей макушке? Таких изделий, если верить папке, в мире всего пять.

Сон? Тело, ты не офигело ли, предлагать мне поспать в такое время? В ТАКОМ состоянии? У меня же маска лица потечет пластилином прямо посреди авиалайнера! Посреди забитого пассажирами лайнера! На глазах у всех! При том, что косметики на мне нет и грамма.

Да и опять же — какой сон, в таком то состоянии?! У меня не бывает снов, когда я всё в себе так или иначе контролирую вручную. А значит, хм, это не сон. Тело! Ты на кой фиг перехватываешь чужие мысли?! Мысли умершего! Где-то рядом умершего человека...

Хм, если мы сейчас на высоте восьми тысяч над землей — взглянул я в сторону иллюминатора, возле мирно спящей рядом тетки, а я словил чей-то прощальный «сон», то значит этот кто-то сдох прямо здесь, в самолете. Кто? И где?

Так! Нафиг вертеться на кресле как на шиле! — приказал я себе, успокаивая свой зад, возвращая его обратно на кресло. Распалился блин! Двести пятый вон уже занервничал, за пистолетом подмышку полез, с мыслью что-то случилось, раз я вдруг так «ожил».

Надо просто сосредоточиться и понять конкретно... ага! Вот ты где! — и я, встав коленками на сиденье, взглянул в конец салона. Там, на противоположной стороне салона, в предпоследнем кресел у окна, прикорнул мужчина, с рукой застывшей у груди. Отказало сердце.

Ладно, что там с его прощальными мыслями? Какая странная белиберда! Хм, магмойды, какие-то люди, кажется ученые. Они что, пытались пленить эту тварь? Жаль у покойника уже не спросишь. Или спросишь?

Человек умирать явно не хотел! Хотел жить, и именно с этими, странными и опасными мыслями. И как следствие — его дух еще здесь, медленно двигаясь прочь от тела, в то время как его память, неторопливо распадается, вместе с остыванием плоти.

Ну, моей силы хватит, чтобы из такого сделать призрака на пару секунд! И думаю, он сам мне все расскажет! — коварно улыбнулся я и, высосав из себя всю доступную Силу, от чего тело в панике забило во все колокола, ведь все незыблемые, казавшиеся бесконечными, резервы, вдруг куда-то испарились. Направил стусток в сторону таящего в пространстве духовного нечто, дабы оно всё же обрело форму, в этом мире без магии.

И тут же чуть не сдох! Впечатался в кресло как был, боком, потерял контроль над дыханием, и мгновенно взмок, как грешница на исповеди. Ведь мне только что дали по рукам! Во всех смыслах этого слова. И дали так это нешуточно, что вон даже на руках, на запястьях, прорезались отпечатки. Не двояко намекнули, что уже умершие люди, вне моей юрисдикции.

— Невероятно... — прошептал я, а мужик с позывным двести пять, с еще большим непониманием происходящего в глазах уставился на мою персону.

Какая сила! Какая мощь! Что-то, с чем ни одна, та жалкая сущность, что бессовестно зовет себя, хех, богом, из любого иного мира, не может стоять и рядом. Всемогущество, о чем те муравьи не могли бы даже мечтать! И я при этом до этого вот так вот в упор Его присутствия в мире не замечал? КАК?!

Расслабился, что ли? Нет! Просто владыка этого измерения, не кичится своей мощью на каждом углу. А тихо наблюдает за своими детьми, следя лишь за балансом, и за тем, что бы в жизненные циклы, никто не вмешивался извне. И мне, по сути, просто намекнули, что в мир бессмертных душ, я вмешиваться не вправе.

И значит, что мы, бессмертные, тут тоже по воле Его. Ведь Он, не будет нарушать собственные же Правила о невмешательстве в дела смертных, стирая угрозу в пустоту просто мановением своей руки. А значит... что же такого ужасного ждет этот мир в будущем, что ему, при его технологиях, все равно нужны вечные? Что даже текущий хаос на этом фоне, приемлем, а потери — незначительны.

Ага! Вот они где, спрятались! Их уже, наверное, замучила самих местная милиция — два араба в плохо тонированной иномарке! Посреди Магнитогорска! Подозрительно даже для пятилетнего мальчика, что упорно тычет пальчиком в их сторону! А мамка уводит ответственно-любопытное дитя подальше от подозрительных дядь.

У них что, других агентов не нашлось? — сморщил я нос, неприкрыто глядя в сторону машины со шпионами — Это ж вообще позорище! Даже англичане тут не выглядели бы тут столь странно! Хоть и тоже иностранцы. Они хотя бы тоже белые!

Да блин! Даже негры бы тут выглядели тут более убедительно-непринуждённо! А не эти... ещё бы китайцев сюда послали. Послали шпионить за моей матерью.

Её, естественно выследили. В чем никто и не сомневался и ни когда не ждал, что будет иначе. Ни какие документы не остановят разведку, у которой все же дошли лапки до «поковырять» что там стало с мамочкой не бессмертной цели. Но это все было ожидаемо.

Американцы, закончили вести свои внутренние дразги, и наострили ушки, в поисках чего еще интересного слопать. Россия для них всегда была лакомым куском, так что они естественно обратили свой взор в сторону её необъятных территорий. Той её части, что за страной еще осталось.

В думе, готовятся новые проекты по отделению республик от страны, республики — нафиг против! Им и так не очень, но примеры, во что обращаются отколовшиеся, слишком ярко полыхают. А мне дали день, что бы пообщаться с матерью. И заодно проведать этих недошпионов, торчащих во дворе перед домом, вот уже неделю.

А вот и она! — приземлил я свою попу на скрипучие качели — вышла с Ванькой погулять. Вы посмотри те ка! Он уже ходит! — улыбнулся я, видя, как мелкий неуклюже топает по дорожке в своём пухлом комбинезончике, а мать, внимательно следя за каждым его шагом, плетется рядом.

Бедная женщина. Мертвецки бледная, кашляющая, с отеками руками и ногами... кое-как шаркающая ногами, словно старуха! И блин, два «работника года» внимательно следящие за каждым её шагом. Словно за мишенью, словно за неодушевленным предметом.

Ванька упал, но не разревелся, однако сил подняться в себе не нашел. Мать... попыталась сделать это за него, поднять пацана обратно на его маленькие ножки! Но чуть сама не упала, и сил нагнуться в себе тоже не нашла.

Я, встал с качелей, и подошел к ним.

— Вам помочь? — поинтересовался наивно, уже поднимая Ваньку в вертикальное положение.

А после и вообще беря на ручки. Боже, какой он легкий!

Мать, взглянула на меня, и её глаза наполнились слезами. Губы задрожали, руки затряслись, а ноги, кажется вот-вот откажут, уронив женщину на грязную землю.

— Что с вами? — ужаснулся я вполне искренне, и хотел было как бы помочь женьшене устоять на ногах, но так и не решил прикоснуться.

Состроил из себя запуганную девчонку.

— Саша... — прошептала она одними губами, а я краем глаза отметил, как оживились два араба.

Пусть пишут! Пусть! — и я наклонил голову в недоумении, отчаянно хлопая глазками и продолжая удерживать юного пацана навесу одной рукой.

Я здесь не ради расправы над врагами! Не ради бойни или устранения — с этим бы

справились и местная полиция, стоять только их спустить с поводка. Как говорится, есть человек — дело найдем! Тем более, когда тут уже неделю в тачки заседают такие странные персонажи, даже серушие посменно, что уж точно не могут быть «просто гуляющими». Надо лишь покопать...

Я здесь просто как обычная девчонка с соседнего двора, забредшая погулять, и решившая помочь несчастной женщине в её трудном положении. Просто обычная неприметная школьница! Каких на страну миллион!

Пусть следят за ней! Пусть рассредоточивают своё внимание, начиная подозревать всех и каждого, начав упускать из виду очевидное и творящееся прямо у них под носом.

— Саша... — вновь прошептала женщина, на этот раз уже отчётливее, отчаянно борясь с текущими ручьем слезами, и подступающей истерикой.

Решила меня обнять — но я отскочил, с трудом подавив в себе тягу совершить этот в стиле «усю», на два метра назад и метр в верх. Уставился непонимающе на тетеньку, что вот так вдруг расчувствовалась и меня кем-то обзывает, а малец в моих руках, тем временем ткнул мне в грудь своим крохотным пальчиком:

— Мама.

— У-ти какой славненький мальчик! — перевел я его в состояние «полета», в положение на вытянутых руках — У-ти какой хорошенький! — и прижал нос к носу, играясь.

Игнорируя его плачущую мать.

— Хи-хи-хи!

— Пойдемте, я помогу вам дойти до квартиры — проговорил я уже для матери младенца, серьезным, и даже грубым тоном — Вам явно стоит принять лекарства, а возможно даже вызвать скорую. Пойдемте...

— Пап, надо поговорить — поймал я отца, зажав в уголок стадиона в подвале.

Учитывая наши комплекции — выглядит со стороны предельно странно! Но учитывая, что ни я, ни он, в этом спортзале давно уж не обитаем, и вообще пересекаемся друг с другом безбожно редко — мне по фигу.

— Иии... о чем? — выдал он, ничего не понимая.

— О матери. — вздохнул я. — Ты наверное уже заметил, да?

— Да. — отец тоже погрузился, потому как ей и «стало лучше», и врачей батя к ней немало согнал, но все они и дружно, разводят руками, и не в состоянии скрыть очевидное.

Она умирает.

— Есть идея, но тебе она не понравится. — отошел я в сторонку, давая мужчине простор для действия.

И он — нахмурился.

— Что ты предлагаешь?

— Поскольку я отчасти клон своей матери. Была ей — батя нахмурился сильнее — То мои органы...

— Нет. — выдал он серьезным тоном.

— Ты не понимаешь!

— Что? Что ты хочешь пожертвовать собой, ради неё? Или что хочешь стать инвалидом, похоронив всё, над чем мы тут столько времени работаем?

Нда... отец явно разошелся — взглянул я на него внимательно — и его можно понять! С одной стороны — любовь! С другой — Долг! А еще тут я, кто неизвестно кто для него. Не то чудовище, не то — оружие! Не то — дочь. И я еще и сам не знаю и такое вот тут предлагаю.

В конец запутался мужик!

— Нет, пап, я кое-что скрыла от тебя. — батя приподнял единственную рабочую бровь — Я могу отращивать внутренние органы, в случае потери. И печень, и почку, и даже сердце. Кстати, как там «Сережка» поживает?

— Нормально — отмахнулся отец, как от чего-то незначимого и не думая, но тут же уцепился за мысль — А почему ты спрашиваешь?

— Неважно. — отмахнулся и я — И пусть замена органов тоже не панацея, даже замени мы их все! Это даст максимум десяток лет жизни. Но это лучше чем нечего, тем более что замена только печени и сердца, дарует ей аж целых пять лет, пап!

Если я конечно не ошибаюсь в расчетах, и её состояние не ухудшилось с момента, когда я её в последний раз видел. А было это... уж месяц назад! Да и видел я её — мельком. Шпион блин на свиданке с семьей! Она ревела, а я изображал другую девочку, что просто поинтересовалась, все ли с вами хорошо...

Отец хотел сказать что-то в ответ, наверное — матерное! Послать! Но призадумался.

— Но ты же не сможешь выступить без этих органов? — обеспокоился папа, ведь у меня вновь наступил сезон бесконечных «танцев» на стадионах со зрителями.

— Не смогу. — вздохнул я, признавая очевидное.

— Не пойдет, исключено — процедил он, стиснул зубы.

И решил вообще уйти, куда подальше.

— Но... почему?!

— Ты не понимаешь! — выкрикнул он мне в лицо — Не понимаешь, сколько жизней на тебе завязано! И сколько людей... хороших людей может умереть хотя бы за этот месяц!

Я потупил взгляд.

— Понимаю. Но есть и половинчатый вариант. Без половинки печени и почки, мои «боевые» качества не уменьшатся. Хотя все же думаю начальству, об этой операции лучше не знать.

Хм, чего это девочка на меня так пялиться? — взглянул я на сидящую через ряд сидений, у другого борта самолета, девушку — узнать она меня не могла! Я не просто «другая девочка», я «выдуманная иная девочка!». С лицом и личностью, которой никогда не рождалось на планете.

Или рождалось, а мы не в курсе? — взглянул я повнимательнее на девицу — не уж-то и правда узнала?!

— Уважаемые пассажиры! Просьба пристегнуть ремни безопасности. — проговорила миловидная стюардесса в микрофон, стоя в начале салона, а за её спиной загорелось зелененькое табло — Наш самолет готовится к взлету и набору высоты, после которого вам будут предложены прохладительные напитки...

Пялящееся в открытую девица, отвлеклась от моей персоны на свой ремень, и, свою, как видно маму, что помогла ей с ним совладать. В то время как я, просто протяжно зевнул. Сопровождающий меня в роле отца агент за номером двести пять предлагать мне свои услуги в помощи с ремнем не посмел. Боится он меня! Боится...

А вообще — бедный малый! — взглянул я на бугая, в два раза шире стандартного авиа кресла бизнес класса — мужик такой выдающийся, во всех смыслах! Верный, преданный, заботливый... накаченный блин! — потыкал я в его тугие мышцы рук своим, поистине скромным по размеру, пальчиком, от чего бугай вздрогнул как мальчишка, на которого из банки прыгнула змея.

И я оказался вынужден скорчить нос на подобную реакцию — я-ж не кусаюсь! Ну правда! Не пальцами же... Да и с такой физиономией... ну кирпич! Бульжник! Суровый... Не положено так пугаться! Как впрочем и, суровой морде мужчины, не положено отпугивать прекрасных женщин.

А они пугаются! И не дают! Даже те, что почти шлюшки! И я уже себе мозги почти свернул почему! Будь-то мне думать более не о чем... Может его кто проклял... Да, не магии тут нет. — и я вновь оглянулся, на выглянувшую из-за тел пассажиров голову девушки у противоположного борта.

— Женька! Не вертись! Шею еще сломаешь! — донеслось от сопровождающей девушку тетки — Что ты там вообще такого увидела?!

— Ничего. — буркнула в ответ девчонка лет шестнадцати-семнадцати, что уже по сути взрослая леди! Что крутится как малышка, и наконец, отвернулась в сторону иллюминатора, потеряв интерес под напором «аргументов» не факт что матери.

Надо было мне тоже сесть к стенке, спрятавшись за двести пятым, и не смущать собой окружающих. Хотя, что во мне такого? Хм, Женька? — теперь уже я навязчиво взглянул в сторону неизвестной девицы, встав с собственного места.

За что тут же получил нагоняй от стюардессы, оказался насильно усажен, пристегнут... а бедного «отца» вообще чуть не распяли за то, что не следит за ребенком! И почему бабы

его буквально ненавидят?! Причем все! Я не в счет. Не веет от него иной женщиной что ли? А им надо обязательно совратить? А... я... а, ну да.

Поработать свахой что ль?! Так... замужняя, замужняя... э... эскорт девица? — вновь я встал с сиденья, коленками на сиденье, выскользнув из-под ремня — Ладно, сваха из меня аховая.

— Ух... — ухнул я, когда самолет, уже на последних метрах разгона по полосе, неслабо так качнулся, чуть не отправив меня в раскрытые объятия двести пятого..

— Девочка! Сиди спокойно! — гаркнула на меня вновь стюардесса басов — А вы следите за своей дочерью уже! — добавила она моему провожатому, что взглянул на меня с мольбой в глазах.

В группе снайперов, что мне предоставили в штатное прикрытие, он был старшим. И он же там был самым... борзым. Громче всех не хотел признавать моё лидерство! И дальше всех полетел в тренировочном зале...

Не хотел его калечить! Но парень оказался реально могучем. И на него пришлось неслабо раскошелиться в приёмах... И только он, влетел в захват за шею и полет через бедро — никто после просто не решился быковать. Свесили лапки и сдались, признав безоговорочное лидерство. Поняли блин, что я монстр.

Но теперь похоже у двести пятого моральная травма! И почему именно его мне постоянно ставят в «папки»? Ах, да! Он же торговец оружием! Почти официальный, так сказать! У него и связи есть, и... много чего еще. А я, по вполне оригинальным документам — его дочь. И личиком даже похож блин, подогнал его под нужные черты! И к натуре отборного куколда, вполне подходит, что он не в состоянии отказаться от навязанной ему матерей дочери, которую вынужден таскать с собой по всей стране.

В частности сейчас мы премя в Саратов. А оттуда — в Воронеж! Туда только из Саратова и можно добраться. Только оттуда в город ворон летают самолетики, и они единственный путь достаточно быстро туда добраться. Ведь даже железнодорожные пути там уже давно разобрали.

Точно! Женька! — осенило меня, когда зеленая табло с ремнем наконец погасло — Женька... блин! не помню фамилию! Слишком много всякой информации в моей многострадальной голове! Слишком много всего, чтобы помнить фамилии детей, с которыми я общался пока жил в столице.

Интересно, как она? — взглянул я в сторону девчонки, что уже окончательно потеряла ко мне всякий интерес — занимается ли спортом? Или бросила давно? Какие медали взяла? И как там Зойка? Общаются ли они? Arrrr! Столько вопросов, а голова совсем распухла — схватился я за свою несчастную черепушку.

Столько!.. ненужной и бессмысленной, с точки зрения бессмертного, информации в ней скопилось! Столько... привычек людей, что я видел лишь мелком! Столько имен и фамилий и имен тех, кого я никогда не знал! Но знали люди, которых я регулярно отыгрываю... Столько данных, что мне, как самому себе, никогда в жизни бы не пригодилось!

Столько всякой дряни... типо любви к блескам!.. как же мня это уже достало!

— Достало!.. — прошипел я, еще сильнее стискивая свою башку.

— Что с вами? — тихо поинтересовался двести пятый, наклонившись поближе.

— Голова... скоро лопнет уже... — прошипел я, стараясь успокоить вихрь воспоминаний в своей башке.

Сделать так, чтобы эти прослойки знаний, привычки, характеры, жесты, мимика, лица,

знания, иных людей, взбитые в мутную взвесь, поднятые вверх, всего лишь одним вопросом с самой глубины памяти, вновь заняли свои места, осев на им положенные глубины, не отвечивая пред разумом.

— Это... опасно? — еще сильнее обеспокоился мужчина, инстинктивно нащупав рукоять пистолета у себя за пазухой.

— Опасно... если я вот возьму... и нафиг сорвусь.

Надоело уже играть незнакомцев везде и всюду!

— Приветствуем вас на Воронежской арене боёв без правил! — проорал диктор во всё горло, как кажется, даже перекрикивая громкость массивного усилителя — Сегодня, на нашей арене под открытым небом, два крайне необычных кандидата на титул чемпиона!

Еще каких необычных! Собственно я, с видом шкета десяти лет, что еще совсем недавно под юбкой ползал и титьку сосал.

— Да у него же молоко на губах не обсохло!

И, местная знаменитость, парень лет пятнадцати-семнадцати, взлетевший вверх по рейтовой лестнице со скоростью ракеты.

— Я люблю тебя, Макс!

— Мы все тебя любим, красавчик!

Кажется, он специально это сделал, так резко ворвался в этот кровавый спорт и так резко взлетел, набив морды до состояния каши даже самим организаторам, что хотели его приструнить за излишнее рвение. Возможно, поступил так даже ради вот таких вот криков девочек! — взглянул я в сторону явно красующегося пацана, гарцующего пред текущими и визжащими самочками, заполонившие собой всю противоположную часть арены.

Но скорее все же ради нас. Что бы МЫ заметили и пришли его куда либо уговаривать. Не зря ж «рекламу» по ТВ крутим? А девочки... ну так, для понта-дела. Просто приятное общество течных сучек, и не более. Молодость, что тут скажешь?

А погода нынче хорошая! — взглянул на совсем недавно стемневшее небо, заполненное миллиардом звезд. — тепло, свежо и мухи не кусают! Точнее, днем уже давно и сильно жарко! И мухи кусаются... Июнь на юге... это жопа! Но сейчас, ночью — нормально! А местные развлекаются как могут, устраивая вот такие вот «показательные выступления». Правда в основном на таких аренах-ямах дерутся военнопленные, или совсем отмороженные кадры, у которых шансов уйти с арены живыми, все равно нет.

И я понимаю местных! С одной стороны у них Кубань и Кавказ, где наркоты, привозимой с еще более далёких земель, столько, что, наверное, всё население по весу будет меньше. С другой — Москва, и вообще столичный регион, где в последнее время жизнь без допуска от западных господ стала совсем уж черной. С третьей — Украина... а, простите — Великая Польская Империя! Что подмяла под себя как Украину с Белоруссией, так и Литву, Латвию, Эстонию и Молдавию. И по-моему, останавливаться и близко не планирует, хоть и уже исполнила свою давнюю мечту, быть «от море до море».

Люди, бегущие с запада, разные. В основном это беженцы, которым даже в нынешней Росси лучше, чем бить челом каждый раз, как ведёшь ханского поляка. По крайней мере, в Воронеже, куда ни один западный интервент и на выстрел не сунется. Здесь иностранцев не любят, здесь их режут при каждом удобном случае, в ночи, и среди бела дня.

Но помимо мирных беженцев, сюда, в эту небольшую прослоечку непокоренных, и

никому неподчиняющихся городов меж двумя завоеванными «империями», текут сплошным потоком быстрой речки криминальные элементы. Но беззаконие, что влечет их всех сюда, лишь условное!

Города не подчиняются столице, и вообще никому, давно не имеют коммунальных служб, в виде той же милиции, и даже денежного обмена, ведя преимущественно бартерный обмен с соседями. Раскуроченные в месиво дороги, ограничивающие всякое передвижение даже на танках, и общество, похожее на общество дикарей из каменного века

Но власть в этих города никуда не делась! Просто каждый мер, или «держущий хату» авторитет, заправляет своим уголком словно какой-то средневековый князь. И ему, наркота, разбои, убийства, грабежи, оружие в невьебических количествах — ни к чему! А потому, все те, кто мутит воду, быстро выпиливаются из жизни силами мини армий, и прошедших спец курсы гражданских, обращенных в ополчение.

Вот только всё варенье портит дёготь, с выжившими мордоротами. Ладно, если их можно обменять или продать, ведь тогда это ресурс! А если нет? Если это типичный нарик, что решил податься в «вольные земли»? Что делать? Просто прирезать? Как барана, как овцу? Совесть у людей еще есть. Отпустить — смешно! Он вернется и прирежет невинных в подворотне. Держать в тюрьме? Дорого. А потому для таких вот кадров повсеместно стали образовываться кровавые ямы, арены боёв насмерть, где выживает лишь один, и то, только до следующего боя.

Но текущая арена не такая! Здесь не льется кровь врагов, а только добровольцев. И здесь не убивают, не по правилам это! Разве что случайно, да и то — по головке за такое не гладят. И мне здесь нужно лишь набить морду одному зазнавшемуся герою, что возомнил себя центром мира. И есть лишь одна проблема — он бессмертный! И он мужик, «в расцвете сил», пусть и мой ровесник.

— Начали! — кричит судья, и парень мгновенно срывается с места.

Нагибаюсь, проскальзывая у него между ног, и с поворотом тела бью локтем под колено. Отклоняю голов в бок, пропуская его удар второй ногой четко над своим ухом, и отпрыгиваю, вставая на ноги.

Стоим друг напротив друга, счет «один — ноль», но это ненадолго! И он вновь нападает, я уклоняюсь от рук, но получаю коленом между ног. Ухмыляюсь, и ловлю врага в захват, кидая через бедро. Он выставляет руку, не давая мне сломать ему шею об песок арены.

Хватает мою ноги, с силой стискивая, и роняя на песок рядом. Я тоже, не остался в долгу, и заломил его нижнюю конечность на болевой. Лежим, крутим ноженьки друг другу...

— Брек! Брек! Это что за бой девочек в грязи!?! — возмутился арбитр, а толпа зрителей явно недовольна нашим поведением.

Встаем, расходимся, по гонгу вновь неторопливо сходимся. Делаем пару пробных ударов, не рассчитывая на успех, а просто, чтобы проверить оборону и реакцию врага. Обмениваемся еще одной парой резких связок, в результате которых у меня, оказывается, расквашен нос.

Он ухмыляется, он быстрее меня! Он попадает! А я, не успеваю, среагировать! Удар! Новы удар! Целая серия, не целясь, и без особой тактики! И я вынужден уйти в глухую оборону, прикрыв лицо руками, а после и вовсе отступить, отпрыгнув на два шага назад.

Толпа — в экстазе! А противник прыгает на меня, с желанием повалить и забить! Но я вновь прыгаю навстречу. Приседая, заодно вдарив в коленную чашечку колена, которым он

меня хотел приложить.

И вот этот удар он уже почувствовал! Встав, неслабо так припадает на ногу! Но у меня зато, и руки и лицо, сплошное месиво! Так себе размен, но — он вновь нападает! А я, резко ускоряясь, ухожу в сторону.

Использую ускорение за счёт Силы! И он бы среагировал, но нога...

— Так ты...

И он бы прикрылся, но будучи неслабо озадаченным и отвлекшимся на просчеты вариантов, в том числе и: как воевать с другим бессмертным? И как меня преследовать с поврежденной ногой, пропускает мой кулак, что впивается в его живот. Зевая следом и следующий удар, плашмя рукой, прямо по хребту, с вложенной в удар, всей доступной мощью и весом тела.

Цель — повержена. И с громким «плюх», падает на песок, проезжая по нему еще добрый метр. Толпа — не рада! Но мне всё равно. У нас с организаторами уговор — мы забираем это «тело», что не хотело идти на сотрудничество, пока кто-нибудь не уложит его на этом ринге.

Расслабился он, решив, что раз за месяц никто так и не явился, вся жизнь его, будет малиной! Не замечая совершенно, сколько головняка он нам доставил! Даже несмотря на то, что прущих за его тушей нахрапом англичан порешили не мы, а охочие до крови интервентов головы. Иных походов пока не было, запад, не поделил вечного меж собой. Бобби влезли вне очереди!

И батька, подсуетился утащить несильно умного паренька в свои пенаты через меня, пока за бугром высокие стороны и тут не договорились. А заодно...

— Все готово — сказал хирург, отстраняясь от стола, и взглянул на меня.

Я, тут присутствую с азиатским лицом. И как живой донор, блин. Врачи не в курсе моих способностей, и вообще ничего не знают. Их используют втемную! И они делают нелегальную пересадку печени от тетки к тетке, за кругленькую сумму.

Типичную такую операцию, для Воронежа. Тут с донорами давно нет проблем, пусть и редко они сами согласны на трансплантацию.

— Ты точно уверена? — переспросил меня врач еще раз, пред тем, как воткнуть иглу с капельницей с анестезией.

— Мне хорошо заплатили. — улыбнулся я, делая вид, что отчаянно пытаюсь скрыть волнение — Давайте доктор, не тените. — и говорю я это, по английские.

Доктор, воткнул иглу, и по вене потек раствор снотворного. Медсестра тем временем, потуже затянула кандалы, фиксируя ручки-ножки, голову. Ну все, сейчас начнется песня! А снотворное я проигнорирую, лишь сделав вид, что оно работает.

Сейчас разрежут мне живот... надеюсь, как планируют! Там все готово, встречать холодную сталь, не сопротивляясь. А там и печень... как жаль, что у меня туго выходит с отделением частей тела! Впрочем, печень, пошла мне навстречу, и уже готова, разделившись на две дольки.

— Как интересно... — замечает это хирург.

— Берем долю? Так даже лучше — говорит его помощник, и моя поло печёнка, прощается с телом.

Впрочем, она к этому давно готова! Она, как бабка-поломойщица, всю жизнь

работавшая уборщицей, мне так и говорит «ну! Сейчас поработаем!». И тряпку с собой взяла, утащив от меня литр крови! И ведро... как бы мать не откинулась, от подобного даренье, оказавшись протертой до дыр! Знаю я свою печенку, знаю.

Эх, жаль, что это лишь временная мера, года на два года. Печень то останется жива, ей то что! Она бессмертна! Но я ведь не в состоянии сменить мамке всё тело! И что, собственно, после этого останется от матери?! Пустая оболочка? Кукла, что контролируется мной. Ведь даже сердце, вырванное из меня и вставленное другому, спустя четыре года! Отзывается на мой зов, и кричит сквозь трубку телефона пульсом «я здесь, хозяин! Все нормально!».

А ведь я ему приказывал так не делать! Непослушный орган... еще и корни там пустил, как понимаю! С другой стороны, не будь он со мной до сих пор на связи, наверное бы уже отмер, и человек бы умер вслед за ним.

— Операция прошла успешно, можете нас поздравить! Ми Камее Кагуя, как себя чувствуете?

— Нормально! В силу обстоятельств. Где мои деньги?!

— Вот...

А шов от операции скроется с глаз за пару дней. Ну за три, максимум. И начальство батькино, даже не узнает, что именно я был в роли донора для умирающей матери.

— Ну что, будешь на нас работать? — насел я над беднягой Максом, что вообще-то просто Максим, хотя и Максимович!

Бессмертовичь...

— Буду, буду! Я же уже сказал! Что пристала!?! — проворчал он в ответ, и стряхнул с рук оплавленные наручники. — Продул девчонке, какое позорище... — пробурчал себе под нос.

Ага! Понял, что я, и тот пацан, одно лицо! Хотя вообще-то это плохо.

— Ну, вообще-то, мы дрались бесчестно.

— Ага. Тебя прикрывал целый взвод снайперов! — сморщился он, взглянув на меня.

И отвернувшись, вновь пробурчал еле слышимо:

— Хотя я об этом узнал только вчера.

Гад! Видать раскрутил наших агентов, что его прессовали, пока у меня печень удаляли, на информацию! Они ему вопрос, а он... читает между строк.

— А ты не дрался с усилением. — усмехнулся я, припоминая его силу, в которой не было Силы.

— Так и ты... ай, не важно! Как ты лицо так меняешь? — схватил он меня за щеки, что я даже не успел среагировать — То, что, была какая-то маска?

— Ну, почти — вырвался я из его рук.

— Ну, так что скажешь? — задал я вновь, уже заезженный вопрос, что бы убедится самому, что «моих людей» не обвели вокруг пальца.

Все же, те «палачи», такими небыли! Обычные полевые агенты, что больше тянули время, чем реально допрашивали.

— Да я уже все сказал! Что ты заладила? И работать на вашу конторку в принципе не против, если в самые жопы засылать не будете. Все равно это лучше, чем болтаться по миру как гав-но, да в прорубе.

— Ну, то-то же! А насчет засылки не волнуйся — улыбнулся я — ты про снайперов ведь

уже слышал? Ну вот. Так теперь тебя всегда будут охранять.

Парень, недовольно сморщил нос. Охранять его? Вы вообще о чем?!

— Это что еще такое?! — возмутился я, глядя... в колодец.

Стальной... из вольфрамового сплава, колодец, что скорее назвать большой бочкой, вмонтированной в пол, среди лаборатории научно исследовательского института, на дне которой бьется маленький магмойд. То-то я думаю, старушка Сила, давно переставшая являть мне свою Волю, забив на меня как на неудобное дитя, вдруг вновь объявилось, бурля кровь в жилах, пытаясь накапать на мозги. А тут вон оказывается что! Природный враг...

— И нафига вы его...

— Поймали? Притащили? — проговорил отец, так же заглядывая в темную «яму» со светлым пятном огненной тварюги — Нет, не мы его ловили. Это трофей.

«Трофей» тем временем, прекратил гулять от стенки к стенке, не увидев, но ощутив наше присутствие, и прилип к железу цилиндра, с желанием проплавить дырочку.

— Кого ограбили? — усмехнулся я на столь странное заявление отца «о добыче», и с задумчивым видом, спустил вниз капельку слюны на ниточки из самой слюны.

На два метра под пол, прямо на спину притихшей твари.

Слюна, коснувшись раскаленной живой магмы, мгновенно испарилась. Одновременно с этим, «человечек», две ноги и тело, без головы и рук, ростом сантиметров сорок, завизжал так, словно его уже режут. Снимают шкурку живьем водяным ножом! Забился в истерику в метровом колодце, пробуя на прочность стальные стены, завизжал хриплым басом, словно раненый мамонт, и, по-моему, даже обосрался ногами! Стал растекаться, покрывая пол кусками расплавленной породы.

В яме стало малость посветлей! Стенки то нагрелись! Им правда пофиг — и не такое переживут! Будучи из сплава вольфрама с чем-то, не менее тугоплавким. В этот колодец ученые, чтоб им дважды во сне икнуть! И три раза... кхм, предлагали запикивать бессмертных, что не согласятся сотрудничать... тут у него правда крышка была, но я её малость повредил. Нагло срезал! Пусть и убив на это пару часов времени — шутники блин! Этих лаборантов мне очень навязчиво предлагали в качестве кроликов, для опытов или на десерт — они ж не знаю, что мы, бессмертные, предпочитаем кушать. Тип самим их резать как-то не этично... бедные ребята! Отправились сортиры драить куда-то на севера.

Зато я очень наглядно показывал, что подобные тюрьмы нашего брата никогда не удержат и лучше даже не рассчитывать на что-то подобное. Либо свой, либо — бесплатный билет в новую жизнь. Мы-ж всё равно бессмертные! Не жалко... Зато такому мелкому магмойду как этот «трофей», из этой дыры точно не сбежать. Разве что после смерти, в виде камня? А так... температуры его тела, что составляет всего-то тысячу с копейками, никогда не хватит, чтобы сделать сплав обшивки ямы хотя бы мягким.

— Ваааа! — вновь спустил капельку на ниточке я, на которую эта безмозглая тварь сама же и напоролась, бегая по дну колодца как в зад ужаленная.

И начала бегать еще быстрее и орать еще громче, хоть у этого нечто на ножках как бы и нету физического рта — блажит всё тело разом! Как впрочем, и видит, причем — в инфракрасном спектре! Отец на мои проделки — посмотрел неодобрительно.

— Что?! — взглянул я на его недовольное лицо.

И получил я подзатыльник.

— Кончай баловаться! — сказал и тут же задумался он — А вообще — что ты с ним

делаешь? Когда мы просто полевали его водой, и даже... тфу! — отец попытался повторить мой трюк, но харчок цели не достиг — Плевались... он так не реагировал! Почему на тебя...

— Сила — сказал я, и на мгновение материализовал клинок из света.

— Понятно. — сказал батька и отвернулся от меня, вновь опустив свой взор в яму — Этот трофей к нам принес твой собрат, почитав, что без подобного доказательства, в его бессмертность никто не поверит.

— Хм... — задумался я, переваривая подобную информацию, и развернулся спиной к колодцу, лицом к выходу из лаборатории — А это вообще-то забавно. Вот я бы, например, не смогла магмойда «куда-то принести». Либо сама бы обгорела, либо его бы убила. Сила для них яд — и повернулся в сторону отца — познакомишь меня с этим «невосприимчивым к жару»?

— Конечно. — буркнул отец, задумавшись о чем-то своем, и вновь развернулся в мою сторону — Но чуть позже. Я пригласил тебя сюда не для знакомства, как понимаешь. Нам нужно решить, что делать с ЭТИМ — указал он пальцем в вниз, в яму, где мелкий магмойд и не думал успокаиваться.

— Прибить и вытащить камень? — усмехнулся я, назвав самое очевидное, и одобренное Силой, что даже отступила на миг со своим Велико Важным Мнением, начав «головой кивать» в знак поддержки — Вы же ведь уже давно научились куда-то там ядра применять?

Мужчина помотал головой.

— Камень в этой мелочи слишком ничтожный, чтобы это того стоило. Пока зверь жив, от него и то будет больше энергии, пусть и тепловой. Мы пока недостаточно изучили процессы, чтобы получать электричеством хотя бы десятую часть от этого. Камня такой крохи даже для работы тетриса не хватит! Не говоря уж о мобильной рации, как у тебя на голове. — махнул батька рукой в мою сторону, и я рефлекторно схватился за свои наушники, с которыми, как кажется, уже даже сроднился.

Сделал частью своего тела!.. Блин! А я же... да... то-то они какое-то странное чувство вызывали! Когда я чуть надавливал в их сторону своей энергией... но сейчас, старушка Сила, не поняла моих эмоций, чуя угрозу исключительно в еще живой огненной гадости, что я, по её мнению, вдруг передумал убивать.

— К тому же, у нас на живого, кхм, как ты говоришь? Магмойда? — спросил он, а я кивнул в ответ — Странное название... но подходит. — и он достал блокнот — Тот, другой, бессмертный, эфиоп — мимолежный взгляд на меня, но я ни как не отреагировал, так как цвета кожи нашей для нашего брата вообще ничего не значит — тоже его так называл, хотя это слово в нашей транскрипции будет звучать немного иначе...

— Ма-а-гма-на-дро-ид — попробовал я выговорить названия на древнем языке, вышло не очень, но все же созвучно.

— Не, не так. — помотал головой отец — Впрочем, не важно. — и убрал блокнот во внутренний карман — На этого «зверя», даже если брать в расчет только этот институт! Уже будет два десятка заявок на исследования твари! И от именитых ученых! Не простых «клерков». А уж если по стране пройтись... у... — вознес он взгляд к небесам — Информация то о тварюшке так или иначе уже утекла! И не пройдет и месяца-двух, как меня буквально засипят просьбами! А там и пентагон узнает... и они захотят поковырять живую магму. А ты говоришь убить! Хе! — усмехнулся он рабочей половиной лица, и указал пальцем на гермодверь, вход в это помещение с толстыми стенами — Даже сейчас там, толпится целая толпа лаборантов, желающих если не внутрь попасть, так хотя бы

подслушать!

И я тоже расплылся в улыбке, так как прекрасно знаю, что там, за толстой створкой, сейчас реально торчит туча народу! Человек десять. И для того, чтобы понять, что они там есть, вовсе не обязательно быть экстрасенсом. Надо просто послушать, ведь мы-то говорим тихо, а вот любопытствующие лапают толстый металл не очень, пытаются они там найти ту самую точку, где звук все же будет доходить до их ушей.

— Однако мы все же хотим услышать твоё мнение. — стал мужчина в миг серьёзным, и я вернул на него своё внимание с двери — Твоё предложение, насчет применения сил этого зверя. — вновь указал он себе под ноги, неопределенно вниз, и я погрузился в думы.

В паровоз всунуть? Или в водогрейный котел? Глупо! Если тварь не дразнить, она выделяет слишком мало килокалорий, чтобы на нем что-то путевое работало. А если дразнить... саморазпадетсЯ, и даже камня не останется. Проходили, знаем, приделы энергии ядра не бесконечны.

Ученым отдать? Можно конечно, но та информация о «трофее» потечет по миру еще быстрее! В несколько раз быстрее! Да и что им это даст? Они скорее её нечаянно прихлопнут! Тварь то маленькая... Тогда что? Хм... Сила...

— Пап, а давай ка сделаем из этого зверя приманку! Приманку, для бессмертных.

Ведь для большинства вечных, появления поблизости магмойда, равносильно появления кошки пред собакой. Сила в их телах тут же активизируется, начав капать на мозги и переводя организм в боевой режим вне желания владельца. Это чем-то похоже на всплеск адреналина! Результат вспышки страха, или предвкушения события.

Эйфория, увеличение четкости зрения, замедление времени, чувство, что всё подвластно рукам... капелька страха, не дающая совсем слетать с катушек, и непреодолимое желание действий! Плюс осознанное понятие направления угрозы и цели в одном яйце, когда точно знаешь — оно там! Нужно только добежать. Ну и конечно, банальное любопытство, что же может вызывать такое чувство?

Я могу это контролировать, задавливая всё инстинкты и сохраняя ясность ума. А вот большинство моих коллег нет, и это можно использовать. Даже если они не побегут сломя голову, забыв обо всем, словно берсерки, с желанием уничтожить, или дети, с желанием поглядеть, то все равно, проявят какую-нибудь активность, почуяв поблизости природного врага.

Это определенно можно использовать!

О, моя голова! Какая же она у меня... опухшая! Сколько в ней... лишних знаний! Эмоций, не моих, чужих! Поводок — других людей! Привычек... по сути — целых личностей! И у меня уже такое чувство, будь то в моей голове и правда живет сразу сотня человек!

СПАСИТЕ! Вот только никто не спасет. ПОМОГИТЕ! И помочь мне никто не сможет. Сам их всех в голову себе пустил! А вернее: сам их же там создал! Копируя чужое поведение. Да и не личности они, хотя порою кажется что так — моя, дурна собою, но богатая фантазия!

И не сотня их там! А только сорок. И не живут они... но позволяют видеть мир как сквозь призму чужого мнения. И я это уже не всегда контролирую — заигрался! Отыгрывая чужие роли «на отлично», не просто копируя чужое поведение, но и стараясь понять чужую

логику, образ мышления. По имеющимся реакциям на ситуации, пытаюсь понять, как этот бы человек, среагировал на ситуацию иную, чтобы не упасть в лужу, при необходимости импровизации и отклонения от сценария.

— Двухсотый...

Так, что-то яотвлёкся! План операции... блин, если мы продолжим в том же духе!.. думаю... возможно, они захотят собрать всех подозреваемых вместе, и тогда... где... СТОП! Что?!

— Двухсотый на связи. — опомнился, всплыв из собственных мыслей, в которых как оказалось, буквально утонул.

Ответил на вызов, проговорив в рацию, что уже давно и прочно вошла в мою жизнь, став неотъемлемой её частью, привычно болтаясь где-нибудь на шее или макушке. Всплыл из теорий и планов, чертежей и карт, что был вынужден буквально зазубрить, чтобы мои глаза не жаловались на плохое освещение, при котором я обычно это все изучаю. Зазубрил, чтобы можно было бы все планировать в уме, в том числе и по ходу операции, когда все, как обычно, идет по звезде.

— Это штаб. Код Зе-Четыре, повторяю — Это штаб. Код Зе-Четыре. — проговорила рация в ответ, причем дважды, что бы я уж точно услышал.

Код зЕ четыре? — похлопал я глазами, отдирая себя от лежанки-кровати, на которую прилег отдохнуть буквально на пару мгновений. Пялясь в пустоту, хлопая ресницами, словно в попытке использовать их вместо крыльев, почесывая короткие, но зато родные! Волосенки, прячущиеся под душкой «ровненькой рацией» на своей голове — это что еще... а!

— ЧТО!?! — подорвался я с места, проорав вслух, пусть и снова в пустоту.

И посмотрел на хоровод бумажек в воздухе, результат резкого вскакивания с лежанки, и бардака на столе, откуда эти бумажки были стянуты воздушным потоком.

Собрал бумагу в кучу, в стопку, рассортировал обратно по пачкам, чтобы не запутаться. Планы, сведенья, материалы прошлых и будущих операций... тонны информации, что в меня уже не лезет! И я среди ночи, уже просто сижу и туплю в никуда! Вместо того, что бы изучать план-схему следующей миссии...

Башка уже не варит и вообще... ладно хоть кабинетик мне для дум все же выделили! Размером чуть больше туалета, зато тут никто меня не слышит! И можно орать... и материть начальство сколько влезет

— КАКОГО ЯЩЕРА ВАЩИ ПОМИДОРЫ! — проорал я во всю глотку, и почувствовал мгновенно, что как-то даже полегчало.

С потолка посыпалась штукатурка — перебрал я с амплитудой! Да покер! — вновь взглянул на документы на столе, и включил настольную лампу. Прошелся еще раз глазами по строчкам текста, освежая данные в памяти, чтобы случайно что-нибудь не смешалось там в кашу, и спалил бумажки при помощи Силы, не оставив на лакированной поверхности и следа от уничтоженных улик.

Если меня срочно вызывают в штаб экстренным приказом чрезвычайной важности, дело точно не терпит отлагательств. И явно важнее всех моих проблем. А оставлять тут, пусть и в безопасности, но без личного присмотра, документы, что могут нас всех скомпрометировать, считаю излишне безответственно. Как и нецелесообразным тащить подобное через пол страны в далекую Пермь.

— Подъём мальчишки! — гаркнул, выйдя из «туалетика», и куча тел по лавкам тут же зашевелилась — У нас пиздец силы не мерянной!

— Какой из? — проворчал двести второй, себя от койки с трудом отдирая.

Время то четыре ночи! Они в два только легли... жалко мужиков! Но что поделаться? Штаб приказал — надо двигать, пока по бетону тонким блином не размазали. А то мало ли что там... и почему нас, меня, вызывают.

— Любой на выбор! Двести шестой и двести третий — останетесь здесь, у остальных — полчаса на сборы, форма гражданская, оружие с собой.

— Есть! — гаркнули ребята, прогоняя остатки сна.

— Двести девятый! — гаркнул уже я, и единственный оставшийся сонным из всех, и притаившийся в самом дальше углу комнаты, встряхнулся, в попытке прогнать остатки сладкой дремы.

Попытка провалилась — наверняка ведь деньги снились! Вон руки как шевелятся, словно что-то сжимая...

— Билеты? — оживился он, под моим взглядом, быстро поняв, что от него требуется, являясь тем еще пронырой и карманником с диагнозом.

Он у меня как-то жвачку из кармана увел! За что я сильно желал эту жвачку ему... натянуть на голову.

— Ты еще здесь? — нахмурился я, глядя на все так же сидящего с видом спящей совы паренька, и тот икнул, с видимым усилием перебарывая желание откинуться на подушку и на все забить — На всех до Перми на ближайший!

— Пересадки? — загрузился его мозг, приступив к обработке вводных.

Ведь он не глупый малый! И хоть и тот еще придурок, когда дело касается карманов... В деле добыть что-то быстро и без палева — лучше не найти! И если Кирилл, гордо носящий номер двести два, просто неплохо чешет языком и торгует физиономией, за неимением хера, и вполне в состоянии сагитировать на свою сторону толпу, то наш Данила «Мастер», за номером девятым, настоящий спец по теневому миру. И он уже сейчас, всего за пару секунд, судя по довольной морде и бегающим глазкам, придумал пару способов надыбать с десятков билетов на самолет минуя кассу, пока остальные члены группы лишь натягивают «форму».

— Любые! Главное быстрее. Бюджет — не ограничен — угадал я его следующий вопрос и глаза парня сразу засияли значками валюты из-за океана.

— Понял! — сказал он, и тут же подорвался с места к выходу, словно ему кто-то выписал подсрачник.

— Штаны надень! — крикнул я этому трусожопому вслед — Придурок...

И надеюсь, меня не стерилизуют повторно, за то, что растратил казенные деньги несогласуя с верхами.

Хм, пустовато как-то на нашей «базе». Вернее, хм, обыденно? Когда я тут был в последний, и единственный раз, тут была толпа народу! Броуновское движение и суета. Толпы людей с явно военной выправкой, типо пытающихся отдохнуть в этом скромном пансионате в еловом лесу... А сейчас тут только два инвалида! И один из них я.

Моё сопровождение, разбрелось по территории. Тут не нужно меня охранять, и делать вид попечителей-родителей. А значит, они могут немножко отдохнуть. А вернее у них здесь иные задачи, в том числе и занять позицию повыгоднее. В том числе, и собрать информацию для меня из иных источников.

Или отчитаться обо мне самом? Кто их знает! Зайду ка я в главный штаб штаба! В

каморку нашего «безымянного» человека, прямо над столовкой, в логово мрака при свете, и светлой головы при хорошо покрашенной черной краской седины.

— А, это ты... — без интереса поприветствовал меня главный босс всея Урала, которого за именем слишком большого количества имен у его персоны, все тут уже давно именуют просто: «мистер тень».

С тех пор, как он начал постепенно выползать из кокона совей паутины в мир, от ниток кукол, на свет и в люди, перестав прятаться от всех за чужими спинами... и просто взвалил на себя уж больно большую ответственность для человека, что не желает огласки. Стал слишком значимой фигурой, чтобы иметь возможность не быть известным, слишком часто ситуация стало требовать мгновенных решений, что бы передавать приказы через третьи руки. И пусть, для девяносто девяти и девяти и девяти процентов жителей региона, он все еще никто и без имени, для оставшейся доли — весьма большой дядя!

— Только не говорите мне, что тот вызов был простой проверкой связи. — ответил я на это, и усмехнувшись, тихонько убрал стеклянные ножи обратно в ножны на бедрах, а то подозрительная тишина в кабинетике меня явно напрягала — Или тем более то, что вы меня вообще не вызывали, а «я сама все себе на придумывала».

— Нет, не скажу. — мотнул он головой, не открывая взгляда от стола, на котором разложилась карта.

Карта России! Большая — метра три в длину! Старенькая! Очень старенькая! Две тысячи первого года! С... кучей-кучной разнообразных пометок! Силы НАТО, силы «северного флота», силы СЮГ — союза южных городов... территории, танки, заводы...

— Наверное, мне не стоит это видеть. — показушно отвернулся я, поняв уровень секретности данной бумажке, разложенной на простом кухонном столе из лакированной сосны. — И мы тут что, одни? Где... другие участники «штаба»? — усмехнулся я припоминая, этих самых основных участников.

В первую очередь своего папашу! Он тут постоянно тусуется, являясь куратором по всем делам связанным с бессмертными.

— Да нет, напротив. Как раз тебе это стоит видеть. — сказал в ответ человек, и нанес простым карандашом в районе Москвы пару непонятных закорючек, не то галочек, не то значков корня — Кому как не тебе?

Кажется, он меня не слушает! Непривычно — обычно этот кадр сама сосредоточенность! Но сегодня видимо, он сосредоточен не на мне, ничтожно жалком, единственном посетителе его полутемного кабинета, с единственной слабенькой лампочкой в люстре, а на карте, что эта люстра худо-бедно освещает, свисая почти над самой поверхностью стола.

— А где отец? — решил все же поинтересоваться я, начав оглядываться притворно оглядываться, прекрасно зная, что в этой комнате и спрятаться то негде.

Да, на стенах висят махровые ковры, но за ними не постоишь! Да, есть шкаф, но дверей в нем нет! Еще есть стол... но что-то я сомневаюсь, что отец будет сидеть под ним. И вообще — все это глупо. Что-то мне уже не нравится это «собрание».

— Его тут нет — ответил тень, продолжая что-то выводить на карте, уже под ростовом.

— А... — открыл было я рот, но оказался перебит.

— И знать ему об этом всем необязательно. — отстранился он от карты, отойдя на пол шага прочь, взглянув на ситуацию как бы издали.

И вернувшись обратно к столу, сдвинул не помещающееся на столешнице полотно

карты в сторону, открыв вид на дальневосточную часть страны. Количество пометок в этой части по-настоящему ужасающее.

— Что это? — не сдержался я, увидев огромное количество крестиков и букв «П», что буквально усеяли собой все побережье камчатки.

— Многие знания, многие печали... — философски ответил мужчина, так же как и я мгновение назад, неотрывно смотря на метки — Именно по этому твоего отца тут нет — ему не стоит знать. А тебе — да. — повернул он ко мне своё лицо — Собственно, только тебе и стоит.

— Почему? — слегка опешил я, задав вполне логичный в текущей ситуации вопрос, но мужчина в ответ, почему-то задумался сам.

— Когда-то давно — вздохнув, начал он — я решил, что не стоит в этом мире никому доверять. Вот вообще. — и хотя я, находясь в метре от собеседника, отчётливо почувствовал грусть и боль в этих словах, ни один мускул на лице собеседника так и не дрогнул — И это неоднократно спасало жизнь как мне, так и моим товарищам — а здесь ощутил холодную, выдержанную ярость, как на врага, в давно проигранной войне — Это помогло мне пережить времена, когда в мире казалось не осталось самого понятия чести и верности. Когда все вокруг придавали друг друга — а тут, эмоции пропали, словно бы они за годы, уже просто выгорели, обратившись в пустоту — не доверяя никому, я обрел власть, о которой когда-то не мог бы и мечтать — оглянулся он на миг к карте, как бы намекая — вот она! Моя власть! — но без доверия власть, лишь замок из песка.

И он вновь замолчал, внимательно изучая мимику моего лица, пронзительным взглядом своих давно выцветших глаз.

— Ты думаю, понимаешь?

— Не а! — состроил я «дурочку».

— Всё ты понимаешь — помотал он головой, и я ощутил существенный такой укол от давно не посещавшей меня совести.

Наступила тишина, в которой я почувствовал себя совсем неловко, и личности детей, которых я регулярно изображал на различных мероприятиях уже более полугода, зашевелились во мне неприятными тенями, требуя что-нибудь эдакого отчебучить, дабы развеять эту гнетущую тишину. Но вместо того, что бы слушать свою и без того поехавшую крышу, я принялся изучать пометки на карте, расположившиеся прямо на месте тихого океана.

— О, блин... — все же вырвалось что-то против воли, и Тень, обернувшись, мгновенно вычислил, куда я смотрю.

— А. это мелочи — положил он пятерню на Камчатский полуостров — Пара тысяч трупов. Мелочи, по сравнению с тем, что боюсь, будет ждать нас в будущем. — и нанеся еще один крестик на самый мыс острова, принялся двигать карту обратно к центральной части России — я пытался уговорить их отступить или затаится, но они решили стоять до конца.

— Значит, натовцы уже и там обосновались? — припомнил я с десятков букв «н» на дальнем востоке.

— Можно и так сказать. Но проблема не там, проблема здесь — тукнул он в центр европейской части стороны, попав почему-то в Москву — а вернее в том, что будет происходить там всего через неделю! И знаешь, с появлением Нинель, и её превосходной работой по промывки мозгов, я кажется, окончательно утратил веру людям. Ты нужна мне...

— А мне значит, вы доверяете? — усмехнулся я столь странному заявлению.

— Ты не человек. — спокойно, без эмоционально ответил он, и улыбка с моего лица, почему-то как-то сама-собой сползла — А из бессмертных мне выбирать не приходится. Тебя не запугать смертью — разгладил он карту, и вновь склонился над ней, с задумчивым видом — Ты не боишься боли. Ты с ходу можешь найти тех, чьи мозги были промыты.

Да, вот только как насчет моей собственной лояльности? — А, человек? — подумал я, но не озвучил — я и так знаю ответ! У Тени просто нет иного выбора, кроме как мне доверится. Ведь прямо сейчас, он старательно выводит еще одну крохотную букву «Н» прямо в центре нашей страны.

Вот только от него самого, тоже веет силой. Не как от человека, что живет уже не первую жизнь, но и не как от того, чьи мозги были промыты. Как от...

— Ты нужна мне, потому как уже сегодня, будет решаться вопрос державы. — сказал он, вновь заглядывая мне в глаза сверху вниз, стоя рядом, и будучи на целую голову выше — И я не хочу, что бы на собрании смертных, присутствовало больше одного бессмертного.

— Что?! На ЭТОМ?! — возмутился я, и попятился назад.

Отступая прочь от этого чуда техники, что как бы красивый, но блин! Когда стоит в доли! Или летает в небе БЕЗ МЕНЯ! Планер, блин, одномоторный! Большущие крылья, хвост на двух гондолах, гондола кабины по центру меж крылышков, и двигатель сзади неё. Огромный винт с широкими лопастями! Что будет вращаться еле-еле, для минимума шума, что в купе с особым, пористым материалом фюзеляжа делает агрегат настоящей невидимкой неба! И гробиком на одного, что может поломаться даже от сильного ветра.

Правда ветра сейчас нет — штиль полнейший! Идеальные условия, но — я что-то не горю желанием проверять насколько они идеальные. Насколько хорошо эта штука летает «вблизи», а главное — проверять насколько реально мала сверхмалая, даже по мерка летчиков боевой авиации, кабина изнутри.

Ну нафиг! Еще ведь предложат недельку в недельку в небе поторчать!

— Да там у пилота то даже парашюта нет! А откуда он для меня то возьмётся?! — вроде как-бы надыбал довод я.

Но судя по морде начальства — нет. Не надыбал.

— Тебе он не нужен. — спокойно, буднично, думая о чем-то своем, просветил меня мастер Тень.

— Да... ка... как мы там поместимся то?!

— У нас все равно нет выбора. — помотал он головой, и полез в эту миниатюрную «ванну с крыльями», собственно по суммарному объёму кабины ей и ровняющейся.

И как только Сороковой не сходил с ума в такой тесноте, висая в небе дней пять кряду?! И как он тут... умудрялся кушать? И какать... Как у него ноги не затекали!

— А вы вообще умеете им управлять? — поинтересовался я, осторожно заглядывая внутрь «капсулы летающей смерти», с уже расположившимся полусидя «пилотом», задумчиво рассматривающим приборную панель и щелкающим время от времени теми или иными тумблером.

— Умею — сказал человек, и активировал дворник на смотровом стекле в полу между ног.

Подумав, выключил его. И щелкнул тумблером иным, от чего со стороны двигателя послышался гул, как от включившегося насоса.

Ээх! — мысленно вздохнул я, и запрыгнул внутрь кабины, от чего бедный легкий одномоторный самолет, по массе больше тянувший на безмоторный планер, аж покачнулся, и заскрипел стойками колёс, начав качаться, словно люлька.

А ведь стойки шасси у него не родные! С собой в небеса он их не берет! Умея приземляться только на брюхо. Жесть... Хотя не так уж и плохо! — подумал, вжавшись в пол, и в кресло, где-то между ног у босса, позволяя обтекателю кабины, запечатать меня тут на пару с этим «монстром». А я ведь еще и штурвалу мешаю! На себя — грудь, брюхо, и... нет, жопку я затолкал под кресло! И учитывая угол наклона стойки — грудь мешает больше всего! Придется сильно выдохнуть на взлете... И шевелить ногами, позволяя двигать ручку вправо или влево, ну и на педали при этом случайно не нажать. Кабинка жутко тесная! И думать в сторону «пристроится на коленках у мужчины» я и не пытался — фиг бы мы тогда закрыли крошку люка!

Хм, так вот где сороковой хранит запасы жрачки! — понял я, во что уперлась моя попа. — Перегруз. — проговорил начальник сухо, и поведив туда-сюда штурвалом, снялся с тормоза, и повел аппарат на взлетную.

Открыл фонарь, я выкинул провизию прямо на дорогу. Сильно на что-то это не повлияло, но вот отпавшие испод крыльев болванки ракет — очень даже помогли, и борт увереннее покатился на взлетную, беззвучно работая лопастями.

Хм, а почему не слышно двигателя? Ах, да, вечно забываю... мир уже не тот, что был всего лишь пару лет назад. И двигатель данного самолета, не то чем кажется издалека.

Неторопливым ползучим шагом выкатились на взлетную, еще раз проверили закрылки, предкрылки, рули высоты и прочие, из-за чего мне пришлось активно перетекать из част в часть этой маленькой кабины! Дабы не мешать собой пилоту. Получили добро на взлет от техника, что вышел на эту, невероятно сложную для пилотов полосу нас проводить, и босс спустил зверя с поводка, от чего самолет чуть не кувыркнулся, а двигатель за стеною кабины, просто взвыл.

Тут же сбавил газ, и потихонечку пошел в разгон. Перед самым концом полосы, уже летя над её поверхностью и сбросив за ненадобностью шасси, потянул ручку на себя, уйдя в окно среди крон деревьев.

В том то и гадость этой полосы, что взлет, что посадка, возможна только и исключительна через маленькие окошечки среди деревьев, сверху выглядящие как волейбольные поля. Вся остальная территория выглядит сверху самый максимум как заросшая дорога! А ни как ни как аэродром. Ладно хоть деревья снизу стальная сетка подпират! И ветки на полосу, и самолеты, не падаю. Но садить туда что-то летающее в любом случае настоящее проклятье для пилотов! Как и взлетать от сюда. И это еще один повод, почему я не хотел на этой машине смерти храброго Сорокового!

Но, мы уже в воздухе, ложимся на курс. Основная опасность быть перемешанным с грудой обломков, лишенный возможности действовать в узкой кабине, осталось позади, и теперь — можно расслабиться. Полюбоваться видами, и подумать над тем, куда мы собственно летим.

В сторону Салехарда! Летим в гости к Адмиралу Тихоокеанского флота, что вот уже два года как, перебрался с дальнего востока, в этот город на севере, торчащий вообще на реке. Перебрался туда вместе со всем своим немалым флотом! И по итогу даже часть северного флота к себе перетащил. Адмирал, с именем Алексей, что пообещал уничтожить Америку, если те начнут активные боевые действия на территории Росси, адмирал, что уже давно вне юрисдикции самой страны, и считается в мире террористом номер один.

Ох, если бы знали наши люди, за что его им считают! Если бы в наших СМИ о нем хотя бы почаще упоминали! Хотя бы имя его называли... а то у нас то о нем не говорят. Зато вот в Европе, и Америке, он главное пугало, и страшная сказка для взрослых детей.

Мятежный адмирал, что ограбил Россию на львиную долю её флота! Пират двадцать первого века, что грабит мирные суда и убивает экипажи! Вандал, не знающий слова «честь»! Макака, с ядерной гранатой... ведь корабли его флота действительно имеют ядерный потенциал, и он уже действительно не раз в серьез закусывался с НАТОвскими союзниками в морских баталиях.

Выходил из всех них гордым победителем! Даже теряя суда, получая профит благодаря взятым на абордаж — псих! И, как бы его там не называли на западе... для большинства наших, что все же как-то узнавали о его существовании, он — герой! Как и для России в

целом.

Ведь он реально увел целый флот из-под носа! Но не у нас! У НАТО! Еще тогда, в начале всей этой заварушки. Когда наш дальний восток, с радостными криками наивных людей принимал к себе вовнутрь узкоглазых интервентов, он, собрал в единый кулак весь Тихоокеанский Флот. Все корабли, что хоть как-то можно было поставить на ход. Все лоханки, что хотя бы можно было бы взять на буксир, не теряя в скорости общей эскадры. И даже рыбацкие суда! Чьи экипажи были против захватчиков.

Собрал их все вместе, погрузил по трюмам все барахло с частей, что только можно увести. Все запчасти со складов, все оборудование, что не привинчено! Даже док бы увели, умеи бы он плавать... Жен, детей, семьи... и отчалили в никуда, уйдя северным маршрутом, оставляя за собой только смыкающиеся льды.

Тогда запад собственно не сразу въехал, что сейчас произошло. Все их аналитики в один голос говорили, что им некуда бежать! Что Сов Гавань тоже скоро будет их! Что и случилось уже через пару месяцев. Что дальний восток уже их... Что подергается мятежник, да вернется с повинною. Не развяжут же русские ядерную войну?

Но он и не планировал тогда воевать! Он просто увел флот подальше от их лап! А все, что не удалось забрать — было сожжено, утоплено, или просто — выведено из строя. Врагу ничего не досталось! И в Сов Гавань, в которую его флот действительно прибыл прежде чем ушел на север, надолго задерживаться не планировал.

Лишь месяц, пока не встанет лед! И ночь настанет над полярным кругом. И под эскортом дружественных ледоколов, провел свой флот на север. Но не в Мурманск, или Североморск, где их уже ждали «с отставкой» и «конфискацией», а в Салехард, где их тоже ждали, но совсем иные люди.

Думаю, многие так и не поняли «какого фига это было!?!». Как сейчас неясно почему именно туда, так и тогда. А наши европейские «друзья» еще долго потом жалели, что не вдарили ядерным бубухом по флоту, пока тот был в открытом море! Ведь база в Салехарде это лишь условность! Просто точка, что может принимать снабжения с большой земли по средствам реки, и железной дороги в Лабытнаги.

Да банально до города по оби не всякий корабль океанского флота дойдет! Осадка, узкий фарватер, прочие казусы, при всей ширине и глубине реки просто не позволят это сделать. Но, именно этот город флот во главе с адмиралом объявил своей базой, размазавшись при этом по всей окрестности, и уйдя куда-то в неизвестность, в рейды, подо льды.

Но это был сильно рискованный план! И аналитики запада верно посчитали, что ему и тут не долго танцевать! Что флот без баз, снабжения и верфей, долго не протянет. И максимум год! А в реальности — пара месяцев, и все это «стреляющее железо» обратится в простой металлолом.

И городам, что приютили семьи моряком — досталось не на шутку. И сами корабли... и еда... и главное топливо! Ведь хоть нефти там, на севере, хоть залейся, можно докопаться, захватить, обеспечить! Да вот не залезет она в таком, сыром, состоянии в движки кораблей.

Все там зависят от поставок извне! И их им обеспечили! Я не знаю, как мистеру тене удалось таскать в такую даль, жатву, и топливо, тайком! При нереальном уровне слежки сверху, из космоса, за районом. Как он сумел организовать туда доставку новых энергоблоков для атомных судов... целые заводы в разобранном виде! И даже новые корабли с верфей в Североморске... но сделал, и хрен на то, как это было!

Главное, что сейчас там не руины и ржавый металл, а вполне боеспособный флот! Верфи, и... новые города для семей военнослужащих. Главное что у России, остался его флот в боеспособном состоянии! Пусть и из-за не подконтрольности центру, не официально. А еще то, что не все из баек про адмирала миф. Например он реально увел у амеров из под носа, в разные годы, но уже четыре корабля. У его людей, большой опыт брать суда на абордаж и скрываться в тумане! Перекрашивать и — а мы ни че не знаем!

Но в целом, конечно, ситуация у СЛФ — северно-ледовитого флота, как они себя обозвали, по прежнему шаткая, на грани фола. Да, адмиралу уже незачем нарываться, «грабля караваны», отщипывая от авианосных эскадр по кораблику в полгода, тупо потому, что там у них ядерная силовая. А экипажи с отправленных ржавеет судов надо бы куда-нибудь приткнуть.

Да, сейчас американцы уже не пытаются войти с разгона в северные воды, навязывая там всё свои правила силами флота. Как они любят, с позиции силы, и тотальным уничтожением всего, что двигается вне коленапреклонённой позы. Последняя попытка уж больно плохо кончилась.

Да и давить морально что-то не выходит! Но все это лишь мимолетное равновесие! И сейчас, как понимаю, будет решаться — вверх? Или вниз? Хотя нет, решатся будет не это. Флот важен для страны! Ведь адмирал от неё не отказался! А напротив, прямо заявляет — «у меня рука не дрогнет! Как и у моих людей». И в случае начала военных действий стран северо-атлантического союза на территории России, ядерные ракеты от только и ждущего этого часа подлодок, полетят по этим самым странам. А там немало мегатонн!

Важен! Но не в случае с гражданской войной! С ней он ничего не сделает! Не сможет! Как и в случае если пропагандистам все же удастся придумать, как убедить наших людей в том, что Адмирал — вор, злой-гадкий дядька, и вообще — плохой. Пока что все их попытки только поясняли нашим за то, почему по стране до сих пор не марширует натовский сапог.

— Заходим на посадку — проговорил сидящий сзади человек, и самолет, завалившись на крыло, начал маневр «скольжения».

Так что решать мы тут будем не судьбу флота. А кое-что куда более важное. Хотя, мы? Нет. Я тут просто наблюдатель! Хотя сейчас я наблюдаю совсем свежий город под названием «Яр». Построенный с нуля, силами моряков. Всего за пару лет, на пустынном берегу недалеко от брошенного поселка «Яры», откуда и название. И это место не зря флотские зовут звездой севера — красиво!

Ровные улицы, стройные ряды панелек с тройными рамами, скромно пристроившаяся в сторонке ядерная электростанция, чью важность сложно переоценить. Цементный заводик... Живописная коса в океане! Блестящая багровым и золотым в лучах висящего над самым горизонтом северного солнца, и... о ужас! Трупик авианосца с красными звездочками, болтающимся на отмели косы.

Ну кто его туда воткнул?! А?! Такой вид испортил! Тут ведь и картины можно было бы так писать! Пусть и с борта самолета!.. хотя если прикрыть это ржавое пятно ладонью... тотут... миленько, красивенько... вон кораблики на рейде виднеются. Небось, и ветер добрый... правда, насладиться им смогут лишь я один. За бортом тут явно не Сочи! И вода... а мой начальник вообще умеет плавать?

— То есть всё, да? — проговорил адмирал за именем Алексей.

— Распродажа... — уныло пробормотал сидящий напротив человек, профессор новосибирского научно-исследовательского института.

Тот человек, что ответвлен за все новые разработки, принятые на флоте адмирала!

— Отбегались. — поддержал общию унылую обстановку, товарищ по кличке «Хан».

И внешность у него к слову подходящая! Сын татарки... да вот только то, что он сидит тут означает, что он из тех татар, за Россию, а не «одеялко на себя». Здесь все за страну! И даже я, блин... да вот только... в этой гнетущей тишине и мне тоже сказать нечего!

Я тут блин полноправный член совета! Что неожиданно, и приятно. Но... что я могу сделать?! Тень огорошил нас всех весьма невеселым заявлением — страну решили окончательно попилить. Организовав акцию под броским лозунгом «Большая распродажа». По крайней мере так, определенные лица там, за бугром, меж собой обзывают предстоящие.

— Через неделю они дадут официальное заявление. А уже в среду, то есть еще через один день — произойдут торги.

— И что, ничего нельзя сделать? — произнес профессор, взглянув сначала на гражданина с множеством имен, а затем на адмирала.

— Времени мало. Мы не успеем подготовиться — ответил на это дядька флотский, помотав головой, и мечтательно добавил, потирая руки — Эх, если бы они решили это сборище вести в пентагоне!..

— Да вам бы лишь бы жажнуть! — ответил на это другой военный, в форме генерала, но незнакомый мне дядька, и последний член нашего «совета заговорщиков».

— Кто бы говорил — огрызнулся на это адмирал с профессором хором, словно припоминая армейскому какой-то мне неизвестный эпизод, и вояка как-то сразу сдулся, словно бы и правда есть за что стыдиться.

— Господа, вопрос не в том, что было бы, а в том, что мы можем сделать сейчас. — вернул в нужное русло беседу Тень, и зачем-то взглянул на меня.

А я что? Я маленький! И... что я вообще знаю?! И могу... Разве что сказать, что ситуация до безобразия абсурдная! Как можно вообще продавать страну?! Буквально продавать! И кому пойдут деньги от продажи? Конкретнее! Это как самому себя в рабство!.. по сути, так и получается. И на что они рассчитывают? На то, что никто не въедет, а когда дойдет, будет поздно? А ведь именно так и будет! Сотня «революций» всем в пример.

Так что подобных примеров вагон! Пусть и не столь наглых. И можно попробовать сказать «народ ничему не учится!», но нет, примеры пока еще слишком яркие и старые трюки не срабатывают. Вон, уже хотели отделить и Татарию с Башкирией, да те встали в такую позу!.. и уперлись рогами, да вцепились зубами. Встали плечом к плечу с соседями «не пойдём!», и хоть стреляй. А потому-то за бугром и решили пойти путем иным, еще более наглым! Просто ПРОДАТЬ страну по областям, хотя я с трудом представляю, как это будет, выглядит.

Народу дадут предельно мало времени на подумать! Не будет никаких митингов и протестов. При этом никто ничего скрывать не будет — все пройдет предельно открыто, честно, «благородно»... при этом все, что произойдет дальше, иначе как «анархия», и назвать то нельзя.

— Нам нельзя просто взять и поднять народ на восстание — начал рассуждать вслух профессор — все равно найдутся те, кто поддержит новую власть хотя бы на первых порах. Хотя бы уж потому, что не во всех регионах сейчас все плохо — и взгляд с укором в сторону любителя менять имена и фамилии.

— И армия ничем не поможет — против своих не повоюешь, и люди, живущие во вполне комфортных условиях, могут легко решить, что под патронажем той же германии жизнь станет еще лучше — поддержал его генерал, так же взглянув в сторону тени.

— Ну уж не германии — не одобрил профессор — но все мы понимаем, что уже после, кхм, «распродажи», страну спасать будет уже поздно. Собрать обратно по кусочку получившийся пазл, будет нереально, и я думаю, что нам следует сосредоточиться на спасении от участи распила уже и так вверенных нам территорий.

— Я в пролете. — подал на этой ноте голос хан — Меня сомнут. — и я припомнил, что столица его «ханства» это Ростов на Дону.

И да! Он как анклав сидит там костью в горле! Не пускает поляков, принимает беженцев, да и вообще, всем не нравится, но уж больно зубастый. Изучая карту, я все думал, где же он берет ресурсы на свою нехилую войну, но теперь кажется, догадываюсь — и я взглянул в сторону Тени.

Так, стоп, почему все, кроме адмирала, смотрят на меня?

— Надо атаковать сейчас, перехватывая власть до того, как все произойдет. — сказал флотский командир, и тоже, уставился на мою скромную персону.

— Что? Я не всемогущ! — от офигивания я даже сказал о себе не в том поле! И кое-кто, сильно так озадачился — Я вам не богиня какая-то, что по щелчку пальцев...

— Да, но все же... — задумался профессор.

— У них наверняка есть свои бессмертные в штате! И наверняка парочку из них отправят охранять такую важную «встречу».

— И это все еще больше осложняет. — покивал каким-то своим мыслям адмирал — Мои ребята как-то сталкивались с вашим братом в море! Эх, много крови он нам подпортил...

— Вот! Вообще у вас ведь есть планы, как взять кремль штурмом? — взглянул я по очереди на двух военных — Наверняка ведь рассматривали необходимость подобного, еще тогда, когда всё это только началось? — и тот, что генерал, подтверждающий кивнул.

— Да, есть такое. — улыбнулся он — И учение проводили, и в принципе, даже с той армией, что туда закинут к дню собрания, сладим без проблем. Но — сами не успеем подъехать к встрече. Тем более незамеченными. А если там разразится настоящая война... — и кулаки адмирала скрипнули, а генерал перевел свой взгляд с меня на него — мы все понимаем, что нам это не нужно.

— Пламя войны как лесной пожар. Легко зажечь, сложно погасить... — философски заключил об этом профессор — а ведь еще и надо попасть в очко, чтобы свергнуть власть ту, что уже перепачкалась публично! То есть не сейчас, а после заявление об распродаже! И не позже, чем они оглашат результаты торгов. Да еще и желательно не прихватить при разборке какого-нибудь Ротшильда.

— Напротив! Стоит! Но живьем! Живым он будет полезным. Мертвым — флагом. — подал голос главный участник собрания, что здесь, этой комнате и в узком кругу, не нашел для себя подходящей укромной тени. — Алексей, что скажете, сможете ли подобраться к кремлю по воде?

Адмирал помотал головой, и взглянул на коллегу по военному ремеслу, что без слов поняв намек, принялся разьяснять.

— Там заграждения. Сетки. Сигнализации. Патрульные корабли, и черт знает что еще! По суше, наверное и то будет проще добраться! Да и то, при таком сборище мировых шишек

в мятежной столице, все близлежащие дома будут выселены, а дороги — перекрыты на десятки кварталов прочь.

— И зачем они вообще решили проводить торги в Москве? — пробормотал себе под нос профессор и тут же ответил на свой же вопрос — Ах, да! Что бы увеличить легитимность своих действий! И чтобы это не было настолько явной продажей в рабство своего народа, как было бы, проходи подобное где-нибудь за пределами страны, в той же пуще белорусской... Хм. — поднял он взгляд на нас — Допустим сделать кряк электроники мы сможем, вы совладаете с сетками заграждения и патрульными кораблями? — взглянул он на генерала, но тот кивком перевел его взор на адмирал.

— В принципе да. Но без карты точных расположений постов и заграждений...

— Не выйдет, даже если они их уже поставили, наверняка передвинут за день или два до начала собрания. Да и как вы собираетесь лишать их проводной связи? — взгляд на профессора.

— Нда... с проводами сложнее... — проговорил проф задумавшись, а я поймал на себе изучающий взгляд Хана.

Что?

— А что насчет бессмертных? — кивок на меня, но взгляд на мистера Тень.

— Я думаю, у меня есть способ их всех нафиг выманить из кремля — подал на это голос я, и взглянул на профессора.

Тот, подумав с полминуты, ничего не понимая хлопая глазами, а потом воскликнул, осознавая:

— Точно! Та самая установка, да?

— Ага. — улыбнулся я — Вы ж как раз её поближе к центру перли? Впихнем её куда-нибудь в вагон метро! И пусть катается по городу, раздражая Вечных. А потом пусть гоняются по всему городу за «призраком» не в силах понять, где прячется магмойд.

— Не выйдет. — снисходительно помотал головой генерал — Метро... — но профессор его жестом прервал.

— Действительно может сработать! — воскликнул ученый, вновь жестом заткнул уже хотевшего что-то возразить военного — Только всунем его не в пассажирский вагон, а в дрезину, вместо одного из тяговых двигателей. Наверняка ведь они будут патрулировать и подземку тоже. — и взгляд с меня на генерала.

— Хм. — задумался тот, захлопнув рот — Действительно, непременно будут.

— Значит, с бессмертными решили? — вновь взял слово Тень — Сетки? — взгляд на адмирала.

— Ваши мечи же режут любой металл? — взгляд военного на меня. — Так ведь? Или тот, Немо недоделанный, что мне подлодку продырявил, избранный такой?

— Да, любой. И камень с кирпичами тоже. Разница лишь во времени, затраченным на рез. Но что с сигнализацией? — и взглянул на светоча науки.

— Можно закоротить, или вывести из строя... но это всё... что насчет ЭМИ выброса? Вывести из строя всю электронику разом! — и взгляд вернулся к адмиралу.

— Вы о той игрушке, что прислали нам на испытание в прошлый раз? Да, она все так же заряжена в Рязань. Мы так и не нашли достойной цели что бы жахнуть. — и так коварно улыбнулся, что всем сразу стало понятно «мы не нашли достойной цели чтобы жахнуть и самим потом не огрести».

— Придется выковырять и перевести. — причмокнув, проговорил наш «доморощенный»

чокнутый профессор.

— Вы что, в серьез собрались вдарить ядерной бомбой по столице?! — обеспокоился Хан, круглыми глазами взглянув на всех присутствующих.

— Варианты? — тут же парировал свет науки.

— Разрушение? — не растерялся Хан.

— Нулевые. По крайней мере, в теории.

— В теории! — развел руками татарин и взглянул на генерала, который на этот раз встретил наезд с честью, не став тушеваться.

— И к тому же подземные коммуникации вряд ли пострадают. — проговорил военный, глядя на нас, встав на сторону Хана, против «громких бубухов в теории» — А если пострадают — нам же хуже! Как потом обращаться к народу?! К тому же в небе на этот момент могут находиться самолеты! И их вот точно заденет.

— И не все из них военные — покивал профессор, соглашаюсь с приведенными доводами.

— А что если сделать те же бомбы, в миниатюре? — подал слово Тень, глядя на профессора.

— Вы предлагаете мне собрать ядерную гранату? — удивился ученый — хм... а можно попробовать! — воскликнул, с горящими глазами, словно дите с новой игрушкой на полке магазина, при своих седых бровях — Но не за неделю... — сдулся, словно шарик, чью попку отпустили.

Даже звук подобный блин издал!

— Так, хватит фантазировать! — сказал, как ударил адмирал — Как понимаю, вода выглядит наиболее доступным вариантом? — и мы все дружно кивнули в ответ.

Ведь небо — мы вообще не контролируем. Из всех вооружённых сил, авиация — у нас никакая! Фактически её нет! Не считая пары разведывательных самолетиков, как тот, на котором я с начальством прилетел на этот глухой север.

Земля — в городе куча бронетехники! И подступы к нему уже перекрыты блокпостами. Воевать пехотой против танков? Да еще и в городе с мирным населением? Или пытаться протащить оружие и людей по отдельности туда, куда даже бананы сейчас по штучно приходят, досматриваемые в дороге. Под землей? Смешно... Неее! Все это не вариант! А вот по воде! Вернее под водой!..

— Думаю, мы сможем что-нибудь для сеток организовать в кратчайшие сроки. А если вы сможете... — и адмирал на слова профессора кивнул — захватить патрульные корабли — и флотский вновь утвердительно качнул головой — то вообще проблем не будет. Особенно если вас прикроют граждане бессмертные — и я развел руками, тип «а куда я денусь?».

С этой дырявой лодки, когда у меня есть скотч.

— Семеныч, смотри! — обратился один чумазый мужик к другому, находясь в смотровой яме, меж рельсами железнодорожного полотна — Дрезину только с ремонта прислали, а второй тяговый уже не работает! — и указал на этот самый двигатель, висящий над ними массивной железной чушкой.

— А ты почем знаешь, что он не работает? — обратился коллега, осматривающий дрезину вне ямы, внимательно изучая состояния подшипникового узла.

— Так это... а-ну, подай питание! — произнёс тот, что в яме, и убрал руки подальше от движущихся частей.

Семеныч дал отмашку электрику, сидящему в кабине, корпящему над схемой ЭЗ, пытаясь хоть что-то в ней понять со своим купленным дипломом специалиста. Но все же, немного повоевав с пультом управления, таки сумел перевести тумблер на самый малый ход, подав питание на тяговые от внешней линии питания. И дрезина, пощелкав внутренними реле «для проформы», скрипнув металлом, вздрогнула, и тронулась с места черепашьим ходом. Электрик вновь получил отмашку от старшего смены, и без проблем отключил питание.

— Говорю ж не работает! — донеслось жизнерадостное с ямы — Еще и греется, падла! Может ну его, отключим нафиг?

И парнишка «с дипломом» в кабине машиниста как то резко скис. Он знает, что ему не отключить двигатель правильно! И это же знает и его начальник, что пошерудив усами, понял, что греющийся двигатель не столь великая проблема, как еще одна нерабочая дрезина.

— Не! Ну его нафиг! Пусть так работает!

— Не сломано, не чини! — прилетел из ямы не менее жизнерадостный крик.

— Ну хоть в буксы не масло подсолнечное залили! — усмехнулся в усы «Семеныч», и приступил к завинчиванию обратно болтов буксы, только присланной с заводского ремонта дрезины.

— Да вы что! Какой союз! Помилуйте! — воскликнул на весь зал седобородый мужичек.

Начальник порта города Архангельск, что нынче подмял под себя весь город. И пусть его внешность не вызывает уважения — обычный рохля преклонных лет! Ни умного взгляда, ни широких плеч, да и вообще... но хватка! Деловая. О! Какая хватка! О! Проще у любительницы дефицита отобрать вожеленный товар, чем у него то, что он для себя захотел. А захотел он — город.

— Серьёзно, как мы можем объявить себя новым союзом — поддержал его более молодой мужик, что на своих плечах, пусть и не буквально, тащит два, пусть и умирающих, но автозавода! ВАЗ, и УАЗ, а вместе с ними и целый регион — На нас и так весь запад смотрит как на мировое зло! — и взгляд в сторону адмирала, сидящего с покерфейсом по правую руку от меня — А уж если мы сделаем новую, кхм, «октябрьскую революцию» — и толпа «правителей» как-то вдруг разом стихла, ведь до октября реально рукой подать! — Ну... — и рассказчик даже сам сник, осознавая это — нас сразу же сделают мишенью, и ни у кого уже не будет никаких сомнений, что Россию нужно уничтожить.

— И сомневаюсь, что одним лишь флотом — подал голос третий участник собрания, так же взглянув в сторону адмирала — мы сможем защитить нашу сухопутную страну.

— Господа! — в наступившей на миг тишине, подал голос еще один участник собрания, еще один седоголовый, но уже профессор, и тоже из Новосибирска, пусть и не тот, что бы на прошлом сборище — Мы с вами немножко отвлеклись от темы! Прежде чем решать, какой же нам выбрать новый политический строй, давайте сначала найдем способ предотвратить гражданскую войну! Союз, или нет, но страна не переживет новой неразберихи и братоубийства!

— И ГУЛАГа.

— И Репрессий.

— А причем тут это!?

— А кто новый Сталин?

— А Ленин тогда где?!

— и броневик! Нужен броневик!..

Блин! И это наши лидеры?! Те, кто держит на себе страну?! Да этот сральник продолжается уже не один час! И... это реально срач! Политический. Тут, блин, решается судьба страны! Сидят серьезные дядьки, за которыми серьезные силы! Армии! В миниатюре, и нет, а... ай! Блин! Зато теперь мне уже точно ясно, почему Тень собрал этих долгоносиков уже только тогда, когда от их решения ничего не зависит.

Во-первых — они долго обираются! Во вторых — есть риск утечки информации! Что в текущее время сыграет нам только на руку — получившие сведения будут уверены, что мы только пронюхаем, и не успеем среагировать. В третьих — анархия! Ни один парламент не в состоянии прийти к какому-то решению без спикера с завышенной властью. А тут все больно гордые.

И не собрать этих всех на совет мой босс не мог — обидятся! А это плохо кончится. Так что приходится терпеть и... нет, не улыбаться. Это в мои обязанности не входит! Хех, это вон даже в обязанности адмирала не входит! Что мерно раскачивается в такт разговора... с видом что внимательно слушает.

Блин, ведут себя как на детском утреннике! Ну, все кроме меня, и адмирала. Проф похож на нянечку, хоть это и не тот профессор, что был с нами на прошлом собрании — иной! Пусть и тоже из новосибирского института. А «Тень»... его тут нет! От того мужик-двойник его играющий... чувствует себя немного скованно. Он тут единственный, кто знает что он — не он. Профессор то все таки реально думает, что они тут что-то решают! Пусть и чувствует себя... на утреннике!

— Да вы!.. Совсем... да ваша мать...

Хан в раш в вошёл, решил выплеснуть все, что он думает. Этот даже и не пытается выглядеть цивильно...

— Нам нужно Бородино! — выкрикнул кто-то тем временем на всю ивановскую и дальнейший мат татарина даже для меня скрылся из спектра слышимости.

— Что?! — раздалось в ответ на это.

— А причем тут ОНО?!?

— Детский садик тормазок. — тихонько прошептал я, а сидящий рядом адмирал едва заметно покивал.

Нет! Не он! Не дети! — увидел я как кто-то достал туфлю — Они так не могут! Не додумаются! Так только на родительском собраниях происходит! Если туда не пригласить

детей... Точно такой же балаган. Тут судьбы решаются, а они... эх! И уже не одного хана на маты понесло.

— Да я ваш дом труба шаталь!

— ЧТО?! Шаталка не выросла! Шатарин блин!

— Чурка узкоглазый!

— Я попрошу в мою сторону, не обзывать!

Стоп! Адмирал что, спит? С открытыми глазами? Кивая в такт время от времени? Вот хитрец! Эх! А ведь моя работа тут, по сути, выполнена. Я тут ни кто! И делать мне тут нечего. А... участников на предмет контакта с силой и ментальных закладок я проверил еще до того, как они все тут собрались. Так, штаны просиживаю, в облике мелкой пигалицы на собрании взрослых дядь.

Хм. Заметив меня, народ что-то стал как-то успокаиваться. Стыдно что ль стало? Или что? Неужели именно за этим, меня сюда и утолкали?..

— Так, значит, смена строя не предвидится?

— Да, думаю и одного референдума объединения, уже вполне достаточно как потрясения.

— Да, любые действия сверху, сделают лишь хуже...

Большая распродажа! — прочитал я громкий заголовок на первой полосе газеты, и перевел взгляд ниже первой строки, в надежде увидеть подробности — «*подробнее на странице 2*» — ну кто бы сомневался!

Уже завтра, в среду, состоится большой аукцион, какой только когда-либо видел мир! И на этот раз лотами торгов будут не украшения, и даже не недвижимость — страна! Уже завтра, представители всех стран мира съедутся к нам в Москву, чтобы приобрести себе кусочек от России.

— Ик. — икнул, и закрыл газету, неслабо её смяв.

Они и правда, так напечатали! — потер я переносицу — вот прямо таким текстом! Жесть. С другой стороны — столь толстый удар в лоб — сложно ощутить сразу. Сначала вроде как — подушка! Потом — в поглаживают что ль? А потом — а почему я в нокдауне?

И я хоть и могу предполагать, как на это известие среагирует народ — ни как! За шутку примят наверняка! Слишком уж... — но как оно там будет в реальности — не знаю. Газетка мне досталось прямиком из типографии, и людям на руки еще не поступило. Да и даже сами газетчики меж собой еще весть не перетрясли — поступила она им как раз к закладке на тираж, то есть вчера вечером.

А сейчас у нас — взглянул я на наручные часы на своей руке — четыре ночи. Оглянулся — три сотни человек, неторопливо проверяют акваланги. Костюмчики, оружие... Расплылся в кровожадной улыбке — сегодня будет ночь красных колпаков! Точнее скорее завтра... Правда вот одна из ключевых фигур — взглянул я на Нинель — поедет в ящике. И она об этом еще не знает! Наивная — вновь усмехнулся, и свернул в трубочку газетку, похлопывая ею по своей руке — идеальное оружие против хрупкой женщины!

Хотя, может все же лучше все же химией?

— Всё готовы? — вышел пред толпой контр адмирал тихоокеанского флота, что с нами не пойдет, но проводит в путь по традиции — Все проверили своё снаряжение? — взглянул он с особым пристрастием на меня, и пятерых парней за моей спиной, что обсуждали какую-

то нереальную херь, в виде того, кто, во сколько лет, впервые на горшок сел.

Снаряжение, о чем вы? — так и отпечаталось на моём лице, и я пальчиком одной руки, проверил пробку в дуле пулемета печенег, игрушкой весящего на моём плече в походном виде, а другой рукой и пальцем... зачем-то поковырялся в собственном ухе, оттянув с него наушник.

— Двухсотый, это второй — донеслось в этот момент голос главного у меня в ухе ином.

И я, приложив руку к наушнику, оказался вынужден отвернуться от адмирала, показывая тем самым, что мне звонят.

— Двухсотый на связи. — сказал я тихонько, хотя скорее пропищал.

И ели сдержался, чтобы не проговорить ехидно «Слушаю Босс!». Ведь номер «два» закреплен за командиром «всея всего».

— У нас проблемы. Профессор облажался.

Конкретней?! — уже хотел было сказать я, но в эфир влез... сам профессор.

— И ничего я не облажался! Меня просто... арестовали. Короче, деточка, я припрятал на углу Сибирской и Талихина приборчик... кроме тебя его там никто не найдет. Да и провода группы «В» даже с ним боюсь тоже не найти никому. Так что дуй туда рысью! Если не отрубить эту линию — все плохо кончится! — совсем расплылся профессор, аж задышав в трубку, и тут же отрубился, как видно вернув рацию обратно «куда-то в задний проход», чтобы его с ней на пару не спалили стражи порядка.

Или сокамерники.

— Ты его слышала. — сказал босс, и похоже тоже, отключил радиосвязь.

ЗА ЧТО?! — Взглянул я на окружающих людей, что проводят окончательную примерку формы, что особенно полезно трем из пятерых парней из моей команды бессмертных — они не умеют плавать! Точнее умеют, но не умеют дышать под водой без акваланга...

— Ааа! Как в этом вообще можно дыааашать! Аа!.. — провопил Максим, которого к этому моменту как раз таки, все же уговорили примерить акваланг заранее, а не уже перед выходом «в море».

— Не истери! — выписал ему затрещину другой бессмертный — Андрей, что наверняка бы орал не хуже Макса, но ему увы — акваланг не требуется. А потом он босс — Наверное, тебе придется посидеть в этом костюме пару часов тут на берегу, чтобы привыкнуть — У нас же есть запасные комплекты? — взглянул он на контр адмирала, и тот подтверждающий кивнул — Отлично!

— Ах, за что мне все это!..

Тут такое шоу назревает, а я... должен найти бабу! Мамка с дочкой сейчас еще сможет заехать в столицу! А вот папка-амбал — нет. Точно нет! Хм, и где эту бабу взять? Ладно, пойду трягну флотских, может имеют кого на примети. Чую состряпанный в спешке план штурма уже трещит по швам! И как же это хорошо, что мои ребята-снайпера уже просочились в столицу.

Бардак. — вынес я вердикт, блуждая полутёмным дворам вечерней столицы — Везде бардак!

В умах! В столице... нехилый такой бардак... как следствие общей разрухи, БТРов белокасочников, и тупо того, что профессия дворник давно мертва. Но! Было бы не все так печально, если бы я не ошибся насчет народа в своих суждениях! Люди все же вышли на

улицы! Пусть и... не массово, но стихийно, и это особо ничего не принесло.

Кроме еще большего количества бардака! Ведь под вечер демонстрации под общим лозунгом «что это значит!?» и веселые пострелушки граждан НАТО по мирным гражданам из боевого оружия... закончились, и люди — рассосались по домам. А вернее — попрятались в них.

Но это в общем по столице! В моем районе поисков, особых выступлений, и стрельбы, как бы и не было! А от того вступает в силу бардак иной — в головах! В нашем штабе... а вернее то, что за неделю состряпать мега план на коленке, учитывающий чуть ли не всё — это что-то нереальное. Даже настоящим гениям, что над ним корпели! Точнее у такого плана будет куча-кучная дыр, и одну из них я сейчас как раз и затыкаю.

Бабу мне не нашли, и пришлось бежать до столицы рысью, изображая из себя то оленя, то бегуна-спортсмена, а то и целы поезд сразу! Ведь самым безопасным оказался бег по железнодорожному полотну и вдоль него по кустам. Минимум народу — бомжи конечно есть, но они днем заняты. Минимум наблюдателей — железку утыкали КПП как и автотрассы, но обойти их вполне реально. Кратчайший маршрут! — летать я не умею.

Потому до столицы добрался я достаточно быстро. И даже нашел нужный приборчик в кустах, в пакете с мусором. Выглядит он, как обычный тетрис, но проф уже показывал мне его, как он работает и куда надо тыкать, чтоб работало, а потому я и не сомневаюсь, что это он, а не поломанная игрушка с потекшей матрицей.

Так, ведь? Так? Да... тут камень магмойдов в питающем. Очень маленький, но это точно не соленая батарейка! Эх... и почему я вообще должен этим заниматься? Искать эти провода где-то под землей на огромной площади?! Потому что больше никому! И только я могу совместить чуйку силы и этот... прибор! Но почему они не смогли найти колодец к кабелю связи тупо на какой-нибудь старой схеме!?

— Эй, малой! Есть закурить! — сроду не спросил, а воскликнул очередной гопарь, когда я, с видом побитой собаки и, уткнувшись носом в этот «тетрис», ввалился в очередной темный двор со «светлого» «проспекта».

— Не курю, нога болит. — пробубнил я себе под нос, и развернулся обратно, юркнув за угол здания.

— Эй! Мелкий... Слышь! — кинулся он следом, соскочив с перевернутого турника, как птичка с жёрдочки, где вместе с прочими «товарищами» только что сидел еще и на кортах.

— Слышь!.. — повторил он свою фразу, впорхнув за поворот, и уткнулся взглядом своего сгорбленного тела даже не в грудь, а в живот! Двести Пятого.

Ушло не менее полуминуты, чтобы неторопливо ползущий вверх взгляд утырка наконец достиг лица моего «охранника»! А потом еще секунд пятнадцать на осознание — что-то тут не так! А я за спиной у бугая прячусь. Да сюда уж его коллеги вон подтягиваются!

— Ты че такой здоровый? — только и смог выдавить гопарь, глядя на разминающего уже изрядно отбитые кулаки противника-мордворота.

— Эй! Ты че такой борзый! — оказался понаглее второй утырок, без страха глядя на мою охрану.

Вынимая из штанов ножик-бабочку.

— Уу! — протянул на это пятый — Сарыч! У них тут нож! Подсоби! — и из-за дома, откуда только что явились гопори, вышел еще один бугай, с очень уставшим видом, и злобным взглядом.

Двести Четвертый сегодня явно не в духе! Как вы все меня достали! — так и читается на

его уставшем лице, хоть ему сегодня «досталось» и не столь много разборок, как пятому — до этого роль второго выполнял нынче раненый Седьмой.

Ну а пока эти придурки вспоминали знакомые буквы, Пятый уже перехватил руку с ножом единственного вооруженного из прибывшей сюда четверки.

— Это я заберу! — сказал он, сжимая кисть с медвежьей силой.

— Ааа!

— Куда! — не отпуская первого, сделал подножку второму мой сторож.

«Сарыч» тем временем с наскака зарядил по харе еще одному, мгновенно отправив в нокдаун.

— Блин! Как бы не убил.

— Вы кто такие!?! Вы это... — пролепетал оставшийся — Марковы что ль? Или под Жоржем ходите? У нас если что, с ним никаких терок! — и сел на жопу едва не обосравшись — Мы вообще пацаны четкие! И границы блюдем! Ааа! — наконец заметил он меня, бродящего по округе всю эту «драку», все так же уткнувшись в приборчик, что выдает, по сути, какую-то белиберду!

— А че орешь то? — схватил и этого за руку мой подчиненный, в то время, как первый из гопарей, уже валяется рядом со сломанной рукой. — Тебе я руку еще не ломал.

— Мы не хоте... аааа!

— Вот теперь можешь орать.

— Ааа!

— Какие-то они совсем укуренные — проговорили мужики меж собой и взглянули на меня.

— Туда! — указал я во двор, и поплелся в указанном самим же себе направлении.

— Нашел! Воскликнул через миг, застыв на одной ножке, так как белиберда на экране, наконец-то стала тем, что мне понятно.

Той белибердой, что показывал мне профессор как «нашел!»! И оттого я знаю, что она означает — на месте мы! Примерно...

— Копать что ли?! — офигели бугаи, застыв по разные стороны от меня, глядя на обращенную в простую грудку обоссанного песка детскую песочницу, посреди которой я и застыл.

— Неси лопату! Вспомним детство!

— Два метра в низ, нам хватит!

— Кончайте шуточки шутить! — рявкнул я на это недовольно — Лучше ищите колодцы поблизости! Любые! Даже те, что открыты и благоухают сточными водами! Или... — я взглянул в сторону расположившейся буквально в пяти метрах от меня трансформаторной будке — Туда!

Пошел, по дороге чуть не упал в открытый люк... меня под ручки поймали два сопровождающих мужика с возгласом «осторожнее!», а проводов внизу не оказалось — я проверил! Я спустился! Хоть и не нырял. Зато вот в будке трансформатора — полно! А еще, после весьма продолжительных поисков, и поисков при помощи Силы, я таки смог найти шахту вниз, уходящей глубоко под землю, с люком прямо под гудящим трансформатором, прибывающего под высоким напряжением.

И глубоко, это гораздо ниже засранной и заросшей травой и прочей растительностью той ливневки! И по моему даже ниже большинства иных коммуникаций города, хоть и по-прежнему не глубже тоннелей метрополитена глубокого заложения. И как агрегат

профессора вообще смог найти это пересечение проводов в экранирующей броне?!

Хрен знает! Да и не хочу знать, если по правде. Я и так полдня убил на то, что бы эту херь найти, не смотря на наличие прибора, и знания примерного района поиска, всего-то в десяток дворов. И почему вообще ни на одной карте этот узел связи так и не был обозначен? Ведь новых кабелей новая власть так и не проложила, а старые... ай, не важно!

— Парни! Вы знаете что делать! — улыбнулся я с трудом протиснувшимся сюда мужикам, — ставьте взрыватели, и валите от сюда нафиг! — а сам полез наверх.

Но был пойман за руку одним из них.

— Уверенна, что сама доберешься обратно сама?

— Естественно. — улыбнулся я, обернувшись на них лицом со шрамом через глаз и щеку, видом одного из очень известных в узких кругах столицы авторитетов.

Лицом маньяка, что крышуют западники, но боятся свои. Одиночка, что любит мучить своих жертв прилюдно, но в сторону которого нельзя и подышать неправильно. Сынок какого-то западного олигарха, приехавшего к нам «отдохнуть и оттянуться». Непонятно почему так и не исправившего свою внешность пластикой! И он, правда, уж целых два часа как мертв, и отравляет воду в другом полузатоленном колодце городских коммуникаций. Он сильно ошибся, выбрав в жарту тельце того пиздюка, чей вид я принял.

Я не боюсь ответов! Хотя мне и пришлось менять одного из телохранителей на другого, так тот гад его все-таки пырнул того своим ножом, прежде чем я успел вмешаться. Навыки маньяка впечатляют... но это его не спасло. Я уже, давно и напроць, вне закона. И боюсь, скоро в этом мире моя персона по разыскиваемости станет на один уровень с "легендарным" адмиралом тихоокеанского флота!

Так, меня встречают. Я в километре от кремля, а тут уже патруль на набережной! Ну ладно хоть дождь под вечер соизволил разродиться! А то весь день стояла какая-то хмарь, и как понимаю, на завтра сделают хорошую погоду, но сейчас — как раз сбрасывают с небес лишнюю влагу! Вон, самолетика как суетятся выше облачков. Надеюсь, наше прихватили с собой ПЗРКА.

Так, как бы мне просочится тут меж патрулями? Ага! Вот окно! БЕГОМ! Есть! Нырок! ну, они заметили всплеск. Затаится! Затаится и ждать. Полностью скрывшись под водой, свернувшись калачиком на дне, не забыв заранее, еще на поверхности, выпустить из себя весь воздух. Ну а ил дна берегового... сделает мне неплохой камуфляж для дальнейших «приключений»!

Ждать... час. Два... блин! Опаздывают! О! Показались! Чувствую отклики Силы Надеюсь это не вражеские бессмертные? Нет, свои!

— Привет ребята!

— И тебе не хворать! Как там жизнь на суше?

— Да нормально! Мокро! — припомнил я накрапывающий дождик на поверхности.

Что нам, диверсантам плывущим под водой, явно на руку! Еще больше шансов затеряться!

— Отлично. — отозвались мне все так же при помощи силы, но уже от представителя другого отряда.

Ведь даже наши рации на камнях магмойда было решено использовать подле кремля только в самом крайнем случае! Ведь не ясно, какие средства обнаружение есть у врага! А Сила... если кто-то может её подслушать, то он же сможет нас засечь. И общайся, нет — одинаково вероятно. И в данном случае уже можно будет сворачивать всю свою деятельность, потеряв весь факт неожиданности.

Но я надеюсь, что мой план с отвлечением внимания владельцев Силы сработает! Ведь даже я, и тут... чую магмойда где-то не далеко. И мои собесмертовцы, что работают сейчас как живые рации для водолазов, пусть и с небольшой дальностью связи, позволяя координировать действия отдельных групп подводников, тоже чуют это. И не предупреди я их о том, что нужно терпеть... наверняка бы уже исчезались.

— Вторым пойдешь? Или замыкающей?

— Побуду в конце — сказал я и пропустил подводную колонну мимо, пристроившись в самый конец, на самый конец троса подводного буксира.

Все же грести ножками, без механизации, на такое расстояние, несколько десятков километров! Еще от подступов к Москве — нереально! Никаких ног на это не хватит! Даже бессмертные взвоят! Да они уже вон тихо стонут с непривычки болтания «рыбочкой» на тросе. Как же хорошо, что наши буксиры достаточно мощные, что бы утащить всю эту гирлянду.

Или нет? И потому опаздывают?

— Да нет, просто обходили патрули.

Ясно, ясно.

— А в остальном как?

— Да все по плану. Там все готово?

— Да, вполне.

— Патрули!

— Дофига!

— Как просочилась?

— Ну... я маленькая... — и на мои слова, плывущий вместе с нами эфиоп, что припер нам трофеем того маленького магмойда и что ростиком еще меньше меня — икнул прямо в поле силы.

Да, с ростом он не дружит! У него вообще... своя тактика жизни! Которой не позавидуешь. Живет лет двадцать, не более, зато боеспособен чуть ли не с рождения. А еще он твердый как кусок железа, и по характеристикам с ним схож. Не плавает, вообще — топор и то модуль плавучести имеет лучше! Там ручка деревянная! А потому ему не пасть на дно, позволяет модуль с воздухом — герметичный короб, в котором едет с нами спящая, и хорошо упакованная Нинель, что он тащит у себя под брюхом.

А вообще, хорошо что у нас есть Адмирал! А вернее, что у него есть люди, уже не раз проделывавшие нечто подобное, охотясь на натовские суда! Уже не раз болтавшиеся в воде не один час, поджидая добычу. Плохо, что на суше от них будет мало толку. Они, спецы по штурму кораблей, а не наземным фортам. И тут дело даже не в том, что они не знают местность, а банально в том, что привыкли к ограниченной численности врага, и замкнутости пространства. Отсутствию танков, тяжелого вооружения в трюмах, банально тому, что их в начале боя просто-напросто не ждут. А нас, так или иначе, ждать будут.

А потому с нами плывет вторая группа! Которой я точно не завидую. Спецназ. Что готовился к этому штурму давно! Но вот только даже болтаясь на хвосте балластом, многочасовой заплыв выматывает.

— Внимание! — проговорил головной бессмертный при помощи Силы — подходим к первой заставе. Всем остановится!

— Ребята, вы там уж не подкачайте! — ответил ему идущий следом вечный, но ведущий — промолчал, наверняка сейчас как раз выползает вместе со спецурой на корабль патруля.

Или нет? — и я чудом удержал внутри себя желание высунуть наружу, из воды, хотя бы нос, чтобы понять, что там происходит?! Каковы наши успехи? Что за корабль? Нельзя, нельзя высовываться!

— Корабль наш.

— Сетка прорвана. Плывите на мой голос, и не задевайте края решетки!

— Ух ты! Что ж, теперь я лидер... — донесся иной голос, и я узнал в нем воронежского Макса.

Тип, а вот и он... Впрочем, тут все «наши», все, кого нашли и кто боеспособен.

— Мы на месте. — донеслось от Андрея, что стал лидером сразу после Макса.

Что, всего два заслона? — усмехнулся я на это, и все-таки высунул нос из воды.

Да, и правда, стены кремля! А с другой стороны — патрули на набережной! Но они сюда не смотрят, да и... вообще никуда не смотрят, играя в карты вдалеке на лавочке. И безжизненные окна домов напротив центра столицы. И... пара теней, появившихся на «лужайке» пред стеной как из неоткуда, тут же исчезнув, скрывшись прямо меж зубцов крепостной стены.

— Это тут?

— Да, все верно. — проговорила еще одна парочка «мутных личностей» у самой кирпичной кладки, взявшихся там как из воздуха, и уже буквально обнюхав её носами.

Подал следом условные знаки тем, что притаились в воде, чьи маски аквалангов задраны к небесам, застыв четко на уровне водной глади.

Еще четверка парней в черном, минутная возня, и хоп! Никого подле стены уже нет! Пред ней стоит ширма! Тканное полотно, с нанесенном на неё рисунком кирпичной кладки. Качественное полотно, что тащили сюда парни-водолазы в герметичном тубусе! И благо, что хоть фотография кладки нашлась в закромах архивов начальства, и мне, или кому-бы то ни было еще, не пришлось пред самой операцией бегать подле сурово охраняемого объекта с фотоаппаратом.

— Чисто! — донеслось со стены, в то время как та пара вечных, что спряталась у неё за ширмой, уже начала резать кладку своими мечами.

Кирпич... а, пофиг! Световой меч все прорубит! Только это долго! Благо, что стена внутри полая, а мы заранее знали месторасположения датчиков целостности. И нам не пришлось долго искать подходящего места.

А то бы из плана бы совсем выбились! Итак отстаем! На целых десять минут... интересно, где сейчас вражеские бессмертные? Сработала ли наша приманка? Отключили ли связь из кремля иные группы? Сколько там вражеских солдат? Не ждут ли нас там с засадою...

— Чисто! — проговорили парни с передовой, и внутрь стены потекла настоящая река из одетых в черное людей. Столь быстро, и плавно, плотным потом, что даже и непонятно, что это отдельные люди, а не реально, что-то жидкое.

— Ширма готова! — отчитались ребята с той стороны стены, воткнув такую же занавеску как и с наружи, со стороны внутреннего двора кремля.

Еще пять минут томительного ожидания, и полуметровая кладка вынимается в восемь рук, оставляется в сторону внутри стены, а на территорию кремля, прорывается бурлящий поток из вооруженного спецназа. Тридцать секунд, и их тут их уже нет, разбрелись по территории.

Минута, две, и вот я уже добегаю до первой цели. Неприметный домик, в подвале которого прячется один из узлов связи. Там, походу, как раз сейчас заметили, что провода молчат. Что ж, обрадуем их!

Часть спецов отделяется, уходя на рисковую миссию, не просто по взятию, но и по удержанию данного объекта до тех пор, пока сюда не придут основные силы, что по времени уже должны были выдвинутся в сторону Москвы, но будут тут не раньше утра. Даже крылья под водой не дают той скорости, какой бы хотелось.

А я бегу дальше. У меня, и эфиопа с Нинель в коробке на спине, главная цель этого предприятия! Дума. А вернее спальный «домик», где они решили заночевать. Коротают ночку пред распродажей! Побоялись расползаться по городу, ведь там их могут и линчевать ненароком.

Их надо взять! Кого живьем, кого не очень, Нинель поможет! Но главное даже не они, а... один из военных в моей группе. Её командир! Пусть он сам об этом еще не знает. Народу нужен герой! И послужной список данного полковника всех вполне устроит.

Бывший генерал ФСБ, бывший пожарный, спасший немало жизней. Бывший полковник милиции... и тот еще умник, что на танках сеял картошку... в общем — то, что надо! Но он, пожалуй, слишком правильный! Что бы ему вот так в лоб говорить «ты будешь лицом возрождения». Он откажется! Но ни куда не денется, если прижмет, и это будет необходимо. Если доживёт конечно.

А вот и домик! Черт! Охрана! Первые выстрелы! Не наши — у нас глушаки! А вот у них нет... время пошло на минуты! Врываемся в здания, баррикадируя вход за собой. Вихрем проносимся по комнатам первого этажа, влетая на второй.

— Что!? Что происходит!

— А! Куда вы нас тащите!

— Заприте их здесь!

— Всем оставаться на местах! Некому не выходить из кабинетов! — некогда их тут собирать! По окнам уже стреляют, целясь в человеческие силуэты.

Врагу пофигу на наших министров! Они уже отработанный материал! А уж тем более им плевать на простые человеческие жизни. И для записи «торгов» хватит и пары рож. Да и — если уже случилось вторжение, нужны ли по-прежнему торги? Может у них на этот случай есть какой-то запасной план? Мы ведь не знаем.

Это все может быть ловушкой, но у нас все равно нет иного пути...

— Оу... — протянул я, почуяв кровь в одной из комнат, и не удержавшись, заглянув, нашел еще живого! Но уже практически мертвого министра спорта.

Он единственный из текущего правления, кто поддерживал... нет, не нас! Он о нас не знал! Но страну. Делая всё, в пределах своей компетенции, всё, для спортивного развития граждан. Тот, благодаря кому я и проводил свои махинации с переодиванием. Но... кому-то это видимо надоело. И сейчас этот наполовину лысый мужик, хоть и никогда лысым не был, сидит с поникшей головой на стуле, к которому привязан проводами, находящимися под напряжением.

Запекшаяся кровь на нагретом металле, говорит о том, что кто-то не правильно представляет себе электростул. И так человека скорее можно зажарить, чем убить током. А вот с ножиком этот кто-то... нет, тоже не дружит. Куча мелких колотых ран, неглубоких порезов... министр тупо истек кровью! Хотя точнее... да, истек. Он еще живой, но фактически уже мертвец. Мозг уже мертв, но его душа... по-прежнему тут.

За что он так цепляется? Да, понятно... спи спокойно. — и издав свистящий звук, человек наконец покидает этот мир в направлении иного.

Звук бьющегося стекла, а очередь тяжелого пулемета проходится по потолку, и не только коридора, но и комнаты где я стою. Судя по звуку — бронетехника подкатили! В ответ на это, с нашей стороны, одно из окон одаривает владельца пулемета противотанковой гранатой.

О какой меткий! — восклицаю я внутри себя в ответ на мощный взрыв — никак боеукладку БТРа подорвал! Или это был бензобак?

Баррикадируем все входы, и часть окон, лениво отстреливаемся, в ожидании, когда они подтянут танки... плотность огня по нам резко падает, а со стороны улицы, слышатся новые взрывы и пальба, но уже не в нас. Нерусская брань и крики «Вперед Серёга! Я прикрою!».

Наши! Рановато что-то! — взглянул я на часы. Не усидели? Сейчас главное зачистить тут все до того, как сюда придут основные силы из аэропорта и города! Окопаться до того, как мы вновь окажемся в меньшинстве.

— Спокойно ребята — осматриваю моих бойцов, услышавших крики своих с улицы, пожелавшие тут же начать действовать — Мы еще не победили! И все еще в тяжёлом положении. Без резких движений, действуем по плану.

И может это для них и прозвучало дико и странно, ведь я тут, опять маленькая девочка! Но — они сейчас видят во мне бойца, им равного, а вовсе не то, что мне на вид уж больно

мало лет. Хм, только вот с ними уже нет Сергеева.

Один этаж, второй... еще! «крепость» взята! Распаковываем Нинель, ведь не зря же мы ломались сюда столь быстро, не давая министрам утечь прочь в неразберихе! Даже один из них может потом немало крови попортить, начав пиццать из-за бугра, о несправедливости!

— Так Нинель...

— Что, что происходит?! — очнулась девушка мгновенно, стоило только ввести антидот снотворному.

Начала озираться по сторонам, в панике, не понимая, что вообще тут происходит. Была на базе, потом тьма, а тут... хоромы... пусть и неслабо потрепанные.

— Нинель, помнишь, о чем мы говорили? — улыбнулся я, настраивая девушку на позитивный лад.

— Меня твоей улыбкой не пронять — прошептала она тихонько — и внешностью. Тоже. Я знаю, что ты гаденькая баба.

— Что сказала?!

— Не-не! Ничего! Помню! Конечно, помню! Внушить человеку, что есть на него у нас страшный-страшный компромат!

— Ну вот! Вот он тот человек — бросил я к её ногам слегка побитого министра. Без сознания, и... по сути, расходный материал! Ведь конкретно этого ублюдка, я лично, в живых оставлять и близко не планирую.

— Ох... — сморщила носик девушка — Какое крепкое сознание!

— И к лучшему — улыбнулся я и в одно движение свернул человеку шею.

— А! Я же... я же могла! Могла ему внушить! За... — опешила модам, глядя на меня.

— Не переживай! У нас найдется для тебя целый вагон подобной клиентуры.

Я просто выбрал самого мерзкого, чтобы проверить, на всех ли проканает хотя бы столь простая лож. Что ж — нас ждет большая работа! Разделять и властвовать, приводить «на собеседование» по одному министру, и укладывать после штабелями.

Арх! Бессмертные вернулись! — стиснул зубы я до крови, отвернувшись в сторону, чтобы не напугать Нинель.

— Что-то случилось? — все же заметила она, промывая мозги очередному клиенту, видать увидев как у меня волосы под париком зашевелились.

— Ничего, продолжай. — улыбнулся я и взглянул на эфиопа — Последи за ней!

И получив ответный кивок, выскочил из зала заседания. Ведь судя по звукам, военные действия там, на улице, временно прекратились! Враги, как видно, стягивают силы! Собирают в кулак разрозненные группы... о курва! — увидел я огненный факел за стеной кремля, чадающий дымом на всю столицу — нет у нас больше корабля в прикрытие!

Авиация постаралась! — проводил я взглядом две натовские птички, прошедшие на бреющем низенько-низенько над кирпичными стенами. — но зря они столь низко опустились! — улыбнулся вспыхнувшей розочкой самолету, сбитому всего на всего одной ракетой ПВО. Второму, правда, удалось уйти, выписав красивый пируэт.

Ненадолго! В него пошли еще ракеты! А по стене, откуда велся огонь по небу, вдарили НУРСы от второго звена... наземка тем временем собралась в кучку, и сейчас пойдет в атаку. Хо! Да у них там наш брат в голове процессе! Под их эгидой оставшиеся силы и собрались вместе! И у нас тоже есть вечные! Стенка на стенку! Махачь! — и я растекся по подоконнику окна, с выбитым стеклом, весь обратившись в слух и зрение, слушая и

наблюдая, за этой поистине забавнейшей картиной.

Куча спецназа у нас, куча спецназа у них, идут от угла к углу, от стенки к стенке, контролируя каждый сектор обзора. Бессмертные, что имея такую мощную поддержку за спиной, почувавшие себя чуть ли не всемогущим, напротив, вышагивают как короли.

Наши, что уже вошли в раж битвы, за прошедшие несколько часов махача. Их, что разошлись за время «гонки за призраком» и жаждут действия! И... вот они встречаются — нежданчик.

Люди направляют друг на друга оружие, но видят, кто стоит впереди смертных. Те, на кого можно убить не один рожок автомата... в общем явно не простые солдаты! Люди, которых тут быть не должно! Без масок, «на расслабоне», в блеклой одежде, но явно не форме. И что наши что нет знают, что у бессмертных меж собой, особые отношения.

Затишье... что мне даже от сюда, сотни метрах по земле и десяти вверх, хорошо слышно как скрепит кожа перчаток на рукоятках автоматов.

— Ну это! Пойдем, выйдем, поговорим. — говорит Андрюха с нашей стороны.

По-русски, но его слова дублируются в силе.

— Да, пусть детки сами тут развлекаются. — улыбнулся тип с их стороны, ответив по-английски, но так же продублировав силой.

И восемь человек, спокойно отходят в сторону, оставляя оставшихся, самих разбираться в своих проблемах. Мгновенье, другое, и... пальба! Не бессмысленная и беспощадная! Отточенная, меткая! У каждого к этому моменту уже была своя уникальная цель, и, по сути, первые ряды мгновенно умерли, забрав с собой аналогичное количество с противоположной стороны. Последующим повезло чуть лучше, но тоже — шансы отступить за укрытия были минимальны.

Неразбериха... и мне пришлось убрать свой нос с подоконника, пока не получил себе в лобешник.

— Бессмертные... — икнул я, качая головой, спиной оперившись о батарею — Мы никогда не меняемся!

Стоим в сторонке при любой возможности, по итогу выбирая сторону победителя.

За окном что-то вновь мощно взорвалось. Кажется, это танк. Но возможно и самолет, высовываться я туда уже точно не буду.

— Это что такое?! УБРАТЬ! — говоря по русские, но с диким акцентом, проорал хорошо выбритый мужчина, на небритого, с щетиной.

На пожарника, копошащегося у своей машины, нетерпеливо выпрыгнув из своего броневика. Что еще пару мгновений назад лихо летел сюда по очищенных от любых посторонних дороге. А тут — затор! Пожарные драндулеты дорогу поперек перегородили! Не объехать! Да и не обойти даже!

Как они вообще четыре машины втолкали бампер к бамперу, капот к капоту, в одну линию, четыре немаленьких машины, тем самым полностью перекрыв собой проспект?! Там, меж здания и машиною — не больше метра! А меж самих машин — и человеку не протиснутся.

— Но... вы же сами приказали перегородить улицы! — похлопал глазами мужчина с щетиной, являющийся начальником пожарной части, что вынужден торчать тут со всем

оборудованием, когда пол города полыхает, в то время как человек, что его это делать заставляет — иностранный интервент, что на него сейчас еще и орет.

— УБРАТЬ!

— Но!..

— ЖИВО!

— Но мы-ж только колеса спустили, — указал мужчина на спущенные по самые диски все двенадцать колес большой пожарной машины.

— Ахххр! ДАВАЙ НАКАЧИВАЙ ЖИВЕЕ! — проорал на него этот явно спешащий и пожар тип иностранной наружности, натурально наседавая, и заплевывая лицо слюной.

— Хорошо — буркнул тихонько пожарник, вытирая брызги рукавом огнезащитного костюма, и обратился в сторону кабины автомобиля — Леха! Заводи! Врубай подкачку.

— «Чур-чур... чур...», «Чур-чур... чур.» — издало подкапотное пространство агрегата и, пощелкав чем-то пару раз после, обидчиво затихло.

— Не заводится! — высунулась из окна водительского места морда такого же небритого водилы.

Еще совсем молодого пацана! Но на лице которого уже отпечатались вся боль мира... однако сейчас, почему-то, если сдерживающая улыбку.

— ДА ВЫ! — вновь рявкнул вояка заграничных сил, доставая пистолет и приставляя его к кадыку пожарника.

Но тот от такого даже не пошевелился. Привык! Не напугаешь! И без толку смотреть в глаз, и отбивать ноком ботинка чей-то марш. «Стреляй, если хочешь» — так и читается в глазах уже видевшего всё борца с огнем.

— Продажные женщины... — сказал этот нетерпеливый, похоже не найдя среди русских слов подходящего мата.

Взглянул на второй автомобиль, поставленный в упор к капоту первого... и второй автомобиль, издал мотором ту же песню.

— Аккумулятор небось сел! — выдал с трудом сдерживая нагло ползущею на лицо улыбку водитель первой машины.

— Небось... — проговорил их главный, все так же стоя «на ковре» пред начальством, и указал пальцами в небо — Вода попала — и небо в этот миг, словно бы соглашаясь с человеком, уронило на его пальцы по крупной капле жидкости.

Хотя дождь тут был не сильным, и не долгим, и вряд ли мог навредить таким машинам, как эти.

— СТЕНЛИ! — рявкнул военный, обернувшись к своим, уже образовавшим настоящий затор из броневиков пред баррикадой из пожарных машин, и перешел на английский — У тебя шланг есть? Да? Короткий? Подъезжай ближе!

— А может тупо сдёрнем их нафиг?

— Или расстреляем.

— Гы-гы-гы-гы! — послышался дружный ржачь, ведь нет ничего лучше, чем стрелять по безоружным.

И пожарные это понимают, как и знают английский. Его знание в столице основное для пожарного! Сразу после физической годности. Они прекрасно знают, что нарываються. И... готовы к этому.

Когда их, через одного их бывшего коллегу, попросил устроить тут баррикады один очень хороший человек — они почти посмеялись. Они не смертники! Хотя и задумались.

Когда их попросили об этом коллеги из других городов — задумались всерьез. И решили рискнуть — ведь что они теряют кроме собственной петли? Ведь на тот момент они уже получили приказ от иностранного начальства, перекрыть своими машинами все боковые съезды на проспект, и стоять там два дня, игнорируя все вызовы.

То есть пожары! То есть человеческие жизни... ради чего они тут все работают! И ради чего их тут всех содержат, ведь даже интервенты понимают необходимость пожарной охраны. А потому у них хорошие машины, нормальное снаряжение, большой штат, и... разные люди. Им нередко поступают приказы не тушить тот или иной дом, или тушить, но только после того, как в нем прогорит, скажем первый этаж целиком. Не все могут с подобным смириться.

Но сейчас... сейчас вся их бригада дружно ржет, пусть и большинство делает это только в душе. Ведь пусть и до сих пор не ясно, куда это так сорвались НАТОвцы, словно в жэпу ужаленные и на пожар, но их разгневанные лица, и безуспешные попытки накачать проткнутые колеса — видеть по-настоящему приятно. Это месть за всех тех людей, что сгорели в пожарах сегодня!

— Стенли! Льюис! Останетесь! Остальные — в объезд! — отдал приказ лидер захватчиков, и уже сам начальник пожарной части не смог сдержать выползшего на лицо улыбку.

Пусть побегают! Пусть поищут! Сами ведь собрали со всего города всю тяжелую и строительную технику для баррикад боковых съездов с центрального шоссе.

— перевяжите раны, пока есть свободный час! Кому не надо — проверьте баррикады. И за окнами поглядывать не забывайте!

О! Сергеев! — улыбнулся я, заглянув в соседнюю с комнатой мозгомойкой — Живой! А то я уж было тебя похоронил! Не увидев среди меня сопровождающих людей. Нам как бы было положено разделить, но... пошли сюда, тебя ждет работа!

— Товарищ Двухсотая? — заметил он меня, и обернулся.

— Хм, — хмыкнул я и улыбнулся.

Получив через силу ответ, что линия связи готова, что наши парни на останкинской телебашне, уже взяли под контроль ретрансляционный центр. Мы готовы вещать разом на всю страну! И даже чуть-чуть за её пределы. Наши основные силы уже на подходе к столице! А если и нет, и если что-то там случилось — это уже ничего не изменит.

— Сергеев, ситуация тяжелая, и нет гарантии, что мы уйдем отсюда живыми. Даже я. Но стране нужен герой! Мы должны любой ценой предотвратить гражданскую войну, призвав граждан к мирному решению проблемы. Я не буду говорить Вам, что вам говорить на камеру, думаю, с текстом вы справитесь и без меня, но дать народу шанс пойти за вами — моя обязанность.

— Граждане, товарищи, братья... — проговорил с экрана телевизора знакомый далеко не всем человек, но зато на всех каналах разом, прервав собой всю сетку вещания разом.

Проговорил, и слегка замелся. Стала сразу видно, что толкать речи на публику — это все же не его. Не столь большую! Не перед камерой! А начиналось все так, будто в эфир вышел какой-то типичный политик с десятки раз отрепетированной речью. Тот, что не

первый раз с трибуны выступает.

— Меня зовут Сергеев Дмитрий Петрович. Бывший полковник милиции, бывший глава отдела по борьбе с международным террористом ФСБ, доброволец армии России. Хотя большинству из вас я, наверное, известен как пожарный «дядь Петро». — человек неловко улыбнулся и вновь замялся.

«Подвиги пожарного» его явно стыдят! Он не видит в них ничего геройского, но, в тот момент времени, пропаганда СМИ, нашла их весьма красочными и живыми, достойными эфирного времени. Тем более что и снимать, подстраивать, ничего особо не нужно! Достаточно подговорить, чтобы бригаду Сергеева отправляли в самую жопу — и вуаля! Четкие командные действия, в купе с полным бесстрашием, а иногда и — молодетская безбашенность командира, что резким прорывом сквозь рискуя собой, спасает чью-то жизнь, сделают им ролик за присест!

Навесить камеру на каску пожарного — и не надо никому рисковать, забегая следом в огонь и дым — сами пожарные не в счет. На пожарную машину — и вот хороший обзор из-за её высоты! И зрители полюбили эти ролики! И все бы было хорошо! Телестудии уже считали бабки, но!.. тут видео попала западным аналитикам в лапки — они хотели сделать из него нарезку для своих роликах «о ужасах огня в России», и неожиданно обнаружили числившегося в «черном списке» человека буквально «на первой полосе» всех представленных видеоматериалов.

Пожарника тут же выперли с позором, хотя народ от него точно не отвернулся. И заваливал письмами с требованием вернуть, как министерство, туда слали письма те, кто знал, что Сергеева уволили — общей огласки это не придавалось. Так и тупо телестудии — почему прекратили снимать?!

— Эх, друзья! — вздохнул и улыбнулся человек.

От чего вдруг его зрителю резко стало заметно, насколько же глубоко усталые глаза у этого человека! А еще кровь на военной форме без погон. И пара дырок от пуль, в казавшейся ровной бежевой стене кремлевских палат...

— Как насчет того, чтобы не быть зависимым от запада? Как насчет того, что бы вновь объединить страну? Давайте проведем референдум.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net